

**НАТ
КАСС**

ТЕНИ ПРОШЛОГО

2017

У некоторых легенд нет начала. Не потому что какой-то неизвестный рассказчик глубоким зимним вечером не смог его вспомнить — просто оно и не существовало никогда. И не могло существовать. Оно затеряно среди хитрых сплетений времен, судеб, поступков и их неминуемых последствий. Легенда, в которой воедино сплетены юмор и ирония, мораль и размышления, дружба и любовь, невероятные решения и власть обстоятельств. Легенда, в которой магия и путешествия во времени становятся повседневной работой, где сущность времени ставится под вопрос, непобедимым врагом может оказаться отнюдь не человек, а один-единственный выбор безвозвратно изменяет всю историю. У некоторых легенд нет начала. Но именно с этих слов рассказываются Легенды забытых времен. Итак, пять минут и одновременно триста веков назад...

Бессвязные выдержки их записей разных Эр. Найдено в коллекции Винтуона.

Несколько строчек из письма молодому Роберту Гаррену, будущему известному писателю тех времен. 1815 год Эры Великанов.

Честно говоря, я немного поражен, Гаррен! Значит, наш разговор будет весьма интересен. Сначала он покажется тебе странным, но, на самом деле, тема очень важна. В прошлом письме ты написал мне, что не веришь в сказки.

Знаешь, что я тебе отвечу на это?

Зря, очень зря.

Потому что вера в сказки, вера в чудеса — порой, та самая вещь, необходимая. Которая помогает выжить в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях.

Из личной переписки хозяйки поместья Алавор. 10920 год Эры Канавеонов.

Дорогая Ханни!

Все те загадочные события в твоём доме... они восхитительны!

Знаю-знаю, ты в замешательстве и немного испугана. Но они настолько интересны! Загадки всегда прекрасны. Они заставляют думать, думать всегда.

Любой маг должен думать. Без этого никак, сама же ведь прекрасно понимаешь. И у тебя есть такой прекрасный повод. Просто поразмышляй, посмотри повнимательней, и ты сразу же все поймешь.

Я всегда считала, что жизнь не так проста, как кажется. Все в ней взаимосвязано, не так ли? Случайности никогда не были случайными.

Ладно, прости меня за мою ненужную философию. Я просто напоминаю тебе, что разбираться во всем этом, на самом деле, не только необходимо, но и очень интересно!

Несколько строчек из дневника одного из бывших учеников первого Ковена Магов. 2013 год Эры Единорога.

Тогда нам сказали: найди себя.

Тогда нам сказали: да, временами это будет сложно, даже очень. Но ты должен это сделать. Потому что без этого никак. Потому что это — та самая первая ступень, необходимая для любого мага.

Тогда нам сказали: найди себя и постарайся себя понять. И ты удивишься, сколько всего невероятного тебе откроется.

Живи в мире с собой. Будь тем, чего просит душа. Все равно ее не переспоришь.

Наставление наследному принцу Ровену от умирающего отца. 821 год

Эры Сверхновой.

Проблемы всегда были и всегда будут, Ровен. Но не совершай глупой и, к сожалению, крайне распространенной ошибки. Не вини в проблемах других людей.

Борись. Не сдавайся. Ты можешь все исправить. Но помни, что ты никогда не борешься с людьми — ты борешься только с обстоятельствами.

Ты никогда не сможешь изменить людей. Да и ты не в том положении, чтобы на это даже надеяться. Такая мысль стала бы непростительной ошибкой, вызывающей неоправданное, неправильное высокомерие. Зато в твоих силах изменить обстоятельства.

Приписка на отдельном листочке, написанная большим, уверенным почерком: Ребята, мне кажется, все эти записи заслуживают отдельного внимания.

Рифард

Глава 1. В каждой сказке есть доля сказки

Пять минут и одновременно триста веков назад мы с Крисом стояли на холме и смотрели на руины уже к тому времени достаточно древнего замка. В нем некогда жила семья лордов, примечательная исключительно одной своей представительницей. Ради нее-то мы там и оказались. Однако умудрились ошибиться небольшим промежутком времени, равным примерно тысяче лет.

— Альвер?

Я удрученно взирал на свои записи в блокноте и никак не мог понять, что именно там было не так. Пятьдесят строчек разнообразных рун, разобрать которые, в общем-то, уже представлялось довольно большой проблемой для неискушенного обывателя, теперь и для меня слились в одну неразборчивую полоску.

— Альвер!

Какая-то из них точно написана неправильно, но какая? Одна тысяча лет, на самом-то деле, не особо большой промежуток времени. Сравнительно даже с тремястами веками — а мы ведь были и в более дремучей древности. Но, конечно, в наших исследованиях подобный, казалось бы, небольшой недочет мог испортить фактически все старания.

— Альвер!!!

Кажется, меня кто-то зовет.

Ах, да.

— Чего тебе? — вполне дружелюбно отозвался я.

— Тебе не кажется, что что-то пошло не так? — вкрадчиво спросил Крис. Странно, что он даже не стал тонко намекать на мою легендарную способность не слышать собеседника даже в тот момент, когда он стоит в полуметре от меня и отчаянно пытается воззвать к моему сознанию. А минут через пять и к моей совести, наличие которой временами даже ставится собеседниками под сомнение.

— Отличное наблюдение, друг, — я продолжал переворачивать страницы своего блокнота в поисках ошибки — Именно сейчас я пытаюсь это исправить. Так что попрошу не...

Фразу я так и не говорил, потому что, кажется, наткнулся на то, что искал. Руна «нотэ» оказалась нарисована как будто в зеркальном отражении. Вот!

Стоп. Это что, я удосужился так ее нарисовать? Почерк-то мой. О, драконы, о чем я тогда думал, раз допустил настолько нелепую ошибку?! Даже представить себе страшно, на самом деле.

Напарник, уставший ждать более адекватной и соответствующей случаю реакции с моей стороны, закатил глаза и с размаху захлопнул мой блокнот прямо у меня перед глазами. Я хотел громко возмутиться, но Крис успел заговорить первым:

— Нет, Альв, я все понимаю, ты у нас опытней, старше и так далее, но, похоже, молодому мне придется оторвать тебя от твоего увлекательного занятия.

На самом деле, Кристон младше меня всего на год — тем не менее, он постоянно настойчиво утверждает, что год для разницы в возрасте — это невообразимо много, чем всегда пользуется в ситуациях типа «я младше, значит, ты должен мне уступить». Ну, или в ситуациях наподобие сложившейся в данный момент.

— Дай уж старичку отойти от вселенского потрясения, — усмехнулся я, имея в виду все

ту же отзеркаленную руну.

До меня потихоньку начало доходить. Тем временем, мой напарник воодушевился уже и этим достижением и продолжил наводить меня на правильную мысль:

— Настоятельно советую тебе оглянуться по сторонам, старичок — сказал он с ехидной улыбкой.

Ох, как повезло, что он хорошо меня знает и понимает, как заставить меня хоть что-то сделать не так, как этого хочу я, а так, как все-таки того требуют обстоятельства.

— Ох, — повторил я уже вслух.

Пейзаж оказался немного не таким, как я того ожидал; естественно, из-за моей внезапно возникшей страсти к разглядыванию нарисованных на бумаге завиточков, я не заметил и этого. По идее, мы с Кристоном должны были оказаться в нашей, с позволения сказать, лаборатории, заваленной всяческими документами, свитками и древними реликвиями вперемешку — но только по идее. На самом же деле мы находились посреди пустыря, а я благородно восседал на холодном камне, даже не замечая его температуры и думая, что размещаю свое тело в своем же теплом и уютном кресле.

— Ох.

— Ты не слишком-то оригинален, — заметил Крис.

Я оглянулся по сторонам, пытаюсь оценить степень передраги, в которую мы угодили, и только тогда мне в голову пришла первая трезвая мысль. Неплохо бы ей было появиться там еще несколько минут назад, но трезвые мысли — штуки весьма и весьма привередливые, кому попало просто так в голову не приходят.

Собственно, как и мысли вообще.

Для начала нужно хотя бы внимательно осмотреться — вдруг удастся найти характерные признаки времени, а ими могло послужить, в принципе, что угодно — растения, животные, камни, осколки какого-нибудь разбившегося предмета. Одним словом, все, что каким бы то ни было образом указывало на принадлежность к определенной исторической эпохе.

— Крис, как ты думаешь, — задумчиво начал я, — Где именно мы оказались?

Кажется, мне нужно объясниться. После не такого уж успешного путешествия на триста веков назад к замку Арвейм, упомянутому ранее, мы с моим коллегой, напарником и одновременно одним из лучших друзей по обоюдному согласию решили вернуться в нашу лабораторию, найти ошибку в расчетах и радостно вернуться обратно с целью все же завершить начатое задание. На этом сошлись, прекратили милую дружескую перепалку, которая предстояла сему мудрому решению, со скоростью света собрали свои немногочисленные вещи и начертили руну возвращения. Однако Временной Ураган не согласился с нашими планами и своевольно унес нас... а куда — уже совершенно другой вопрос.

Который нам для начала и предстояло решить.

Ураганы — вообще непредсказуемые явления, такой уж темперамент им достался от природы. Временные Ураганы — тем более. Но они еще и жутко-жутко требовательные. Им подавай точные математические расчеты, географические и исторические координаты, всевозможные физические данные и, что для некоторых людей могло оказаться самой большой проблемой, правильный, энергетический заряд, который позволял Урагану действовать. А требовательность и непредсказуемость в одном флаконе — довольно-таки ядовитая смесь, особенно для тех, кто каждый день имеет с ней дело.

Я в свое время научился договаривать с Ураганами. На удивление, быстро. Думаю, техники назвали бы наши Ураганы машинами времени, однако обозвать их устройствами язык поворачивался далеко не у всех, кто имел с ними дело. Вихрь чистой энергии, засасывающий и уносящий в прошлое, абсолютно не походил на псевдоинтеллектуальную механическую аппаратуру, а ведь именно в таком виде люди обычно представляют себе пресловутые машины времени.

— Где мы оказались — вопрос довольно легкий, Альв, — ответил Крис, бегло осматривая окрестности, — Арвейм все еще тут. Другой вопрос — когда мы тут оказались.

Замок стоял там же, где и стоял...не всегда, конечно, но то, что веками — я могу сказать точно.

— Вот только не вздумай издеваться над моей внимательностью.

Напарник мило улыбнулся. Излишне мило, на мой придирчивый взгляд.

— Боюсь, не я это сказал. Но, если ты уж начал...

— Криииис, — в шутку нахмурился я. — Я правда заметил.

— Да, это было крайне убедительно. Теперь я естественно тебе поверю, что мне еще остается, с твоей правдоподобной... выражением лица.

Я рассмеялся и не стал ничего отвечать. Уж на то, чтобы не заметить такое, не был способен даже я. Правда-правда.

Не изменился даже ракурс обзора: мы все еще стояли на том же холме, с которого хотели переместиться обратно. Что изменилось — так это время суток. Помнится, целых десять минут назад мы растворялись в жаркий солнечный полдень, теперь же видневшаяся поблизости планета Альфред, появлявшаяся только в темное время суток, и звездное небо свидетельствовали о том, что в ту же самую точку мы не вернулись определенно.

Во мне стал просыпаться авантюризм. В конце концов, не для того я согласился пойти работать историком-исследователем в «Тайфун», чтобы потом пугаться любой возникшей трудности — между прочим, не такой уж и большой. Могу с уверенностью предположить, что Крис, веселый, оптимистичный, весьма жадный до приключений Крис, просто физически не был способен воспринимать окружающую действительность как-либо иначе.

По крайней мере, мы думали, что возникающая трудность не такая уж и большая.

Тридцать тысяч лет назад лорды Арвеймы, далекие предки которых приказали построить замок и назвать его, конечно же, в честь себя любимых, ни за что бы не согласились пустить к себе двух непонятных путников, которые вряд ли смогли бы достоверно доказать даже свое объективное существование. Такое уж в то время тут жило поколение, крайне и крайне недоверчивое. С другой стороны, мы ведь и правда не существовали в то время, а имеющиеся доказательства — сотворенные в нашем кабинете или уже успешно позаимствованные из этой же временной эпохи — могли быть легко проверены достаточно сильным магом.

Правда, Мелори Арвейм, их дочь, в тот год еще совсем маленькая, позже предаст доверие своих излишне осторожных родителей (по всей видимости, очень устав от постоянной опеки) и сбежит из замка в неизвестную сторону. Как говорится в учебниках истории, даже сильнейший местный маг не смог ее найти, хоть и применил все свои силы. Доподлинно известен лишь тот факт, что девочка не обладала практически никакими магическими способностями и просто физически не могла скрыться от глаз одного из сильнейших магов своего времени. Умерла ли она, сумела с чьей-то помощью переместиться в другой мир или умудрялась скрывать ото всех неординарный талант колдовства на

протяжении долгих лет — никто не может сказать с большой долей достоверности. Мы с Крисом и должны были это узнать, с помощью Урагана отправившись просмотреть прошлое, однако совершили досадную ошибку, перепутав временной виток, и оказались на том же самом месте всего лишь на тысячу лет позднее, чем должны были. Несмотря на то, что люди могут жить и дольше, леди Мелори к тому времени уже бесследно пропала.

Однако мы оказались неизвестно когда — и вдруг нам повезло? Например, мы вполне могли оказаться тогда, когда нам нужно было изначально; при условии, конечно, что мы редкостные везунчики. В любом случае, мы не имели никакого морального права не спуститься и не проверить, кто сейчас живет в замке Арвейм и можно ли у нынешнего хозяина разузнать что-нибудь интересное.

Белые пятна истории, особенно в мире магии, одна из самых интересных и загадочных вещей. И до появления тут Рифарда Хайта, нашего шефа, заниматься их изучением было невозможно — да, даже в условиях существования магии. Я бы даже сказал, тем более в условиях существования магии.

Но для гениев вроде найта Рифарда не существует слова «невозможно». Во многих ситуациях, когда мы говорим «нет, это невозможно, потому что невозможно», шеф всегда уверенно утверждает, что для разрешения проблемы нужно только удобно сесть с чашечкой чая, хорошенько подумать, посмотреть на ситуацию с другой стороны и потом, всего лишь, — без особых усилий сделать невозможное.

После подобных вдохновенных слов, естественно, гонит на выполнение задания, которым самому заниматься не особо хочется.

— Кажется, время года тоже изменилось, — заметил я, кутаясь в атту, — Сейчас холоднее, чем мы рассчитывали.

Крис молча подтвердил слова, извлекая из рюкзака свою атту потеплее.

— Пойдем, чего тут стоять, — сказал он.

Чтобы дойти до замка, нужно было спуститься с холмика и пройти еще некоторое расстояние по лесу — развлечение часа на полтора, не меньше. По обоюдному молчаливому согласию мы решили заниматься именно этим; тем более, другого выбора не было. Ходить пешком мы привыкли: бурная молодость учеников Королевского Высшего Университета повлекла за собой определенные, положительные для нас, последствия. Про Высший Университет, конечно, можно рассказывать веками. Особенно, если учесть, что учеба в нем проходит на протяжении тридцати лет — тьфу, всего ничего, по сравнению со средним сроком жизни в нашем мире. Однако в остальных высших заведениях учатся лет по пятнадцать; а нам же приходилось еще и очень много бегать, вдобавок, по весьма разнообразным причинам. Ну и подумаешь, что мы не боевые маги, а всего лишь историки магии, специальность мастеров Университета не интересует совершенно: они учат высоким уровням магии абсолютно всех, будь то и маги в королевскую гвардию, и травники. Позже я оценил их старания по достоинству и даже искренне поблагодарил преподавателей, заставлявших меня учиться чуть ли не сутками, потому что подобная дрессировка не раз спасала мне жизнь на моей внезапно появившейся работе — работе, между прочим, даже по специальности, хотя в пору студенчества рассчитывать на такую я не мог совершенно. Хотя бы потому что тогда ее и не существовало.

Кстати, про работу.

Может быть, как раз из-за этой бешеной подготовки Рифард выбрал именно нас, когда искал, кого бы припахать к своему новому развлечению — созданию коллегии «Тайфун»,

где мы сейчас, собственно, и тратим все свое время вместе с выходными и праздниками. Не могу сказать, что это меня расстраивает, более того — совсем наоборот. Но шеф, заботясь явно о том, чтобы я не мозолил ему глаза сутками, каждый вечер выставляет меня за порог и чуть ли не пинком выгоняет домой; впрочем, иногда я прихожу обратно в коллегия через час, не в силах сидеть дома, занимаясь абсолютно ничем.

К слову, после испытания наших магических способностей, найт Рифард скептически поморщился и сказал не особо воодушевившую меня фразу: «Вот какие талантливые молодые люди, а эти бездари из Университета даже их умудрились испортить». Через огромный срок — минутой, которая показалась мне, ну, не скажу, что вечностью, но часом так точно — шеф договорил: «Но не отчаивайтесь, ребята, это можно исправить» и улыбнулся. Помнится, тогда я обрадовался. Про невозможно обворожительную улыбку моего шефа некогда слагали легенды; а некоторое время спустя кто-то очень стойкий предположил, что он развил в себе магическую способность таким образом управлять сознанием человека. Кстати, небезосновательно. Рифард всегда смеялся, когда слышал подобные намеки, но я не знаю случая, чтобы он начал их опровергать.

Помнится, моя радость продлилась недолго: на следующий день Рифард приступил к обучению самостоятельно, и это было... До того времени я, конечно, был наслышан, что бывший королевский маг — тот еще садист, но всего месяц спустя убедился в этом на собственном опыте. Какой там Высший Королевский Университет. Мы учились управлять своей внутренней энергией, использовать внешнюю, сутками сидели за преобразованиями, учили еще больше древних языков и изучали теорию магии и Вселенной до таких подробностей, какая вряд ли снилась студентам теоретического курса. Тогда я искренне недоумевал, зачем нам все это. Глупый был и неопытный, что ж. На самом деле, я и сейчас не намного старше, с конца нашего переобучения прошло всего три года — но сейчас я абсолютно уверен в том, что добрейший найт Хайт нас даже пожалел: на деле всех приобретенных знаний и умений оказывалось маловато. Рифард же посмеивался и утверждал, что мы получим все, в чем нуждаемся — на практике.

— А по-другому и научить нельзя, — всегда уверял бывший королевский маг. И, естественно, каждый раз оказывался прав.

На самом деле, тот непреложный факт, что мы и вправду нуждаемся в этой горе информации, я начал осознавать, когда пришло время второй половины обучения — именно тогда Рифард допустил нас до архивов уже давно разогнанного Ковена магов. Следующие несколько месяцев мы, не прекращая тренироваться, штудировали запрещенные и засекреченные исторические книги. Я не мог от них оторваться. Всего за один день в архиве я узнавал намного больше полезного и интересного, чем за год в Университете. Не знаю, как мой мозг сумел не лопнуть, но факт — он поддавался моим уговорам и каждый раз продолжал работать «еще полчасика». На первой ступени обучения, когда мы только познакомились с Крисом, он сказал мне, что все ученые, в особенности историки, — до ужаса любопытный народ, который не может устоять перед ужасными тайнами древности, и я не мог не согласиться. Потому что всегда, с самого раннего детства, страдал крайней формой, нет, даже не любознательности, а именно любопытства.

Мое любопытство заставляло меня читать в архиве все больше и больше. И в каждой книге я находил что-то, что меня ужасало, древние секреты открывались с неожиданной и порой очень неприятной стороны. Тогда я понимал: да, мне нужны все те знания, которые дает Рифард, если уж я действительно собираюсь встретиться с этим лицом к лицу.

И вот, я тут. Иду встречаться с неизвестно чем, ловко лавируя между кустарников по дороге в замок и безуспешно пытаюсь прикинуть, в какую историческую эпоху меня занесло.

— Ну и ну, — нарушил молчание Крис.

— Что такое? — спросил я, непроизвольно оглядываясь по сторонам в поисках какого-нибудь подвоха.

Крис пожал плечами и махнул рукой в неопределенную сторону.

— Рельеф. Например, ты помнишь эту гору, вон там, на Востоке?

Я хотел было сказать, что, естественно, помню, почти что каждый день бегаю в ее сторону, выполняя разнообразные задания шефа, порой весьма оригинальные, — но что-то меня остановило буквально на полуслове. Хотя нет, я определенно могу сказать, что именно меня остановило. Раз я бегал туда настолько часто, как уже упомянул выше, то точно не мог не заметить небольшое изменение.

— Она как будто сдвинулась. К Северу. Совсем немного, но сдвинулась. И склоны немного не такие.

— Именно.

Три секунды молчания тянулись очень долго.

— Рельеф меняется, Крис, мне ли тебе объяснять, — не очень уверенно проговорил я.

— Разве так... а, ладно, просто идем дальше.

Мой друг уверенной походкой пошел вперед. Раньше меня до мозга костей поражала его целеустремленность: парень всегда шел напролом, явно все делая так, как того хотел он сам, избегая всяческих стереотипов и условностей. И так во всех ситуациях: в магазине, когда видел якобы необходимую ему вещь, на учебе во время выступлений перед зрителями, на свиданиях с девушками; нет, я не говорю о том, что Крис постоянно вел себя грубо, совсем наоборот: с незнакомыми людьми он воплощал собой самую вежливость и терпимость. Естественно, до тех пор, пока не становился этим людям очень близким другом, что, благодаря его исключительной харизме, происходило всегда довольно быстро. Что уж было, когда Крис наткнулся на меня... наверно, об этом лучше промолчать.

Так вот. Сейчас мой друг уверенной походкой пошел вперед — и чуть не врезался в дерево, каким-то неведомым образом умудрившись его не заметить — и это Крис, на порядок более внимательный, чем я, уж точно способный заметить, куда вообще направляется и что стоит на его пути.

Крис остановился так же резко, как и несколько секунд назад стартовал. Я подошел чуть поближе и задумчиво пробормотал:

— Знаешь, мне это напоминает легенду про лабиринт. Помнишь такую?

— Ты про тот лабиринт, где препятствия вырастают сразу и из ниоткуда? — уточнил мой друг и саркастически приподнял одну бровь — Конечно, помню, я этой легендой в детстве зачитывался. Насколько я знаю, никто из наших Великих Магов Ковена так и не смог доказать, где и когда этот лабиринт существовал. И существовал ли вообще.

— И что было на выходе, — добавил я. И тут же резко сменил тему, кое на что обратив внимание, — Посмотри налево.

Кристон обернулся в указанную сторону, но тут же снова развернулся ко мне, недоуменно пожав плечами.

— Что там такое изумительное должно быть?

Я все еще смотрел туда.

— Ты правда не замечаешь?

Похоже, мне удалось поймать друга на невнимательности — впервые за долгое время. Кажется, последний раз был года два назад, и то когда он не спал две ночи подряд, пытаясь выполнить очередное теоретически выполнимое задание, которое на практике оказывалось не таким уж элементарным, как его воодушевленно описывал найт Рифард. «Что ж, — говорил он в таких случаях, — Я же говорил, что вы все узнаете на практике», после этого улыбался и приглашал нас пойти поужинать (или позавтракать, или просто перекусить в полночь), после чего выливать на него свое праведное возмущение оказывалось совсем уж нереальным.

— Вернемся — обязательно схожу к нат Фаре вылечить зрение, — улыбнулся Крис — Но сейчас, будь добр, объясни своему маленькому другу, что же тебя удивило до такой степени, раз твое удивление уже пересылается во Вселенную и автоматически передается мне.

— Ферма грифонов. Ее построили недавно — относительно к нашему родному времени, конечно. Что она делает тут? Если, конечно, мы не попали в совсем недавнее время. Но не похоже, лес сильно изменился.

Настал тот момент, когда я, похоже, умудрился запутать своего лучшего друга окончательно. По крайней мере, он смотрел на меня с таким непониманием, что через пару секунд мне стало как-то не совсем по себе.

— Там ничего нет, Альв, — коротко сказал он.

— Что?! — я резко обернулся.

Крис был прав. Огромные вековые деревья стояли так твердо и уверенно, что в ближайшие тысячелетия так точно не согласились бы сместиться, чтобы освободить место для фермы грифонов. Естественно, никаких стен, окон и огней из них я больше не видел — нам освещали путь только звезды, на удивление очень яркие, намного ярче, чем я привык. Как будто сдвинулись. Или нет — как будто их стало намного больше.

Но я мог поклясться всеми Драконами, что глаза меня не обманули, и всего минуту назад я видел знакомые стены.

— И вправду. Мы бы даже не смогли дойти до фермы так быстро, это с того-то Холма, — заметил я несколько секунд спустя.

На самом деле, я скорее убеждал самого себя, чем соглашался с Крисом. Может, смогли бы дойти? Холм-то уже, вроде как, далеко — но настолько ли, чтобы мы уже могли оказаться рядом с фермой, которую тут когда-нибудь построят? Ведь я даже не знаю, сколько на самом деле прошло времени. Время — интересное существо, которому может вздуматься скакать по своим петлям с огромной скоростью или же невообразимо замедляться в самые неожиданные, порой совершенно неподходящие моменты. Именно поэтому никому не советую на него полагаться, а тем более — приводить наличие большого количества времени в качестве аргумента, призванного изображать из себя убедительный.

Сейчас я задумался. Долго ли это длилось? Так, задумавшись, я могу не обратить внимания на много вещей; не уверен, что и в случае начинающегося апокалипсиса что-то способно меня отвлечь.

Да. Магический мир способен запутать любого мага, даже самого Великого. Сначала Мир заманит своей таинственностью, приветливо улыбнется, притворяясь понятным и открытым, позволит узнать совсем небольшую часть своих древних секретов, а потом — напомним, кто все-таки мудрее.

И это я говорю про Великих магов Ковена. А кто уж я.

— Похоже, к нат Фари придется идти мне, — усмехнулся я, пытаюсь разрядить обстановку. Не могу сказать, что это у меня получилось хотя бы в малой степени убедительно.

Эй, выше нос, товарищ. Ты за свою короткую жизнь успел во столько передрыг попасть, что на пальцах сосчитать их уже не получится. И ничего, каждый раз находил выход и, довольный своей находчивостью, опрометчиво попадал в следующие по счету передрыги. Причем тогда были проблемы куда серьезней, чем оптические иллюзии.

Но тут как-то... жутко. Иллюзии — и мертвая ночная тишина вокруг. Красивые, высокие деревья и весь мир вместе с ними окутывал пугающий своей неприступностью и неотвратимостью мрак; но даже он преклонялся перед неотразимой красотой ночного небосвода. Миллиарды ярких звезд, на первый взгляд далекие и неприступные, с легкостью проникали вездесущий мрак и освещали наш Мир своим неповторимым разноцветным мерцанием. Белые звезды, например, считаются самыми старыми, а потому и самыми мудрыми — к их Духам люди нашего мира чаще всего обращаются за советом. Зеленые же, наоборот, — молодые звезды, Духи таких звезд тяготеют к удовольствию и праздным развлечениям. Красные звезды... Духи изменений, загадок, беспорядка — именно эти звезды я всегда любил больше всех, беспричинно, необъяснимо, ведь меня всегда тянуло к мифическому и неопределенному. А младшие братья и сестры звезд — несколько спутников нашего Мира — наблюдали за нами еще ближе: настолько близко, что иногда ненароком возникали шаловливые мысли о том, что неплохо было бы на них случайно зайти во время вечернего свидания.

Но мрак, хоть и уступал, но не сдавался перед непостижимой мощью ночного неба. Темнота окутывала нас вуалью, а тишина звенела в ушах, временами прерываясь порывами своенравного ветра, играющего с листвой. Странно, но я не чувствовал ветра. Стоять на одном месте, посреди леса, ведущего к замку, было невообразимо уютно: не жарко и не холодно и вполне удобно. Только очень тихо.

Природа молчала. Мы вторили ей и, казалось, даже затаили дыхание. Небо притягивало, ночь укутывала, блаженство ждало.

Кто только мог подумать, что так не может продолжаться вечно.

— Красивые у нас Луны, правда? — внезапно мертвую тишину разрезал звонкий голос.

Этот голос не принадлежал Крису — он был детский, как у маленькой девочки. И раздался как будто из ниоткуда.

Не успел я как следует оторопеть, иллюзия разрушилась: темнота перестала быть обволакивающей, а звезды уже так сильно не притягивали к себе взгляд.

— Намного лучше, — весело произнес все тот же голос.

Наконец, мы с Крисом смогли заставить себя обернуться.

Рядом с нами, посреди ночного леса, появившись здесь в полном одиночестве, стояла обладательница голоса — как раз маленькая девочка, на вид лет двенадцати, не больше. Девочка куталась в черную атту, благодаря ее цвету почти что сливаясь с сумеречным миром, и не снимала капюшон.

Невысокая, худенькая, совершенно безоружная, она никак не вписывалась в окружающую нас сумбурную обстановку. Резкие изменения, потери в пространстве, иллюзии — вот, что было с нами еще несколько минут назад, но все живое до сих пор не подавало признаков присутствия. Я не помню, чтобы за все время, после неожиданного

появления на том, уже далеко, холму, видел хоть одно живое существо. Причина же, по которой я обратил на это внимание только сейчас, все еще остается для меня загадкой.

Иллюзии.

Или она вписывается слишком уж хорошо?

Тем временем, девочка, пребывая во вполне материальном состоянии, села на ближайший камень, удобно на нем устроилась, подобрав по себя ноги, и с любопытством посмотрела на нас. Сказала:

— Хорошая ночь, — и улыбнулась.

Разнообразные вариации этой фразы означают у нас самую распространенную форму приветствия. Похоже, в том времени большинство наших речевых оборотов уже существовало.

— Привет, — отвечивал Крис, как будто вовсе не удивившись ее появлению.

— Тебе не холодно там сидеть? — поинтересовался я. Лично меня даже наличие этого замерзшего камня рядом со мной не особо вдохновляет. А уж долгое восседание на нем — совсем запредельный для моего сознания процесс.

Я кожей почувствовал, как молодая незнакомка внимательно, заинтересованно на меня посмотрела.

В темноте я не смог разглядеть цвет глаз девочки, но по какой-то причине был абсолютно уверен, что они карие, такие темные-темные и большие, как две вишенки. К слову, в дальнейшем моя уверенность подтвердилась: ее глаза оказались именно такими, какими мое воображение любезно нарисовало мне в ту секунду — с одним исключением.

— Холодно? А должно быть? — она удивилась так, как будто слышала какую-то сокровенную тайну мироздания.

— Вообще-то, да — отозвался мой друг, — Сегодня выдалась холодная ночь. Даже идти-то не очень тепло, скажу тебе по секрету. Может, все-таки встанешь?

Стоп, холодная ночь? Но я же только что думал о том, что идти довольно тепло. Однако еще до того, стоя на холме, мы с другом замерзли, настолько, что полезли за теплыми аттами. Мы просто согрелись от продолжительной ходьбы? Или же снова вступила в игру обманчивая реальность?

Как обычно, вежливый с незнакомцами и детьми Крис.

— Нееет, — задумчиво протянула она и сразу же уверенно добавила — Мне тут тепло.

Потом наклонила голову на бок, внимательно на него посмотрела и выдала свой вердикт:

— Ты хороший, — немного помолчала. — Помнится, тебя называют оборотень.

Маленькая девочка, которую мы явно видели первый раз в жизни, спокойно сидела рядом с нами ночью, посреди леса, и вела себя так, как будто на протяжении как минимум нескольких веков приглашала нас к себе каждую пятницу и заводила продолжительные душевные беседы.

Крис рассмеялся.

— Извини, но меня никто так не называет, — с улыбкой пояснил он свое веселье — Оборотень — явно не ко мне. Или я из-за своей злостной мины так похож на оборотня?

— Как не называет? — большие глаза девочки удивленно округлились — Надо же. Ну, значит, будут называть.

Сказано это было тоном, который не предполагал даже теоретическое наличие каких-то возражений. Я все еще совершенно не понимал, откуда это юное чудо свалилось нам на

голову, но, несомненно, уже начинал чувствовать к этому незнакомому ребенку что-то вроде симпатии. Хотя бы потому, что девочка, сидя рядом с двумя взрослыми (а по ее мнению, я так подозреваю, и старыми) дядьками, совершенно не переживала по поводу того, что с чужими людьми разговаривать не стоит. Молодец, девочка. Всегда был уверен, что не вписывающееся в рамки нормального поведения способно отогнать не то что предполагаемого маньяка — сами неприятности, какое бы их невообразимое множество ни поджидало вокруг.

Как будто зная, о чем я думаю, незнакомка открыто улыбнулась мне, а потом залезла рукой в ближайший куст: я мог предположить только то, что она хотела найти там какие-нибудь вкусные ягоды. Тогда я заметил, что, у нее ничего с собой не было, куда бы можно было сложить еду. Если, конечно, она не знала магию сохранения — помещения предмета в закуток реальности, где он, невидимый, неосязаемый и невесомый, мог находиться сколько угодно времени до тех пор, пока хозяин не соизволит вспомнить о том, что у него вообще-то есть с собой вещи. Мы пользовались подобной магией фактически ежедневно, однако детей в таком возрасте ей обучают довольно редко. Уж не знаю, с чем это связано. Может быть, родители считают, что детям не положено знать магию более высоких ступеней, чем, к примеру, игровые или бытовые заклинания — и почему-то совершенно забывают о том, что зачастую дети в маленьком возрасте, лет эдак до 17, намного более способны к чудесам, чем неумелые (цитирую некоторых представителей старшего поколения), «взрослые, самостоятельные и готовые понять это» люди, которых такие вот взрослые не удосужились обучить в детстве.

— Ты потерялась? — решил все-таки спросить я.

— Неет, — девочка отрицательно помотала головой и продолжила что-то увлеченно искать в кустарнике.

— Ты живешь в замке? — я продолжил наобум задавать вопросы. Когда-нибудь обязательно попаду в точку и задам нужный, ответ на который поможет хоть что-то объяснить в сложившейся ситуации.

— Ага, — она спрыгнула с камня и, даже не поправив атту, подошла поближе к нам. Я обратил внимание на то, что в ее руке было что-то зажато.

— Ночью тут может быть опасно, — как будто невзначай заметил я.

— Кхалгар мне ничего не сделает. А вот вы только что чуть не угодили в его ловушку.

— Ловушку? — спросил Крис, поворачиваясь к нам. До этого он около минуты высматривал тропинку, по которой мы шли до того, как залюбовались ночным небом. По которой мы, кажется, шли.

— А вы даже не заметили? Ничего себе, — девочка вздернула носик и явно о чем-то задумалась. Оборотень, Парадокс, как так?

— Кто?.. — не понял я.

— Па...парадокс, — не очень уверенно повторила наша непредвиденная собеседница. Сбилась, призадумалась и заинтересованно уточнила — Я разве неправильно произнесла?

Кто-то мог бы сказать, что ребенок перепутал какие-то слова и всего лишь смутился, когда осознал свою маленькую ошибку, но я точно видел — нет. Вот что ее внешний вид в данный момент точно не выражал, так это смущение. Скорее, недоумение по поводу, что взрослый, внушительный, возможно даже, и разумный человек — и вдруг не понял чего-то сильно очевидного. И явное любопытство.

— Слово-то правильно. Но ты так обратилась ко мне?

— Обращалась, — с готовностью кивнула девочка — А что?

— Меня так не называют, — с улыбкой пояснил я — Как и Криса, вот этого белобрысого парня в зеленой атте рядом со мной, оборотнем.

Вышеупомянутый белобрысый парень в зеленой атте приветливо помахал ей рукой, как обычно делал при любом знакомстве — не только с детьми и девушками, а абсолютно со всеми. Естественно, далеко не все отвечали ему подобным милым дружелюбием, хотя подавляющее большинство людей в нашем городе очень добродушные и гостеприимные. Ну а как еще исторически мог сложиться менталитет, когда все в той или иной степени обладают боевой магией? Лучше со всеми хорошо общаться, чем ссориться и при каждом повороте получать шаровую молнию в лоб. Когда-то давно были у нас междоусобицы, так что знаем, плавали. Причем никто не притворялся, нет, люди с течением времени стали такими на самом деле. Просто какие-то отдельные привычки иногда настолько въедаются в характер человека, что незаметно встраиваются в код ДНК и передаются следующему поколению.

А уж Крис со своими панибратскими манерами выбивался даже из общего строя.

— Называют, точно-точно, — заверила нас девочка.

Не будь я абсолютно уверен в правильном ответе, точно бы смог решиться положить голову на отсечение за правдивость ее слов, настолько убедительно это звучало.

— Или еще будут называть, — заметив искреннее недоумение на наших лицах, задумалась она — Я иногда путаю. Да! Точно! Будут.

И рассмеялась. Да настолько заразительно, что мы рассмеялись вместе с ней.

— Но ты точно ходячий парадокс, — подвела итог незнакомка — Уж этого я не могла не заметить. Я сейчас рассказываю тебе, и это уже — парадокс. Как интересно.

Я предпочел согласиться. Парадокс так парадокс. Не спорить же с бурной фантазией ребенка, в самом деле. Вдруг еще обидится, если ее внезапно прервать; по-моему, расстраивать детей вообще противопоказано.

— Так что ты там говорила про ловушку? — напомнил я, осознав, что на самом деле заинтересовался. Любопытно, что еще эта весьма интересная роща, щедрая на неожиданные сюрпризы, собиралась нам преподнести.

— Да вы в нее чуть не попали, — отмахнулась девочка — Засмотрелись в одну точку, и Кхалгар решил вас оставить себе. Чуть не забрал, в самом деле.

Она повторила слово «Кхалгар» уже второй раз. В первый я как-то пропустил его мимо ушей, потому что задумался о странных прозвищах, которыми маленькая собеседница сходу и непонятно по какой причине нас наградила. Во второй же раз мой слух все-таки зацепился за него, и я уже не смог так просто игнорировать необычность сложившейся вокруг этого названия ситуации.

Из курса древних легенд я помнил (хоть, каюсь, иногда засыпал прямо во время лекций: студенческая жизнь, как по собственному опыту знают очень многие, прекрасно располагает к такому приятному времяпровождению), что Кхалгаром в древности называли Лес, который окружал весь Нортайл. То есть, не какого-то предполагаемого Духа, обитающего в нем, а именно сам Лес, со всеми его таинствами, мистикой и секретами, которыми, естественно, по легенде он обладал в полнейшем разнообразии и изобилии. Собственно, в наши дни Лес тоже никуда не делся: никто из правителей всех эпох не мог даже подумать о том, чтобы как-то тронуть магические деревья, не то что на самом деле их вырубать. Кажется, был один отличившийся королевский советник, живший лет пятьсот назад, который все-таки вздумал

таким образом увеличить территорию столицы, однако его планы так и не были перенесены в жизнь. То ли отвлекся на другие проблемы Королевства, то ли не выдержал стычки с небезызвестным нам защищавшим природные богатства придворным магом, то ли на самом деле сам Лес как-то на него повлиял — неизвестно. Отлично зная характер найта Рифарда, я вполне уверенно мог предположить, что наиболее вероятный вариант — все-таки второй, хотя чем там Духи не шутят. Возьму на заметку, надо все-таки спросить у шефа. Давно было интересно, но никак повод не попадался — и вот попался, отличный такой повод, просто грех им не воспользоваться.

Но факт остается фактом — деревья как украшают наш город на протяжении уже многих тысячелетий, так и будут украшать еще долгое-долгое время. Конечно, никто не отрицает то, что Лес обладает магической аурой: спорить с этим было бы просто глупо, потому что абсолютно любой желающий, хоть капельку обладающий колдовским талантом человек может прийти и посмотреть на его энергию Истинным зрением. Однако Кхалгаром его не называют даже самые старые магии; на самом деле, мало кто утверждает, что раньше он и в самом деле так звался. Великие Маги Ковена были последними, кто по-настоящему верил в эту легенду и настойчиво продолжал называть Лес именно так. Сейчас добрая половина утверждений об устройстве Мира, выдвинутая Ковеном, подвергается сомнениям: уж сильно неправдоподобными и надуманными они выглядят, даже для нашего магически образованного общества.

Правда, наш обожаемый шеф частенько смеялся над многими поступками и утверждениями магов нашего времени и саркастически называл их «юными недотрогами», несмотря на то что большинству из жертв его насмешек было больше пятисот лет. Рифард всегда говорил, что остались еще прекрасные, умные, сильные маги, но они поспешили сбежать от подобного не шибко приятного общества в нужное время — и правильно сделали, зачем же понижать собственный уровень такой неблагоприятной обстановкой? Маги Ковена, по мнению найта Хайта, знали намного больше и знали правду, которая сейчас отрицается такими вот юными недотрогами (вроде преподавателей в нашем Университете), которым подавай только мирной жизни, спокойных исследований и, главное, высокой зарплаты.

Ковен был разбит семьсот лет назад.

Сильно сомневаюсь, что с тех пор хоть кто-то мог высказывать предположения о том, что наш Лес на самом деле загадочный Кхалгар. Все мы верили в его магическую силу, но называли просто Лесом — именно так, с большой буквы, потому что никто так и не смог придумать ему достойного названия.

А сейчас маленькая девочка, живущая в неизвестно каком времени, с полной уверенностью произносит это имя.

— Я пошла гулять, и тут вижу, что прямо посреди куста появляетесь вы вдвоем, — тем временем, продолжала торопливо объяснять она, — Понятно, что вы не сами перенеслись, а Кхалгар вас сюда занес. И неизвестно, куда бы отправил потом, если бы я вас не отвлекла. Даже предположить не могу, где бы вы оказались в следующий раз, столько вариантов! А ведь меня там уже бы не было.

Я осмотрелся. В темноте и в тени деревьев сложно было сразу это заметить, но окрестности и правда изменились: исчезла тропинка, по которой мы уверенно шли, появились много кустарников и огромный камень, где еще пару минут назад так удобно устроилась наша новая знакомая. Деревья как будто передвинулись. Как будто? Нет. Они и

вправду стояли уже на других местах.

В моем случае все это можно списать на перманентную невнимательность и решить, что мы и вправду вполне так заметно переместились, это я, лопух такой, ни на что не обратил внимания; но Крис бы вряд ли что-то упустил. А он, если судить по его более чем удивленному виду, тоже пребывал в некотором смятении.

— Конечно, вы ничего не заметили, — поспешила пояснить девочка, очевидно, обратив внимание на четко изображенный на наших лицах огромный вопросительный знак. — Никто никогда не замечает, это ж Искривление.

Что-то поцарапало мою руку. Больно, конечно, не было, просто неожиданно — и это внезапно возникшее, настырно отвлекающее ощущение заставило меня прийти в себя. По крайней мере, до хотя бы приемлемой степени: думать, осознавая если не всю ситуацию, то объективную ее часть, стало в какой-то степени возможно. Я повернулся в сторону Криса. Тот, в свою очередь, посмотрел на меня.

Возможно, в тот момент мы оба одновременно подумали об одном и том же — поскольку никогда особо не жаждал обладать способностью чтения мыслей, со стопроцентной уверенностью сказать не могу. Но лично меня крайне заинтересовал вопрос, с кем же мы все-таки имеем честь вести беседу. Материализовавшаяся как будто прямо из воздуха очень маленькая девочка, которая с непререкаемым видом говорит весьма странные, почти что бредовые вещи и невзначай упоминает легендарные названия. Которая появилась в нужное время и в нужном месте — причем в лесу, глубокой ночью, совершенно одна. Не вызывающая никаких отрицательных эмоций, нет, только огромное количество вопросов, на часть из которых сама и давала ответы, чем, на самом деле, запутывала все больше и больше. А еще оны вызывала непроизвольную симпатию. Несмотря на то что она вполне могла оказаться очередной иллюзией, игрой либо бурного воображения, либо развлекающегося Великого Мага, я, в тот момент уже четко понимая это, был вынужден признать, что явно начинаю чувствовать к ней какую-то странную привязанность. Может быть, из-за ее манеры разговора: большинство девочек в таком возрасте, скорее всего, начали бы стесняться, о чем-нибудь умалчивать, старательно краснеть — еще бы, пришли два страшных взрослых дядьки, явно за сотню лет обоим. Однако тут нас ждал фактически противоположный прием. Наша собеседница не только не признавала за нами старшинства, но и разговаривала так, как будто мы приходились ей старыми знакомыми — если не закадычными друзьями.

Почему-то, меня притягивала такая ее манера поведения.

Но. Иллюзия. Обман. Морок. Девочка могла оказаться и плодом необузданной фантазии (кого бы то ни было), и заблудшим приведением. Все может быть.

Впрочем, с таким же успехом она могла являться молодой леди, дочкой лорда Арвейма из какого-нибудь поколения, необыкновенной девочкой с необыкновенной фантазией, которой явно наскучила повседневная жизнь и которая каким-то образом смогла сбежать из замка ночью.

Повторюсь, я никогда не рвался читать мысли, но у Криса на лице был написан точно такой же вопрос, который разрывал меня на части, неустанно взывая не только к стремлению разобраться в сложившейся ситуации, но и к самому главному в нашей профессии — любопытству.

И мы оба точно хотели разрешить эту дилемму.

В это же время объект наших интеллектуальных метаний все продолжал говорить с нами вслух.

— Я что-то забыла, — вовсе не смотря на нас, с задумчивым видом пробормотала девочка себе под носик — Точно. Меня зовут Сай.

— Сай? — переспросил я, пытаюсь припомнить генеалогическое древо Арвеймов. Девочка не могла оказаться дочкой бедных людей, потому что носила приличную, дорогую атту: это я смог оценить фактически сразу; к тому же, будь она не из богатых людей, вряд ли бы смогла где-нибудь вычитать настолько интересные слова, которыми уже успела нас впечатлить за небольшой период знакомства.

Попытки узнать эпоху по единственному услышанному имени закончились полным провалом. Сколько народу успело пожить в замке Арвейм за все века, аж подумать страшно. Не мог же я знать их всех поименно, в самом деле. И вообще, вдруг она не из Арвеймов? Мы могли попасть в момент времени, когда у них гостила какая-то другая семья: все же люди, даже триста веков назад уже имели обычай любезно приглашать друг друга приехать на пару недель.

Давай, Альвер, продолжай себя оправдывать. Никчемный ты ученый.

Новая знакомая, имя которой наконец-то стало нам известно, с готовностью кивнула.

— Да. Лучше просто Сай.

И настолько лучезарно улыбнулась, что догадки о ее нематериальном происхождении у менее подготовленного человека могли бы начать растворяться и исчезать навсегда.

— Я Крис, — ответил мой друг и легко наклонил голову, закрыв при этом глаза, как и полагается при знакомстве любого уважающего себя и посторонних человека.

Мне подумалось о том, что Сай голову не наклоняла и глаза не закрывала. На самом деле, это отлично объясняется ее возрастом: далеко не все молодые леди в двенадцать или тринадцать лет, встретив двух, по ее мнению, старых найтов во время традиционной ночной прогулки сочтут нужным представиться по всем правилам приличия. Лично я бы на ее месте давно попытался от нас с Крисом сбежать, но девочка, почему-то, не торопилась — наверно, быстро поняла, что мы ни за что не станем ей вредить, и решила не прерывать такое неповторимое развлечение. Ну что ж. Правильное решение.

А вполне традиционной прогулка могла показаться потому, что Сай абсолютно не напоминала ребенка, впервые тайно сбежавшего из отчего дома. Скорее уж, она напоминала ребенка, который делал это весьма регулярно и явно не стыдился своего поступка. Домашнее, послушное, всеми любимое чадо, боящееся родительского гнева, она не напоминала тем более: уж слишком откровенно, спокойно и открыто она с нами разговаривала, даже чуть самоуверенно. Хотя, какой родительский гнев, как можно на такую очаровательную девочку злиться? Думаю, я бы сам за нее вступился, будь я свидетелем подобной ситуации.

А может, в этом времени просто еще не существовало традиции знакомиться именно так. Но это вряд ли. Она существует уже сотни тысяч лет.

Как неизменны традиции в нашем Мире.

Представлю себе — аж страшно становится.

— Да, я знаю, — кивнула Сай — Альвер мне тебя представил пять минут назад, помнишь? Он еще сказал «белобрысый парень». А мне нравится цвет твоих волос.

Крис рассмеялся, подошел ближе, наклонился и заговорил тихим, заговорщицким голосом:

— Скажу тебе по секрету, мне тоже. Только Альву не говори, а то он думает, что я стыжусь своей «блондинистости». Наивный какой, а! — и дружески подмигнул девочке. А я

подумал о том, что, кажется, они нашли друг друга, две родные души.

Его новоявленная закадычная подружка мигнула ему в ответ и ответила, полностью подражая услышанным интонациям:

— Не скажу. Только тебе еще один секрет.

— Какой? — заинтересовался Крис.

— Альва, на самом деле, тоже все устраивает. Только он не говорит. А иногдааа...

Сай протянула последнюю букву этого слова с настолько хитрой физиономией, что мне самому стало крайне интересно, что же я «иногдааа». Предположений было несколько — одно другого забавнее. К примеру, «иногдааа» по ночам, во время безустанных научных бдений, я таскал у шефа пироженки из его личного запаса, а наутро, сохраняя вполне приличную мину при явно отвратительной игре, вдохновенно врал, что видел, как магический виток пробирался к его священному хранилищу сладкого (заколдованному шкафчику в кабинете), открывал его и неумолимо утаскивал пирожные в окно. А я, бедный такой, ничего не мог сделать, потому что всегда оказывался на месте преступления слишком поздно. Да и вообще, глупо это, тратить магическую энергию на деактивацию чужого витка из-за каких-то пирожных. И неизменно обвинял во вторжении и краже кого-то из коллег — конечно же, в шутку. Естественно, найт Рифард мне никогда не верил (хотя бы потому что утащить что-то через его окно очень проблематично), но всегда сочувственно кивал и даже не сразу гнал меня в кафе за очередной порцией сладостей. Вот где-то через полчаса — да, тогда уже можно со мной разговаривать по-взрослому, но никак не раньше, надо же дать юному магу отойти от пережитого потрясения. Кстати, в этом случае разговор «по-взрослому» означал длинную, обстоятельную, вселенски важную перепалку, сводящуюся к репликам типа «я не пойду за сладким, сам иди» и идентичным им ответам. Должен признать, что в большинстве случаев проигрывал я. Ну, мой оппонент все-таки старше и опытней, если говорить о таких крайне важных спорах, и вообще как бы шеф.

А временами у меня складывалось ощущение, что Рифард специально по вечерам закусывал пирожными, чтобы таким вот ненавязчивым образом меня, голодающего, накормить. А то молодой сотрудник всю ночь не спит, самоотверженно работает, что за дела вообще. Надо его на еду отвлечь.

Но Сай, конечно же, этого (как и других моих «иногдааа») знать не могла. И я, решив включиться в общую шутку, добавил:

— Вот сейчас все мои секреты выдашь, а. Можно я оставлю парочку при себе? А то этот белобрысый еще начнет против меня использовать.

Про пирожные шефа Крис, кстати, знал, о чем неустанно напоминал мне, пытаюсь убедить взять в долю. Но мы, гениальные преступники, предпочитаем действовать в одиночку.

Сай немного подумала.

— Можно, — и шутливо, и серьезно одновременно выдала она свой вердикт.

Она наконец вспомнила о ягодах, которые сорвала с куста и все это время держала в руках, и решила все же попробовать одну, не пропадать же им. Через несколько секунд, долго, задумчиво дегустируя единственную ягодку, выразительно поморщилась и без сожаления выкинула все остальные. При этом запустила в такую даль, что мог бы позавидовать взрослый человек, специализирующийся на метании предметов. А может, мне и показалось: из-за темноты, да и обстановка к тому явно располагала.

— Такая пакость, — проинформировала нас Сай, причем сделала это с такой легкой и

жизнерадостной интонацией, как будто говорила о том, как прекрасно пахнет цветок.

И тут же опомнилась.

— Вы же в замок хотели, да? — и, не дождавшись ответа — Так я могу проводить.

Девочка резко развернулась, поправила капюшон на голове и уверенно пошла вперед по тому участку леса, где еще только что не было тропинки. Несложно догадаться, что в тот момент она уже начала медленно появляться именно в этом месте — прямо на наших глазах, удлиняясь, разматываясь, словно лента, плавно катящаяся по полу. Сто двадцать лет прожил в этом магическом Мире, но самостоятельного, без внешнего вмешательства мага, появления среди кустов тропинки не видел никогда. Красивое, конечно, зрелище, даже гипнотизирующее своей размерностью, мистичностью и — простотой. Всегда был абсолютно уверен, что красота, как гениальность, обязательно проста, как бы ни проявлялась. Тем более в магии — вычурности тут не место. Я был готов снова засмотреться, но вовремя вспомнил, что случилось в прошлый раз. Сай не обманывала и не придумала — тещу себя надеждой, что я бы смог отличить все это от правды; тем более мы и правда тогда переместились с места на место, сами того не заметив.

— Ты сбежала оттуда просто погулять, Сай? — спросил Крис. Конечно, он и раньше об этом догадался, как и я, но все-таки решил спросить, хотя бы потому что нужно было что-то ответить на ее любезное предложение. Точнее, это даже не предложение-то не было похоже — скорее, уверенность в том, что она права, и мы действительно изначально хотели попасть в замок.

Что ж, и она права.

Но это логично. Куда еще хотят попасть двое медленно, но верно теряющихся путников, которые плутают по лесу в окрестностях богатого имения, где с нетерпением ждут теплая постель и еще более теплая еда.

— Можно и так сказать, — не оборачиваясь, проговорила наша новая знакомая — Но я не сбежала. Зачем же мне сбежать из своего дома?

— Родители сами отпустили тебя? — удивился Кристон. Я тоже мог похвастаться исключительной понятливостью и догадливостью, но все-таки решил предоставить слово моему другу и послушать.

— Родители?.. — не очень уверенно переспросила Сай.

Мы не могли видеть ее лица, так как она шла на полшага впереди, но по тону почувствовали, что девочка на самом деле не понимает смысла вопроса — как будто даже не знает смысла слова «родители».

Крис осторожно посмотрел на меня. А я на него. И оба постарались сделать это так, чтобы Сай и не заподозрила, что мы переглядываемся за ее спиной. Она, почти что невидимая, как тень, окутанная черной тканью с головы до ног, все шла и не оглядывалась — просто продолжала дружелюбно с нами беседовать. Обращая внимание на тон, я мог уверенно сказать, что она улыбается: собственно, как и весь небольшой промежуток времени, прошедший с минуты знакомства.

Но мы оба поняли, что у Сай по какой-то причине нет родителей. И решили в дальнейшем не затрагивать эту тему — по обоюдному согласию, не произнеся ни единого слова. А что там решать вслух. Сам по себе знаю, какого это — улыбаться, когда тебе на самом деле плохо настолько, что на стенку лезть хочется, а потом с нее и прыгнуть, и при этом улыбаться так, что никто и никогда и не догадается о твоём настоящем состоянии, если ты сам не сочтешь нужным сообщить. Что вред ли.

— Ну, или взрослые? — постарался обойти это Кристон.

— Взрослые должны мне что-то разрешать? — поразилась Сай. Искренне так, как будто никогда и не существовало правило, гласящее, что дети якобы должны слушать людей старшего возраста. Кстати, кто это правило только придумал? Думаю, оно должно применяться далеко не всегда. И, похоже, Сай полностью разделяла мое мнение.

После двухминутного разговора на эту тему мы пришли к выводу, что для нашей новой знакомой вряд ли найдется человек, который будет иметь шанс ей указывать, давя возрастом и авторитетом, и остались полностью довольными друг другом. Сай не имела к нам никаких претензий, поскольку мы перестали дотошно расспрашивать, что же она делает тут одна без какого-то мифического разрешения, а мы — ну, мы продолжали ничего не понимать, однако находились по этой причине в абсолютном восторге. Иногда, особенно когда ты до ужаса любопытный человек, непонимание чего-либо становится прекрасным развлечением, глотком свежего воздуха и в это же время своеобразным пинком под зад.

До замка, если верить глазам, оставалось идти совсем немного. Окружающий мир как будто не стоял на месте, а двигался вместе с нами, усиленно способствуя сокращению расстояния. Сколько раз во время нашего пути замечал, что деревья не торопясь проплывают мимо, приветливо взмахивая тонкими ветками, столько же неустанно засматривался на них — и каждый раз позже осознавал, что мне, очевидно, это почудилось. И так по кругу. Крис, впрочем, не особо отличался от меня рациональностью и разумностью и точно так же всматривался в пробегающие мимо тени, в сияющие на ночном небе луны и в лучики света, временами ни с того ни с сего возникающие то в одном месте, то в другом.

Впрочем, когда кто-то из нас смотрел на какое-нибудь интереснейшее явление природы слишком долго, Сай молча разворачивалась, подходила и резко дергала за атту, намекая, что пора прекращать пялиться — а то знаем, чем это может закончиться, плавали. Мне один раз даже поставила подножку — так, разнообразия ради, объяснила она позже. Но, как я понял уже задним числом, тогда я уже начинал испытывать примерно то же самое чувство, что и полчаса назад, при взгляде на звезды, и поэтому вряд ли бы счел нужным отвлекаться на такой почти что незаметный элемент, как почему-то дергающаяся одежда. Вот упасть мордой на пенек — это да, уже совсем другое дело, требующее определенную долю внимания.

— Кхалгар не любит, когда на него подолгу смотрят незнакомцы, — пояснила Сай — Привыкнет, тогда и перестанет так с вами шутить. Нет, шутить, конечно, будет, но все-таки уже немного не так, забирать, к примеру, не станет точно.

Ну, и на том тебе, спасибо, таинственный Кхалгар. Ты еще, оказывается, и одушевленный. Кстати, ты в курсе, что большинство людей в будущем будут думать, что тебя не никогда не существовало?

— Спасибо, что спасла нас, Сай, — я внезапно вспомнил, что мы так и не поблагодарили ее за это, потому что заинтересовались шутливыми прозвищами, которыми она сразу же нас наградила. Ай-яй-яй, как некрасиво, а еще считаешь себя очень вежливым и учтивым человеком.

Девочка обернулась.

— Да не за что. На самом деле, я не знаю, где бы вы оказались или кем бы вы стали — никто из нас не знает и уже никогда не узнает, так что, может, мне и не нужно... — она задумалась, даже закусив одну губу — А вдруг бы вас просто принесло туда, куда вам надо? Или бы вы стали тем, кем в детстве видели себя во сне?

Она сказала «никто из нас»?..

— Еще как следовало, — вслух возразил я. Очень уверенно, так, чтобы у Сай не оставалось сомнений в правильности своего поступка — Мне очень хорошо живется и в этом состоянии, я же не все еще успел посмотреть. Вот как надоеет — прилечу сюда снова, и там уж посмотрим по обстоятельствам. Договорились?

Я подмигнул девочке, и она рассмеялась. Видимо, мне все-таки удалось увести ее подальше от, естественно, гениальной, но не особо уместной в данный момент мысли оставить нас прямо посреди темного, вполне себе живого леса, который, более того, имеет привычку оставлять себе людей, не предоставляя им возможности выбора.

— К тому же, — добавил Крис, — Мне в детстве частенько снилось, что я превратился в зайца, представляешь? В зайца с двумя рогами посреди ушей, крыльями и такими длиинными зубами, та еще картинка, на самом деле, увидел бы в настоящей жизни — испугался. А еще временами невидимым: я так думаю, даже мое подсознание понимает, что нельзя каждую ночь людей пугать своим видом. Уж не знаю, почему мне снилась именно такой впечатляющий бред, вполне возможно, это уже тогда выявлялись признаки моей патологической ненормальности. Но суть в том, что таким зайцем из своих детских снов меня становиться не очень-то тянет, так что ты меня лучше дергай, если что, буду сильно благодарен. Мне моя физиономия без рогов и с нормальными зубами все-таки больше по душе.

— Если ты был невидимым, значит, ты мог незаметно брать сладости или играть в приведение, — серьезно заметила Сай — А еще рисовать крестики у друзей на спине, подкидывая бумажки «я за тобой слежу». Год назад я делала именно так.

Подозреваю, завтра днем я обнаружу на своей атте первый крестик, послезавтра — второй, а там понесется... с Криса еще как станется заняться этим духоугодным дельцем. Ну а поскольку я, пока что, единственный друг Криса в округе и в обозримом будущем, то жертву долго выбирать не придется.

Деревья расступились перед нами и открыли проход к воротам замка. Я поднял голову выше, чтобы посмотреть, что находится на вершине стены, потом еще выше, и еще... Странно, но раньше мне казалось, что его стена совсем не такая высокая. Может, она просто стала ниже со временем? Когда я приходил сюда в свое время, в уже заброшенный, старый замок, где от любого стука, любого неаккуратного движения все может повалиться со своих мест градом, здесь все было по-другому. Точнее говоря, в то время здесь все будет по-другому. Сейчас же замок статно и гордо возвышался, показывая свою былую славу и уже ощущая предстоящую. Его стены изящно окутывали вьющиеся растения, поэтому местами камень казался пушистым и зеленым — с разноцветными бархатными вставками: на тех местах, где своенравно и очень смело решили вырасти цветы. Ворота Арвейма, что для замков весьма нетипично, были гостеприимно открыты, и почти во всех окнах уютным желтым светом горели огоньки.

Я начал сомневаться в том, стоит ли мне так долго рассматривать замок, тем более с таким неприкрытым интересом, даже жадностью.

— Здесь уже можно, — Сай как будто прочитала мысли — Можно сказать, что вас взяли под защиту.

Обрадованный такой важной для меня, как исследователя, новостью, я решил поближе присмотреться к узорам на воротах. Но не тут-то было.

— Но не сейчааас, — протянула юная леди, утаскивая нас обоих ко входу. Нам нужно

согреть Альву руку.

Руку? Ах да, я же ее поцарапал. Уже ведь совсем не болит, вот я и забыл.

— Пустяки, — улыбнулся я, помахав раненой конечностью — Само заживет, я даже не чувствую.

— Сам ты пустяк, — лицо Сай выражало полное недовольство моим поведением. Она продолжала уверенно уводить меня дальше. Вот, точно лидер народов растет, к тому же очень заботливый и внимательный, хорошая смесь. — А вот морозный куст — не пустяк. Конечно, не чувствуешь ничего, рука же замерзает.

После ее слов я почувствовал, что моей так неудачно задетой вероломным кустом руке на самом деле холоднее, чем остальным частям тела. Пока я ей усиленно размахивал, крайне убедительно доказывая свою физическую целостность, рукав атты скатился и предоставил на всеобщее обозрение тоненький слой инея, покрывающий ту часть кожи, которую я умудрился поцарапать. Сами же царапины выглядели очень безобидно, в обычной ситуации уделять им внимание было бы не достойно взрослого, двадцатилетнего, внушающего большие надежды талантливого мага (по крайней мере, если верить словам других, я-то сам частенько сомневался в своих предполагаемых способностях).

Но сейчас ситуация перестала напоминать обычную. Морозный куст? Я даже никогда не слышал о таком, растяпа. Правда, на этот случай у меня есть действенная отговорка: я историк, а не биолог.

— Жаль, что я выбросила ягоды с того куста, они бы помогли. Да ладно, мы что-нибудь найдем.

И Сай убежала в другое помещение замка, не забыв прежде этого затащить нас внутрь. Крис внимательно посмотрел на мою руку и обеспокоенно спросил:

— Болит?

— Нет. Вообще нет.

И тут мой друг, мой хороший друг, частенько (хоть иногда и обидно) смеющийся надо мной, но всегда прикрывавший мою спину, если в том была нужда, с размаху ударил меня по тому месту, где теоретически должна чувствоваться хотя бы боль от царапин.

— А сейчас?

— И опять нет, — я сказал правду. Я не только не чувствовал боли, я удар-то совершенно не почувствовал, только успел увидеть и не успел морально подготовиться.

— Я где-то слышал о таком. О яде, от которого существо буквально замерзает, ничего не чувствуя. Легкая смерть.

— О, спасибо за поддержку, — скептически усмехнулся я. — Ты мне очень сильно помог.

Не могу сказать, что я боялся, нет. Просто чувствовал себя как-то очень непривычно.

— Да ладно тебе, наша маленькая хозяйка сказала же, что все найдет, — Крис похлопал меня по плечу и ободряюще улыбнулся. Потом немного помолчал. И спросил:

— Но знаешь, что я заметил еще?

— Что? — я знал, что он хочет сказать, но все-таки решил уточнить: просто ради интереса, вдруг мы все-таки обратили внимание на разные вещи.

— Меня ты представил, да, но я не называл тебя при Сай Альвером. Она сказала твоё имя первой.

Да. Я тоже об это подумал. А еще, когда девочка упомянула про ягоды, я вспомнил, что она их срывала — тоже касалась этого злополучного куста. Однако ее ладонь была в полном

порядке.

Комната, где нас гостеприимно разместили, была освещена несколькими теплыми, но совершенно не обжигающими огоньками, которые удобно располагались в воздухе и свободно перелетали с места на место, если того нужно было живущему тут человеку. Вполне обычное дело для нашего Мира, что уж там — но и такое привычное явление, как магическое освещение, спокойно могло повергнуть меня в истинное изумление в этот вечер. Хотя бы потому, что все остальное в замке назвать обыкновенным язык бы не повернулся. Начну с того, что даже предметы интерьера — столы, стулья, шкафы, другие домашние вещи, в повседневных ситуациях не вызывающие особого удивления, — и то сумели несколько удивить: своими необычными рисунками, попадающими на глаза в совершенно разных частях того единственного коридора, по которому мы успели пройти. Разнообразные закорючки, в итоге образующие один и тот же рисунок, не были знакомы ни мне, ни Крису, несмотря на то что мы оба всегда интересовались древними языками и уж точно смогли бы если не распознать отдельные слова на каждом из них, то хотя бы узнать сам язык по его характерным признакам. Увы, сколько я ни пытался, я так и не смог вспомнить более или менее похожего написания.

Пару раз в этом коридоре я видел одну и ту же дверь — в совершенно разных его частях. Конечно же, сперва я подумал, что маги, возводившие замок, решили на данном участке выключить фантазию и позаимствовать идею у самих же себя, как то часто бывает среди обленившихся дизайнеров. Однако Сай, заметив мой взгляд, на полном серьезе сообщила, что это — дверь призрак, которая перемещается в пространстве в зависимости исключительно от собственного желания. В пределах замка, конечно. И ведет она каждый раз в разные комнаты, далеко не всегда считаясь с интересами входящего или выходящего. Снова, я уже видел такие вещи в своем времени, маги же всегда обладали неумным воображением и желанием подшутить друг над другом, но эта информация входила в полный диссонанс с моими предыдущими представлениями об Арвейме как о замке, где практически никогда не происходили какие либо загадочные или мистические ситуации. Другое бы место жительства эта до ужаса осторожная семья вряд ли бы когда-либо построила себе, а тут — нате вам — дверь-призрак. Здравствуй, еще одно белое пятно истории, рад тебя видеть.

Потом — люди в замке. Все бы ничего, я не видел в них никакой проблемы, если бы не один интереснейший факт: их тут не было. Вообще. Ни одного.

За все те несколько часов, которые мы находились тут, я даже мельком не заметил и не услышал никого из них, хотя уже начал специально прислушиваться и выжидать характерные для своего собрата звуки — и все безуспешно. К тому же, молодая леди, бегая по замку в поисках лекарства и раскидывая вокруг все, что так неудачно попадалось под ее легкую руку, не упомянула никого другого, кто мог бы ей помочь в этом весьма важном (для меня) деле — и не никого не звала. Что, замечу, не самое типичное для жительницы фамильного замка поведение.

Интересно, что она не касалась ничего из того, что роняла: все вещи сами отпрыгивали при ее приближении, видимо, хорошенько подумав и придя к выводу, что так будет разумней, нечего преграждать путь торопящейся пусть и маленькой, но, по всей видимости, не самой обычной девочке. А несколькими минутами позже, при одном только грозном взгляде Сай, эти вещи осознали, что сделали что-то не так, и совершенно самостоятельно

вставали на свои места. После чего хозяйка, благосклонно улыбнувшись, бежала делать свои неотложные дела дальше.

В том факте, что Сай — единственная и полноправная хозяйка замка, сомнений не оставалось никаких.

Так же как и в том, что мы встретили ведьму, сила которой превосходила силу большинства знакомых нам взрослых магов.

Прошло уже довольно много времени с того момента, как мы с Крисом попали на тот Холм, но темная ночь все еще не желала уступать дню его законные права. А все эти несколько часов, которые мы провели в замке, Сай что-то делала с моей рукой, усадив меня на кресло в комнате, призванной изображать из себя гостевую, а Крис, решивший не мешать лечебному процессу своим настырным присутствием, удалился рассматривать те непонятные надписи на мебели. Я же спокойно сидел, наблюдал и, в отличие от леди, не особо переживал за свое здоровье. Ну, замерзнет рука, значит, судьба моя такая, что поделать.

— Эй, — возмутилась Сай — Не мешай мне тебя лечить своим плохим настроением. Это все портит.

Оценив зашкаливающую степень недовольства в ее голосе, я благоразумно забросил свои мысли о заледеневшей конечности куда подальше и приступил к усердному, детальному и оптимистичному планированию всех тех вещей, которые я еще смогу сделать своей правой рукой. Сотворить кучу заклинаний, например, всегда любил это делать.

— Да, миледи, — и усмехнулся.

— Я не миледи, — спокойно возразила девочка, начав перематывать мне руку чем-то грязно-зеленым, ужасающим на вид и еще более противным на ощупь.

Я постарался абстрагироваться от этих крайне приятных ощущений и сосредоточился на теме разговора.

— Почему?

— Потому что, — коротко ответила она, немного помолчала, ополаскивая руки, и все-таки решила договорить — Насколько я помню, потом нужно будет родиться в знатной семье, чтобы зваться сэром или леди. Я же отношусь не к той... категории.

«Помню, потом нужно будет»? Интересная формулировка.

— Но ты же Арвейм, — недоуменно сказал я.

Сай посмотрела на меня своими большими темными глазами, и в них легонько блеснул тот самый яркий, загадочный огонечек, который привлек мое внимание еще некоторое время назад и который как раз и был той деталью, что я не смог предположить в момент встречи. Взгляд же ее выражал только один вопрос: «ты с какого дуба рухнул, друг мой?»

— Я? — рассмеялась хозяйка замка — Не в этой жизни.

— Арвеймы всегда здесь жили, никто больше, — улынулся я. Но, будучи абсолютно уверенным в точности своих слов (история, как-никак, наука в какой-то мере точная), я начал сомневаться, говорю ли я правду. Все-таки, я разговариваю с девочкой, живущей в замке и утверждающей, что она не одна из Арвеймов — тут уже возникает вполне логичный вопрос, кто из нас прав. Будь я сторонним наблюдателем, то точно бы принял ее сторону, ей же, на самом деле, лучше знать, чем мне, обыкновенному теоретику. Вот если бы меня кто-нибудь с непререкаемым видом начал убеждать в том, что я, к примеру, улитка, я бы вряд ли отнесся к словам этого интересного человека с должным вниманием: мало ли, что

сумасшедшим в голову взбредет, нужно быть толерантным ко всяким бредням. Бредни — это же одни из самых лучших и занимательных мыслей, то и дело возникающих в наших головах.

Но все-таки.

— Арвеймы здесь будут жить, — исправила меня Сай.

Я решил не спорить. И упустим тот факт, что они построили замок для своей семьи и, как я уже напоминал, назвали его в честь себя же любимых.

— А я всего лишь нат Сай, — весело сказала она и поднялась на ноги — Я даже не хочу быть леди, это же так неинтересно.

Сразу, как мы вошли в замок, Сай сняла капюшон с головы, и я обратил внимание на ее волосы — длинные, немного волнистые и восхитительно рыжие. И, как я счел, отлично подходящие к ее характеру. Многие, наверно, могли бы только позавидовать таким, поплакать горькими слезами, а после, вспомнив о наличии магии изменения, радостно отправиться к специалисту — и все равно не получить нужного результата.

Если опираться исключительно на внешность, Сай вполне можно было бы описать как очень милую девочку, которая уже лет через двадцать станет очаровательной и легкомысленной молодой девушкой. Отсюда же предполагалось, что женихи будут ходить за ней табунами, обращая внимание как раз на ее прелестную женственную внешность и не думая о наличии мозгов, — если бы не одно но. Все те же глаза. Их хитрый и очень умный блеск никак не сочетался с веселой улыбкой на симпатичном лице и полностью перечеркивал все вышесказанное. С таким взглядом она точно не будет расценена потенциальными женихами, да и всеми остальными, как глупая милая девочка. Красивая — да, но уж точно не «миленькая» — слово, которым почему-то любят описывать представительниц женского пола и которое, по моему мнению, звучит не очень-то лестно. Интересно, как кардинально может изменить восприятие внешности взгляд ее обладателя. А если вспомнить, кем Сай является, какой силой обладает и какой интеллект показывает уже в таком юном возрасте... Стоит задуматься, кто из нее получится лет через сто и какие у Мира будут от этого последствия.

Свою фразу про то, что леди быть неинтересно, она сказала именно с таким взглядом, с небольшими мерцающими огоньками в глазах. А понятие «интересно» для нее, видимо, включает в себя одиночные ночные прогулки, спасение незнакомцев от похищения лесом (как бы это ни звучало) и дегустация ягод с куста, колючки которого способны полностью парализовать тело. Да, последствия мир ждут весьма занимательные.

И вообще, стоит задуматься, не сон ли это: с таким-то количеством запутанных, противоречащих друг другу вещей. Я уже даже перестал искать признаки иллюзии, которые легко заметить, к примеру, в физической несостыковке предметов — потому что никаких признаков не было. Все, конечно, до ужаса непонятно, но на внешний вид — вполне логично и последовательно, а все то что, уже произошло, — приемлемые явления, для магического-то мира. Более того, все вещи в комнате стояли ровно, никакой из них не пересекался со стеной и не существовал только наполовину, что встречается в любом выдуманном каким-то магом иллюзорном мире довольно часто.

Значит, стоит принять как аксиому то утверждение, что все, что сейчас происходит, — происходит на самом деле, без каких бы то ни было отговорок и надежд, проснувшись завтра в собственной кровати, привычно отправляться на остров Мирвел, где находится наш «Тайфун».

А это значит, что веселье в новом, неизведанном куске реальности начинается.

Иллюзии? Отлично! Множество противоречивых мнений и фактов? Вообще прекрасно о чем еще можно мечтать.

Новая интересная информация — это всегда замечательно.

Закончив колдовать надо мной, хозяйка сообщила, что сеанс врачевания окончен, посему я могу быть абсолютно уверен в будущем моей руки и теперь имею возможность, как и заслуженное право раненого, спокойно лечь спать. Я возрадовался, а Сай куда-то ушла. Я и думать не хотел, куда: возможно, просто исчезла за дверью, с нее-то станется выдать что-нибудь еще и не в таком роде.

Наверно, я и в самом деле уснул: не мудрено, с таким-то насыщенным событиями и впечатлениями вечером. Хотя в обычные дни я сплю мало по той простой причине, что меня непреодолимо тянет что-нибудь читать, узнавать новое, отправляться в какое-либо интересное место, даже в пределах Нортайла. Слава Духам, в этом городе есть где разгуляться: много тайн хранят магические стены его старинных домов, его река, его растения, всего его жители. Узнать хоть одну из них — великое счастье. Маги, жившие сотни лет назад, знали куда больше, чем мы знаем сейчас, умели делать такие вещи, которые нашим университетским преподавателям только снятся.

Откуда я это знаю? Был там пару раз, спасибо моей интереснейшей работе. А до того — наслушался найта Рифарда. Ведь он как раз и был одним из немногих представителей старого поколения магов, с которыми я имею шансы пообщаться. Пару раз он демонстрировал при мне свою силу — не для того, чтобы похвастаться, просто ситуации вынуждали — и сказать, что я был впечатлен, значит, ничего не сказать. Сам же шеф с уверенностью говорил, что мы способны и на большее, поощрительно улыбался и звал обедать. Хотелось бы верить в его правоту.

Хотелось бы быть одним из магов, живших и творивших в то время.

Крис вернулся через... некоторое количество времени. Я не мог назвать точную цифру, потому что сны имеют обыкновение запутывать незадачливых сновидцев, каким я и являлся — но все-таки смог сквозь грезы расслышать его шаги.

— Как ты? — спросил он, усевшись рядом со мной на мою кровать. Его лицо выражало одновременно и усталость, и какой-то странное удивление, вызванное, по всей видимости, тем, что он нашел или увидел в замке за те несколько часов.

— Жить буду, не избавишься от меня, — я улыбнулся и приподнялся на локтях. Моя правая рука все еще (или уже?) не чувствовала боли. Даже предположить не могу, хороший это знак или не очень — А что нашел ты?

Крис задумался.

— Хмм, даже не знаю, с чего начать.

— Тогда не вздумай начинать с начала, — серьезно посоветовал я — Лучше скажи то, что первым лезет в голову, а потом уж и остальное приложится.

Кристон Лоттен, стодевятнадцатилетний маг, которого все постоянно сокращенно называли Крисом (а фамилию и то часто упускали из виду — даже преподаватели), всегда был одним из самых сообразительных и внимательных людей, которых я знал. Правда, его серьезность частенько скрывалась под некоторой саркастичностью, язвительностью и, что каким-то невероятным образом прекрасно вписывалось в этот комплект, искренними дружелюбием, позитивом и жизнерадостностью. Понятия не имею, как это может сочетаться в одном и том же человеке, но то, что все прекрасно складывалось в единственную гармоничную картину, под названием Крис, — факт.

Мой друг всегда был на парочку сантиметров выше меня, что иногда упоминал при наших дружеских перепалках, наравне с нашей невероятной разницей в возрасте в один год. Конечно же, в шутку, я никогда и не думал обижаться, но все равно отвечал непробиваемыми, как я полагал, аргументами. К примеру, про его светлые, довольно длинные и постоянно взъерошенные волосы, на что сразу же получал ответ, что я особо ничем от него не отличаюсь, только если цветом, а мой темный намного скучнее и тривиальней. Если свидетелем нашего взаимного поиска недостатков становился какой-то третий человек, он всегда с уверенностью утверждал, что оба мы хороши и оба являемся счастливыми обладателями несурзных, но, конечно же, неповторимых причесок, которые не помешало бы время от времени расчесывать.

На этом моменте наступали мир и покой. Временные. А спектакль, который так любили наблюдать наши коллеги, в особенности непоседливые братья Кальвенты, прерывался на не определенный по времени антракт. И, конечно же, каждый раз возобновлялся.

— Хорошо. Эти знаки, они везде. Причем везде разные, но в итоге почему-то одинаковые. Даже не знаю, как это объяснить. Просто остается такое впечатление. Хотя если сравнить, просто поставив рядом — понимаешь, что все сильно отличаются друг от друга, до такой степени, что даже начинаешь недоумевать, что тебе такое в голову взбрело минутой ранее, успокаиваешься, думаешь, что ты полный идиот, отворачиваешься, намереваясь держать путь в следующее помещение, — и все сначала.

Дела продолжали принимать все более и более интересные обороты, и поэтому заслуживали более детального обсуждения, которое мы с моим другом вполне могли осуществить. Я задумчиво извлек из-под себя подушку, немного помял ее в руках и резко кинул в Криса. Естественно, его реакция его не подвела, на что я еще надеялся?

— Так, давай, тогда перечислим все. Начинай, — я любезно уступил ему очередь, как человеку, который получил больше возможностей сориентироваться в ситуации.

Крис посмотрел на меня, приподняв одну бровь, и начал разговор:

— Произошел какой-то сбой. Возможно, из-за той руны, возможно, произошел сам по себе, потому что захотел — такое тоже бывает. И мы, два крайне удачливых мага, оказались тут. А вот ответ на вопрос «где и когда» уже начинает вызывать затруднения.

Подушка полетела обратно в мою сторону.

— Гениальное наблюдение. Только произошел не сбой, Ураган — это не устройство. Значит, либо он сам этого захотел, как ты и сказал, либо нас по какой-то другой причине забросило на его виток. Или да, я снова ошибся в написании, — пришлось признать мне. Хотя такое бывало очень редко. Я имею в виду ошибку в расчетах, а не признание своей вины.

— Как скажете, уважаемый найт Альвер Данвирс, — Крис шутливо поклонился, отведя одну руку в сторону и не поднимая свой зад с насиженного теплого места — Вы всегда лучше ладили с Ураганами, чем неумелый я.

— Наконец-то ты это признал, о, разжалованный. Так вот. Потом — иллюзии в лесу, так? Появление фермы грифонов, которой тут никак быть не может, очень красивое, притягивающее небо и абсолютный запрет на долгий взгляд на что бы то ни было из-за неожиданных последствий такого любопытства.

Подушка снова стартанула в обратном направлении.

— Морозный куст.

Я помахал поцарапанной рукой, пытаясь разобраться в собственных ощущениях и мыслях по этому поводу, а Крстон, тем временем, продолжал:

— Другая флора, которую я до этого никогда в жизни не видел, хотя сколько времени в свою студенческую молодость потратил, бегая по нашему Лесу. Этому же самому, между прочим. Разворачивающаяся прямо на наших глазах тропинка. Живые деревья.

— Знаешь, послушать так со стороны, так сюда не хватает только маленьких фей, разноцветно блестящих в темноте, — отметил я, ловя подушку. — Тогда бы можно было с уверенностью сказать, что нам по десять лет, и мы так заигрались, что придумали и свое знакомство в Королевском Университете, и Рифарда с его Тайфуном, и Ураганы и это место, потому что прочитали слишком много детских сказок и особо ими вдохновились.

— Или легенд, их это напоминает даже больше. Но тогда только без фей, а то они мне всегда не очень нравились.

— И совершенно зря. Теперь замок. Открытые двери — необычное явление. И сам он выглядит по-другому, не таким, каким я его помню из нашего времени.

На этот раз мой друг самостоятельно отобрал у меня эту бедную, измученную постоянными перелетами подушку.

— О, ты тоже это заметил?

— Сложно было не заметить, — согласно хмыкнул я.

— Мы умницы прямо. Надписи на предметах и стенах. Лови!

Я поймал. Вероломный бросок, к сожалению Криса, не оправдал свои ожидания: мои руки сумели среагировать раньше, чем я, и это при том, что осознать (и оценить) красивый полет подушки я успел. Магические тренировки, оказывается, не прошли зря.

— Полное отсутствие людей в замке. Хотя, когда мы шли сюда, большинство окон были освещены. Тепло так, приятно, аж зайти в гости хотелось. Что мы и сделали, собственно.

Крис на секунду замялся.

— Ошибочка. Садитесь, студент, два. Здесь есть люди. По крайней мере, один человек.

Мы посмотрели друг на друга. Был еще один элемент, который мы оба по каким-то причинам не хотели упоминать среди других, даже менее загадочных. Но, конечно, про него забывать не стоило — точнее, по нее.

Пауза начинала затягиваться, а мы оба молчали, каждый для себя решая, стоит ли включать ее в список вещей и явлений, с которыми просто необходимо разобраться.

— Сай, — в итоге сказали мы в один голос.

И оба поняли, что она-то и есть — то самое странное, что произошло с нами сегодня. Появилась из ниоткуда, говорит как будто очень просто, по-детски, но в то же самое время — загадками, упоминает странные вещи, которые ей, вроде бы, даже знать-то еще рано. И обладает магической силой, которую каждый из нас может только представить себе.

Кто ты, Сай?

Утром, вопреки ожиданиям все-таки наступившем, солнце светило в распахнутое окно так ярко, что я проснулся именно от его лучей. Наше второе солнце, чуть поменьше, скрылось за деревьями и совсем не выдавало своего присутствия. Скромняга. Наверное, несколькими часами ранее с того Холма открывался великолепный вид на восход сразу двух солнц, отличающихся друг от друга по размеру; несколько раз я даже наблюдал такой, в далеком-далеком будущем. Но вряд ли за это время что-то на небосводе успело принципиально измениться, ведь Вселенная не считается с нашим восприятием и

развивается так и с такой скоростью, как предпочитает сама. И попробуй еще укажи Духам Вселенной: неизвестно, как они на это отреагируют.

Хотя, кто его знает. Некоторым магам ведь удавалось.

Крис еще спал, сладко уткнувшись в подушку на старинной и очень удобной на вид кровати, которая стояла в другой, менее освещенной части комнаты. Вчера (или это было сегодня?) мы наговорились перед сном вдоволь и разумно решили, что к утру, если хорошенько выспаться, наши мозги успеют переработать то море полученной информации, может даже, выдать какой-то более или менее адекватный результат. А остаться в одном помещении договорились по той простой причине, что замок мог преподнести нам новые сюрпризы. К примеру, в определенный час ночи разделить на два идентичных, однако существующих в разных измерениях замка, которые продолжают стоять, не подозревая не только о том, что когда-то были одним целым, но даже и о существовании друг друга.

К счастью, этого не случилось. По крайней мере, на первый взгляд.

Проанализировав отложившуюся в голове информацию, я пришел к выводу, что наши надежды на какой-то ответ, становящийся очевидным на следующий день, оказались тщетными. В мою голову пришла только одна рациональная мысль: надо бы что-нибудь съесть, а то понимание того, что я не брал в рот ни кусочка ничего относительно съедобного уже около суток (тут опять возникали сомнения, связанные с неизвестным количеством прошедших часов), не собиралось давать мне покоя.

Как только я потянулся к своему походному рюкзаку, вольготно расположившемуся рядом с моим диваном, в комнату ворвался маленький рыжеволосый вихрь, непроизвольно размахивающий лапами своей все той же черной атты. Этот вихрь остановился, взмахнув руками для удержания равновесия, увидел уже к тому времени сидящего меня, улыбнулся и одним движением ладони открыл второе окно в гостевой.

— С добрым утром! — жизнерадостно и довольно громко возвестила Сай, но тут же осеклась, заметив продолжающего спокойно спать Криса.

— Я хотела сказать, хорошее утро, — добавила она уже намного тише.

— Хорошее утро, — приветливо поздоровался я.

Ну не мог я воспринимать ее как угрозу, никак не мог. Лес, замок, все что угодно — могло оказаться опасностью, но этот милый ребенок, так жаждавший вчера вылечить мою руку, вызывал только безграничное доверие. Может быть, и зря. Но, опять же, кто не рискует...

И я был абсолютно уверен, что Крис полностью разделяет мое мнение. Во время разговора мы решили просто поговорить с ней и узнать, что еще интересного она, единственный человек в округе, может рассказать или даже показать — нельзя же упускать такой прекрасный для двух молодых историков шанс. К тому же, Сай, похоже, знала о нас довольно много и без нашего ведома — назвала же она вчера мое имя.

А еще назвала нас Оборотнем и Парадоксом. Или это фантазия двенадцатилетней девочки, или она и в самом деле откуда-то знает о нас больше, чем мы можем себе представить.

— Будешь есть? — с надеждой предложила Сай, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

Тут я заметил, что за ее спиной по воздуху медленно плывет поднос, очевидно, с какой-то едой на нем. Поднос, как верная собака, слушался свою хозяйку и пытался не отставать от нее, однако угнаться за таким резвым маленьким вихрем оказалось проблематично — особенно для кухонного прибора. Он осторожно облетел ее и, соблазняя вызывающими

голодные слюнки ароматами, повис прямо передо мной. Я обратил внимание, что на нем что-то пролилось: оно и не мудрено, так сильно торопиться. Еще удивительно, что ни в какую колонну не врезался по пути.

Сай тоже заметила и недовольно нахмурилась. Предметы на подносе тут же начали исправлять это невообразимое, для щепетильных блюстителей порядка, безобразие, и около минуты спустя привлекательный, убранный вид был полностью восстановлен. Да так, что и не подумаешь, будто совсем недавно было иначе.

— Так буудешь? — повторила Сай свой вопрос.

— Так ты же меня даже не спрашиваешь, — добродушно ответил я, радостно забирая с подноса первый...первое...непонятно что.

— Не спрашиваю, — легко согласилась девочка и уселась рядом со мной на стул, который моментом ранее придвинула к себе рефлекторным движениям руки. Я непроизвольно оценил ее мастерство и чуть не присвистнул. Конечно, я могу сделать так же, но в моем случае на это потребуются куда больше внимания.

Она тоже взяла с подноса это неизвестно что и с удовольствием отправила себе в рот. Больше всего, на мой дилетантский в вопросах приготовления пищи взгляд, это походило на вареный рис, слепленный в один средних размеров кружочек. Только почему-то красный. И со вставками чего-то, вызывающего отдаленные ассоциации с мясом.

— Это вкусно! — она для пущей внушительности потрянула головой и взмахнула руками. После чего придвинула тарелку ко мне поближе.

Скучно ей живется одной в замке, по всей видимости. Вон, как старается заботиться. В таком случае, хозяйку лучше не расстраивать.

Впрочем, в сложившейся ситуации лучше в любом случае ее не расстраивать.

— Эй, я не спорю, не спорю, — я рассмеялся и решил все-таки попробовать. На вкус оказалось так же вкусно, как и на запах, поэтому я позволил себе взять еще один кусочек, а потом еще один... Кстати, рис это явство не напоминало совершенно. Скорее, вареную картошку с какими-то овощами и пряными приправами. Никогда раньше такого не видел в наших продуктовых магазинах или забегаловках, однако уже захотел посетить кухню этого замечательного замка, полного сюрпризов, в том числе и кулинарных. После того, как я попробовал второе блюдо, оказавшееся на этом подносе, я пришел к окончательному и бесповоротному выводу, что это духи возьмите как вкусно.

Сай удовлетворенно наблюдала, не забывая при этом радостно покачиваться на стуле. Где-то за распахнутым окном, совсем-совсем близко, оглушительно пели птицы. Пожалуй, слишком оглушительно: не помню, чтобы в моем времени какая-то птица умудрялась так истошно, но при этом вполне красиво, орать. Интересно, как только Крис может спать при таком музыкальном сопровождении? Тот еще засоня. Хотя я сам еще двадцать минут назад не обращал на это никакого внимания, разбудила-то меня коварная звезда Клавар, которую мы, наравне с нашей второй близкой звездой, по обыкновению ласково называем Солнцем.

— Наверно, все-таки нельзя, чтобы вас видели, — внезапно сказала Сай.

— Кто? — чуть не поперхнулся я. От неожиданности.

— Мои братья. Старшие, конечно.

— Так у тебя есть братья? — заинтересовался я. Значит, она все же не единственная жительница замка. Может быть даже, не его хозяйка, в чем я был абсолютно уверен раньше, раз есть кто-то старший? Хотя мало ли, какая у них система наследования. Но почему мы тогда так никого и не увидели? На это, даже в большом замке вроде Арвейма, всегда было

мало шансов.

Сколько вопросов. Где же взять на них ответы.

— Нууу... — задумчиво протянула девочка — На самом деле, не совсем они мне братья. Это так, скорее духовно. Но по некоторым причинам вполне могут считаться и братьями...

Тпру. Прекращай, Альвер, панически размышлять. Все-таки, с ее словами ничего не изменилось: как была хозяйкой, так и осталась — и неизвестно сколько еще будет, ведь и пару тысяч лет может пробыть в данной роли, если, конечно, повезет.

Стоп, повезет? Вообще, сомневаюсь, что кто-то осмелится на нее нападать, а если осмелится — рискну сказать, что довольно скоро этот кто-то может об этом и пожалеть, причем довольно сильно. Скорее уж, тут речь идет про магическую мощь, которой Сай, с ее то неподражаемой способностью управлять предметами, фактически не глядя и не обращая на них даже особого внимания, явно не занимать.

— А почему лучше, чтобы они нас не видели? — решил спросить я.

— Рано еще, — улыбнулась девочка и радостно возвестила — Вот лет через двести — будем рады снова ждать в гости. Так и будет, обещаю!

К, мягко говоря, не совсем тихому щебетанию птичек присоединился еще один шум — мой ничем не сдерживаемый хохот. Я рассмеялся громко и со вкусом, несмотря даже на наличие в комнате сладко спящего друга. Ведь я уже сколько времени (целых двадцать минут, огромная, невообразимая цифра!) бодрствую, а он спать соизволит. Понимаете ли. И тот факт, что он лег явно позже меня, — совершенные мелочи.

— Я вот сейчас не понял: ты нас так приглашаешь или наоборот — вежливо выставляешь до лучших времен?

— О, не выставляю, ни в коем случае, — уверенно возразила Сай и выразительно придвинула ко мне тарелку со следующей порцией моего завтрака. Какой по счету — не помню, к тому времени уже успел сбиться.

Возражать хозяйке я не стал — на самом деле и не собирался, потому что эти весьма необычные на вид блюда оказались еще и до ужаса вкусными. Кажется, кто-то сегодня просто-напросто не сможет поднять свою пятую точку с кровати по весьма тривиальной причине: она просто не поднимется, клятвенно обещая в ближайшее время обогатиться некоторым количеством жира. С другой стороны, маги, вроде меня, предпочитающие использовать внутреннюю энергию, эти самые калории позже весьма успешно тратят на преобразование магической энергии во что-либо другое, с помощью нее сотворенное. Поэтому мы имеем полное право отмахнуться от угрозы неотвратимо приближающегося ожирения и есть как не в себя, придумывая себе отговорки в виде ежедневных и крайне энергозатратных магических тренировок. «Побереги себя, бесценный наш найт Альвер, а то в скелет превратишься. Нам тебя будет очень не хватать. Но чур я возьму твой диванчик, я в него влюбился чуть ли не с первого взгляда» — частенько усмехался шеф, когда я приводил подобные аргументы, бессовестно притаскивая в Тайфун горы шоколада. И, тем не менее, этот же самый шеф (другого у меня нет, спасибо всем существующим духам!) продолжал меня подкармливать совершенно самостоятельно. И Криса. И других наших общих друзей, по совместительству играющих роль коллег. И, в первую очередь, себя любимого. Похоже, только щедрое королевское финансирование, полученное благодаря легендарным дипломатическим талантам найта Рифарда, помогает нам избежать полного и бесповоротного финансового краха, с такой-то тратой денежных средств. Конечно же, тщательно обдуманной тратой. Однако обдуманной людьми, у которых мозги направлены

явно не совсем в ту сторону.

Кстати, при разговоре о моем диване шеф всегда мечтательно закатывал глаза, явно намекая (а частенько говоря и прямым текстом) на то, что не прочь бы его забрать в свой кабинет — на вечное пользование. Однако я держался стойко. За спинку вышеупомянутого дивана, отчаянно взывая ко временно отсутствующей совести своего хитрого работодателя. Впрочем, несмотря на наше постоянное противостояние, диван все еще оставался в моем распоряжении — хочется верить, что надолго. Я гордился этой своей небольшой моральной победой, и, как мне временами думается, совершенно зря: если бы Рифард на самом деле так жаждал его заполучить, как старался то показывать, заполучил бы уже давно и без лишних разговоров. Так что мне оставалось только смириться с непредсказуемым и довольно вредным характером шефа, подыгрывая ему в его шутках. Не могу сказать, что мне это не нравится, — вовсе наоборот. С большим количеством неординарных происшествий и таких же неординарных представителей человеческого рода на работе жить становится сразу как-то веселей.

— Почему. Вы. Оба. Такие. Громкие. — раздался недовольный голос из другого конца комнаты. Это-то и вернуло меня из собственного мира воспоминаний в реальный мир — если, конечно, так вообще можно сказать про внезапно окружившую нас действительность.

— О, завтрак! — интонации говорящего сразу изменились: с не предвещающих ничего хорошего до весьма радостных. По всей видимости, мой друг, ранее не то чтобы сильно довольный своим пробуждением, решил пересмотреть свои взгляды и в итоге сего процесса очень обрадовался сложившемуся положению дел.

Секунду спустя обладатель голоса собственной персоной уже сидел за нашим импровизированным обеденным столом и взирал на принесенную пищу с не меньшим удивлением, чем совсем недавно это делал я.

— Это вкусно! — мы с Сай заверили его в один голос, не дожидаясь, пока тот произнесет свой неозвученный вопрос вслух.

— Вы уверены? — лицо Криса выражало некоторое недоверие.

Я, очень тонко намекая, пнул его ногой. Хотел сделать это незаметно, но все, как оно обычно и бывает, вышло немного не так, как предполагалось изначально: девочка, естественно, все заметила. Однако не показала никакой обиды — ни на меня, ни на Криса. Просто пожала плечами и ненавязчивым движением руки отправила полную еды ложку моему коллеге в рот, пока тот ничего не успел сообразить, морально отходя от моего предательского пинка.

— Я уверена, я сама готовила, — Сай мило улыбнулась и продолжила свою трапезу.

Крис, потрясенный и одновременно до жути довольный неожиданным вероломством двенадцатилетней девочки, молча прожевал еду. И точно так же молча положил себе добавки. Много добавки. К слову, поднос, изначально забитый вкусностями до предела, после наших совместных усилий выглядел каким-то пустым и осиротевшим.

— Так зачем вы сюда переместились? — наконец спросила Сай. Без какого бы то ни было намека, без, тем более, укора — просто любому магу в той или иной мере присуще любопытство, без исключений. Такова наша природа.

Тем более, она — хозяйка этого места, ей интересоваться целью присутствия на ее территории каких-то левых подозрительных типов, чьи рюкзаки доверху наполнены разнообразными магическими игрушками вперемешку с множеством вручную исписанных блокнотов, нужно было в первую очередь, еще вчера. Однако она без разговоров на эту тему

привела вышеупомянутых левых подозрительных типов в свой дом, до отвала накормила обоих, да еще и вылечила одного из них — детская наивность? Не думаю.

Вылечила. Кстати, как там моя рука.

— Ну, мы...

— Понимаешь...

Мы с Крисом начали говорить одновременно — и оба замолчали в один и тот же момент. Потому что совершенно не знали, что сказать. Конечно, был вариант озвучить полную правду и потом чувствовать себя по этому поводу несколько смущенно: потому что, словно оправдываясь, говорить «я нечаянно» человеку, который в десять раз младше тебя, это как-то...

— Альв нечаянно, — с совершенно невинным видом проговорил Кристон.

Вот подлюка, а. Нет, чтобы разделить со мной участь виновного, поддержать товарища в намечающихся важных переговорах с единственным (и, естественно, неповторимым) представителем местной общественности.

— Чтоооо? — я попытался изобразить праведный гнев. Получилось, каюсь, из рук вон плохо.

— Но это же правда был ты, — пожал плечами мой так называемый друг, еле сдерживая вырывающуюся наружу улыбку — Ты же напутал руну. Вот мы тут и оказались.

Он не выдержал и рассмеялся. Меня тянуло захохотать вместе с ним, но я мужественно сдерживался, зачем-то стремясь отстоять свою невиновность. Привычка суровых студенческих лет, что поделать.

— Я напутал только ту руну, которая нужна была для перемещения туда, на тридцать тысяч лет. С обратным направлением все было нормально.

И задумался. А в самом ли деле я настолько уверен, что все сделал правильно? Я обнаружил только одну ошибку, а потом мои поиски были грубо прерваны этим насмехающимся... бывшим сокурсником. Но что бы было, продолжи я внимательно перечитывать свои записи?

Конечно, я совсем не уверен в этом. Точнее, я даже не сомневаюсь, что в том злополучном блокноте нашлись бы еще неточные написания рун.

Но вот фиг я ему это скажу.

Сай же смотрела на нас как на двух глупых маленьких мальчиков, не скрывая явного удовольствия, в огромной дозе получаемого от наблюдения сложившейся ситуации. Еще ведь и непонятно, кто из нас троих тут ребенок.

— И что вы собираетесь делать? — спросила она, доедая последний кусочек еды с некогда забитого подноса. Мы с Крисом с сожалением на него воззрились и оба твердо решили в следующий раз не сомневаться в кулинарных способностях нашей гостеприимной хозяйки, а сразу хапать себе как можно больше, рискуя взорваться от неприемлемо большого количества пищи, съеденной за один раз.

— Посмотреть, — пожал плечами я — И хотелось бы разобраться.

— Разобраться с чем? — уточнила Сай.

— Где мы, — подумав, сказал Крис.

— В Кхалгаре. Тут не с чем разбираться.

Мне подумалось, что она намеренно ставит себя на позицию взрослого человека, чтобы мы вынуждены были отвечать точно так же. И как она только это делает, в двенадцать-то лет? А может, я просто придумал себе слишком много и завышаю ее способности?

— И Кхалгар на самом деле существует? — я на всякий случай решил спросить. Знаю-знаю, в сложившейся ситуации мой вопрос звучит довольно-таки глупо. И все же — столько поколений старых ученых магов абсолютно уверены в том, что этот лес — всего лишь интересная древняя легенда, не более, и тут я, неопытный молодой почти что студент, слышу это от маленькой девочки, которой даже до подросткового возраста еще расти и расти.

Но часто бывают случаи, когда дети на самом деле намного умнее взрослых, что бы эти самые взрослые ни говорили и как бы высокомерно они к младшим ни относились. Ум — это штука загадочная, совершенно от возраста не зависящая.

— А с какой степенью уверенности ты можешь утверждать, что хоть что-то существует на самом деле? — улыбнулась Сай. Как-то слишком по-взрослому улыбнулась. Да и само высказывание звучало как-то слишком по-взрослому. И слишком умные темные глаза с озорно пляшущими в них огоньками смотрели на нас примерно так же.

Я удивился? Нет, что вы, ни в коем случае.

Я просто офигел.

— Я живу тут, — продолжала она. — И буду жить еще сравнительно долго. Но может быть, я, вместе с моим домом, всего лишь чей-то глюк. Забавно.

Девочка заразительно рассмеялась, чуть ли не хлопая в ладоши от собственного открытия — и тут же то, что было описано словом «слишком», многократно использованном мной ранее, куда-то внезапно пропало. Точнее, пропало как раз это «слишком»: перед нами снова сидел милый ребенок, строящий из себя взрослого при разговоре со старшими.

— Значит, это не простая легенда, — улыбнувшись, сделал заключение Крис, на самом деле не менее меня удивленный внезапной переменой поведения и даже интонаций Сай. Он, как и я, не мог не заметить, что ее манеры время от времени изменяются в диаметрально противоположных направлениях: от детской наивности, веселости и показательной капризности до серьезности, спокойствия и некоторого сарказма, обыкновенно присущих старым мудрым магам.

— И вы хотите посмотреть на Кхалгар? — даже по внешнему виду Сай можно было с легкостью определить, что она просто жаждет услышать положительный ответ.

— Хотим! — а мы, конечно же, не могли ее разочаровать.

А заодно и себя. Случайно попасть в такое загадочное место и сбежать отсюда на следующий же день из-за банального страха неизведанного?

Ага, сейчас же.

Прогулка по замку, а после и по его окрестностям, началась незамедлительно. Даже о моей пострадавшей руке хозяйка вспомнила уже после того, как с еле скрываемым радостным визгом выскочила за тяжеленную дверь — без каких-либо усилий со своей стороны. Произведя тщательный осмотр моей исцарапанной злостным морозным кустом конечности, Сай без сомнений пришла к выводу, что в таком состоянии больного в моем кривом лице уже можно выпускать на прогулки — с сопровождением. Тем более, оба солнца, ярко и очень соблазнительно светившие на улице, как будто намекали, что замороженное довольно хорошо тает под их лучами, посему упускать такую возможность грешно и непростительно.

Да будет так! — единогласно решили мы и отправились куда глаза глядят на поиски чего-нибудь интересного.

А интересным, естественно, для нас было все.

На реке Хэльсвайм, на наличие возле замка которой я вчера упорно не обращал внимания, играли в прятки и догоняжки маленькие клубочки тумана, то и дело меняя форму, сливаясь и превращаясь в большие, завораживающие клубы, стелющиеся по спокойной водной глади. Они выглядели абсолютно живыми, даже одухотворенными — наверно, так и было на самом деле, ведь почему бы и нет? Все в этом мире возможно. В некоторые моменты времени хотелось войти в эту реку по пояс, не боясь быть сбитым и унесенным бурным, неподвластным даже сильным магам течением, и стоять там веками, вливаясь в теплую компанию игривого речного тумана, заметного даже в яркую, солнечную погоду. И, находясь там, чувствовать на себе легкий ненавязчивый ветерок, ласково обволакивающий тебя наравне с теплой, гостеприимной водой. Временами окунаться с головой — и тем самым погружаться даже не под воду, а в другой, неизведанный, загадочный в том числе и для мага, мир, где может войти все что угодно. Да-да. Именно потому, что в этом мире возможно все. Туман же, всегда искренне довольный приходу гостей, будет расступаться и звать к себе, позже смыкаясь вокруг, как будто обнимая своими невесомыми руками, и играть с гостем своими маленькими клубочками. Которые, в свою очередь, могут принимать какую угодно форму: и бабочек, и маленьких котят, да хоть дракончиков. Лишь бы угодить вкусам гостя, подчас весьма и весьма экстравагантным.

Но Сай настойчивой хватала нас за рукава атты и тащила дальше, предоставляя возможность полюбоваться не только рекой, но и растениями, и другими чудесами, которыми Кхалгар обладал в огромном разнообразии. Наконец отойдя от реки, я обратил внимание, что ее привычное для меня русло изменилось: в моем времени вода точно не проходила так близко непосредственно от стены. Ну что ж, весьма закономерный для природы процесс. Но знать в теории и видеть своими глазами — совершенно, абсолютно противоположные вещи, и после того, как найт Рифард научил меня пользоваться Временными Ураганами, я не переставал удивлять этой простой, естественной природной магии.

И опять встает вопрос, как же давно нас занесло. Раз русло изменилось так сильно. Жаль, я не слишком силен в географии, тогда мог бы хоть примерно определить, сколько тысяч (или десятков тысяч?) лет успеет пройти до рождения обыкновенного мага, по имени Альвер Дансетт.

Занимательно, что птиц, пытавшихся утром разбудить нас своим искусным, но сильно навязывающимся пением, мы так и не заметили — тем не менее, продолжая в разных местах двора слышать их голоса, то отдаленно, то совсем-совсем близко.

Один раз я даже попытался найти такую птицу на слух, следуя за ее голосом, и чуть не потерялся среди внезапно обступивших меня деревьев, чья листва закрыла одно солнце полностью и еще половину второго, так, для комплекта и антуража. Нашел меня, успевшего обнаружить пропажу всех своих намеченных ориентиров, но еще не сумевшего оценить степень возникшей проблемы, до упаду хохочущий Крис. Наша маленькая гостеприимная хозяйка шла чуть позади, а после глянула на меня настолько укоризненно, что мне, признаюсь, даже стало стыдно. Перед девочкой, которую знаю всего-то двенадцать или тринадцать часов — половину суток. Крис, правда, сообщил мне, что с его стороны это выглядело очень даже смехотворно, и поведал остросюжетную историю о том, как я ускорил шаг и целеустремленно отправился в никуда: то место, которое Сай назвала Пределом Реальности. А потом — почти что дойдя до него — остановился с недоуменным видом и

начал плясать в разные стороны, не совершая больше никаких телодвижений и вообще не подавая признаков оставшегося разума. Выражение же моего лица, по словам моего лучшего друга, заслуживало отдельного описания в юмористическом трактате.

Однако оказалось, что он, в отличие от меня, не видел обступающих высоких деревьев. С его точки зрения, я делал все то же самое, что делал на самом деле, только стоял при этом на полянке, а самое высокое, что находилось рядом, едва доставало мне до пояса. Совершенно разные показания от двух свидетелей одного и того же процесса. Тогда-то я и поверил по-настоящему, что Кхалгар на самом деле существует. До этого я просто хотел поверить или даже делал предположение, что это, в принципе, возможно — и тут окончательно это осознал, понял, что все это происходит не с теоретическим кем-то, не на учебном примере в Королевском Университете, а именно здесь и сейчас. Где — здесь, уже разобрались и приняли как факт. Наш Лес, к которому я привык, никогда не имел привычки подшучивать над праздно гуляющими людьми. Кхалгар же, похоже, просто обожал так делать. Тогда же, кстати, я понял, что он — для всех разный. Существует объективно, при этом же — отдельно существует в сознании смотрящего, дополняя и, возможно даже, изменяя свой первый вариант в соответствии с полученным в полное распоряжение воображением. И хорошо, если не сознанием.

Вот почему вчера так не к месту появилась знакомая мне ферма грифонов. Вот почему возникали все те иллюзии, преследовавшие нас вчера — и вот почему мы с Крисом не были в состоянии заметить видения друг друга. По этой же причине, думаю, ночь длилась непривычно долго, для обоих из нас, и расстояние до замка то сильно сокращалось, то снова удлинялось. И это — уже объединенная фантазия многих людей, которые, быть может, ходят где-то неподалеку, мы просто их не замечаем: не видим, не слышим и не чувствуем, а все благодаря измененному древними силами восприятию.

Но в Арвейме точно никого не было. Сай же вчера сказала, что на территории замка иллюзии прекращаются, потому что мы автоматически становимся его гостями — что означает, находимся под его защитой или же под его присмотром, это уже с какой стороны на это дело взглянуть.

Так вот. С местом — разобрались. С людьми — ну, не совсем. Остались, пфф, сущие пустяки: разобраться, когда — сейчас.

И еще одно.

Что сказала Сай? Предел Реальности? Хмм.

Интересно, причем тут деревья, которые увидел я.

— Сай, ты упомянула про Предел Реальности?.. — решил все-таки спросить я. — Не можешь объяснить, что это?

— Это выход. И вход. Ой, я даже не знаю, как правильно сказать. Но ты и сам скоро узнаешь, не переживай, — пояснила она, сама немного запутавшись и улыбнувшись по этому поводу. — Разве вы никогда не слышали про Предел?

Мы отрицательно покачали головами.

— Как странно, — и неподдельно удивилась этому.

— Выход... откуда? Вход куда? — я расспрашивал, и мне становилось все интересней и интересней. У меня даже начала появляться одна глупая, даже дурацкая, но очень навязчивая идея, которую я теперь просто обязан был превратить в жизнь.

— Из Реальности. В Предреальность. Ну, это такое место, где мы все были созданы. И откуда взялись здесь. Как черновик. Где все на самом деле и находится, если так подумать.

О, морозный куст. Тебя я и искала.

Из-за резкости, с которой тема была сменена, я сначала вообще не понял, что за морозный куст и зачем он тут взялся. Здесь же Предел и Предреальность, какой вообще куст?! Потом, правда, до меня наконец дошло, и я посмотрел на лицо Сай. Совершенно, как оказалось, зря. У нее был такой вид, как будто она собралась выдрать этот куст с корнями, вооружиться им и воинственно размахивать, грозясь заморозить всех и вся вокруг, даже тот восхитительный речной туман.

— Полегче, — усмехнулся я. — Это всего лишь мы.

— Съешь с него ягоду, — посоветовала девочка. — Только взять ее должен ты сам, так даже лучше подействует. С моих рук будет немного не то, хотя тоже помогло бы.

— Чтобы опять заморозить себе все части тела? Их же нужно еще как-то сорвать, — перед моим внутренним взором так и встала картинка с красочным и детальным изображением меня в виде ледяной скульптуры.

— Слевитируй, что ж ты как маленький, — Сай аж взмахнула руками. Для нее, привыкшей все делать не совсем ими, представлялось очень неожиданным, что кто-то еще может об этом и не подумать в нужную минуту. Тем более, маги в несколько раз старше ее.

Действительно. А ведь самый легкий способ.

Беспрекословно послушавшись ее совета, я с помощью магии сорвал пару ягод — и почувствовал что-то очень странное. И непривычное. Здесь колдовать было проще, чем в других местах; не скажу, что намного, но все-таки весьма заметно. Сама энергия, обыкновенно несколько сопротивляющаяся необходимым при колдовстве манипуляциям с ней, в Кхалгаре начинала поддаваться и как будто изменяться самостоятельно, слушаясь желаний мага. Конечно, я не делал все так же просто, играючи, как Сай, но все-таки смог почувствовать ту магическую легкость, ту эйфорию, про которую читал в легендах и которую мечтал испытать еще с детства, когда окончательно и бесповоротно, как раз-таки из-за этих самых легенд, решил стать сильным-сильным магом, способным управлять не то что самой природой — всей Вселенной. Было мне в ту пору лет пятнадцать, не больше. И тогда, скажу по секрету, я проявлял все задатки великого колдуна — то есть, уже совершенно самостоятельно научился пользоваться телекинезом без заклинаний, только лишь с помощью рук или глаз. Хотя, на самом деле, объясняется все это вполне обыденно: как я уже говорил, дети намного более способны к чудесам, чем взрослые — в смысле дружбы со своей же энергией, умения быть с ней на равных. Хорошим примером этого и служил мой молчаливый телекинез. Просто я, в отличие от других детей, любил пользоваться этим ежедневно, любил даже играть с ней, а мои душевные родители, до ужаса довольные своим как будто бы выделявшимся среди сверстников чадом, позволяли мне заниматься тем, чем я хотел заниматься. Тем более — совершенно не боялись моих способностей. На самом-то деле, конечно же, я не был гением, хотя некоторое время даже так самонадеянно, и весьма наивно, полагал.

Многие, в том числе и университетские преподаватели, частенько удивлялись моим умениям и спрашивали, где я такому научился. А секрет в том, что в маленьком возрасте мне просто разрешали делать все так, как того желал я. И все так могут, никакой гениальности в этом нет. И понял я это, к своему счастью, довольно рано, еще в Университете, среди таких же умельцев, как и я. Самый лучший исход, а то какие бы драконы тогда излечили меня от прогрессирующей звездной болезни.

Десятки лет спустя, в семьдесят пять лет переехав из своего родного города в Нортайл и

еще через пять лет оказавшись в Высшем Королевском Университете, я, молодой, наивный и самонадеянный, испытал на себе всю жестокость реального магического мира. Каждый из преподавателей счел своим долгом напомнить нам, что сказки и легенды — они на то сказки и легенды, чтобы иметь в себе только очень маленькую долю правды. А реальный мир — он совершенно иной, в нем только долгие, упорные тренировки способны нам помочь. И то не факт.

Возможно, это был специальный продуманный учебный ход, предназначенный для мотивации будущих великих умов, однако меня это, помнится, не сильно вдохновило. Да, за шестьдесят с лишним лет я успел полюбить историю, настолько, что мое окончательное решение при поступлении, при наличии других вариантов, было сделано именно в ее пользу. Но это не мешало мне надеяться на лучшее и интенсивно тренироваться — и тут учителя, конечно, желающие всего самого лучшего, внушают нам, что добиться хотя бы хорошего уровня управления энергией очень и очень трудно.

Потом — появился найт Рифард. И продемонстрировал такой уровень владения собственной магической силой, который мне... да, как раз снился во сне. И только. Никто из моих других знакомых не был способен на такое, даже никто из преподавателей, без сомнения, очень сильных. Сразу стало ясно, почему на должность королевского мага, среди множества других кандидатур, выбрали именно найта Хайта — и то, скорее всего, годами гонялись за ним, слезно упрашивая принять их очень выгодное предложение.

А еще он сказал, что мы тоже способны научиться такому, причем без каких-то ранее обещанных нам невообразимых сложностей, тем более без продажи своей души великим драконам — согласно все тем же профессорам, мифическим созданиям, существовавшим, конечно же, во все тех же сказках и легендах. В нашей же жизни драконы, наравне с Духами, продолжают жить только в виде использующихся уже долгие тысячелетия устоявшихся сочетаний — в повседневной речи.

И очень-очень жаль. С детства хотел завести себе дракончика.

Но я говорил про демонстрацию чистой силы, специально предоставленную нам Рифардом. Это-то как раз, в отличие от красочных описаний предстоящих тяжелых будней, и вдохновило меня на два долгих года ежедневных изматывающих тренировок под отеческим присмотром будущего шефа (уж его роль в нашей работе была определена сразу же). Стоит только продемонстрировать человеку его мечту — реальную, вполне достижимую — и он сразу начинает делать все возможное и невозможное. Только нужно, чтобы это обязательно была именно его мечта.

«А еще потому что вы — и в самом деле гении, — сказал найт Рифард только один раз. — И не надо со мной спорить, тем более — не надо принижаться, уж я-то вижу, поверьте моему старческому опыту. И вообще, мысль материальна, слышали такую интересную шутку?»

Ну что ж. Смею надеяться, тренируюсь и жду.

Тем более, чувство наслаждения, возникшее при использовании магии в Кхалгаре, вдохновило меня очень сильно, вернуло в далекое детство. Нет, даже не так. Стало еще свободней, чем в детстве. Никогда, до того самого момента я никогда не чувствовал потоки энергии, плавно текущие внутри меня, по моим жилам — только в теории знал, что все так и должно быть, но этого, как несложно догадаться, всегда было недостаточно. Теперь же я точно знал, что могу использовать свою силу как хочу — ну подумаешь, что придется еще потренироваться, оно стоит этого неповторимого ощущения.

А двенадцатилетняя Сай стояла и водила рукой по кусту, который уже должен был изорвать ее атту в клочья. Но этого не происходило: потому что ткань, автоматически повторяя все движения за рукой, на которой находилась, не касалась растения вообще — а проходила его листья и колючки насквозь. По самой девочке видно было, что ей очень нравится этим заниматься, без какой-либо цели, просто так. Что ж, теперь я ее хорошо понимал.

Что я там говорил про себя в пятнадцать лет? Лучше бы не говорил. Все дети способны легко управляться со своей энергией, но... не настолько же. И даже усиленно способствующий магии Кхалгар вряд ли играл в гениальности этой девочки большую роль. Именно. Гениальности.

Раньше я не встречал гениального ребенка, просто считал, что все способны на такое — при соответствующей обстановке, и утверждения преподавателей о сложности овладения магией только подтверждали мою уверенность. Теперь же встретил.

Если верить всем источникам нашего времени, Кхалгар — легенда, сильные маги, играючи управляющие собственной силой, — легенда.

Да разве?

В каждой сказке есть доля сказки.

Придя в себя после испытанного чувства наполненности магией, я решил не дожидаться тонкого намека свыше и сразу съесть ягоды. Мне же это нужно, в конце концов. Я попробовал. И, признаюсь, еле сдержался от того, чтобы сразу выплюнуть их: пусть летят куда подальше, они, со своим неповторимым вкусом, совсем не вписываются в антураж.

— Какая пакость, — с чувством высказал я свой вердикт. — Крис, я знаю, ты очень хочешь это вкусить.

И я дружелюбно протянул ему свою руку ладонью вверх, на которой, приветливо переливаясь всеми оттенками синего, лежали несколько морозных ягод. По виду они очень сильно напоминали жимолость. По вкусу, впрочем, тоже, только намного кислее, противней и, что, кстати, весьма логично, холодней. Не на вкус, на возникающие при дегустации ощущения.

По лицу моего коллеги было видно, что попробовать-то он хочет, любопытство, чтоб его, никуда не пропадает при виде перекошенного лица друга — наоборот, в некоторых случаях даже резко возрастает. Вот только позже разбираться с результатами своего любопытства хочется далеко не всем, а уж испытывать их на себе... Впрочем, так бывает всегда, с любой вызывающей сомнения вещью, и морозные ягоды, конечно же, не являются в этом смысле исключением — ни плохим, ни, к моему величайшему сожалению, хорошим.

Поэтому моего восторгу не было предела, когда Крис уверенно взял с моей ладони пару ягод и сразу же съел их. Он мужественно держался, чтобы не поморщиться — целых несколько секунд. Пока что рекорд.

Надо будет нарвать это прелестное лакомство и принести попробовать всей нашей коллегии. Кроме Эрнис, конечно, она такого жестокого издевательства просто не заслуживает.

— Когда-нибудь я обязательно приготовлю тебе морозноягодный пирог, — с серьезным видом пообещал мне найт Лоттен. — К примеру, на следующий день рождения, будет тебе лучший в мире подарок.

— О, жду с нетерпением, — усмехнулся я.

— Вот и ладушки, — Крис удовлетворенно кивнул головой.

Кулинарные таланты моего друга, проявленные еще во время нашего совместного (жестокого и беспощадного) проживания в университетском общежитии, заслуживают отдельного описания. Но об его занимательных экспериментах с едой — в другой раз.

После того, как я употребил в пищу вышеупомянутое, не побоюсь этого слова, лакомство, правая, замерзшая, рука решила напомнить о моем существовании — впервые за все это время, потому что раньше я ее почти не чувствовал. Посчитав это хорошим знаком, я принял решение мужественно доесть те ягоды, которые успел сорвать. Не могу сказать, что я от этого получил очень много удовольствия, однако с удивлением отмечу, что под конец ягоды перестали казаться невыносимо противными. Привык, что ли? С такими темпами и в самом деле скоро начну ждать пирог из морозных ягод в качестве подарка на день рождения.

Весь долгий день маленькая хозяйка водила нас по всем близлежащим окрестностям, то и дело сама пропадая в неизвестном направлении — но неизменно появляясь снова, причем каждый раз приносила в руках что-нибудь новое: цветок какого-либо неизвестного нам растения, маленький камень причудливой формы или раскраски, один раз даже с восторженным видом притащила обломок метеорита, который, по ее словам, упал на наш Мир совсем недавно. Судя по окрестностям, что-то незаметно последствий такого бедствия, однако с Кхалгара станется в считанные секунды исправить и не такое. Пару раз девочка приводила с собой зверьков. Больше всего мне понравился дружелюбный, ласковый лось со светящимися, так и испускающими магическую энергию красными рогами.

— Его зовут Дорах, — сообщила Сай, ласково глядя лосю — Говорят, он с помощью своих рогов может вызывать Духов. Я в это верю, хотя ни разу не пробовала. Дорах, а ты сам-то пробовал?

Лось только промолчал в ответ. Хотя, у меня сложилось ощущение, что в его глазах блеснул хитрый многообещающий огонечек. Животные сами по себе волшебные создания, намного, по сути своей, волшебнее и лучше, чем люди. А если уж встречаются такие умные, вдобавок еще и, предположительно, обладающие настоящей магической силой, зверюшки, то можно с уверенностью считать, что день не прошел зря.

— Хороший день, Дорах, — мы учтиво поздоровались с животным — Нас зовут Крис и Альвер.

Дорах закрыл глаза и немного поклонился. То же самое сделали и ошеломленные мы.

Под вечер (неизвестно, сколько часов спустя) наши рюкзаки были наполнены всякой всячиной, любезно принесенной Сай из разных уголков окрестностей, а наши блокноты — полностью исписаны торопливыми, разрозненными заметками. Что ж, по возвращении домой нас ждет много работы по сбору всего этого в единую, целую картинку.

Сейчас же мы уже и думать не могли о каких-то анализе и структурировании записанных наблюдений, потому что постоянное гудение в ногах напоминало о проведенном на них дне, а урчание в желудке тонко намекало, что прихваченных с собой бутербродов явно не хватило на утоление голода двух взрослых прожорливых парней и одной маленькой девочки.

Правда Сай, казалось, совершенно не устала, вовсе наоборот — проявляла энтузиазм и призывала идти дальше, чуть ли не насильно утаскивая упирившихся нас за руки.

— Какие вы ленивые, нельзя такими быть, — наконец признала она, до этого сделав последнюю (и неудачную) попытку увести нас, без предупреждения толкнув магическим потоком в спины. Наверно, она не сильно старалась, иначе мы бы уже давно висели на ветках ближайшего дерева, совершенно не понимая, как мы вообще там оказались. А так

просто покачнулись, но равновесие все-таки сумели удержать.

— Завтра мы пойдем чуть дальше, к холму, — восторженно сказал Крис.

По всей видимости, уже предвкушая хоть и дальний, но очень интересный и познавательный поход.

— Завтра вас тут уже не будет, — Сай нахмурилась и даже как будто немного расстроилась, говоря это. Выразительная же у ребенка мимика.

— С чего ты взяла? — улыбнулся я.

— Я просто это помню.

— Но ведь мы даже пока что не разобрались, как вернуться обратно, — заметил Крис и подмигнул мне. — И пока что нам заниматься этим не очень-то хочется. Правда же, Альвер?

Я был совершенно согласен. Тем более, мне же с этим разбираться, а не Крису, в конце концов. Поскольку я с Ураганами лажу лучше, чем остальные мои коллеги, эту работенку всегда все сваливали на меня, даже найт Рифард, хотя тот-то точно имел в этом плане гораздо больше опыта. Да и во всех остальных планах, что уж там лукавить, если и так все вполне очевидно.

— Так вы точно не хотите пойти сейчас? — последний раз, уже заметно теряя надежду, спросила да девочка.

Мы переглянулись.

— Знаешь, — начал я. — А тут есть библиотека?

Сай, почему-то задумавшись на, хоть и маленькую, но долю секунды, согласно кивнула головой.

— Точно должна быть, — ответила она. — Только поискать придется, библиотека тоже время от времени исчезает со своего места.

Искали примерно час. Нашлась она в итоге в закутке коридора на третьем этаже, в его самом конце — и попробуй ведь еще такое место в огромном замке найти. Стеснительная, оказывается, мадам, эта библиотека, раз так далеко спряталась.

Не забыв захватить с кухни какую-то еду и огромное количество сладкого чая (и как мы только собирались столько выпить?), мы вернулись на третий этаж с твердым намерением просидеть за книгами всю ночь и не отвлекаться на посторонние дела. К счастью, это интересное помещение все еще оставалось на том же самом месте, где мы его и оставили, убедительно попросив дожждаться нашего возвращения. Даже дверь самостоятельно не закрылась, бывает же такое. Видимо, библиотеке самой стало до ужаса интересно, кто же такой ненормальный на самом деле рассчитывает перебрать все ее богатства в виде множества множеств удивительных книг — и обычных, и магических — всего лишь за одну ночь. А, если верить словам Сай (а ее словам, судя по всему, можно верить), то большего количества времени у нас просто не было — правда, непонятно каким образом, потому что мы и вправду не имели ни понимания, как нам вернуться в свое время, ни желания получить это понимание в ближайшее время.

Сама же Сай куда-то убежала, клятвенно обещая в скором времени вернуться к нам. Закуталась в атту потеплее, накинула на голову капюшон, премило улыбнулась, помахала нам обеими руками и снова маленьким вихрем направилась к выходу.

Может, у нее просто прогрессирующая страсть к одиночным ночным прогулкам? Вчера ведь она тоже что-то делала на улице одна, в довольно-таки поздний чай, когда по какой-то счастливой случайности встретила нас. Если это, конечно, была случайность.

Когда мы с Крисом вернулись, набитые провизией, любезно выделенной нам

гостеприимной хозяйкой, я первым делом налил себе полную кружку чая и вместе с ней слевитировал к верхней полке, намереваясь взять оттуда охапку пыльных книг и, мягко приземлившись обратно, приступить к упоительному чтению. И только там, под высоченным потолком, вспомнил о том, что жидкие вещества имеют интересную привычку проливаться — после того, как весь мой чай весьма тривиальным, не имеющим ничего общего с магическим, образом оказался на полу рядом с тем местом, откуда я и взлетел. Крис, чудом избежавший принятия неожиданного теплого душа, не поднимая голову, погрозил мне кулаком и запульнул в меня подушку с дивана, очень кстати оказавшегося рядом. Конечно же, я ее поймал. И, поблагодарив от всего сердца за такой прекрасный подарок сниже, вернулся на твердую поверхность с тремя взятыми наугад книгами. По интересному совпадению, все они оказались очень похожими на вид: большими, толстенными и — все в красных переплетах. Вдобавок, все три были еще и очень тяжелыми: такими можно и убить, если, очень постаравшись, поднять все сразу настолько высоко, чтобы можно было дотянуться до чьей-то головы. Правда, еще попробуй это все поднять. А окружающие посмеются.

Крис и посмеялся. Над тем, как я, не особо удачно приземлившись прямо в свою же сладкую чайную лужу, станцевал сумасшедший на вид танец с таким впечатляющим грузом в руках.

— Ты как обычно, — через минуту отойдя от своего истерического припадка, добродушно сказал он.

Вот нет чтобы помочь другу, а.

— Но я не упал, — я широко улыбнулся, победно размахивая подушкой в одной руке и всеми тремя книгами-переростками в другой.

— О, не переживай, это легко исправить.

До того, как он успел злостно осуществить задуманную пакость, я отбежал к дивану и с размаху прижал к нему свое измученное за день тело, придавив себя все теми же источниками вселенской мудрости. Ох, да мне даже с ними-то разбираться не меньше пяти часов, не отвлекаясь, что там говорить про другую наличествующую тут в изобилии литературу. Давно ведь собирался выучить магию замедления времени, но так и не собрался — и очень-очень жаль, имел бы сейчас возможность просидеть тут немного дольше. А ты, Альвер, ленивая задница, так тебе и надо, будешь в следующий раз сразу делать то, что хочешь, а не все время откладывать на абстрактное «завтра», оправдываясь перед самим собой кучей как будто бы неотложной работы.

На самом-то деле, несмотря на всю существующую в Море неотложную работу, Рифард бы отпустил, под таким-то прекрасным предлогом. И, естественно, я это знал. Самообучение — это всегда хорошо. Только иногда — очень лениво.

И вообще, это ж библиотека, приятель. Может, где-то тут и есть теория магии замедления, надо только поискать. Например, вот в этих трех замечательных фолиантах, не зря же я их взял первыми, в самом деле. Быть может, это сама судьба натолкнула меня на такой прекрасный выбор?

Так, пошли мысли, медленно, но верно трансформирующиеся в розовые сопли. Ясно. Кажется, кто-то переходил за день и этому же неизвестному кому-то нужно срочно сменить род деятельности.

— Садись, — я примирительно хлопнул ладонью по свободному месту на диване. — И тащи сюда что-нибудь, а то мне обидно будет работать в полном одиночестве.

— Так и быть, притащу себе чай с пирогом, — милостиво улыбнулся мой друг. Но все-таки взял с запыленного стола книгу и с размаху приземлился рядом, заодно подмяв пол себя все немногочисленные подушки.

— И что это у нас? — обращаясь к окружающему пространству, спросил он и прочитал вслух — «Нетрадиционные способы выращивания трехперстных выюнов». Как интересно. Альв, как ты думаешь, нам нужно выращивать трехперстные выюны?

— Любопытный вопрос. Мне нужно время, чтобы подумать, — ответил я, изобразив последнюю степень серьезности и задумчивости. — Ну, если нетрадиционно... Тогда да, непременно. Открывай.

Ну, мой друг и открыл. Даже сделал вид, что внимательно, заинтересованно читает: тщательно вглядывался в каждую строчку и даже некоторое количество раз переворачивал страницу. Весь этот каламбур продолжался несколько минут, сопровождаясь колоритной тишиной и моим с каждой секундой становящимся все более любопытным видом. Под конец я, откровенный дилетант и дезертир сельскохозяйственного производства, не выдержал и заглянул Крису через плечо — через минуту же осознал, что сам вчитываюсь в написанный мелким, не совсем разборчивым почерком текст, не в силах оторваться. Нет, написано так и вправду было про трехперстные выюны, и, если вдуматься, до такой степени скучно, что впору громко и с наслаждением захлопнуть книжку и закинуть ее на самую далекую полку шкафа, чтобы она пылилась там годами, размышляя над своим поведением. И все же прекратить чтение было весьма и весьма проблематично: похоже, какой-то очень умный и сообразительный автор наложил на свое произведение искусства притягивающую магию, смысл которой, в данном конкретном случае, заключался в невозможности отложить книгу до тех пор, пока не прочитаешь достаточное количество страниц или вообще все до конца — причем с созданием иллюзии наличия крайне занимательной информации, которую так и хочется узнать и сохранить в памяти, ну хоть ты тресни.

Его бы навыки да в учебную литературу для школьников студентов. Цены бы не было.

Как я умудрился оторваться — честно, понятия не имею. Возможно, меня просто что-то отвлекло, к примеру, какой-то звук за окном или его отсутствие. Хотелось гордо сказать, что я, наученный горьким опытом, полученным с помощью Университетских библиотекарей (хитрых и коварных), просто не поддался такой магии, но это было бы наглой и неправдоподобной ложью. Хотя бы потому, что действия этого заклинания я никогда до сих пор на себе не испытывал, только слышал про него, и то пару раз — и оба раза мельком, с мгновенным переводением темы на совершенно другой объект. К тому же мой друг в таком случае точно смог бы прекратить такое увлекательное чтение, раз уж это так быстро сделал я.

В любом случае, что-то так удачно отвлекло меня, и я теперь просто обязан был посодействовать в этом маленьком дельце Крису. Все равно потом же за это можно будет что-то требовать, доказывая свою правоту тем, что я подарил ему несколько часов свободной, можно сказать, счастливой жизни, лишенной активного участия в ней трехперстных выюнов.

А если б меня ничего не оторвало? Так бы и сидели мы вдвоем, держа в руках полусъеденные бутерброды и старательно вчитываясь в строчки — в полной уверенности, что познаем жизненно необходимую информацию — до самого прихода нашей маленькой хозяйки. Конечно, кто вообще может знать, какая информация нам рано или поздно пригодится для — а почему бы и нет? — спасения жизни, ей могут оказаться даже эти

нетрадиционные способы выращивания, чем только Драконы ни шутят. И все-таки картинка рисуется та еще: с обездвиженными, произвольно увлеченными нами и итоговым эпичным спасением заблудших чтецов вернувшейся домой рыжей двенадцатилетней ведьмой. И все это происходит в неизвестном прошлом, где еще столько интересного нужно посмотреть, прочитать и увидеть — а мы вникаем в процесс выращивания выюнов, совершенно забыв об остальном окружающем нас, невероятном, удивительном, магическом мире. Действительно, зачем все это? Только выюны, они ведь, до конца последней страницы книги, стали новым смыслом жизни.

— Эй, Крис, — я помахал рукой у него перед глазами, заодно загораживая внезапно ставшие такими притягательными рукописные буквы. — Я, конечно, понимаю, что ты решил посвятить свою оставшуюся жизнь выращиванию трехперстных выюнов нетрадиционными способами, но у нас сейчас есть другие дела. Поэтому, уж прости, придется тебе отложить свое новое хобби на более подходящее для этого время.

И я резко захлопнул книгу, для пущей убедительности попав ему по пальцам. Так, чтобы неповадно было в следующий раз.

— Брр, — секунду спустя Крис начал отходить от воздействия магии. И потряс головой, чтобы помочь себе выполнить эту довольно-таки непростую задачу.

— Интересно? — вкрадчиво поинтересовался я, с невинным видом поедая бутерброд.

— Исключительно. Особенно про то, как эти драконьи выюны нужно опускать перед посадкой в... гадость какая, — с чувством закончил свое предложение мой друг и через секунду уже сам над собой смеялся.

— Ну-ка, ну-ка, куда? — я даже в какой-то мере заинтересовался. Снова. Вот не дайте Духи, чтобы это еще и на слух действовало. И правда удивительно, что маги не применяют это для образования. По моему скромному мнению, весьма действенный способ заставить нерадивых учеников хоть что-то все-таки учить.

— А ты сам прочитай, — он, с ехидной мордой пытаюсь изобразить из себя самую любезность, протянул мне это злополучное чтиво.

— Нет уж. Я лучше съем твой бутерброд.

— Бутерброд не трожь! Это, может, моя единственная радость на данный момент времени, — он, хоть и знал, что я шучу, но на всякий случай убрал заветную еду подальше от моих загибающих рук.

— Ой ли? — я сделал недоверчивое лицо. — А как же выюны?

— Если только выюны. Но все-таки мой любимый бутербродик не превзойти даже им.

Часа три (или четыре?) спустя вернулась Сай. Она обнаружила нас в состоянии тотальной увлеченности чтением и полного отсутствия какой бы то ни было сонливости. Правда, к тому времени мы уже съели все бутерброды и выпили весь чай — и уже начинали отчаянно нуждаться в добавке, откровенно лентясь спуститься за ней вниз. Да и мало ли, куда за время путешествия до кухни вздумает деться библиотека, к тому же, с моим другом внутри? Ищи-свищи их еще потом.

На этот раз Сай почему-то замерзла. По крайней мере, она об этом во всеуслышанье объявила и в доказательство своих слов некоторое время продолжала кутаться в теплую атту, поглощая горячий чай кружками. Собственно, она и стала тем человеком, который удосужился взять с кухни добавку: причем с чайником и закусками она пришла в библиотеку сразу же, как знала, что мы ей будем очень и очень рады. И добавке, и самой Сай, конечно

же.

К тому времени я уже заканчивал просматривать последний том из тех трех, которые я заметил первым делом, и уже подумывал о том, что бы взять в роли следующей партии. Очередной мой блокнот был исписан полностью, причем по большей части непонятными даже для меня закорючками. Половина изображенных на листочках бумаги символов оправдывала свою непонятность моим, мягко говоря, не совсем каллиграфическим почерком, вторая же просто содержала в себе кучу познавательной и новой для меня информации, которую я искренне планировал разобрать в дальнейшем, особо не загружая свой мозг в данный момент. В любом случае, во время чтения умных книг, содержание которых заставляет непроизвольно задуматься о своей научной ограниченности, на протяжении нескольких часов кряду, не особо-то получается не загружать свою голову, даже если и читать, не особо вникая в мелкие подробности, как это делал я.

Сай удобно устроилась между нами и поочередно заглянула в книжки, которые мы в тот момент держали в руках.

— А зачем вам именно эти книги? — вдоволь рассмотрев страницы, спросила она. — Разве вы не можете найти их у себя?

— Не можем, — улыбнулся я. — В первый раз в жизни такую вижу, хотя в свое время облазил все книжные лавки и библиотеки Норталла.

— А библиотека Ковена? Вы там точно-точно были, — девочка немного нахмурила лоб, явно раздумывая.

— Были. Но все-таки успели облазить ее далеко не полностью.

— Ну и что вам мешает?

— В данный момент — невозможность туда попасть, потому что мы находимся немного в другом времени, — добродушно пояснил Крис, наконец-то заставив себя отвлечься от «Изменения изменений» — книги, которую он откопал где-то далеко-далеко на полках и которой был по какой-то причине очень рад. Я так думаю, из-за названия: меня, по крайней мере, оно вводило в некоторый диссонанс.

— А потooooм?

— А потом мы обязательно перероем там все, раз уж ты посоветовала, — пообещал я, закрыл книгу и, улыбаясь, посмотрел на девочку. — А что предлагаешь почитать ты?

Множество полок книг выстроились перед нами в красивый, стройный ряд, соблазняя заядлых читателей одним своим видом, но вот только книжки на них были разложены в хаотическом порядке. Никаких секций по темам, никакого алфавита не было и в помине, что, конечно же, создавало некоторые, весьма большие, проблемы. Чтобы найти тут что-нибудь определенное, наверное, пришлось бы истратить энергию на поисковую магию и потом только залезать наверх, не прекращая его ее действия, а уж в ситуации невозможности использования этого заклинания... Например, во многих библиотеках ставятся очень сильные глушители магии, дабы неаккуратные, но до неприличия старательные любители самостоятельного изучения волшебства случайно не натворили дел и не разгромили саму библиотеку — ведь такие казусы раньше происходили частенько. Кстати, с того давнишнего момента, когда идея установки глушителей была одобрена самим королем, и начала постепенно обесцениваться профессия библиотекаря, тем не менее, сильно уважаемая и по сей день.

До того времени библиотекарями становились не только очень образованные, способные объяснять все на свете и найти в своей библиотеке все что угодно ученые, но,

вдобавок ко всему вышеперечисленному, сильные, могущественные практики, способные собственными силами предотвратить разгром без использования этих самых глушителей, блокировать любую магию, даже в случае чего — быстро и эффективно разобраться с последствиями. И — останавливать нападения, организованные для кражи тех или иных артефактов, которые по разным причинам хранились в библиотеках. Такое случалось, кстати, довольно часто: всем нужны могущественные магические побрякушки. Но мало у кого получалось осуществить задуманное на практике. Был я в таких временах, видел тех библиотекарей в действии. И думал, что лучше этих до невозможности образованных, мудрых, добродушных, гостеприимных старичков в запыленных старых аттах не злить — себе дороже.

Здесь же библиотекарем, похоже, на время стала Сай. Она встала с дивана и направилась к книжным полкам с намерением найти там что-нибудь, что окажется нам очень полезным. Она целеустремленно рылась в книгах, некоторые откладывая в сторону, а некоторые чуть ли не отбрасывая на другой конец комнаты после того, как смотрела на них буквально долю секунды. На отдельные экземпляры она смотрела чуть ли не по половине минуты, часть из них открывала, чтобы бегло пролистать, а в совсем небольшой процент — вчитывалась. Мне стало очень интересно, по какому принципу эта девочка выбирает для нас литературу. Надо потом не забыть спросить.

Продолжалось это представление несколько минут: до тех пор, пока та полка, книжки из которой она в тот момент усердно перерывала, не начала совершенно самостоятельно исчезать — в самом прямом смысле. Испаряться в воздухе. Похоже, это удивило даже саму Сай, что меня, знакомого с ней всего сутки, как раз поразило больше всего. Подумаешь, стена исчезла, важности какие, чего в этом мире ни случается, но — удивило? Сай? Что вы, бросьте, такого просто не бывает.

Через секунду меня осенило:

— Ха. Тайный ход, — очень довольно воскликнул я, чуть ли не потирая руки от удовольствия и предвкушения чего-то интересного. — В библиотеке. Обнаруженный случайно. Слушайте, прямо по всем законам жанра.

Мы с Крисом подошли поближе.

— Да, но как именно ты его открыла? — спросил мой друг, заинтересованно осматривая образовавшуюся дыру в стене.

— Я... не знаю, — медленно произнесла Сай. Она сама все еще думала над тем, что только что произошло и как это произошло. И почему она об этом не знала раньше.

— Как???

— Я не знала, что тут есть тайный ход, и это очень странно, — она встала на то место, где буквально только что была полка. — Но я собираюсь посмотреть, что там. Кто со мной?

Сай сказала, что найдет нам что-нибудь интересное, — Сай нашла нам кое-что очень интересное, ничего не скажешь.

Хоть мы порывались пойти вниз по открывшейся нашим глазам лестнице сразу, Крис настоял на том, чтобы мы сначала поняли, как этот тайный проход работает — мало ли что. Конечно же, он был прав, и мы вдвоем начали усиленно осматривать все вокруг, пытаясь найти улики либо скрытого механизма, автоматически приводящего заклинение исчезновения в действие, либо, что в данном контексте времени и пространства более вероятно, следы более сильной магии, сработавшей безо всякого механизма.

Механизма, конечно же, не было. По крайней мере, раз его не нашел Крис, мастер по

поиску каких бы то ни было вещей, то вряд ли его бы нашел кто другой, только если по чистой случайности. Магия поиска, о которой я уже вспоминал в тот вечер в связи с хаотическим расположением книг в библиотеке, показала точно такой же результат: никаких посторонних вмешательств, к образовавшемуся проему не вели никакие силовые потоки. Если механизм и был, то он растворился вместе с книжной полкой, но, в таком случае, тут возникает одна небольшая несостыковка: должна же полка как-то появляться обратно, а если нет, то в чем тогда смысл такого тайного хода?

Поэтому мы все пришли к выводу, что нужно включать в это дело Истинное зрение — зрение, позволяющее видеть наш предметный мир на энергетическом, магическом уровне, точнее, видеть следы когда-либо сотворенной здесь магии, считывать энергетику со всего подряд, рассматривать ауру людей, животных и всех предметов. Интересное занятие, чего говорить, но вот только для новичков очень и очень трудозатратное. Я учился ему не так долго, но вот некоторые мои коллеги по учебе не могли освоить эту технику годами, уж не знаю почему, да и все еще испытывали некоторые трудности с ее применением. С другой стороны, я видел, как управляют с этим профессиональные, опытные маги, и тут больше всего подходит именно это слово — играючи. И предположить не могу, почему они не смотрят так на мир постоянно. Может, чтобы каждый раз, смотря на все Истинным зрением, поражаться настоящей красоте мира снова? Или чтобы не сойти с ума от такого головокружительного буйства красок, от становящейся совершенно доступной энергетики?

При Истинном взгляде мир резко приобретал краски, множество красок, спектр которых даже не сразу укладывался в голове. Их сразу становилось намного, а разы больше. Говорят, человеческий глаз способен воспринимать далеко не все существующие на свете цвета, но магия Истинного зрения позволяет расширять физические возможности, видеть ранее недоступные вещи, такие как вшитые в реальность магические потоки и оставленные кем-то следы ауры.

Я закрыл глаза, сосредоточился и представил, что мои глаза исчезают — почему-то техника Истинного зрения применяется именно так. Никогда не вдавался в историю этого вопроса, но, помнится, удивлялся не раз, особенно поразился, когда впервые об этом услышал. Но тут уж ничего не попишешь, придумал этот способ не я — да и вообще не понятно, кто его придумал.

Потом я расслабился и медленно открыл глаза. Вокруг все резко изменилось. Нет, полки, книги, стол, диван и даже наши бутерброды никуда не пропали, просто обрели ауру, стали как будто светиться изнутри, каждый из них — каким-то определенным цветом, который фактически не повторялся. Даже воздух теперь переливался, и его пронизали мерцающие магические потоки разных размеров и цветов, устремляющиеся куда-то в стороны и ввысь, сквозь стены и потолок. Где-то на улице, за распахнутым окном, шаловливый ветер играл сам с собой в догоняжки, ловя зеленый поток синим, красный — золотым, и переносил с собой следы всей магической энергии всех живых и неживых существ Кхалгара. Луны светились намного ярче, чем обычно, как будто красуясь друг перед другом, а в самой библиотеке книжки, храня в себе отпечатки всех тех, кто их когда-то брал в руки, постоянно меняли не только оттенки, но и сами цвета, причем весьма кардинально — видимо, пытались опытным путем определить, что же им все-таки ближе. А метаморфозы, происходящие с аурой книжек с заклинаниями, и описать трудно, настолько они были резкими, частыми и неожиданными. С магическими книгами всегда такая неразбериха, сколько ведь магии в них заложено в письменном виде, и подумать страшно.

Окрасилось абсолютно все. В моем времени такого не было, чтобы магия присутствовала в огромном количестве везде. Где-то больше, где-то меньше — да, но чтобы по всему пространству и с такой ошеломляющей Истинный взгляд плотностью...

Кхалгар снова напоминал о своем существовании.

То место, где я недавно взлетал, чтобы взять книги с верхней полки, теперь стало немного более расплывчатым, чем окружающее пространство, воздух двигался в нем из стороны в сторону. Почему-то моя аура, как и моя магия, принимала именно такую форму: бесцветный, почти что прозрачный воздух, колеблющийся и завывающийся в маленькие вихри. Рифард всегда говорил, что именно поэтому за мной очень сложно уследить: мало кто способен подолгу всматриваться в ветер, в то время как у подавляющего большинства магов энергия окрашивается в какой-то определенный цвет. У Криса, например, зеленый, изменяющийся от светлого до темного, в зависимости от интенсивности расходования энергии — вон, его следы еще видны повсюду, где он ступал. У Сай...

Интересно. Я посмотрел на нее и увидел ярко-красное, почти что малиновое, плавно переливающееся свечение, с легкими завихрениями, которое наиболее интенсивно выделялось у кистей рук. Значит, она — как и я, маг, использующий свою внутреннюю энергию: это наша характерная черта. А аура, конечно, красивая, моя бесцветная с ней и рядом не стоит.

А заодно я увидел и книжную полку. Ту самую, которая охраняла тайный ход и которая растворилась в воздухе некоторое время назад. Удивительные дела — с учетом, что моя рука продолжала спокойно сквозь нее проходить, как будто никакой полки там и не было. И от моих движений по поверхности этой полки шли круги, прямо как по воде после того, как в нее попал камень. Окружала же ее аура какого-то странного, не виданного мной ранее оттенка, значение которого я не мог сходу определить — значит, была применена какая-то незнакомая мне магия. Каким именно образом? Это еще только предстояло узнать.

— Она провалилась в подпространство, — сказала Сай, первой нарушив как-то само собой образовавшееся молчание.

— Что? — уточнил Крис, тоже заметивший странную вещь с частичным возвращением пропавшего предмета интерьера на его законное место.

— Полка. Она на самом деле не растворилась, она просто перешла на... другой уровень, что ли, — девочка сама с заинтересованно водила туда-сюда рукой, заставляя поверхность колебаться. — Как интересно.

— Ох, — задумался я. — И как она умудрилась это сделать?

— Нуу... — Сай снова нахмурила лоб. — Наверно, кто-то из нас умудрился активировать эту магию и сам того не заметил. А может, это происходит время от времени — исключительно по собственному желанию.

Я начал разглядывать корешки книг, стоящих на полке. «Голдурус», «Кевиант», «Кларомор», «Витавий»... сколько интересных, но совершенно непонятных названий.

— Тут есть свободное место, — заметил я, просмотрев весь ряд.

— Конечно, я же достала несколько книг, — Сай указала взглядом на столик, где лежали все таким наглым образом извлеченные со своих законных мест старые фолианты.

— А что именно ты взяла? — уточнил Крис и подошел к столику ближе. Я последовал за ним и взял в руки первую попавшуюся книгу, носящую гордое название «Драконий фаст». На ее однотонной, довольно темной и приятной на ощупь обложке следы, оставленные временем, были очень сильно заметны. Некогда золотые буквы выцвели и теперь больше

походили на бронзовые, но, тем не менее, выглядели все так же впечатляюще и гордо, а рисунок, даже в свое время выполненный довольно небрежно, практически стерся и потерял какие-либо вразумительные очертания.

Да, очень старая книга. Интересно, ее вообще можно читать?

— Наверно, эту, — сказал я, указывая на «Драконий фаст». — Она лежала в стопке верхней.

— Ага, — Сай выхватила ее у меня и легко провела рукой по обложке. — Да! Я могла еще раньше догадаться.

Рисунок, ранее показавшийся мне белесым пятном, слишком резко выделявшимся своей небрежностью на темном, гордом фоне обложки, стал быстро изменяться — принимать разумные, понятные очертания. Несколько мгновений спустя на его месте совершенно четко вырисовался силуэт явно большого, статного и впечатляющего существа с крыльями, хищными зубами и длинным зубчатым хвостом. Дракон?..

Хотя — довольно логичная иллюстрация для книги с таким названием, чего тут удивляться.

Когда Сай уверенным движением сунула эту книжку мне, я немного удивился. Более того, сама девочка выглядела до такой степени обрадованной, как будто только что нашла забытые сокровища древних королей и как раз начала серьезно раздумывать над тем, как бы их применить наиболее лучшим образом.

— Зачем? — недоуменно спросил я, все-таки взяв этот довольно-таки тяжелый фолиант снова. Вот только что же она у меня его выхватила, а теперь отдает обратно, причем делает это с такой настойчивостью, что попробуй только откажи — непонятно, что случится с Миром после такой обиды.

— Проведи по рисунку пальцами, давай, — она произнесла это таким тоном, каким умеют разговаривать, вот честно, только дети, старающиеся подбить других на шалость. Я решил не поддерживать свою репутацию старого скучного взрослого и сделал все так, как меня настойчиво упрашивали.

Погладил и почувствовал, что рисунок под пальцами потеплел и как будто бы начал вибрировать — всего на секунду, но и этого хватило, чтобы заметить и оценить масштаб магического искусства автора книги и мастера этой обложки. Когда я касался нарисованного Дракона, появлялись тоненькие, почти что незаметные энергетические импульсы, ведущие от книги к книжной полке, которые можно было увидеть только с использованием Истинного зрения. И эти импульсы обладали именно той аурой, которую я впервые в жизни увидел на неосязаемой книжной полке и которую так и не смог распознать.

Тайный ход в библиотеке старого замка, открывающийся с помощью книжки, каким бы то ни было образом. Естественно. Такое должно было произойти обязательно, как же можно преступать неписанный закон жанра.

— Почему я его не помнила, — озадаченно задала самой себе вопрос Сай. — Я же должна была, в любом случае.

Мы с моим другом снова переглянулись. Иногда мы просто не понимали, почему наша новая знакомая говорит теми или иными формулировками, но по негласному договору оба не спрашивали ее об этом — потому что для нее-то, как раз, такая манера была привычной и естественной, без каких-либо сомнений по этому поводу. Просто — другой и не существовало. Даже такой мысли не могло возникнуть, в принципе. С таким же успехом можно задать человеку подобный вопрос про его походку, почерк или хотя бы привычку

постоянно дышать, для некоторых существ нашего Мира очень странную. И ведь непонятно, что нужно на такой вопрос отвечать. Просто привычка, так или иначе сложившаяся еще в детстве?

— А сейчас вспомнила? — решил уточнить Крис, в руки которого переключал ключ, так удачно маскирующийся под книжку. Он держал пальцы на изображении дракона, которое под таким постоянным воздействием не пропадало и продолжало поражать своим на удивление живым, как будто бы осознанным видом. Конечно же, такая простая картинка, обыкновенный силуэт, не умеет думать, о чем тут можно говорить — но картинки, созданные могущественными магами, частенько производят подобное впечатление. Двигаются же написанные магами-художниками произведения, в самом деле, так почему бы и не вложить подобную магию в потайной ключ? Просто так, для мистического антуража, ведь некоторым обязательно нужен красочный визуальный эффект.

— Почти... здесь должно произойти что-то очень важное. Правда, еще совсем не скоро, — Сай, выключив Истинное зрение, с интересом заглянула в снова образовавшийся проход. — А догадаться на самом деле было легко. «Фаст» — это же «касание» с Дораскейва.

— С чего? — я слышал это слово в первый раз в жизни. По контексту догадаться о том, что речь идет об одном из языков, возможно — одном из древнейших языков, было несложно. Оставалось только понять, почему я, так сильно любивший языкознание в Университете и способный узнать каждый из древних языков на вид или на слух, слышал о каком-то из них впервые. Не так уж и много в нашем Море существовало языков, даже во всех эпохах вместе взятых, а еще меньше их осталось в моем времени.

— Это наш язык, и мой, и ваш, — быстро пояснила девочка, совершенно не вдаваясь в подробности, несмотря на наше с Крисом явно нарисованное на лицах желание узнать как можно больше. Ее внимание снова было приковано к неожиданно обнаруженному тайному ходу, который как раз и вызывал ее неудержимый интерес — одним своим наличием в данном конкретном месте. Хотя не думаю, что Сай была бы менее заинтересована, найдись он в совсем другом помещении, будь то кухня, ее собственная спальня или обыкновенный коридор, украшенный статуями и гобеленами, коих в замке десятки.

Именно поэтому Сай так быстро переключилась с познавательной темы древних языков на тему организованных групповых экспедиций в случайно обнаруженные в библиотеках тайные ходы.

— Мы же пойдем туда, правда? — она чуть ли не умоляюще взглянула на нас и сделала до такой степени милые глаза, что только самый черствый в мире человек не проникся бы. И то вряд ли — настолько профессионально эти дети умеют добиваться того, что им нужно, всем бы обладать такими полезными способностями. Причем зачем выпрашивала — лично для меня совершенно непонятно. Как будто бы от нас что-то на самом деле зависело, и она бы не рванула туда без нашего с Крисом разрешения. Даже смешно как-то.

А нас, конечно же, и упрашивать не надо было. Оставив в библиотеке все на своих местах (в том числе так и не допитый чай), наша тройка аккуратными шагами направилась в темноту тайного хода, освещая себе путь то и дело вызываемыми кем-то из нас энергетическими шарами. Старая каменная лестница оказалась винтовой и, что необычно для такого их вида, довольно широкой — настолько, что на нее спокойно вмещались три человека. И длинной: по мере нашего спуска не раз возникало ощущение, что мы очень далеко ушли от третьего этажа, на котором так радостно пребывали до того опрометчивого

решения начинать спускаться в неизведанные дали. То ли кто время решил растянуть до неузнаваемости, то ли сделал то же самое с пространством — в любом случае, к тому моменту, когда последняя ступенька осталась позади, мы успели преодолеть такое большое расстояние, что могли серьезно задуматься о том, а не спустились ли мы ненароком на глубину мирового океана.

— Это просто... комната? — неуверенно спросил я, хотя все видел своими глазами. Вполне возможно, что я видел все то же самое, что и мои спутники, хотя это, впрочем, далеко не факт. — Но зачем делать такой тайный ход ради одной пустой комнаты?

— Я не уверен, что она пустая, — Крис внимательно вглядывался в воздух, для чего-то вода около себя руками.

Сначала я хотел шутливо намекнуть своему другу, что он так и не удосужился записаться на вечерние курсы будущих мимов, и по этой причине его представление не выглядит сильно убедительно, но потом все же догадался, что Крис смотрит на окружающее его пространство Истинным зрением и поэтому способен видеть что-то, чего в данный момент не наблюдаю я.

Самокритично оценив всю свою степень заторможенности, я решил последовать его примеру — и сразу же увидел кружащиеся вокруг нас лучи энергии, обладающие точно такой же аурой, как и та исчезающая полка, и замаскированный ключ к ней. Странная, необычная, непривычная аура. Бесцветная и до невозможности красочная одновременно. Успокаивающая и ослепляющая. Густая и неосязаемая. Так и хочется коснуться ее, поймать, схватить за несуществующий хвост и жадно впитать в себя.

Теоретически-то, конечно, я понимал, что Истинное зрение не дает способности касаться ауры, оно позволяет всего лишь видеть ее, однако это осознание вовсе не помешало мне следовать за витающей в воздухе энергией руками, пытаюсь забрать себе ее частичку. В тот момент я даже четко понимал, что делаю, и внушал себе, что как будто действительно понимаю, зачем я это делаю. Хотя на самом деле, конечно же, никакой определенной цели не было и быть не могло — только одна причина: непреодолимое притяжение этой невиданной, неповторимой силы.

Мне даже удалось коснуться какой-то незначительной части этой энергии. И дальше я собственными глазами видел, как эта невозможная, фантастическая аура проникает в меня сквозь пальцы, чувствовал, как что-то теплое и приятное льется по всему моему телу.

В какой-то момент я все-таки отвел глаза от собственных рук, окруженных мистической силой, и увидел Сай. Она стояла неподвижно, явно не реагируя на магию, так сильно подействовавшую на нас с Крисом, и держалась за голову, как будто напряженно размышляя над чем-то, ее глаза при этом были крепко зажмурены.

Криса же я не увидел, хотя всего минуту назад он стоял совсем рядом, всего в каком-то метре от меня.

— Через много лет произойдет что-то очень важное... и это произойдет со мной, — тихо проговорила Сай.

Это было последнее, что я тогда услышал.

Сначала меня окружал какой-то туман, очень густой и непонятный. Я даже мог оглядываться вокруг, причем совершенно спокойно, однако никакого результата это не приносило по одной простой причине: пейзаж везде был один и тот же. Серый и, как я уже сказал ранее, густой и непонятный, попробуй тут что-нибудь адекватное углядеть. Но я

ничего не чувствовал. Точнее сказать — я не чувствовал ничего отрицательного, ни физически, ни морально. Никакого страха не было и в помине, не было даже мысли о нем.

Какую-то секунду я даже удивленно размышлял о том, как вообще можно тут хоть чего-то бояться. Что вообще такое — страх? До того времени мне никогда не было так спокойно, никогда не было так хорошо.

Позже — целую вечность спустя — я решил попробовать сделать хоть один шаг. И у меня получилось беспрепятственно. Даже второй. И третий. И еще один. А после этих нескольких пробных шагов я пошел с такой уверенностью, которую обыкновенному человеку, никогда не бывавшему там, и вообразить-то сложно. Конечно же, я не боялся оступиться, не боялся наступить куда-то не туда. Такого просто не могло произойти — и в нашем Мире, где возможно фактически все, именно это было просто невозможно. Невозможно, и все тут.

Может быть, я летел.

Тогда, кстати, я и научился летать. Не левитировать, с некоторым трудом преодолевая гравитацию, как я это делал раньше, а именно летать: свободно, без каких-либо усилий, чувствуя себя с воздухом одним целым, которое невозможно разделить, даже при огромном желании. В тот момент я не понимал, что в нашей реальности сотворить такое намного сложнее, но я и не задумывался об этом: существовали только «здесь» и «сейчас», без теоретически находящихся когда-то и где-то прошлого и будущего.

Я пролетел миллиарды километров. А может быть, и один сантиметр, кто это все разберет. Но именно тогда серый туман начал рассеиваться, исчезая в ярких, но вовсе не слепящих, разноцветных вспышках. Сами же вспышки никуда не пропадали, а со временем удлинялись и расширялись, превращаясь в великолепные, полные красоты и жизни струящиеся потоки, уже в тот момент казавшиеся мне знакомыми.

Когда-то потом мне в голову пришла интересная мысль. Потоки энергии? Истинное зрение?

Нет.

Точнее...

Истинное зрение в тот момент у меня не было активировано, и это я мог сказать с абсолютной уверенностью. После стольких тренировок сложно забыть ощущение, возникающие при использовании этого вида магии, равно как и становится очень просто определить, как именно ты смотришь на Мир: только лишь на его предметы или еще и на его ауру. Вовсе не по внешнему виду, нет, хотя в обычных ситуациях это становится окончательным и непробиваемым аргументом.

Однако эту мою ситуацию обычной назвать проблематично.

В тот момент я уже начинал на полном серьезе осознавать, куда меня занесло. Возможно, и самому себе до конца не верил, однако интуитивно понимал: книжная полка, так удачно служащая тайным входом в тот самый коридор, на самом деле никуда и не пропала; как сказала Сай, она всего лишь переместилась на другой уровень. Так почему то же самое не могло произойти и со мной?

Некоторое время назад найт Рифард рассказывал мне про то, как на физическом уровне происходит телепортация: маг вовсе не исчезает в одном месте, появляясь в другом, нет, и на самом деле совершить такое способны только гениальные волшебники, обладающие поистине идеальным контролем собственной энергии — древние маги. Самые первые магические существа, которых, на самом деле, и людьми-то в полной мере назвать

проблематично и которые обладали могуществом, недоступным даже современным архимагам. В процессе эволюции, как ни печально это признавать, человеческое тело стало неприспособленным для идеального контроля, а почему природа посчитала выгодным повернуть развитие именно в эту сторону — никто не выяснил до сих пор.

Помнится, тогда мне пришла в голову следующая мысль, которая могла бы полностью объяснить подобную несправедливость. Чем больше в Море людей, тем меньше их продуктивность, и с этим ничего не поделаешь. В один прекрасный момент, когда-то очень-очень давно, реальность поняла, что ей сложно выдерживать такое количество сильнейших магов — и просто-напросто решила сократить долю могущества на каждого отдельного представителя. Точно так же, как государство урезает расходы на каждого отдельного своего подданного, когда обнаруживает, что в казне недостаточно средств для удовлетворения нужд каждого человека в полном объеме.

Но секундой или часом позже мне стало совершенно понятно, что в Море существует или теоретически может существовать неограниченное количество энергии — я ее ощущал всем своим на тот момент безграничным существом. Тогда почему? Почему мироздание решило урезать количество энергии нашей реальности?

Однако там энергии не просто хватало — ее хватало идеально. Не много и не мало — просто идеальная порция магии, вызывающая восхитительное чувство непревзойденности и вседозволенности, которые и доказывать-то никому не надо, особенно самому себе. Просто зачем, если все и так всем понятно? Я мог распадаться на атомы и собираться в любом месте, я ощущал тот самый пресловутый, уже давным-давно не существующий идеальный контроль. Я в кои-то веки был абсолютно свободен. Я был фактически счастлив.

Я чувствовал себя собой.

— Ты думаешь, кто-то из них согласится фактически пожертвовать своей жизнью?

Этот голос прозвучал где-то в этом безграничном, сером и невообразимо ярком пространстве. И у меня в голове одновременно.

Этот непривычный, рычащий и шипящий, вызывающий неопределенный трепет голос никак не мог принадлежать магу, он не мог принадлежать даже человеку.

Даже язык не был мне знаком. Но там я его понимал настолько ясно, как будто с самого детства владел им в совершенстве, которое в полной мере недостижимо даже для родного языка.

— Мы не можем на это пойти!

Другой голос. По манере — очень похожий на предыдущий, но явно другой.

Как минимум два живых существа, неизвестных мне ранее, находились рядом со мной. И не обращали на меня абсолютно никакого внимания. Похоже, тема разговора крайне их заботила — что ж, две первые услышанные мной реплики заинтересовали и меня. Я остановился, если можно хоть с какой-то долей уверенности предположить, что ранее я все же двигался, а не стоял столбом, воображая, будто лечу, и стал прислушиваться.

— Это опасно.

— Не только для нас всех, даже для Мира.

Гул шипящих и свистящих, грозных голосов, доносящихся в буквальном смысле из ниоткуда. Конечно же, тут присутствовало не трое существ, включая меня — намного больше. Отчасти все это напоминало собрание. Может быть, как раз по этой причине на меня и не обращали внимания — существовали вопросы и поважнее, чем какой-то среднестатистический маг, нечаянно забредший неизвестно куда.

Мимо меня на невообразимой скорости пронеслось нечто огромное. Существо, а это явно было живое существо, я чувствовал его бешеную жизненную и магическую энергию, летело, подминая пространство и собирая цветные потоки вокруг себя; оно, в отличие от меня, явно управляло тут собой, своими мыслями и чувствами. Можно сказать, я его почувствовал, даже как будто увидел: нечеловеческие желтые, хищные глаза, твердая, острая и прекрасная чешуя. Длинные, белоснежно белые клыки, которыми при желании можно было бы проткнуть живого человека насквозь, не применяя при этом никаких усилий. И, как я уже сказал, крылья — огромные и невероятно красивые.

Я начинал видеть. Все они, подобные прекрасные и ужасающие создания, в существование которых мне так отчаянно, вопреки всем многообразным фактам и аргументам, хотелось поверить до сих пор, сидели на выступах того, что смотрелось как туман, но было намного тверже. Туман бы просто не выдержал их веса. Хотя, может, тут просто такой туман — подстраивающийся под ситуацию.

— До этого момента еще много времени.

— Много? Каких-то двести или триста лет.

Оживленный спор продолжался еще некоторое время. А я просто стоял, слушая и впитывая в себя окружающую энергию. Что-то тихонько, ненавязчиво изменялось во мне. Конечно же, в лучшую сторону, как могло быть иначе. Завтра, или когда-нибудь в другой раз, жизнь начнется заново, и жить будет улучшенный вариант меня, который существовал и раньше, но теперь освобожден и намеревается воодушевленно расти и развиваться. Не оглядываясь. Только вперед.

Оживленный спор продолжался до тех пор, пока один из них тихо и почти что обреченно не сказал всего лишь одну фразу.

— Как будто у нас всех есть выбор.

Они стали пропадать, один за другим. Кто-то кружил в пространстве, изящно взмахивая крыльями и медленно отдаляясь от места событий, кто-то не стал утруждаться и просто исчез с места, кивнув остальным на прощание.

Я же оставался на месте. То ли не мог, то ли не хотел двигаться дальше. Я тогда даже и не понимал, что нужно. А нужно ли было?

Последний из них, тот самый, что сказал заключительную, каким-то образом заставившую всех отбросить все свои аргументы фразу, как и я, не собирался оставлять свое место. Он, не мигая, пристально смотрел вперед, сквозь разноцветный туман, и как будто что-то с большим интересом рассматривал.

— Хорошо, — произнес он. — Все вышло так, как надо.

Не сразу я понял, что его змеиные желтые глаза внимательно изучали меня. Но о чем я думал? О том, что такое великолепное, невероятное существо, обладающее бушующей огненной энергией, не заметит мага, попавшего сюда совершенно случайно и фактически не способного даже адекватно управлять собственным телом?

Смешно.

— Пора. Иначе перебор для первого раза. Мне жаль.

Дракон взмахнул крылом. И не успел я ничего сообразить, как образовавшийся яркий вихрь заключил меня в свои объятия, бешено закружил и начал быстро выталкивать наружу — на другой уровень.

Мой рюкзак, донельзя набитый всяческими найденными и любезно принесенными

предметами, которые нам предстояло исследовать в лаборатории на Мирвеле, лежал рядом с тем местом, куда меня выкинуло. Естественно, я осознал это далеко не сразу — стоял, тупо озираясь по сторонам и почти что безрезультатно пытаюсь определить, где же я в данный момент нахожусь. Чуть позже ментальный навигатор (а другими словами — соображалка) в моей голове начал работать и любезно подсказал мне, что когда-то я в этом месте уже бывал. Что само по себе является крайне важной информацией. Уже ведь что-то.

Гора. Два солнца. Неподалеку слышно веселое журчание быстрой воды. Зелень. Свет. Рюкзак.

— Альвер? — раздался голос неподалеку от меня.

Ко мне подбежала очень красивая молодая девушка, держащая в одной руке прибор для измерения магических волн различных типов, в другой — простой блокнот. Как она собиралась что-либо в этот блокнот записывать, лично для меня было совершенно непостижимо по той причине, что третьей руки у девушки не было. По крайней мере — видимой в обозримом пространстве или хотя бы просто видимой.

Хотя с Эрнис Хинтервальд, нашего гениального штатного физика, станется проверить и не такое.

— Вы уже вернулись? А где Крис? — удивленно спросила моя коллега и одновременно одна из лучших друзей, внимательно меня разглядывая.

— Хороший вопрос.

Ясно одно — меня выкинуло не только из подпространства, которым, вне всяческих сомнений, являлось то самое яркое место, которое произвело на меня настолько неизгладимое впечатление, но и из того времени в мой родной век. А ведь мы с напарником даже не успели определить, что, собственно, это было за время.

— Слушай, Эрни, сколько прошло времени? — решил уточнить я, отчаянно пытаюсь прийти в себя после такого необычного, резко завершившегося приключения. И после невообразимой эмоциональной встряски.

— С того момента, как вы исчезли из лаборатории? — она на секунду задумалась, украдкой глянув на свой мудреный прибор, и неопределенно хмыкнула. — Да минут десять. Я только и успела, что накинуть атту потеплее и выйти на улицу, чтобы продолжать измерять С-волны в этой области... Ну, задание Рифарда, помнишь? — пояснила Эрнис уловив мой недоуменный взгляд. — В общем, неважно, попозже объясню. Смысл в том, что я только вышла — и сразу увидела тебя. Такого потрепанного и потерянного на вид. Что стряслось-то?

— Ты не поверишь.

— Ты сегодня необычайно краток. И ты, Альв, действительно уверен, что я способна во что-то не поверить? — юная физик-исследователь, одна из лучших (да что там — лучшая!) на своем курсе, улыбнулась несколько вызывающе.

Нет, уж Эрнис, то и дело во время наших совместных обедов на работе выдвигающая невероятные физические и астрономические теории, в которые даже в нашем магическом Мире обыкновенному обывателю поверить-то бывает довольно сложно, действительно имела шансы послушать мой рассказ чуть дольше, чем три минуты. Однако я всего какой-то час назад я собственными глазами видел овеществленные легенды.

Мне нужно было поговорить с шефом.

Но сначала неплохо было бы выяснить, куда запропастился Кристон.

Эрнис помахала рукой перед моим лицом. От этого ее движения туман, уже радостно

начавший наворачиваться на глаза, ретировался в неизвестном направлении.

— Так, тебе явно нужна помощь. Не моя. Позвать Рифарда?

Моя коллега кинула свой измеритель на траву, совершенно не беспокоясь о его сохранности, и смерила меня ожидающим взглядом. Я же внимательно посмотрел на нее. Сосредоточенная, с очень умным взглядом, Эрнис выглядела особенно красивой. К сожалению, многие парни этого не понимали и бежали от нее, как только начинали узнавать по-настоящему — про ее интересы, работу, стиль жизни. Возможно, просто считали фриком, помешанным на теории магии — что ж, так оно, конечно, и было. В самом лучшем смысле. Девушка и попала-то в Тайфун на должность главного физика прямо со студенческой скамьи всего в девяносто четыре — три года тому назад — и сразу же впечатлила всех своими глубокими познаниями теории магии. Что, конечно же, можно было сказать сразу: кого попало шеф в нашу милую исследовательскую организацию не вербует.

К счастью, девушка знала себе цену и никогда не расстраивалась по поводу проходимцев, так и не оценивших ее по достоинству. Честно говоря, Эрни даже мне когда-то нравилась, но до влюбленности дело так и не дошло — уж не знаю, почему, может, мы оказались слишком похожи друг на друга: почти что идентичными взглядами на жизнь, к примеру. Что уж и говорить, она нравилась всем — что, на самом деле, совсем не удивительно. Обаятельная, умная, острая на язык, Эрнис являлась счастливой обладательницей внешности, на которую очень сложно не обратить внимание. К примеру, в тот момент, когда она выжидательно глядела на меня, ее длинные, до талии, голубые волосы были собраны в небрежный хвост, а глубокие ярко-синие глаза горели таким интересом, что грехом было бы не выложить всю свою историю в эту же секунду.

Но я удержался. И, со вздохом притянув к себе свой рюкзак с помощью телекинеза, устало сказал:

— Да, было бы неплохо.

Рифард сидел в своем кресле и задумчиво смотрел в окно. Он не делал ничего, по крайней мере, внешне: шеф просто сложил руки, выпрямился и застыл, как будто изображая из себя каменное изваяние. Да, иногда он мог не двигаться. Даже не дышать.

Зачем архимагу дышать?

Просто ради интереса — и чтобы чувствовать запахи. В жизни должно быть много интересных вещей, а обоняние, среди прочего, также помогает ее разнообразить.

— О, Альв, я тебя ждал, садись.

Найт приветливо улыбнулся и одним движением руки отодвинул для меня стул рядом со своим столом. Я послушно сел, с невероятным облегчением кинув надоевший мне тяжелый рюкзак рядом. Зачем я тащил его собственноручно — честно, понятия не имею. Может быть, у меня в тот момент не было ни моральных, ни физических сил для колдовства, а может, все произошедшие события, тогда отчасти уже напоминавшие просто яркий, красочный, жизненный, но все-таки сон, настолько меня утомили, что я начал забывать о возможности сделать свою жизнь несколько более комфортной.

Сколько же килограмм будущей теоретической информации я по жадности своей сложил в этот рюкзак, пусть драконы его сожгут?

Драконы.

Обыкновенные, известные всем словесные обороты переставали быть для меня таковыми.

Странно. Всего полчаса назад, в подпространстве, я чувствовал себя всемогущим, непобедимым, теперь же, в своем времени, в своем родном Тайфуне — донельзя измотанным и уставшим.

Шеф прямо взглянул мне в глаза и серьезным голосом произнес:

— Просто знай, что это не было иллюзией или сном.

— Что? Откуда вы?.. — поразился я. Интересно, во мне даже нашлись силы, чтобы хоть чему-то удивиться.

Возникло ощущение, что я становился слабее с каждой секундой.

— Крис мне рассказал все еще час назад, — усмехнулся найт Рифард.

— Крис? — тупо уточнил я — Час назад? Но..

— Да, вы переместились в прошлое всего двадцать пять минут назад, знаю. Но так уж получилось, что твой дорогой напарник вновь оказался тут чуть раньше, чем исчез, время — штука такая, интересная. И мне пришлось его ото всех прятать в своем кабинете. Вот он, самозабвенно дрыхнет на всеобщем любимом диване, не заметил? Он был почти в таком же состоянии, как и ты сейчас. Заставлял его идти спать чуть ли не насильно, хотя бы колыбельную петь не пришлось, и на том всем известным Духам спасибо, — в золотистых глазах шефа играли задорные, ироничные огоньки.

Я обернулся.

И действительно, до боли знакомая физиономия умиротворенно посапывала в метре от меня. Ну слава духам, хоть одной проблемой меньше, и с Крисом ничего страшного не случилось.

— С ним и не могло случиться ничего страшного, — усмехнулся шеф, который, по всей видимости, только что нагло прочитал мои мысли. — Рассказывай. Я жажду выслушать твою версию событий.

Ну, я и рассказал. В первые минуты две, как оно обычно и бывает, совершенно не знал, с чего начать, но после вспомнил некогда полученный от того же шефа гениальный совет: никогда в таких случаях не начинать с начала, и заговорил. С каждым словом мне становилось все проще, и под конец рассказа, несмотря на то что он так сильно напоминал специально придуманную детскую сказку, для интереса наполненную старинными легендами, я уже и сам себе верил.

— Вот она и началась, — тихо проговорил Рифард.

— Что началось? — я осторожно уточнил. Имеет шеф противную привычку говорить весьма и весьма загадочными формулировками, то и дело заставляющими меня впадать в транс.

— Интересная жизнь, — рассмеялся он, посмотрев на мое недоуменное выражение лица. — Так, для справки. Скажу тебе то же самое, что и совсем недавно твоему восторженному коллеге. Кхалгар существует, это не легенда, просто о нем предпочли забыть в связи с некоторыми не очень приятными событиями, во время войны за Ковен. О ней, как историк, ты просто обязан знать. Точно так же предпочли забыть еще о многих, многих вещах, например, про большинство разработок Ковена, про драконов и подпространство. Со временем забывать об этом стало настолько привычно, настолько естественно, что реальные события самым что ни на есть волшебным способом превратились в легенды, в которые без вот такого прямого доказательства и поверить-то фактически невозможно. Ты вот не верил, и не спорь, я рассказывал тебе когда-то, а ты все принял за очень удачный розыгрыш и незаслуженно польстил моей великолепной актерской игре. И да. Вы попали не на тридцать

тысяч лет назад. И тут начинается самое интересное.

— А, так это еще не самое интересное? — я нашел в себе силы иронически хмыкнуть.

— Оооо, — с удовольствием протянул Рифард. — Ты просто не представляешь, насколько все интересно дальше.

— И так какое же время мы с Крисом посетили?

— Три миллиарда лет назад.

Повисла пауза. Шеф молчал, я же просто пытался понять, шутит мой неповторимый начальник или же, наоборот, предельно серьезен. По его виду всегда сложно определить ответ на этот небольшой вопрос, тем более, он обладает прекрасным талантом серьезно шутить и говорить о серьезных вещах в шутливом тоне — и делать все это одновременно.

— Вы меня разыгрываете, — наконец выдал я свой вердикт.

— Опять ты за свое. Совсем нет.

— Но это же...

— Древний мир.

— Он закрыт даже от Ураганов.

— Совершенно верно, мой юный ученик. Я же говорю, тут начинается сааамое интересное, — он весело и хитро глядел на меня.

Древний мир. Другими словами — начало всего, по крайней мере, начало нашего Мира, как известно, образовавшегося ровно три миллиарда лет назад из сгустка концентрированной, невероятно сильной магической энергии. Где, судя по преданиям, сложно отличить реальность от иллюзии, если незаметная разница между ними имеет хоть какое-то существенное значение. Где реальность сама по себе нереальна и граничит с чем-то неизведанным, загадочным, отчасти несуществующим, потому что она еще не сформировалась окончательно, как будто все еще сама не определилась, какой же все-таки хочет быть, и по этой самой причине неустанно меняется хорошо если не каждый день. Где само Мироздание начинает задорно играть с тобой в прятки или в догоняжки, иногда предоставляя неслыханную возможность посмотреть в самую свою сущность, раскрывая свои сокровенные секреты и временами тут же заставляя их забыть. Где в причудливый узор смешиваются все пространство и все время, которым где-то и когда-то только предстоит появиться. Есть легенды, что в Древнем Мире смешивается даже то, что только теоретически может произойти, однако — совсем не обязательно произойдет.

В Древнем Мире и жили те могущественные Древние Маги, позже просто либо затерявшиеся среди всех, либо, что намного более вероятно, захотевшие исчезнуть из реальности, которая внезапно начала переставать быть тем мистическим, невероятным местом, где они привыкли находиться.

По другим же преданиям, которые я почему-то вспомнил только в тот момент, Древние Маги произошли от драконов, которые обитали там с того самого момента зарождения Всего. Зародились еще на предыдущей ступеньке реальности, содержащей в себе всю информацию о Мире в ее истинном свете, являясь его тенью и его отражением, которые, сливаясь в единое нечто, и дают Миру магическую энергию — самостоятельно создавая ее. И эта ступенька не какое-то определенное место, нет, так просто ее не найти. Нужно попасть ну другой уровень.

И все эти легенды были известны мне лишь из библиотеки разрушенного Ковена Магов, которую я всегда с благодарностью вспоминаю. Даже в Королевском Университете подобную информацию узнать весьма проблематично — даже на курсах, где, по идее, и

должны досконально разбирать легенды и предания, анализируя, что из них может оказаться правдой, а что нет.

Может быть, потому что такие легенды слишком мистичны даже для магического Мира, чтобы оказаться правдой.

Но порой самые невероятные идеи как раз и оказываются наиболее близкими к правде. Самое сложное — стать настолько сумасшедшим, чтобы умудриться поверить в них.

Что ж. По описанию полностью совпадает с тем местом, где мне посчастливилось побывать. Игры с Мирозданием, драконы, другой уровень реальности, где мне, по всей видимости, все же удалось побывать — хотя я сам все еще и не понял, как именно.

И все же есть одно весомое «но».

Туда невозможно попасть. Никак. Ни один Временной Ураган, даже самый могущественный из всех известных, не способен пробиться сквозь заслон, ограждающий Древний Мир от случайных магов.

— Я же говорю, у нас начинается интересная жизнь, — усмехнулся Рифард. — По тебе видно, ты и сам уже все понял. Нет, вру, все понять тут невозможно, но хотя бы часть информации до тебя все-таки дошла. Уже неплохой результат, и я даже не шучу.

— А Сай?.. — только и нашелся я.

— О, ее ты знаешь, это несомненно. Из курса истории. Одна из самых известных Древних Магов. Очередная нераскрытая загадка.

Похоже, я немного оторопел. От внезапного осознания того, с кем меня познакомила хитрая судьба.

— Сайонарис Безликая, — озвучил мои мысли шеф.

Известная не только своей великой даже для Древних Магов силой, но и тем, что во всем Мире не осталось ни одного, даже примерного, ее изображения. Все остальные захотели оставить свой след хотя бы в виде четкого и приглядного наскального рисунка, однако в вышеупомянутом случае нигде не было найдено даже этого. Ходили предположения, что Сайонарис Безликой никогда и не существовало, что она — всего лишь очередная легенда, призванная показывать загадочность Мира во всей ее невероятной красе.

Собственно, оттуда и взялось прозвище Древней Ведьмы — Безликая. Никто и представить себе не мог, как она выглядела. Ведьма без лица. Только с очень интересной, сложной историей.

Невообразимо милая девочка с рыжими волосами, которые с большой вероятностью станут в будущем предметом сильной гордости, так как рыжий — крайне редкий цвет волос в нашем Мире. Девочка с бушующей красной аурой. С выразительным, острым, любопытным взглядом. С искрами в глазах, наполняющими невиданной энергией. С невероятной магической силой.

Такой, хотя бы словесный, портрет могу дать я, видевший Сайонарис Безликую собственными глазами. Не такая уж и Безликая, хочу сказать.

— Знаешь, что, Альвер?

Я вопросительно посмотрел на Рифарда. Слабость, навалившаяся на меня, была настолько большой, что мне одна мысль и говорении вслух вызвала отвращение.

— В двести двенадцать лет Сайонарис Безликая пропадает из Древнего Мира. Без видимой на то причины.

Ровно через двести лет, значит. Что там говорили про это драконы? Что именно должно произойти через двести лет?

Хоть убейте — не помню.

Шеф смерил меня оценивающим взглядом.

— Домой тебе пора, вот что я тебе скажу. Первое посещение подпространства всегда сложное. Ну, зато потом откроется настоящая твоя личность, и тебе это понравится — он улыбнулся. И, кажется, телепортировал меня в мой дом, где я, лежа на своей мягкой кровати во все той же дорожной атте, заснул.

И даже не представлял, что во время этого сна превращался в себя.

* * *

Красный закат одновременно двух солнц озарял Древний Мир. Кхалгар, предвкушая очередную интересную ночь, по частям изменял сам себя, решая, каким он хочет быть в данную секунду. Неважно, что завтрашнее решение будет кардинально отличаться от сегодняшнего — совершенно неважно.

Главное — так интересней.

На границе Реальности и Предреальности стояли два человека и замороженно смотрели вдаль. Для них обоих только что произошло что-то очень важное. Хотя, конечно, тут сложно судить. «Только что» — понятия относительное. Как и последовательность событий вообще, особенно для этих двоих весьма необычных представителей человечества.

Некоторое время спустя молодой темноволосый мужчина нарушил молчание:

— Мы можем поздравить друг друга. Все получилось так, как надо.

Его собеседница, рыжеволосая двенадцатилетняя девочка, улыбнулась.

— Ага. В отличие от прошлого раза. Хотя сейчас ты сделал все правильно, — она взяла большой, набитый разнообразными вещами из Древнего Мира, рюкзак и положила туда последний предмет. Который так поможет в будущем. Или в прошлом — это с какой стороны посмотреть.

— Не забывай, что это был вариант меня двухлетней давности. Значительно глупее, чем я сейчас, аж вспоминать стыдно, — он весело усмехнулся.

— Забавный ты. Я-то сейчас знаю все варианты событий, которые могли бы произойти. Жаль, забуду, когда вырасту. Такой уж удел Древних. Все, вот твой рюкзак, можешь и его переносить, раз с собой уже так успешно справился. Я даже помню будущее, в котором ты все это обнаружишь.

— Я тоже это помню, — рассмеялся парень. — Ох уж я удивлюсь. Забавно вспоминать.

— Смотри, ничего там не измени, Парадокс.

— Я уж постараюсь. До встречи, Сай, — он обнял девочку как старого доброго друга.

Конечно, эта девочка и была его старым добрым другом.

— Скоро увидимся, — она подмигнула. — Жаль только, что ты со мной встретишься буквально через полчаса, а я с тобой только через двести лет, а там еще через девяносто с лишним. Ну, я готова это перетерпеть.

Парень последний раз улыбнулся и просто исчез в пространстве, не сделав ни шагу. Он вспоминал тот момент, когда все началось. Который для него произошел два года назад. И — о Духи — сколько же с тех пор изменилось.

Глава 2. Подумай, мальчик, вот о чем...

А утро, коварное и беспощадное в своей неотвратимости, началось с того, что я, только морально собравшись разбирать драгоценные запасы необычайно важного исторического материала, нашел у себя в рюкзаке тот самый знак, преследовавший нас с напарником в Арвейме — по крайней мере, в его варианте, появившемся в Древнем Мире. Выглядел знак, конечно же, совершенно по-другому, как и во все предыдущие разы — но и как во все предыдущие разы, мне было совершенно ясно, что это именно он. Не узнать его было просто невозможно. Хотя, конечно, это слово у нас в коллегии с некоторых пор под запретом; тем не менее, полагаю, в данном случае можно сделать исключение. Время от времени нарушать правила просто жизненно необходимо абсолютно каждому человеку.

Изображен знак, к слову, был на бумажке, появившейся в моем рюкзаке совершенно непонятным для меня образом. Она неприкаянно поместилась на самом верху, подогнув свой край под плотно свернутую легкую атту, и выставляла напоказ довольно небрежно, явно второпях, нарисованный символ — до боли знакомый и одновременно совсем-совсем новый.

Обычная бумага, сделал я вывод через некоторое время, из листьев дерева Арас, у нас подобное производство самое распространенное: все мои многочисленные, исписанные за годы учебы и работы блокноты были в свое время сотворены именно из этого материала.

Ох, возможно, как раз из моего блокнота и вырван — вон, одного листика заметно не хватает в той записной книжке, что лежит поверх всех других предметов, непосредственно рядом с тем местом, где я и умудрился заметить загадочное послание. Небрежно книжка так лежит, просто кинута среди остального невероятно важного хлама на свой страх и риск — именно так, как, каюсь, я обычно и складываю вещи в своем походном рюкзаке. Да и не только походном, что уж тут говорить.

Но никакой листик я не вырывал и уж точно ничего там не рисовал. В этом я уверен.

Или я просто окончательно помешался, что, если вспомнить события предыдущего дня, было бы совершенно не удивительно.

На Мирвеле я был минут через тридцать — бежал со всех ног, совершенно не обращая внимания на мирно шагающих прохожих, то и дело с любопытством на меня оглядывающихся. Мало ли, куда торопится молодой человек — может, на важное занятие в Университете опаздывает (надо же, какой молодец, стремится к знаниям!), а может и на свидание мчится, всякое бывает. Личную жизнь тоже нужно успеть устроить, не сошелся же свет клином на учебе и работе, в самом деле. Что ж, фактически я и бежал на свидание — деловое, к своим драгоценным коллегам. Мне было просто необходимо срочно поговорить с найтом Рифардом или с Крисом, а лучше — с обоими одновременно, чтобы два раза не повторять одно и то же и выслушать сразу мнения обоих: вдруг хоть втроем сможем додуматься до чего-нибудь более или менее адекватного.

Я самозабвенно несся по улицам, предвкушая очередную жизненно важную научную дискуссию, которые то и дело происходили у меня на работе и являлись невообразимо захватывающей ее частью. Возможно, из-за подобных ожиданий мое лицо и выражало такую степень сумасшествия, что с меня можно было смело писать портрет — и позже, лет эдак через семьсот, показывать детям в школах в качестве наглядного примера среднестатистической внешности сумасшедшего ученого, посвятившего всю свою жизнь

науке. Волосы растрепаны, агла чрезвычайно измята, лицо, посеревшее от недосыпа и красующееся ярко-синими мешками под глазами, выражает крайнюю степень заинтересованности, а глаза, озаренные светлостью гениального ума, так и горят вдохновением и непобедимой страстью к научным изысканиям. Привлекательное, однако, описание, что тут скажешь. Боюсь, после такого дети будущего окончательно растеряют все остатки своего интереса к науке.

Именно тогда на вырванном листочке, который я нес в руке (не знаю, как его ветер только не унес — видимо, просто решил сделать мне, и без того горемычному, одолжение), начали проступать буквы. На том самом неизвестном мне языке — Дораскейве, так ведь маленькая Сайонарис Безликая назвала его три миллиарда лет назад? Короткая фраза, которую я совершенно не мог понять, с чем, однако, вовсе не собирался мириться, состояла из нескольких рун. Но...

Вот тут я встал на месте, как вкопанный — переходя по секретному мосту через реку Хэльсвайм, ведущему в здание нашей коллегии. Тоненькому такому мосту. Как только инерция, то и дело устраивающая незадачливым пешеходам подобные розыгрыши, не уронила меня прямиком в воду, я не понимаю до сих пор, как не понимаю и того, необычайно ли мне повезло или же совсем наоборот. Потому что в ту секунду ледяной душик, или ледяная ванна, что более соответствует правде в данном случае, мне точно бы не помешали.

Почерк, каким были изображены только что проступившие на бумаге красные руны, был мне до боли знаком. Естественно, я же столько раз собственными глазами видел его в своих же конспектах и не уставал поражаться его корявости. И как только природа допустила существование настолько криворукого меня, не способного даже читаемо изобразить руны? Слава Духам, хоть Временные Ураганы не особо привередничают и понимают меня — в подавляющем большинстве случаев даже правильно.

Одно из двух — либо я сошел с ума и забыл, как сам себе положил этот листочек в рюкзак, предварительно изобразив на нем несуществующие руны, либо я просто сошел с ума. Среднего не дано.

Чай с печеньками любезно дожидались меня на столе в кабинете моего обожаемого шефа. Обожаемый шеф собственной персоной занимался примерно тем же, только он, в отличие от чая и печенья, одновременно умудрялся увлеченно копаться в шкафу в поисках чего-то совершенно необходимого в данный момент — или совершенно бесполезного, но вызывающего непреодолимый интерес, все у архимагов может быть. Крис, обитающий на диване посреди горы раскрытых книжек и безжалостно поедающий кусок клубничного пирога, заинтересованно наблюдал за вышеупомянутым процессом, не торопясь, впрочем, присоединяться.

Другими словами, в кабинете царила идеальная рабочая атмосфера. Даже поспешно вторгаться с твердым намерением громогласно и триумфально возвестить всех о собственном абсолютном непонимании происходящего было бы как-то не совсем прилично. Именно поэтому я захлопнул рот, так и не успев ничего объявить, сбавил скорость до приемлемого минимума и мирно поместил свое тело на диван, предварительно очистив на нем более или менее подходящее под мои не особо внушительные габариты место.

— Ты в курсе, что ты спал три дня? — первым делом спросил меня Кристон, и не подумав поздороваться.

Сегодняшний день, похоже, собирался изобиловать неожиданностями.

— Сколько? — недоверчиво уточнил я, не забывая, однако, о наличии на столе предназначенных мне сладостей. Видимо, странный вырванный из моего же блокнота листок с надписью на неизвестном языке и изменчивым художеством значительно повысил в моем сознании планку того, с чего стоит начинать очень сильно удивляться.

— Три. Я уж собирался идти тебя всеми силами будить, вот только шеф меня остановил, заявившись к нам с такими вкууусными пирожными. Сказал, что тебя поднимать уж точно не нужно, себе дороже выйдет. И начал усиленно кормить. Чтобы прилепить меня к месту, уж это-то понятно. Так что, прости, пирожных уже не осталось. Зато — ты не проснулся раньше времени!

Я выслушал эту тираду с каменным лицом и в отместку молча отобрал у друга последний кусок клубничного пирога. Мне, в конце концов, можно, я же выскочил из дома на скорости света, так и не позавтракав. Да что там — даже не подумал о возможности поесть. Крис, в ответ на мою подлую диверсию, сделал вид, что надулся — о чем забыл уже спустя несколько минут, когда Рифард, до этого мистическим образом игнорировавший затеявшуюся небольшую перепалку, встал нам за спины и положил по руке каждому на плечо. Это произошло настолько неожиданно, что мы разом замолчали, обдумывая, что за неизвестное существо так бесцеремонно прерывает нас не в разгар даже — в начале прекрасной дружеской ссоры из-за еды, которая так помогала мне прийти в себя и понять, что я нахожусь в знакомой, настолько любимой мной обстановке.

— Я нашел! — радостно возвестил нас шеф.

Мы с другом переглянулись.

— Что нашли?

— Координаты! — гордо отвечивал Рифард, внезапно материализуясь на диване между мной и моим бывшим сокурсником прямо на книгах, наличие которых его нисколько не смутило. Действительно, какая разница, на чем сидишь, если ты нашел координаты.

— Вы-пен-дреж, — по слогам, как будто в никуда, ехидно проговорил Крис.

Найт Хайт все же расчистил себе место на диване, наконец соизволив обратить внимание на сие маленькое неудобство, и только потом продолжил вдохновенную речь:

— Ты как разговариваешь с начальством? — не особо и стараясь изобразить праведный гнев, насмешливо спросил он. И тут же, не дожидаясь ненужного ему покаяния в плохом поведении, сменил тему — Я говорил про координаты. На полторы тысячи лет назад.

— Зачем? — поинтересовался я.

— Весьма странный вопрос для историка, — шеф укоризненно покачал головой, предоставляя мне, по всей видимости, отличную возможность пораскинуть мозгами совершенно самостоятельно. — Работу я нашел.

— Вот видишь, нужно работать, а не только спать по три дня подряд, а потом приходить и поедать чужие пироги — мстительно заметил Крис.

Впрочем, я был с этим совершенно согласен. Со всем, кроме его реплики о пироге, естественно, уж очень он был вкусный. Я просто не мог отказать себе в двойном удовольствии — хорошо поесть и по-доброму поиздеваться над лучшим другом.

— Кстати, Альвер, с добрым утром. Хорошо поспал? — невинно спросил Рифард, как будто я и не пропускал три дня работы, не испытывая ничего, хотя бы отдаленно напоминающего совесть.

— О, великолепно. А пробуждение было поистине незабываемым, — с изрядной долей

сарказма отозвался я.

И наконец поведал коллегам душещипательную историю о своей прогрессирующей амнезии, которая, несомненно, имела место быть, так как о таком событии, чтобы я вырывал листочек из блокнота, а тем более что-то на нем писал и — о, ужас — рисовал, мой мозг не хотел вспоминать ни в какую, хотя память меня раньше никогда не подводила. Развивающуюся амнезию доказывал и тот факт, что я не мог вспомнить и некогда, по всей видимости, известный мне язык — а как иначе я сумел что-то на нем написать, а после не разобрать ни одной руны?

Вырванный из записной книжки листок, как вещественное доказательство, был предъявлен незамедлительно. Крис с видом эксперта несколько секунд повертел его в руках и выдал следующий вердикт:

— Почерк и правда твой. Уж что-что, а его вряд ли спутаешь с чьим-то другим.

— Мне принимать это за оскорбление или за комплимент? — я иронически хмыкнул.

— Это уж на твое усмотрение.

Кристон среди всех моих знакомых обладал самым обширным (и незабываемым) опытом разбора изображенных мной закорючек, так как в студенческую молодость то и дело долгими вечерами занимался ничем иным, как переписыванием конспектов пропущенных лекций. Теперь же его со всей уверенностью можно было назвать мастером в данной области — и смело давать какую-нибудь полагающуюся в подобных случаях награду. Оставалось только провести официальную церемонию и составить соответствующий документ, подтверждающий высокую квалификацию моего друга.

— А символ... — он на секунду замолчал. — Тот же самый. Точно. Ощущения вызывает абсолютно такие же, хоть и выглядит по-другому.

— Я и раньше как-то не замечал за ним постоянства.

— Он обозначает вход, — внезапно подал голос Рифард, до этого молча слушавший мой рассказ.

— Вход?

— В подпространство. Он всегда разный — потому что показывает, как можно сместиться на другой уровень именно в этом кусочке пространства. Из разных мест одним и тем же способом в подпространство, к сожалению, не попадешь, хотя, конечно, когда-нибудь вы, мальчики, научитесь делать это интуитивно, за несколько секунд. А до того момента вам придется использовать символ. Он как такая своеобразная карта, показывающая путь. Но вот только попробуй этот путь еще правильно расшифровать — это же, в самом деле, всего лишь рисунок, а не подробное изображение местности со стрелочками. Забавные ребусы нам то и дело подбрасывает истинный магический мир, ох, забавные. — Рифард выглядел настолько довольным, что я непроизвольно сравнил его с объевшимся, ленивым, всеми любимым и радующимся беззаботной жизни котом. Который, впрочем, в любой момент может выпустить когти, хитро сверкнуть прищуренными глазами и превратиться в опасного хищника, способного добиться любой поставленной цели — неважно, какой. Отличное описание нашего шефа. Другое и придумывать незачем.

— А еще тебе, Альв, несказанно повезло. Обычно подпространство изображает свой символ исключительно самостоятельно и только тогда, когда само того захочет. Далеко на каждый раз и далеко не каждому человеку, другими словами. Очень уж оно привередливо. Но у тебя этот символ теперь есть всегда — нарисован на бумажке. Очень не советовал бы тебе ее терять, хотя это, конечно же, не то чтобы полностью от тебя зависит.

— Погодите. То есть тогда, в Древнем Мире, подпространство старательно зазывало нас с Альвером к себе в гости? — уточнил Крис, на этот раз всматриваясь в небрежный рисунок значительно внимательнее.

Найт Рифард стал еще довольней.

— О, в этом ты совершенно прав. А когда подпространство сообразило, что вы сами не догадаетесь, как разгадать предоставленный ребус, слишком маленькие еще, оно в буквальном смысле затащило вас к себе. И правильно сделало, я бы на его месте поступил бы точно так же. Собственно, я так и поступил, когда начал собирать Тайфун пять лет назад.

Мысли гениев сходятся, вот вам и фактическое подтверждение данному глубокомысленному высказыванию.

Я обдумывал сказанное. И никак не мог уложить все события в одну четкую, ясную, логическую цепочку. Мне не хватало какого-то элемента. Тут явно было что-то другое — что я в данный момент просто не мог осознать. Карта входа в подпространство, сама по себе уже являющаяся ребусом, неизвестные слова на неизвестном языке, написанные моим почерком...

Все это не укладывалось у меня в голове.

— Но откуда у меня появился этот листок? — наконец спросил я.

Шеф внимательно посмотрел на меня и сказал, четко выговаривая каждое слово:

— Я подозреваю, ты обнаружил небольшой подарок от того, кто лично заинтересован в твоих жизненных успехах.

Похоже, он знал ответ или хотя бы догадывался о нем, но решил предоставить мне возможность разгадать загадку своими силами.

— Тринадцатое Миарона одна тысяча пятьсот пятнадцатого года эры Созвездия, два часа до полуночи, запомнили? Отлично! Альвер, Рэй, удачи, — это было последнее, что сказал шеф, перед тем, как один из витков Урагана мягко подхватил нас и унес из этого времени.

Рэй Кальвент, нынешний ученик Рифарда, один из братьев-близнецов и во всех отношениях отличный парень, шагнул во Временной Ураган сразу за мной. Именно он, а не Крестон, по какой-то причине срочно понадобившийся непосредственному начальству в Тайфуне и потому вынужденный остаться в нашем времени, стал в этом исследовании моим напарником. Чему я, честно сказать, был невообразимо рад.

Во-первых, разнообразие, на самом деле, великолепнейшая штука, которая не позволяет человеку заскучать и загрустить, что бы об этом чисто из вредности периодически ни говорили ненавистники всяческих изменений вроде меня, мысленно признавая правоту окружающих, усиленно твердящих о том, что жизнь и есть постоянное изменение, и ничего тут, как ни старайся, не попишешь.

Во-вторых, проводить время с братьями нравилось всем, и я не стал в этом замечательном деле несчастным исключением. Уже год как Рэй и Рин Кальвенты, в один прекрасный летний день пополнившие наш дружный коллектив, не давали нам зачехнуть, то и дело приходя на работу с вагоном и маленькой тележкой увлекательных историй за плечами — на каждого.

С этого же дня к вагону и маленькой тележке историй Рэя мог по полному праву прибавиться и рассказ про исследовательское путешествие на полторы тысячи лет назад на пару с сумасшедшим ученым по имени Альвер, поскольку миароновская полночь старого

Нортайла уже ждала нас во всей своей красе.

Справедливости ради надо сказать, что полночь, как и полдень, понятие в нашем забавном Море весьма относительное — по той простой причине, что в сутках у нас двадцать пять часов. При таком раскладе утро и день занимают всего двенадцать, а вечер и ночь, в свою очередь, на час больше, что само по себе уже не является полностью честным разделением суток на две половины. Самое интересное: если про полдень можно говорить хоть с какой-то долей уверенности, так как число двенадцать все-таки четное и, следовательно, делится на два, то полночь обыкновенно вызывает некоторые сомнения. Точнее говоря, вызывала до тех пор, пока мировое сообщество в лице всех существующих правительств на наших трех материках по всеобщему согласию не приняло решение считать полуночью как раз этот двадцать пятый час — полностью. Спасительное решение, облегчающее человечеству ориентацию во времени, было принято около пятидесяти тысяч лет назад, и за долгие века полуночный час оброс невообразимым количеством верований и легенд: вплоть до того, что именно в это мистическое время границы между параллельными Мирами стираются, и, если очень постараться, то можно свободно проникать из одной реальности в другую. Впору было, по всей видимости, открывать исследовательское направление, призванное заниматься сбором подобных слухов и проверять их на правдивость. Вдруг что из придуманного все же воплотилось в жизнь — ведь фантазия, равно как и сама реальность, поистине безграничны, и магический разум способен на самом деле вытворять еще и не на такое. А может, интересная человеческая выдумка никогда на самом деле выдумкой и не была, просто у народа до тех пор не появлялось настолько примечательного повода обратить внимание на очевидное (или наоборот — отчаянно скрытое) и задуматься.

Как только туман перед глазами, всегда сопровождающий перемещение из одного времени в другое, рассеялся, мы смогли как следует осмотреться. Оба солнца уже зашли — неплохой признак, ведь это значит, что дело как раз близится к полуночному часу.

Кажется, на этот раз Временной Ураган решил нас пощадить и перенес в нужное время — без каких-либо непредсказуемых сюрпризов. Или все дело как раз в точных координатах, обнаружению которых в обширном пространстве своего шкафа так радовался Рифард?

Мы с Рэем молча смотрели по сторонам.

Разноцветные невысокие дома с разнообразными крышами, орнамент которых в видимой части города ни разу не повторялся, широкие пешеходные тротуары яркой кладки, а по всей их длине — красивые узорчатые фонари с безвредными пульсарами, светящимися теплым, притягивающим желтым цветом. Пульсары то и дело задорно подмигивали прохожим, медленно угасая и снова ярко вспыхивая, а иногда менялись местами, спокойно переплывая из одного витого фонаря в другой. Возможно ли, что им так же, как и большинству людей, надоедало постоянно сидеть на одном и том же месте?

Что еще я мог вот так слету отметить, буквально несколько мгновений назад появившись на мостовой в самом центре старого Нортайла?

Деревья, коих в городе тысячи. Никем не тронутый, так и оставшийся в первозданном виде, ныне просто Лес, а на самом деле — спящий Кхалгар, выжидающий часа своего возрождения. Листья его высоких, порой намного выше домов, деревьев шуршат от еле заметного ветра, как будто — а, может, и на самом деле — переговариваясь между собой на самые сокровенные темы.

Интересные, не совсем правильные формы постройки, в том числе и жилые, образуют

не прямую улицу, а немного косую, что, в свою очередь, придает ей определенное очарование. Через широкую благородную реку раскинулся внушительный, богатый мост из белого камня — и на его перилах, как раз на середине всей длины, статно восседает среднего размера статуя совы, символ мудрости, один из многих предметов гордости горожан, истинных поклонников Нортайла того времени — их собственного времени.

Немногочисленные поздние прохожие одеты в изящные тонкие атты, больше напоминающие мантии, развевающиеся от небольшого приятного ветерка, вовсе не охлаждающего тело. Вечер, переходящий в ночь, теплый и приятный, так и располагает к долгой прогулке по набережной — если не на свидании с кем-либо, так хотя бы в одиночестве: есть время помечтать и подумать о чем-то расслабляющем, возвышенном, к тому же, атмосфера вечернего города как раз располагает к подобному безмятежному времяпровождению. На темном ночном небе уже проступили звезды всех цветов, а наши ближайшие соседи — три луны, неизбежно притягивающие восхищенный взгляд, светят на ночном небе так близко и так ярко — вот подпрыгнешь, сумеешь преодолеть гравитацию — и свободно дотянешься до них. Остается только поверить в свои силы и действовать, ни на что и не на кого не оглядываясь, кто бы там ни уверял, что это невозможно. Нет такого слова.

Все возможно — если только захотеть.

Я вздохнул полной грудью и решил хотя бы попытаться взять себя в руки, а там уж разбираться по обстоятельствам: в зависимости от того, выйдет унять неконтролируемый восторг или нет.

О, Духи. Как же я восхищался этим периодом Нортайла еще тогда, когда увлеченно читал о нем на одном из курсов Университета — а ведь это были всего лишь учебные материалы, которые, конечно же, не способны передать полную, насыщенную картину времени. В отличие от настоящего путешествия на полторы тысячи лет назад, где все изображенное на картинках можно увидеть собственными глазами, а вдобавок услышать, почувствовать, дыша местным воздухом и касаясь тех предметов, которых для людей моего поколения и не существует уже очень давно.

И понять это время. Понять если не все, то многое.

По крайней мере, несоизмеримо больше, чем сидя в комнате общежития или аудитории и вникая словам, написанным и произнесенным, даже не очевидцем. Очевидцев же, могущественных колдунов, способных многое поведать и многому научить, в Море после всем известных времен войны за Ковен семисотлетней давности осталось очень и очень мало.

К превеликому сожалению.

Но всего нескольким людям в Море — почему-то именно нам — выпадает шанс познакомиться с этими могущественными колдунами, скажем, за обыкновенным обедом, или столкнуться с ними на улице, совершенно нечаянно повернув не за тот угол и потеряв дорогу.

Вероятно, когда-нибудь даже удастся встретить легендарных магов из самого Ковена. Или даже увидеть их в действии. Вот какое событие можно было бы считать величайшей удачей.

И, смешно сказать, за возможности, о которых мечтают многие люди, готовые отдавать целые состояния, я еще и сам деньги получаю. Не бывает такого, все-таки, чтобы кому-то настолько сильно везло с работой.

Дело в том, что раньше Временными Ураганами, путешествуя во времени сквозь тысячелетия, могли пользоваться лишь единицы среди магов, которые как раз, по всей видимости, и решили уйти, так и не соизволив поделиться своими сокровенными знаниями и умениями с широкой общественностью. Да и зачем, я их хорошо понимаю. Их судьба — их выбор, ничей больше, кто бы там на что самонадеянно не рассчитывал.

До поры до времени все ученые считали, что сокровенное знание утеряно. Кроме одного-единственного решившего все-таки объявиться человека — найта Рифарда Хайта, который нас пятерых, своих учеников и сотрудников, всему и научил, каждого в свое время. Не стремясь, в общем, нести знания в широкие массы. Как же таким знанием овладел сам шеф... да драконы его разберут, на самом деле.

Не удивлюсь, если когда-нибудь мне придется расплачиваться за подобное неповторимое удовольствие. Или неповторимую честь, предоставленную мне по причине, покрытой толстым слоем мрака? В любом случае, я неимоверно надеюсь, что эта расплата настигнет всех нас, скромных и ничем не примечательных сотрудников коллегии Тайфун, еще очень и очень нескоро — а до того времени можно наслаждаться жизнью, полной грудью дыша воздухом других веков и других тысячелетий.

И все-таки, несмотря на все мои восхищенные оды, адресованные путешествиям во времени, коллегии и собственной вселенской везучести вдобавок, работа продолжала оставаться работой. Пора было приходить в себя и начинать хоть как-то действовать.

По этой причине, минут через десять неуправляемого восторга, до нас с Рэем начало медленно доходить, что пора бы изучить наше прикрытие — раз уж мы не удосужились сделать это еще в лаборатории (хотя следовало бы, в идеале, именно тогда), в компании шефа, который как раз его и придумывал: совершенно единолично. Мало ли, что наш горячо любимый работодатель там понаписал, с Рифарда станется по-доброму (и то не всегда) подшутить над старательными работниками, честно выполняющими все свои обязанности, причем периодически сверх нормы. А мы — ну что ж — в любом случае будем вынуждены так или иначе выкручиваться, а то местные власти нас рано или поздно обязательно сгребут. На самом деле, неизвестно, что они с нами в подобном случае сделают: вдруг напоят чаем, накормят булочками и миролюбиво поинтересуются, как там все устроено, в далеком-далеком будущем. Все может быть, люди — существа непредсказуемые, маги — тем более. А про сильных колдунов вообще говорить нечего, они так вообще сумасшедшие. От этих жди чего угодно и в любую секунду.

Стоит ли говорить, что местные власти по обыкновению как раз и состоят из вышеупомянутых сильных колдунов. Не могущественных и непобедимых, конечно, те бы вряд ли пошли на королевскую службу по одной простой причине: это скучно. Ведь гораздо интереснее заниматься своими любимыми делами (путешествиями по различным реальностям, к примеру), не обременяясь никакими обязательствами перед Королем и страной, хоть бы и горячо любимыми. Тем не менее, встречались в истории подобные экземпляры, решившие послужить на благо отечества, и ох какими интересными были эти времена — без малой доли сарказма.

Так что, с большой вероятностью, гостям из будущего в наших усталых от перемещения во времени и предшествовавшей ему суеты лицах был бы оказан теплый прием. Но подстраховаться, естественно, стоит — хотя бы для того, чтобы не исчезала очередная прекрасная возможность поиграть в секретных агентов. А сдаться на милость колдунов этих времен мы всегда успеем, тут даже никакого повода выискивать не нужно.

Тем более, есть одно противное, существенное «но»: но вот я как-то сомневаюсь, что жители такого Нортайла придут в неопиcуемый восторг от моего рассказа о будущем. Я бы на их месте просто не захотел в подобные бредни верить, потому что, ну в самом же деле, такое может быть только бреднями.

Жаль, конечно, что иногда полнейшие бредни как раз и превращаются в суровую реальность, безжалостно и неотвратимо.

И все-таки — прикрытие.

— О. Ты у нас, Альвер, приглашенный профессор в Университете, должен в ближайшие дни прочитать три лекции по истории эры Единорога. Поздравляю с новой должностью! — с неповторимой смесью ехидства и уважения сообщил мне Рэй, разворачивая записку, где старомодным, извилистым почерком шефа и были прописаны все наши инструкции.

— Чтооо?! — поразился я, мигом отвлекаясь ото всех окружающих нас красот старого Нортайла.

— Профессор. Тут говорится, что тебя по ауре должны узнать, нужно просто заявиться и назвать свое имя. Ну ничего себе, Рифард и тут успел договориться. Вот как он это делает? — голос моего напарника выражал удивление и восхищение одновременно.

Что ж, меня тоже интересовал этот вопрос — даже с точно таким же комплектом эмоций. Но что еще можно было ожидать от найта Хайта, который, похоже, имеет знакомых всех мастей во всех же частях истории?

И, я в этом уверен, в других мирах.

Но зачем, о духи, зачем он сделал меня профессором?! Значит же, что я никогда не отличался особенной вдохновенной любовью к преподавательской деятельности и к публичным выступлениям в особенности. Тем более — перед студентами. Нет, конечно, могу, если того требуют обстоятельства, справлялся же как-то на конференциях в Королевском Университете, куда меня, к слову, затаскивали преподаватели чуть ли не с помощью шантажа, как одного из самых способных студентов, с участием которого конференция, естественно, станет интересна широким кругам, возымеет успех и привлечет новых заинтересованных мыслителей. Я рвал, метал, но стискивал зубы и шел выступать. Потом, к моему безмерному удивлению, мне говорили странные вещи: будто у меня даже хорошо получается, я хорошо говорю и интересно рассказываю. А в завершение хвалебной речи неизменно предлагали оставаться на кафедре, пытаюсь замотивировать меня сомнительными перспективами бытия профессором Высшего Королевского Университета. Я вежливо кивал, благодарил за приятные слова и, внутренне содрогаясь, обещал подумать.

На самом деле, я собирался податься в изучение истории магии старого Нортайла, не предполагающее, естественно, нагрузку в образовательных учреждениях. В течение первых пяти лет после университета я умудрился даже включиться в одну занимательную исследовательскую группу и, наивный, искренне планировал оставаться в ней на довольно долгое время. Подобная научная деятельность на самом деле полностью меня устраивала, хотя бы потому что такие группы предпочитают заниматься работой с первоисточниками. Можно изучать древние летописи и артефакты, анализировать их ауру, выяснять историю создания и существования. Очень интересно!

Однако судьба распорядилась иначе, в один прекрасный момент столкнув меня с одним из самых известных бывших королевских магов.

А этот бывший королевский маг, пусть только драконы его сожгут, теперь распорядился именно так.

Шикарно, что я могу еще сказать.

— Как хоть меня зовут-то? — упавшим голосом спросил я.

— Ты не поверишь, — Рэй иронически хмыкнул.

— Да ну? — я ухмыльнулся, всем видом показывая, что меня удивить не так уж и просто.

— Тебя зовут Альвер.

Напарник посмотрел на меня с таким видом, как будто только что открыл мне вселенскую тайну существования.

— Приятно познакомиться, — усмехнулся я. — И все-таки, тут-то меня как зовут?

— Говорю же, Альвер, неверующий ты наш. Без фамилии, кстати, Рифард написал, что ты можешь придумать себе любую или не придумывать вообще — на твое усмотрение, — он продемонстрировал мне послание из будущего, второпях нацарапанное шефом еще совсем недавно, как бы забавно это ни звучало.

Я быстро ее перечитал. Нет, не потому что не доверял Рэю, я всем коллегам верил временами даже больше, чем самому себе, просто хотелось узреть исторический момент собственными глазами. Просто потому что я не мог припомнить не единого случая, чтобы кто-то из нас перемещался во времени без псевдонима. На самом деле, шеф, хоть сам всегда придумывал себе другие имена во время путешествий и советовал это делать другим, никогда нам не говорил, что это так уж жизненно необходимо. Один раз даже сообщил, что, наоборот, вовсе необязательно, просто так интересней и, все же — да — в некоторых случаях несколько безопасней. Просто я, порассуждав, пришел к выводу, что из-за появления в истории некоего Альвера Данвирса могут возникнуть нежелательные вопросы. Я бы и сам, на месте других людей, загорелся любопытством или хотя бы про себя отметил забавное необычайное совпадение.

Может быть, Рифарду в какой-то момент просто стало лениво придумывать. А свалить это важное дело на наши могучие плечи в самый последний момент не представлялось возможным, потому что, по всей видимости, договаривался он все же заранее и в тот момент, когда никого из нас не было рядом.

Но, на этот раз, Альвер так Альвер.

— Альвер так Альвер, — повторил я свои мысли вслух. — Хотя бы я имя уже где-то слышал. Не перепутаю.

— Уверен? — ехидно уточнил Рэй.

— Если только окончательно не сойду с ума. Хотя, похоже, это уже случилось, — добавил я, припомнив события совсем недавно прошедших дней. Не оно ли самое со мной приключилось — сумасшествие? В комплекте с коллективной иллюзией. А что, на самом деле, очень похоже.

На самом деле, никто, кроме нас троих, меня, Кристона и Рифарда, пока что не был в курсе необычайного события, имевшего место быть во время предыдущего исследовательского путешествия. Не то чтобы мы специально условились держать все в строгой секретности, нет. Всего лишь пришли к выводу, что лучше ничего не рассказывать — пока что. Хотя бы до тех пор, пока мы не сможем сообщить чего-то более или менее определенного. Нужны же в коллегии светлые, не особо загруженные причудами судьбы головы. А голов, все же загруженных сложными загадками природы и с трудом отвлекающихся на что-то другое, с избытком хватит и наших.

Конечно, намеренно спроси кто-то из коллег, что же, в самом деле, там случилось, я бы

рассказал безо всяких увиливаний — что тут скрывать? Но собирать Тайфун специально с этой целью, не зная фактически ничего, было бы выше моих сил.

И, по всей видимости, так думал не я один. По крайней мере, вовлекать всех в бурную деятельность не рвался даже Рифард, в повседневной жизни исключительно этим и промышляющий.

Придет время — мы во всем разберемся, все расскажем и разъясним нашим друзьям и коллегам и включим их в новое, интересное исследование. Однако до тех пор, для начала, все же следует понять хоть что-нибудь.

Слава всем драконам, Рэй не стал переспрашивать, что я имею в виду: может быть, подумал, что я, как обычно, шучу, а может быть — просто пропустил мою заключительную и настолько важную фразу мимо ушей, потому что с нескрываемым интересом углубился в изучение очередной собственной биографии.

— Забавно. Угадай, как меня зовут? — с заговорщическим видом предложил он несколько секунд спустя.

— Неужели Альвером?

Ну а что, все могло быть, если уж на то пошло.

— Ну, это было бы уже слишком даже для шефа, — напарник рассмеялся, потом гордо выпрямился и приготовился сообщить мне занимательнейшее известие. — Меня зовут... внимание... Тнев Лак! Ты представь только!

Я хохотал минуты две, не меньше. Уж что мы только ни делали, чтобы придумать запоминающееся имя для прикрытия, в какие только дебри безграничной фантазии ни лезли, но вот наши настоящие фамилии не переворачивали никогда. Кстати, еще вопрос, почему — ведь такая же, на полном серьезе, гениальная идея! Эффектно и просто. Меня бы, например, при таком раскладе, звали не иначе как Ттес Над. И было бы забавно пару дней побродить по улицам старого Нортайла с таким именем просто ради шутки и, в качестве дополнительного приятного бонуса, ради оживления детских воспоминаний о тех премилых временах, когда фактически каждый из нас со школьными друзьями придумывал свой язык. Конечно же, построенный именно по принципу переворачивания слов языка, существующего на самом деле. Любого из них, конечно.

Теперь же Рэй Кальвент, один из наших во всех отношениях замечательных братьев-близнецов, носит гордое имя Тнев Лак, пусть даже всего и на несколько дней. В любом случае, это, по моему скромному мнению, просто неповторимо.

Забавнее был бы только Ттес Над.

Когда я вдоволь отсмеялся, новоявленный Тнев возобновил повествование о своей долгой жизни, вкратце описанной в пояснительной записке. С появившимся новым именем все это даже начинало казаться относительно приемлемым и правдоподобным, насколько вообще придуманная на скорую руку и в другом времени биография может звучать убедительно. Хороший историк всегда обнаружит хотя бы маленькое несоответствие, а уж житель данного времени и подавно. Но, в самом деле, большинство из нас склонны верить рассказам незнакомцев об их жизни, хотя бы потому что большинству даже незачем врать. Да и кому какая разница? Рассказывает — уже неплохо, молчит — значит, не хочет человек, его право, не пытаться же. А малость приукрасить может абсолютно любой, какое тут преступление.

Настоящие шпионы, преднамеренно изобретающие фальшивые биографии, встречались настолько редко, что их смело можно было причислить к вымирающему виду. Потому что

таких шпионов вылавливали довольно оперативно опять все те же местные власти, состоящие из сильных магов, на это вполне способных. Отчасти и поэтому, кстати, в коллегии мы всегда старались дать нашему прикрытию как можно более краткое описание: намеревались сойти за тех, кто просто не особо жаждет распространяться. Шпионы же, наоборот, частенько продумывали все до мельчайших деталей, в которых, в конечном итоге, хоть чуть-чуть, но начинали путаться.

Импровизация в нашем деле — все. Тем более, если ты обыкновенный ученый и всего лишь хочешь посмотреть, как все на самом деле было устроено в тот период. И чуть-чуть развлечься, куда же без этого. Совершенно безобидно: данное условие нарушать категорически запрещено.

Некоторые маги способны и мысли прочитать — так что я бы не удивился, если б вдруг узнал, что несколько раз про нас все же становилось известно отдельным могущественным лицам в Нортайле. Однако они, к нашему превеликому счастью, по своему обыкновению не склонны обращать много внимания на вздумавших полюбопытствовать мальчишек, ну а злиться, тратя не это кучу бесценных нервов, выгонять их обратно, за руку вести под арест — тем более. По той простой причине, что сами такими в нашем возрасте были и сами же навсегда такими и останутся.

Ничего опасного для Мира мы не натворим, а что еще от нас вообще может требоваться? Туристы в любом случае нужны государству, пусть даже и не совсем обычные. А чем мы отличаемся от туристов? Те тоже имеют обыкновение восхищенно пялиться на все вокруг и периодически подходить к местным жителям со странными и забавными вопросами. Да и самим местным жителям развлечение — в конечном счете довольны все.

— Подведем итог, — резюмировал Рэй. — Ты — гений исторических наук, соизволивший приехать в Университет с кратким курсом лекций. Я — маг-самоучка, ради развлечения путешествующий по Миру и в один прекрасный (или все же нет?) момент решивший податься к тебе в соучастники... научной деятельности, так сказать.

— Мне нравится это твое «так сказать», — оценил я словесный оборот.

— Я безмерно счастлив, дорогой начальник! — отрапортовал он, чуть ли не отдавая мне честь. Разумеется, с непередаваемо ехидным выражением лица.

— Да уж, теперь я понимаю, почему шеф так возмущается, когда к нему обращаются крайне официально.

Вот так и начинаешь понимать людей — стоит только хоть частично побывать в их шкуре.

— О, тебе предстоят незабываемые ощущения. Еще профессором станут называть, вот тут-то ты натерпишься, — пообещал мне напарник, в уже который раз оглядываясь по сторонам. И тут же сменил тему — А спать-то мы где будем, уважаемый найт? Не на уличной же лавочке ютиться профессору и магу-практику, несолидно это как-то. Если тут, конечно, не все ученые предпочитают именно такой образ жизни, но это, к сожалению, вряд ли. Подобный элемент быта я бы точно запомнил. Хотя я, конечно, в отличие от некоторых, не гений исторических наук.

— Да я и в жизни историк, — напомнил я, усмехнувшись.

— Ах да, и вправду, — хмыкнул Рэй — Тогда точно нельзя спать на улице. Мы, конечно, заядлые путешественники, но лично я, пожалуй, не настолько. Это вы с Крисом привыкли обитать где попало, а мы пока что такого профессионализма не достигли. Кстати...

— Что такое?

— Стало интересно, почему Рифард на этот раз решил отправить не вас вдвоем. Нет, не пойми неправильно, я очень рад, просто как-то... не привык, что ли.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Его сомнения можно было понять. Братья появились в Тайфуне сравнительно недавно и все еще продолжали тот самый курс обучения, который все остальные уже сумели каким-то загадочным образом пережить. Естественно, они привыкли, что на важные задания отправляемся по обыкновению мы с моим старым университетским другом — как два историка и одновременно именно те два сотрудника коллегии, которые были приняты на работу из всех пятерых первыми. В действительности же мы с Кристоном были даже не приняты, а чуть ли не насильно затащены, так как, что сейчас уже совершенно ясно и даже не скрывается, другого выбора у нас, фактически, и не было. Хотя это небольшое утверждение, сделанное ради торжества справедливости, нынешнего положения дел, конечно же, не меняет.

Потом, Эрнис, которая постоянно с превеликим интересом химичит что-нибудь в собственной лаборатории или, наоборот, сутками разгуливает по всему Нортайлу, измеряя все и везде, отправляется в прошлое не так уж и часто и только в тех исключительных случаях, когда сама соизволит это сделать. И ведь действительно временами перемещается вместе с нами, хоть это в ее прямые обязанности и не входит. В научных или личных интересах — неважно, все равно ей, как единственной представительнице женского пола на всю нашу коллегию, состоящую из целых шести человек, никто и не подумает отказать.

Братья же, в основном, занимаются интереснейшим общением с неподражаемым найтом начальником, неизменно сопровождающимся поеданием пирожных и громким смехом, в перерывах посвящая себя штудированию многочисленной литературы всех отраслей колдовства и всевозможным видам тренировки практической магии. Выезжают же они на задания пока что только в учебных и ознакомительных целях. На самом деле, лично от себя могу сказать, что довольно часто, ведь даже мы с Крисом в аналогичный для нас период путешествовали несколько меньше, хотя то, что подавляющую часть рабочего времени мы будем проводить именно таким развеселым образом, предполагалось изначально.

В любом случае — переход получался резкий. Собственно, все полностью соответствует образовательному стилю Рифарда: кинуть в омут с головой, а потом сделать вид, что ничего серьезного вроде как и не произошло. В стиле: именно так все и должно было случиться, а чего вы еще ожидали?

Помнится, четыре года назад я пережил примерно такое же.

Я задумался, пытаюсь собрать воедино все бешено скачущие в голове мысли. И честно ответил:

— Драконы его разберут, на самом деле. Может быть, решил, что вы с братом уже достаточно взрослые дядечки, и пора уже вас выпускать на самую интересную работу почаще, если не пинками выгонять, как это, собственно, сейчас и произошло. Да и разнообразие — тоже хорошая штука, а то мы с Крисом скоро порвем друг друга в порыве злости от надоедающего постоянного взаимного присутствия. Что, кстати, было бы для шефа не слишком выгодно: ему же нового сотрудника искать, а потом еще и учить его. Затратно все-таки. Так почему бы не спасти сразу три невинные жизни (мою, Криса и гипотетического новичка), если у нас есть такие замечательные вы?

— Хочешь сказать, Рифард таким образом начал отправлять нас на довольно серьезные исследования? Без предупреждения об... окончании ознакомительного периода?

— Ага. Со мной и с Крисом он поступил примерно так же и тоже почти через год, так что это вполне на него похоже. В один прекрасный день взял, в приподнятом настроении пришел на работу и на полном серьезе объявил, что ему от нас нужно подробное описание Левиаиского бала две тысячи пятнадцатого года эры Полета. А это же пять тысяч лет назад, прикинь. И чтобы мы полностью влились в обстановку, понаблюдали, по замку походили заодно, не вызывая подозрений. А еще с некоторыми магами на месте пообщались, если уж предоставляется такая восхитительная возможность. И еще что-то. Все его условия, перечисленные с самым безобидным и невинным выражением лица, я сейчас и не вспомню. Конечно, в итоге мы с Крисом взяли и переместились туда, за день до того самостоятельно найдя и посчитав координаты, потому что шеф не горел желанием делать за нас всю подготовительную работу. Что нам еще оставалось, сам же знаешь шефа, захочет — еще и не в такую даль закинет. Да и сами мы были за, только растерялись. Но смысл сей басни в том, что удивились мы, мягко говоря, безмерно.

— Ооо, да уж, могу представить, — мечтательно протянул Рэй. Судя по тону, сложившееся положение дел его более чем устраивало. — Но хорошо, что координаты хоть не пришлось самому считать, я в этом, мягко говоря, не силен. Ладно, я. Я бы вытерпел, но Рин уж и точно вскипел бы.

— А этому ты вы еще явно научись, Рифард вас в покое не оставит, не переживайте, — обрадовал я напарника.

— Прекрасно, вернемся — порадуя братца, — проговорил он, по всей видимости, предвкушая неплохую шутку. И добавил, немного подумав — Хотя... Рин наверняка с Крисом куда-нибудь перенесся, а тот уж точно обрадует в первую очередь.

Изначально я предполагал, что все будет так, как оно почти всегда бывает, и «радовать» мы с Крисом будем исключительно друг друга. Однако мы всего лишь предполагаем, а шеф, счастливый обладатель собственного неопишуемого космоса в голове, располагает.

После окончания нашего еще более запутавшего меня разговора, найт Рифард все-таки объяснил, что за координаты он так долго искал и что мне с ними следует делать. Не нам с постоянным напарником, и именно мне, и это условие, честно сказать, разорвало шаблон у обоих. Далее, Рифард сообщил, что Кристон, и никто иной, срочно нужен для другого задания, смысл которого шеф озвучивать по какой-то причине в ту самую минуту не пожелал, и дал мне первое указание, которое я даже дословно процитирую, дабы не упустить всю его колоритность. Мне нужно было: «найти кого-нибудь из наших драгоценнейших братьев, одного любого, потому что второй явно где-то бездельно шарится, и только драконы его в такой прекрасный момент найдут. Схватить его за шкуру, оторвать от безмерно захватывающего дела, каким бы важным или интересным это дело ни было, и притащить в начальственный кабинет». Все это предполагалось сделать в ближайшие несколько минут, и ничего другого, кроме как податься на поиски знакомой физиономии, мне не оставалось.

Первым мне встретился Рэй. Он сидел в кресле в общем зале и с превеликим удовольствием вертел в руках какой-то мне неизвестный, устрашающий на вид прибор. Как оказалось позже, прибор принадлежал Эрни: точнее, она буквально вчера в порыве неконтролируемого вдохновения соорудила его из двух других, свой срок уже отслуживших. И предназначался он для измерения давности появления находящейся поблизости ауры. Как оказалось, новое изобретение местами барахлило и показывало, что всего полчаса назад в

общем зале присутствовал человек с неизвестной никому из нас аурой, чего быть никак не могло по нескольким причинам: например, мы узнали бы об этом сразу и не медля изловили гениального проходимца, на полном серьезе намереваясь завербовать его в наш прелестный рабочий коллектив. Потому что, в самом деле, мы просто не имеем права терять такого уника, раз уж он сумел незаметно пробраться в защищенную всеми известными шефу магическими способами коллегия. Сумел провести бывшего королевского мага и опрометчиво забраться в Тайфун — будь добр, присоединяйся, не просто же так всевидящее провидение отправило тебя именно сюда именно в это время: утром, когда большинство из нас явно присутствует на рабочих местах и хотя бы делает вид, что следит за всем происходящим вокруг. Не самое разумное решение, но зато насколько судьбоносное.

Однако, к счастью или к сожалению, никакой чужой ауры при осмотре зала Истинным зрением не обнаружилось, да и хитрый прибор к моему приходу уже перестал ее чувствовать, что еще раз доказывало необходимость его доработки. Но и такой результат, полученный от предмета, изобретенного явно на скорую руку, в очередной раз наглядно показывал, что нам очень повезло найти в Нортайле такого прекрасного физика.

Искренний восхищенный поклон Эрнис был передан, и мы с Рэем, придя к общему выводу, что Рина выискивать уже не требуется (тем более, он, как и предполагал шеф, отправился на улицы города в поисках незабываемых приключений, от чего его отвлекать явно не стоило), пошли выяснять, что же все-таки Рифарду так срочно понадобилось в Нортайле времен тысяча пятьсот пятнадцатого года.

История же наших близнецов настолько необычна, что заслуживает отдельного внимания.

Мало кто об этом знает или хотя бы догадывается, но братья-близнецы Рэй и Рин Кальвенты в действительности братьями-близнецами никогда и не являлись. Скажу больше, одного из них вообще изначально существовать не должно было, однако судьба распорядилась иначе. Дело в том, что в один знаменательный день, наступивший еще около ста лет назад, маленький мальчик по имени Райан Кальвент, единственный сын и посему любимец своих родителей-алхимиков, которые позволяли ему играть почти со всем, что попадется под руку, залез к ним в лабораторию и совершенно нечаянно клонировал самого себя. Как у него это вышло — никто сказать не может до сих пор, потому что подобной технологии не существует все еще, однако этот прискорбный факт вовсе не помешал мальчику успешно провести сей неповторимый ритуал. Самое интересное, что понять, кто из внезапно появившихся в комнате двух абсолютно одинаковых малышей на самом деле их сын, шокированные родители так и не смогли, как и не смогли ответить на этот каверзный вопрос сами мальчики, потому что оба чьими-либо клонами признавать себя не желали совершенно. Более того, они обладали не только одинаковыми внешностью и воспоминаниями, но и идентичной ярко-синей аурой, что никогда не наблюдается даже у настоящих близнецов. Именно последний факт и убедил всех в том, что вычислить настоящего Райана так и не получится, хоть ты тресни.

Родители посмотрели на них обоих, ничего определенного так и не добились — и при обоюдном согласии решили, что теперь вместо одного сына у них будут два, тем более, мальчики явно друг другу нравятся и в самом деле ведут себя как братья, готовые друг друга всячески защищать и прикрывать. Имя «Райан» было разделено, и нас свет появились Рэй и Рин Кальвенты, счастливые неразлучные братья-близнецы, так и не понявшие, кто из них все же магически сотворенный клон.

Время шло, мальчишки росли и с каждым днем все больше и больше походили на настоящих близнецов — за исключением того, что на внешность и ауру они так и остались идентичны настолько, что даже опытный глаз не смог бы найти отличий. Кроме одного, который сначала не проявлялся вовсе, но со временем обозначался все более и более ярко: цвет глаз. Фиолетовые глаза Рэя и сиреневые, посветлее, Рина появились из начальных темно-синих, принадлежащих Райану в ту далекую пору, когда он был еще единственным ребенком в семье. Почему так произошло — еще одна загадка, на которую так и не был найден ответ, однако существенная разница стала заметна, когда парням исполнилось по сорок лет. В остальном же — довольно высокий рост, светло-русые, успешно стремящиеся стать рыжими волосы, ямочки на щеках, появляющиеся при улыбке, и хитрый взгляд — все оставалось одинаковым.

Назвать кого-то из двоих более настоящим было бы кощунственно, потому что оба просто лучатся жизненной энергией. К тому же, при всей своей одинаковости, они все-таки являются разными личностями: Рин добродушен, импульсивен, любит общение и никогда не устает от компании, может быстро найти развлечение на улице и зависнуть там на половину дня, Рэй же более спокоен, саркастичен и при этом, справедливости ради, рационален, хоть и точно так же, как и его брат, любит разнообразные розыгрыши и авантюры. Рин тяготеет к практической магии и с удовольствием применяет ее при любом удобном случае и где попало, а Рэй, что еще раз показывает сегодняшнее происшествие с новоявленным изобретением, готов проводить почти все свое свободное время за изучением теории магии. Могу поспорить, ему и считать временные координаты понравится, что бы он там ни говорил, а вот за Рина я полностью поручиться не могу.

Закончив школу, в возрасте семидесяти с лишним лет чудеса природы в лице двух братьев переехали в Нортал, так и не пожелав поступать тут в Высший Королевский Университет. Вместо этого они захотели работать там, где захочется, притворяясь одним и тем же человеком, при этом умудрившись даже использовать небольшую разницу в цвете глаз в свою пользу: юные выдумщики создали легенду, будто оттенок зависит от сегодняшнего настроения. Сиреневый — значит, я сегодня очень добрый и веселый, подходите ко мне все, не подведу. Потемнее — я спокоен, лучше немного поостерегитесь и хотя бы не налетайте на меня со спины. И прошу, будьте хоть немного логичны.

Как ни странно, братьев за все время проживания в городе так никто и не раскрыл. Они ходили на работу по очереди или время от времени менялись ей — в те редкие случаи, когда были заняты оба. Точно так же они ходили и к друзьям в гости, и на вечеринки. Девушек, суди по их словам, они никогда не делили (хотя кто их, в самом деле, разберет), однако в итоге так никто из их знакомых и не узнал, что единственного ребенка в семье Райана Кальвента не существует уже около ста лет. Рэй и Рин, заменившие его, были полностью довольны своим образом жизни и намеревались продолжать в таком духе и дальше. Потому что скучать им не приходилось точно.

Но грандиозный розыгрыш закончился, когда в день их столетия, почти год назад, к ним в дом заявился незнакомый им тогда найт Хайт и с порога объявил, что ему нужны оба брата.

Что было вполне предсказуемо, от предложения человека, который каким-то образом просек их маскарад, братья просто не смогли отказаться.

Именно так, собственно, Рэй вместе со мной и оказался стоящим на Земле старого Нортала, куда бы он другим способом точно не попал. И он, прожив в Мире уже довольно

много лет, сам не мог в полной уверенности сказать, настоящий ли он человек либо клон, точно так же как и не мог ответить на этот сложный вопрос его названный брат.

Возможно, это и есть то знание, обладать которым им не следует никогда и ни при каких обстоятельствах.

— Пойдем, ученичок ненаглядный, — наконец иронично сказал я. — Поищем подходящий для ночлега трактир.

Завтра нам предстояло начать искать информацию об одном древнем артефакте, затерянном в то время в запутанных подземельях Высшего Королевского Университета.

За окном уже было темно. Давно — несколько часов как. Три луны, сверкая на ночном небе причудливым сочетанием желтого, оранжевого и красного цветов, стремительно, словно наперегонки, все вместе поднимались по небосклону.

Ей не спалось.

Одеяло было откинута, занавески — широко раздернуты. Потому источником света, единственным на всю спальню, служили все те же яркие луны, как будто нарочно заглядывающие именно в эту комнату.

Она резко, импульсивно встала и прошлась по комнате. Выглянула в окно. Не обнаружив ничего необычного, вернулась в кровать, но, не пробыв там и минуты, снова решительно поднялась на ноги.

Что-то ее тревожило, что-то не давало ей покоя.

Как будто она забыла нечто очень, очень важное.

Но вот только что.

Девушка накинула на плечи теплую домашнюю атту и села за стол. Кажется, она раскрыла записную книжку — но не стала в ней что-то писать. А просто, пробежав глазами какие-то строчки, написанные будто бы ее собственной рукой, уткнулась в ладони и сидела так, почти что неподвижно, еще некоторое время.

Было тихо. Только на улице, так далеко и так близко, яростно завывал ветер. Слишком быстро низкие тучи заслонили собой все три луны. Вот уже послышался и стук капель, падающих на крышу, на деревья, на землю. Начиналась гроза.

Звук дождя успокаивал ее и помогал ей думать.

И все равно.

Она не могла вспомнить, когда написала эти строчки.

— Может быть, мама права? — обреченно сказала девушка вслух самой себе. По ее голосу было заметно: она не хотела, чтобы эти ее слова оказались правдой, совсем не хотела.

Очень близко сверкнула яркая молния. Еще через несколько секунд прогремел всегда сопровождающий ей гром. Конечно, она могла и испугаться, настолько сильна была стихия.

Но нет — по какой-то причине она любила грозу. Даже такую сильную. Тем более — такую сильную. Шторм как будто придавал ей силы. В том числе и душевные — которые были ей так необходимы.

Звук часов, возвещающих о том, что наступил полночный час, был заглушен очередным громом.

Что-то изменилось.

Девушка подняла лицо от рук и осмотрелась. Вроде бы, все точно так же, как обычно: просторная спальня, деревянная светлая мебель, белые занавески. Но все же ее взгляд остановился на одном из углов спальни. Совершенно пустом. Наверное.

— Кто здесь? — спросила она. Не испуганно даже — только немного настороженно.

Тишина, все чаще и чаще прерываемая оглушительными звуками грозы, была ей ответом.

И все же она знала. Не знала, так чувствовала. Потому что с детства привыкла доверять своей развитой интуиции. И поэтому смело подошла к углу, так сильно привлекавшему ее внимание, и на этот раз спросила уже прямо:

— Кто вы?

Смутный силуэт, заметный только при свете вспышки молнии, исчез.

За окном бушевал невиданный шторм.

Растолкал меня Рэй, непонятным для меня образом оказавшийся в моей комнате с утра пораньше.

— Ооо, друг, — сочувственно протянул он. — У тебя такой вид, как будто ты не всю ночь спал.

Одно из солнц, маленькое, уже было довольно высоко. Не полдень, конечно, но поваляться в постели я должен был успеть знатно. Я посмотрел на большие, деревянные, старинные для моего восприятия часы, мирно отсчитывающие секунды в углу съемной спальни комнаты одной из небольших, уютных городских таверн, найденной нами вчера уже в полночь. И удивленно ответил:

— Интересно. Я продрых почти девять часов. Но на самом деле чувствую себя так, как будто парочку из них бродил неизвестно где.

— Не отмазывайся. Мы-то про тебя все знаем. Куда ты незаметно под покровом ночи убежал. Профессор, — последнее слово он проговорил с исключительным ехидством и наслаждением.

Я вспомнил об этом и чуть не застонал в полный голос. И правда, подобный опыт мне еще только предстоит, причем, по всей видимости, уже сегодня или, в крайнем случае, завтра, как бы сильно мне ни хотелось оттянуть сей пренеприятный момент. Или вообще его как-нибудь незаметно отменить, безо всяческого ущерба: как для нашего исследования, так и для других людей. Студенты, вон, точно обрадуются, им же, в конечном счете, меньше в душных аудиториях сидеть.

Но все-таки сдержался, посмотрел на отвратительно бодрого Рэя и решил уточнить:

— А ты-то что тут делаешь?

— Тебя пытаюсь из кровати вытащить, спящий красавец.

— Зачем?

Насильно воскрешать меня из спящих мертвым сном было бы совершенно нецелесообразно: как может подтвердить любой представитель человеческого рода, которого по той или иной причине когда-либо злостно будили в несусветную рань (будь эта несусветная рань хоть даже в полдень), подобное пробуждение не сулит ничего хорошего как самому разбуженному, так и всем окружающим, в особенности же тому несчастному, что посмел посягнуть на священный сон. Тем более, если покушение на него было совершено без какой-то очень значительной причины, способной перечеркнуть все вышесказанное и установить твердый дружеский мир, основанной на взаимных всепрощении и любви.

Выражение фиолетовых глаз «того несчастного» стало уж очень ироничным. Рэй положил голову на ладонь руки, посмотрел на меня и с притворной скромностью поинтересовался:

— Ты всегда с утра такой забавный?

— Я все еще сплю на самом деле, — серьезным тоном пояснил я, в уме прикидывая, под каким углом лучше запустить в собеседника подушкой. — А с тобой во сне разговариваю. Да, я и так умею, я же, в самом деле, непревзойденно гениальный профессор, и вовсе не важно, что не в этой области. Но, тем не менее, смысл своих глубокомысленных высказываний не особо-то контролирую, сплю же все-таки. Так что ты тут делаешь-то?

— Хорошо, попытка номер два. Сажу на подоконнике?

Впрочем, именно этим он и занимался. Неширокая, однако все же непередаваемо уютная кровать, на которой я вчера с таким удовольствием развалился и почти сразу же заснул, стояла непосредственно рядом с окном (и как я этот маленький факт только вчера не отметил?). Поэтому восседающий на подоконнике человек имел восхитительную возможность подло разбудить несчастного сновидца, всего лишь дотянувшись до него руками. Или ногами — это уже зависит от прирожденной наглости и приобретенного воспитания.

Собственно, восседающий на подоконнике человек данной возможностью воспользоваться не постеснялся. Теперь же, после успешного завершения сего неблагодарного дела, он удобно устраивался, подставляя лицо теплым солнечным лучам, и беспечно болтал ногами, свесив их со второго этажа деревянного здания таверны.

Картинка была настолько умиротворяющей, что в первое мгновение я даже чуть не передумал подло мстить и скидывать напарника с его удобного места — в сторону комнаты, естественно, я, конечно, тот еще злодей, но все же не настолько. Но все-таки пересилил себя и претворил в жизнь задуманное злодеяние.

Получилось скинуть даже на краешек кровати. Вот какой я, оказывается, добрый малый, хоть слезу умиления пускай и самому себе обещаю податься в вечные праведники, чье призвание — беспрестанное и благородное несение счастья в широкие круги непросвещенной, темной общественности.

— Уже не сидишь, — довольно прокомментировал я и невинно развел руки как будто в полном неведении того, что же такое загадочное только что могло приключиться.

— Уже не сажу, — умиротворенно согласился Рэй и в следующую же секунду снова удобно устраивался — на этот раз у меня на кровати. — Делегация за тобой скоро придет, вот что я хотел сказать. Не смотри на меня столь удивленно, из Университета, никто забирать тебя под стражу пока что не собирается, слава Духам. Представители делегации были несколько озадачены, когда обнаружили, что вы, найт профессор Альвер, (ну, и я вместе с вами) не объявили о своем приезде сразу же и не направились в специально для вас обустроенные и бесконечно удобные университетские покои, а предпочли этому ютиться в таверне. Кстати, они восхищены вашей скромностью и непритязательностью и теперь просто жаждут познакомиться с вами лично.

— Откуда ж ты это все разузнал, гениальный сыщик? — я уважительно присвистнул.

— Да случайно, на самом деле. Сам проснулся всего час назад, тихо и мирно отправился вниз в поисках завтрака, а там уж, так и не успев ничего сказать насчет еды, встретил непростительно активную для такого раннего утра хозяйку таверны и выслушал эту же тираду. А потом уж пошел будить тебя. В окно залез, потому что Кальминта, хозяйка собственной персоной, наотрез отказалась вручать мне ключи. Логике не вижу по одной простой причине: она же сама и намекнула мне, что пора бы тебя поднимать и готовить к свершению великих образовательных дел. Но странные люди, конечно, встречаются.

Деревянные часы в углу пробили десять. И в самом деле, пора было усилием воли поднимать свое изнеженное тело: я же вправду на работе — хоть и не совсем на той, о которой думает вся университетская делегация в полном составе и хозяйка таверны Кальминта в придачу.

— Я как будто в очередной раз работал всю ночь, — как будто бы между делом заметил я, тщетно стараясь заставить себя встать. — По крайней мере, ощущения сравнимые. Даже снилось что-то...

Перед глазами сами собой начали всплывать образы: смутные, но вполне узнаваемые. Их я и видел в своем сне, который, казалось, продлился всю ночь. Странно, ведь всего минуту назад я не мог вспомнить ни единой картинки. Только звучание моего сна прочно засело в моей памяти.

Шум, напоминающий стук капель, с каждой минутой все более и более усиливающийся — по какой-то причине именно он запомнился мне больше всего. Завывания ветра, отчасти грозные и отчасти печальные, но в любом случае заглушившие мне все другие звуки таинственного ночного мира.

Потом неуловимые образы с каждой секундой становились все более и более понятными, видимыми. Кажется — комната. Одновременно и светлая, и темная. Забавно, как это может быть.

Да. Вероятно — ночь, когда же еще может встретиться подобное интересное противоречие? И ничего не происходит — только бушует гроза, которой еще не было совсем-совсем недавно.

Какой, оказывается, яркий сон.

Ах да, и еще девушка. Она выглядела взволнованной, даже несколько грустной. Я стоял в углу комнаты и наблюдал за ней. Как и в любом сне, я не управлял собой, я не мог по собственному желанию пошевелить даже пальцем.

А когда она меня, еле уловимую, почти что невидимую тень, все-таки заметила, подошла ко мне и что-то спросила — я проснулся.

Все Великие маги учили доверять своим сновидениям, основываясь на том, что подсознание во много раз древнее и мудрее нас. Оно, в отличие от тех же самых людей, ошибочно мнящих себя венцом творения, как раз-таки знает, что делает.

Нортайл сверкал.

Нет-нет, правда. Он был ослепителен. В переносном, конечно, смысле, но на жителей далекого будущего, привыкшем к скуке и даже некоторому однообразию современной архитектуры, производил неизгладимое впечатление. Если я скажу, что в моем времени город изменился полностью, то это будет бессовестным враньем, потому что короли и подвластные им архитекторы и застройщики, какими бы неоригинальными и даже вредными они ни были (а встречались и такие представители данных уважаемых профессий), сносить памятники старого искусства категорически отказывались. За что все научное общество, и я в том числе, были неимоверно признательны.

Нельзя сносить историю. Просто — нельзя. Думаю, всем архитекторам не плохо бы зарубить это на носу.

И все-таки без современных зданий город воспринимался совершенно по-другому. Не особо высокий, но зато с прекрасным дизайном, великолепно украшенными улицами, а потому яркий, неповторимый и, не побоюсь этого слова, волшебный. Здесь хаотически

соединялись постройки разнообразных стилей, появившиеся в городе в совершенно разные исторические эпохи: ведь город строился на протяжении многих тысячелетий. И подобное причудливое сочетание всего-всего подряд, по идее должно создавать неприятные неразбериху и бардак, смотрелось настолько органично и восхитительно, что историки всегда диву давались и поговаривали, что тут не обошлось без древней, всеми забытой магии.

Которая, впрочем, мистически развеялась после появления современной для меня архитектуры. Дело в том, что в моем времени многие здания были крайне неоригинальны: одинаковы или, по крайней мере, очень похожи друг на друга. Здесь же, в Старом Нортайле, наоборот, неповторимым было абсолютно все. У этого всего был свой собственный, индивидуальный, характер.

Высший Королевский Университет, основанный еще много тысяч лет назад, изменениям, слава Духам, никогда не поддавался. В его здание, явно выделяющееся среди всех прочих своей немаленькой высотой, полученной благодаря нескольким башням — излюбленной чертой архитекторов времен его постройки, меня препроводили с конвоем. Прошу прощения, делегацией, состоящей из нескольких профессоров сего учебного заведения. Они, ничуть не удивившись моей возмутительной для гения истории молодости, разговаривали со мной как с равным. И с уважением сказали, что они приятно удивлены моей скромностью: я, такое известное лицо в научных кругах (интересно, как Рифард умудрился это устроить, старый пройдоха?), не отправился сразу же в Университет с целью представить всем такого замечательного себя и заявить о своих правах на роскошную спальню в Университете, а устроился на ночь в обыкновенный, ничем не примечательный трактир. По всей видимости, моя совершенно нечаянно проявленная скромность невероятно впечатлила гениальные умы и до скончания веков расположила их ко мне весьма и весьма положительно.

Меня за белые рученьки привели в Университет и с подобающей учтивостью предложили ознакомиться с его устройством и провести что-то вроде экскурсии. Я, внутренне пожившись, вежливо отказался, ссылаясь на то, что предпочту прогуляться по такому прекрасному зданию в одиночестве и без разговоров, прошу меня понять и простить. Меня поняли, простили и оставили одного — в том самом месте, где я, казалось бы, еще совсем недавно, провел тридцать незабываемых лет своей не такой уж и долгой жизни.

Я ходил, не особо обращая внимания на то, куда, собственно, направляюсь, и вспоминал. Вспоминал много и самозабвенно, мечтал, восторгался и впадал в грустные и в то же самое время сладкие размышления — и все это успевал делать чуть ли не одновременно. Ведь так бывает всегда, абсолютно всегда, когда через несколько лет возвращаешься в то место, с которым у тебя связано множество воспоминаний — к тому времени уже счастливых, потому что все плохое имеет прекрасную привычку забываться.

До того момента, как здесь появлюсь я, восьмидесятилетний, восторженный и неопытный, пройдет еще около полутора тысяч лет. Однако я не чувствовал никакой принципиальной разницы: все было настолько родным и до боли знакомым. Высший Королевский Университет не менялся, и спасибо древней, так никем не разгаданной и даже не вычисленной магии, которая здесь явно есть и всегда будет. А как же иначе?

В какой-то момент я увидел прозрачную дверь, ведущую в один из лекционных залов — просторный и светлый, если мне не изменяет память. И услышал доносящийся из-за нее шум, настолько знакомый мне еще со своей студенческой жизни. Несомненно, в зале сидели

ученики и ждали запаздывающего преподавателя, не решаясь или по какой-то причине не желая просто-напросто уйти. Они разговаривали, шутили, смеялись. И еще они с нетерпением чего-то ждали.

Поддавшись бессознательному порыву, я открыл дверь. И этот мой поступок в очередной раз подтвердил всю мудрость бессознательного: потому что, как я понял позже, все последующее обязательно должно было произойти — так или иначе.

— Парень, заходи, — приветливо махнул мне рукой он из ребят, сидевших на первых рядах. — Он еще не пришел.

И я сел — сам не понимая, зачем мне вообще понадобилась притворяться студентом. Захотелось поглядеть, как работают в это время другие профессора? Поддался ностальгии, вызванной прогулкой по местам былых незабываемых приключений? Банально не сообразил на ходу, что лучше всего в данной ситуации сделать, раз уж так непредусмотрительно открыл дверь, и поэтому сел за один из столов, рядом с другими учениками? Все возможно.

Надо бы хоть узнать, на какой предмет меня занесло. Но ладно, пусть это станет для меня сюрпризом.

Через несколько минут зашел преподаватель. Конечно же, это был преподаватель, потому что на студента внезапно появившийся маг не походил никак. Одетый в деловую, но явно дешевую черную атту, не отличающийся внушительным телосложением и совсем немолодой, он мог бы и не произвести на искушенного студента впечатление могущественного колдуна — вот только одежда и рост в нашем нелегком деле точно не показатели, а возраст, наоборот, обыкновенно способствует приобретению могущества. Быть может, профессору на тот момент было около тысячи лет — возраст весьма и весьма солидный даже для преподавателя Университета. В его коротких, некогда темных волосах была явно заметна седина, а плечи несколько сутулились, но никто в тот момент и не обратил внимания на все вышеперечисленное. Всем сразу же запомнились глаза колдуна — уже выцветшие, но настолько живые, блестящие таким заразительным весельем, что настроение всех окружающих поднималось буквально за секунду.

Профессор не представился. Он в долю секунды появился в лекционном зале и сразу же начал рассказывать — и все посторонние студенческие разговоры затихли в один момент.

Он говорил быстро и самозабвенно, одновременно весело, заразительно улыбаясь и стараясь сохранять серьезное лицо. Он нес такой восхитительный бред, что даже я, вроде бы такой взрослый и уже в некотором отношении образованный, впал в оцепенение. Он рассказывал настоящие научные факты и упоминал теоретические предположения, периодически подкрепляя все невообразимо причудливыми, сумасшедшими примерами, которые никогда бы мне и в голову не пришли. Он, объясняя начала теории магии, рисовал на доске высокохудожественные закорючки, которым могли бы позавидовать даже дети пятилетнего возраста, страстные любители изрисовывать листочки бессвязными черточками и полосками. Собственно, что-то подобное и красовалось на доске: линии, призванные изображать магические потоки, лучше смог бы нарисовать даже я, а во мне художественный талант не проявлялся никогда и делать это в ближайшее время явно не собирался.

Профессор периодически спрашивал наше мнение и писал на доске слова, намеренно пропуская часть букв — чтобы мы могли догадаться сами. Иногда он изображал настоящие ребусы, предлагая нам погадать о значении зашифрованного слова. В какой-то момент, рассказывая аудитории про вулкан Оарлис, который несколько тысяч лет назад обзавелся весьма приятной привычкой испускать магические потоки вида С, способствующие

восстановлению здоровья и запаса сил магов, лектор объявил, что нам просто необходимо в ближайшее время посетить это во всех отношениях прекрасное место, мотивируя нас тем, что всего лишь через какой-то миллиард лет Оарлис перестанет существовать — и все, возможности съездить не будет. Подобный шанс потерять просто грешно.

К середине лекции профессор выкинул еще одну незабываемую штуку. Прервавшись на полуслове, он изобразил, будто что-то ловит в воздухе. Затем крепко сжал пустой кулак и обратился к аудитории:

— Вот жалко мне этого дракончика, но приходится из-за одного молодого человека брать на душу тяжкий грех...

Он печально вздохнул, взглянул на свой кулак и быстро щелкнул пальцами другой руки: обычно маги так делают исключительно тогда, когда желают изобразить что-нибудь до неподобающего профессору неприличия показное. Или же когда им в голову приходят гениальные идеи, исполнение которых не терпит отлагательств.

— У меня в кабинете уже коллекция дракончиков, разносящих сонные бациллы. Может, кто-нибудь хочет на досуге зайти ко мне, вместе попить мирлид и рассмотреть ее поближе?

Все недоуменно молчали. Выражения лиц слушателей в тот момент были просто неподвластны адекватному описанию, потому что в лекционном зале царили полнейшее эмоциональное разнообразие и абсолютное непонимание происходящего. Сообразить, о чем ведет речь уважаемый всеми найт профессор, из студентов не мог ровным счетом никто.

— А сейчас я вам его нарисую, — профессор взял в руки мел и повернулся к доске. — Такой в очках и белой атте, прямо как его хозяин, — на зеленой поверхности доски появился кривой кружок в очках, призванный изображать чье-то лицо. — Хозяин на третьем ряду сидит, кстати. А если бы он не стал выпускать сонные бациллы, то этот бедный дракончик все еще был бы на свободе. А еще это могло быть, если между нами, к примеру, в один момент исчезло пространство. Но это я уже немного про другое, да...

Существо, изображенное на доске, уж кого-кого, а дракона не напоминало явно.

Описанное действо во время всего занятия повторялось раз пять, не меньше. Наверное, после третьего инцидента до ошеломленных слушателей стало доходить, что профессор начинал ловить сонных дракончиков исключительно тогда, когда кто-то из студентов... зевал. Тем самым распространяя по лекционному залу сонные бациллы.

Уж не знаю, как подобная мысль могла посетить голову высокообразованного, мудрого мага, но каждый раз он с неповторимо ехидным выражением лица прерывал лекцию, пленил очередное ни в чем не повинное воображаемое существо, а потом точно так же, совершенно невозмутимо, возвращался к теме, так и ни разу не потеряв нить рассуждений.

В какой-то момент я начал истерично хихикать. Вместе со всеми остальными учениками.

На самом деле, обойтись без этого было невозможно. Потому что, когда профессор, мудрый и знающий чуть ли не все на свете (а это было видно невооруженным глазом), начинает вытворять во время занятий подобное, это селит в неокрепших студенческих умах некоторый диссонанс и ввергает их в культурный шок. Студенты, и я, случайно попавший в их число, слушали интереснейшую лекцию о началах теории магии в полнейшем оцепенении. И все запоминали, ведь как может быть иначе, если тебе подадут информацию именно таким, до восхищения нестандартным образом.

Шаблон обыкновенного университетского занятия был раз и навсегда разорван. И прекрасно, потому то шаблоны скучны и надоедливы. Быть может, в свое время они и

придуманы были как раз для того, чтобы необыкновенные люди могли их время от времени разрывать — к примеру, таким вот нестандартным (а как же иначе?) образом.

Время слишком быстро подошло к перерыву — к окончанию лекции. Никто из присутствующих и заметить не успел, как стремительно полтора часа пронесли мимо нашего внимания. Кроме профессора, который, конечно же, помимо всего прочего еще и за временем успевал следить. В какой-то момент он молча развернулся к доске и крупным, разборчивым почерком нацарапал на ее середине всего два слова.

«Урра! Конец!!!» — гласила аккуратная надпись.

Найт улыбнулся нам и мечтательным голосом проговорил:

— А теперь настало время отдохнуть. Я же понимаю, что вы от надоедливого, занудного старичка в моем лице очень устали за полтора-то часа. Закройте глаза и представьте что-нибудь хорошее. Вулкан Оарлис, например, к нашему счастью, все еще существующий. Я вот представляю именно его.

Он лучезарно улыбался и, кажется, был готов рассмеяться в любую секунду. В его бесцветных глазах играли задорные, яркие огоньки.

Конечно же, мы его послушались. А когда, пару минут спустя, все-таки начали осторожно, чуть ли не по очереди, открывать глаза, никакого профессора в лекционном зале уже не было.

После того, как первое удивление прошло и явилось понимание сыгранной с нами доброй шутки, мы начали собираться, теперь уж точно и с сожалением осознавая, что лекция закончена — будьте добры пожаловать обратно только через неделю. А может такое случиться, что и через два дня, это зависит от милости составляющих расписание сотрудников.

Все студенты выходили из зала в приподнятом настроении, смеясь, обмениваясь впечатлениями и все еще отходя от некоторого шока. Я шел в точно таком же состоянии и даже взхлеб обсуждал с кем-то теорию магии и сонные бациллы, а потом еще с кем-то, и еще, хотя продолжительные восторженные разговоры с незнакомцами со мной случаются крайне редко — но и такое бывает, что тут таить. Помнится, я спросил у кого-то из них, кем все-таки был этот гениальный, незабываемый преподаватель.

— Как, ты не знаешь? — искренне удивился мой случайный собеседник. — Это Профессор Антавир. Сам Директор Университета. Легендарная личность!

Сюрприз и в самом деле получился. Первоклассный.

— Молодой человек. Мне почему-то показалось, что вам нужно ко мне.

Голос раздался как будто бы из ниоткуда. Дружелюбный, веселый, знакомый голос — я слышал его только сегодня, всего несколько часов назад. И сомневаюсь, ох, сомневаюсь, что теперь смогу его просто так забыть.

— Профессор Антавир? — зачем-то спросил я, разворачиваясь.

— Вы меня все же узнали? О, я рад!

Бесцветные глаза смотрели на меня миролюбиво и задорно. Всего пару секунд назад профессор вышел из-за угла одного из многочисленных коридоров Университета — и я мог поклясться всеми благосклонными к моей скромной персоне Духами, что пару секунд назад его там попросту не было. Уж что-то, а предаюсь одиночеству я с подобающим тому размахом и, как полагается, в полном одиночестве, а потому обратил бы внимание на такую ненавязчивую деталь, как Директор Антавир.

— Я вам помешал? — обеспокоенно спросил найт. — Если что, я спокойно могу исчезнуть.

— Нет, что вы... — я несколько смутился.

— Тогда, быть может, вы согласитесь выпить со стариком мирлид и послушать его назойливую болтовню? — предложил он, гостеприимно распахивая передо мной ближайшую дверь. Собственной рукой, без волшебной показухи, как и подобает приличному тысячелетнему архимагу.

Насколько я помню, а своей памяти я привык доверять безраздельно (однако, может, и зря), здесь всегда находился склад ингредиентов для курсов зелий и алхимии. Именно тут, при желании, всегда можно было обнаружить перья рукокрылов, семена говорящих цветов (крайне редкая штука, между прочим), зубы глубоководных ящеров, всевозможные наборы разнообразных магических трав и кучу других любопытных вещей — все, что душе, слезно просящей проведения химических экспериментов в лабораторных условиях, угодно. Но никак не директора.

Тем не менее, я последовал за ним. Да-да, в кладовку. И сразу же, к своему удивлению, оказался в директорском кабинете — по крайней мере, теоретически это должен был быть именно он.

— Дверь-портал! — наконец сообразил я. И восхитился элегантностью и простой задуманного.

— И не только эта. Я могу попасть сюда через любую дверь в стенах Университета, — пояснил Антавир и как будто бы мимолетно добавил — А еще прямо из своей спальни. Однако зачастую моей спальней как раз и становится этот кабинет, и уж не знаю, хорошо это или плохо. Остается надеяться, что местные гениальные студенты не разгадают мой трюк с порталом и не начнут применять его вместо меня, хотя это, наверно, всего лишь вопрос времени. Но вы меня не слушайте, это я так, к слову. Так вы хотите мирлид, профессор Альвер? Я, честно сказать, не специалист в его приготовлении, но все же...

«Профессор Альвер». Что ж, директор явно знал, кто я по наспех придуманной найтом Рифардом легенде. Если не знал, кто я на самом деле. И даже при таком раскладе я не стал бы сильно удивляться: тысячелетний колдун, директор Высшего Королевского Университета, явно получил свою должность не за веселый нрав и лучезарные, выцветшие от возраста глаза — на то он и тысячелетний колдун.

— Все же вы меня раскрыли, — заметил я вслух, не чувствуя, впрочем, никакого разочарования или хотя бы сожаления.

— Надеюсь, вы не будете держать на меня обиду, — Антавир обезоруживающе улыбнулся и подал мне большую, ярко-оранжевую, горячую кружку. — Осторожно. Он еще не успел остыть.

— И не подумал бы.

Из кружки доносился до тех пор не знакомый, но определенно восхитительный аромат. В моем времени мирлид перестали варить абсолютно во всех заведениях, ссылаясь на наличие в его составе бесследно исчезнувшего с лица земли ингредиента, без которого, увы, вкус все равно будет не тот, а варить по-другому было бы недопустимым в приличном обществе кощунством. На сей факт неустанно и чуть ли не ежедневно сетовал шеф, вынужденный, бедняжка, пить кофе или чай вместо излюбленного напитка. Я же знал о нем исключительно понаслышке и всегда мечтал попробовать, однако теперь, когда я был так близок к исполнению одного из своих небольших, но все так же заветных желаний, я

почему-то медлил. Сладка минута вот-вот подходящего к концу ожидания.

— Вы приехали вчера, найт Альвер? — поинтересовался директор, мягко усаживая меня на кресло рядом со своим рабочим столом, представляющим собой весьма каноничный пример творческого беспорядка: деловые бумаги вперемешку с книгами, художественными и магическими, ручки — со своевольными самопишущими перьями, противопоказанными, кстати, к использованию в серьезных организациях, обрывки статей из разнообразных журналов и газет, цветы, несколько почтовых марок, парочка фотографий — и среди всего этого очаровательного бардака красовались вдобавок аппетитные яркие пончики. Один из них улыбался широким шоколадным ртом и преданно смотрел на нас розовыми джемовыми глазами.

Сам же кабинет был светлым, просторным и умиротворяюще уютным. Он находился под самым куполом Закатной башни Университета, и потому вид из огромного, резного окна, в данный момент не прикрытого тяжелыми занавесками, был изумителен: город, отнюдь не маленький и такой вдохновляюще разнообразный, наполненный магией и жизнью, лежал как на ладони. Да, я видел Нортал с подобной высоты уже множество раз, но захватило дыхание у меня лишь теперь.

Я влюблялся в Старый Нортал все больше и больше.

Антавир не отвлекал меня ни одним словом: как будто и вовсе забыв о моем присутствии, он заинтересованно уткнулся в наспех выуженную из общей кучи книгу. И только некоторое время спустя профессор ненавязчиво повторил свой вопрос.

— Что? Ах, да. Вчера. Простите, что не приехал со своим напарником и не представился сразу, я как-то не сообразил.

— Что вы, что вы, вам совершенно не нужно извиняться. И советую все же пить, а то мирлид остынет. Не могу сказать, что процесс подогревания составляет такую большую сложность, но нужно же мне вам хоть как-то об этом напомнить, — глаза директора озорно блеснули.

Прославленный в свое время и исчезнувший из будущего, напиток оказался умеренно сладким, несколько терпким и невероятно вкусным. Тонкая смесь разнообразных трав и ягод грела, освежала и заряжала энергией одновременно. Драконы только разберут, какая магия была применена для достижения подобного эффекта.

— У вас, профессор, такие глаза, будто вы ничего в жизни вкуснее не пробовали, — усмехнулся Антавир. — Однако, боюсь, этот комплимент мной не заслужен. Мирлидовар из меня посредственный.

— По-моему, вы просто зря себя принижаете, — ответил я и тут же поразился фамильярности своего тона.

Разговаривать так я редко позволял себе даже с преподавателями (в отличие, кстати, от Криса), а уж о директоре в данном контексте не может быть и речи: что уж там, я даже ни разу за тридцать лет обучения не имел чести беседовать с ним лично. Найт профессор Кольвентр, а именно такое обращение больше всего устраивало моего директора, в простом студенческом народе всегда слыл веселым, гостеприимный и вообще во всех отношениях очень милым дедушкой, однако же никто из вышеупомянутого народа не мог сей факт с гордым лицом подтвердить — так как на студентов его гостеприимство если и распространялось, то под такой строгой секретностью, что ровным счетом никто и предположить не мог, в какое время можно постараться его узреть. Какое-то время по Университету ходили занимательные истории про то, как небольшая группа учеников с

факультета теоретической магии все-таки умудрилась лицезреть высокого начальника, статной старческой походкой выходящего из своего кабинета, на самом что ни на есть настоящем, реальном яву. И все же эта радостная, в каком-то отношении революционная информация так и осталась неподтвержденной. И, к слову говоря, ту крайне любопытную группу студентов больше никто не видел, но это, возможно, только потому, что никто на самом деле не знал, кем являлись те отважные герои местных сказок.

По всей видимости, некоторые секреты вечно должны оставаться секретами, иначе мало ли, какое древнее и грозное проклятье обрушится на дерзнувшего его пробудить беднягу.

Что же касается этого кабинета, да, я был в нем впервые — за полторы тысячи лет до своего самого первого появления в Университете.

— О чем задумались, профессор? — заинтересованно спросил Антавир, но тут же спохватился. — Вы уж простите мое любопытство и, даже не дожидаясь удобного случая, прямо скажите мне, если оно вам надоело. И я честно постараюсь держать себя в руках.

Я рассмеялся.

— И снова зря вы так, мне на самом деле приятно с вами разговаривать. А задумался я про ваш кабинет. Точнее — про легенды, которые о нем постоянно ходят, частично правдоподобные, частично нет. И просто мне стало интересно, какие из них возникли все же не на пустом месте.

— Легенды, юный найт, на пустом месте не возникают, — загадочно произнес директор. И тут же заговорщически подмигнул мне.

События, недавние и как будто бы такие далекие, всколыхнулись в памяти ярким, обжигающим пламенем. Вспомнилась мне и Сай — нет, Сайонарис, маленькая рыжая девочка, могущественная пропавшая ведьма, легенда из легенд.

Да. Легенды на пустом месте не возникают.

— Что-то мне подсказывает, что как раз вы должны это знать, — профессор смотрел на меня внимательно, не отрывая взгляд.

У меня что, ни лице все написано?

— Вы же все-таки историк, вы это изучаете, — как ни в чем не бывало заключил Антавир и неожиданно хлопнул в ладоши. — Прекрасная идея! Надеюсь, вы позволите обсудить с вами один животрепещущий вопрос?

Я с готовностью кивнул.

— Вы же знаете про Временные Ураганы?

Хорошо. Просто прекрасно, что мой ступор длился не более двух или трех секунд. Все-таки меня хорошо научили отходить от оцепенения, хвала Духам, а заодно всем пройденным изнуряющим тренировкам.

— Ээ... да, — удивленно ответил я. — Но при чем тут...

— Замечательно! Просто замечательно, — Антавир восхитился так, как будто впервые за всю свою немаленькую жизнь встретил человека, слышавшего о такой замечательной штуке. — Меня давно интересует один вопрос. Крайне и крайне животрепещущий, как я уже сказал. Почему Ураганы могут отправлять только в прошлое, не в будущее?

— На самом деле... — я начал говорить и осекся.

На самом деле, я никогда и не пробовал перенестись в будущее. Я был так восхищен возможностью побывать в горячо любимом мной прошлом, видеть развитие истории собственными глазами, а не читать на страницах учебников, хоть и интересных, но все же не

таких, что мне просто в голову не приходила подобная идея.

Но профессору, казалось, не так уж и нужен был мой ответ.

— Почему при такой прекрасной доступности Ураганов для любого желающего, — продолжал он — ими пользуются далеко, далеко не все? Я бы сказал, единицы среди миллионов, невероятные счастливики! Вы не находите, найт Альвер?

Бесцветные лучезарные глаза смотрели на меня пристально и открыто.

— Эти люди — самые счастливые на свете, — искренне ответил я. — Особенно если они любят историю и вдобавок хотят убежать от реальности.

— Полностью согласен! И все же. Почему именно они?

— Но я не...

— И еще кое-что. Подумай, мальчик, вот о чем... Почему никто из путешественников во времени, хоть их, как мы уже выяснили, не так много было, не изменил ход истории? Они бывали в прошлом, но возвращались всегда в одно и то же, до боли знакомое им настоящее?

— Возможно, и меняли, — предположил я. — Я уже думал об этом когда-то. Может быть, они и создавали кучу параллельных реальностей, где события шли совершенно по другому руслу, однако снова и снова попадали в свою — потому что по тем или иным причинам привязаны к ней.

Антавир разглядывал меня с глубоким интересом.

— Прекрасное предположение, благодарю, юный найт. Подобные теории всегда необычайно занимательны, а вы примерно повторяете одну из них. И все-таки, если мы предположим, нет, примем в качестве аксиомы, что путешественники во времени, настоящие, не привязаны ни к какой реальности? Почему они ничего не меняют, почему не могут попасть в будущее, почему их так катастрофически мало?

Каюсь: я не знал, что ответить. Даже понятия не имел, что думать. Честно говоря, в будущее я никогда не стремился попасть: по какой-то причине мне просто было неинтересно, я не хотел видеть не только свою судьбу, но и судьбу всего Мира. И все же другие вопросы заставляли задуматься.

Однако профессор, взглянув на настенные часы, резко сменил тему:

— Ох... Совсем я заболтался, простите старого любопытствующего ученого. Я бы с непередаваемым удовольствием побросал слова на ветер еще и еще, но коварное время уже подгоняет меня идти вести занятия у старшего курса руноведов. А ведь они уже, на самом-то деле, знают руны не хуже меня... Закройте глаза, найт Альвер, и представьте что-нибудь хорошее.

Памятуя о недавно прошедшей лекции, я скептически улыбнулся. Антавир рассмеялся и с понимающим видом махнул рукой.

— Ну, не хотите — как хотите. А я бы закрыл, ведь всегда же приятно вспомнить о чем-нибудь прекрасном. Тогда просто не откажитесь от дружеского совета: если хотите попробовать самый вкусный мирлид всех времен и народов, загляните на досуге к Асвейде. Это недалеко, на улице Янтарей, зайдите, не пожалеете. Она еще и что-нибудь интересное вам почитать подберет, если вы захотите, в этом серьезном деле Асвейде на все руки мастер. Удачного вам дня!

Профессор Антавир захватил с заваленного стола первый попавшийся учебник (вопрос еще, по рунам ли), встал со своего кресла, стремительно подошел к двери и открыл ее. На пороге, всего за пару секунд до выхода, он развернулся ко мне и на прощание сказал:

— Когда вы все же найдете ответы на наши вопросы, возвращайтесь, пожалуйста, ко

мне. Интересно будет кое-какие вещи обсудить.

Сутулая фигура, укутанная в потрепанную черную атту, растворилась в дверном проеме — в самом прямом смысле.

Всегда. Всегда именно так говорят хорошие учителя, когда знают ответ на поставленный вопрос, но хотят, чтобы их ученики непременно нашли его сами.

Нат Асвейде радостно приветствовала меня еще с порога, гостеприимно улыбаясь и будто бы разом озаряя своей широкой, радостной, совершенно естественной улыбкой все небольшое помещение таверны с непривычным названием «Моменты». Такая улыбка редко встречается среди владельцев таверн, вынужденных ежедневно иметь дело с десятками клиентов, с которыми просто необходимо вести себя вежливо и обходительно. Именно эта счастливая улыбка заставила меня полюбить сухонькую старушку Асвейде чуть ли не с первого взгляда.

Она, приветливо махая мне рукой, а заодно и зажатой в ней тряпкой, стояла на шаткой лестнице и пыталась смахивать пыль с внушительных размеров книжной полки, весящей прямо под самым потолком.

— Здравствуй, Альвер! — приветствовала меня Асвейде и с необычайными для своего пожилого возраста грациозностью и легкостью прыгнула с верхней ступеньки прямым ходом на твердый пол.

Хозяйка «Моментов» оказалась намного ниже меня ростом. Ее волосы, некогда собранные в небрежный пучок и уже достаточно растрепанные, ослепительно сверкали белизной. На ее лице виднелось множество морщин, однако оно отнюдь не выглядело старым: из-за царствующего на нем выражения абсолютной удовлетворенности всем окружающим — без каких-либо исключений, не только не подтверждающих правило, а в данном случае и вовсе излишних. И из-за дополняющих эту картину ярких, полных жизни янтарных глаз.

И только в тот момент до меня начало доходить, что таверна, в которую я по-хозяйски заглянул, надеясь удовлетворить так не впору пробудившееся любопытство, еще и не открывалась. Хотя бы потому что в ней не было ни одного посетителя, а табличка на входной двери, которую я каким-то образом ранее умудрился не заметить, большими буквами гласила «закрито».

— Похоже, в этом городе всем известно мое имя, — миролюбиво отозвался я вместо приветствия, не подумав даже извиниться за столь несвоевременный визит.

— Ты этому и правда удивлен? — спросила нат и внимательно, испытующе посмотрела в мои глаза.

На ее морщинистом, но оттого не менее притягивающем лице промелькнула тень. Странная, непонятная для меня тень.

— И правда ведь удивлен. Как интересно. Что ж, я очень рада тебя видеть, Альвер, — заговорила она, одновременно мягко, но настойчиво усаживая меня в одно из уютных кресел, накрытых приятным на ощупь покрывалом.

— Но у вас же закрыто, — попытался возразить я, но тут же позорно капитулировал под взглядом веселых янтарных глаз.

— Ах, это совершенно не имеет значения, — легкомысленно отмахнулась хозяйка. — К тому же, этот Антавир, мой во всех смыслах старый друг, по секрету рассказал мне, что меня собирается навестить один многообещающий, симпатичный юноша. И как я могла устоять?

Асвейде подмигнула мне и тут же задорно рассмеялась. Полностью растворяясь в расслабляющей атмосфере таверны, я решил сделать хозяйке комплимент — конечно же, заслуженный, в этом я мог даже не сомневаться.

— Профессор прорекламировал вам как самого лучшего мирлидовара в Мире. Мне стало нестерпимо интересно.

— Этот мальчишка очень любит мне льстить, — нат шутливо закатила глаза. — Не в Мире, конечно, но в пределах города — да, ты пришел в правильное место.

Она отошла к стойке, оставив меня сидеть в кресле, настолько уютном и домашнем, что с него было совершенно невозможно подняться даже с усилием воли. К драконам эти дела, пропади оно все пропадом, только оставьте мне возможность находиться здесь и сейчас, постоянно.

Брр. Аура у этого места такая, что ли.

Я встряхнул головой, настойчиво напоминая себе о том, что меня все еще ждет работа, которую я когда-то искренне считал увлекательной. Потому мне не стоит оставаться в таверне на целую вечность — так, только на ее половину. Пожалуй, будет достаточно.

— Не поддавайся влиянию этого закутка Мироздания, — серьезно посоветовала хозяйка, мельком взглянув на меня. — А то и вправду останешься тут навсегда, что делать с тобой будем? Отскребать от покрывала твои восторженные останки? Знаю, знаю я это лицо, здесь в первый раз у всех такое, а все из-за слоев реальности, сложившихся вместе причудливым калейдоскопом. Однако выпить мирлид все равно не помешает. Даже полезно будет.

— Спасибо. Было бы отлично.

— Запомни: ты сам напросился.

Хозяйка сосредоточенно водила руками над котелком, а я тем временем отвлекал ее назойливыми расспросами об эффекте притяжения действительности, который только что в полном объеме испытал на собственной шкуре. Да, Мироздание само виновато в том, что каждый впервые пришедший сюда человек в какой-то момент времени желает остаться здесь навсегда. Да, это чувство быстро проходит, нужно только как-то отвлечь бедного заложника хитрящей Вселенной, безмерно щедрой на подобные сюрпризы. Нет, что ты, я и не знала об этом занимательном эффекте, когда открывала таверну, а знала бы — открыла на несколько метров левее, там не пришлось бы каждый раз усиленно следить за новичками. Но всем так или иначе приходится расплачиваться за свои промахи, так что я не расстраиваюсь.

Согласен, последний вопрос был лишним. Но Асвейде вовсе не обиделась, только увлеченно рассказала о такой своей периодически возникающей обязанности — людей из транса выводить.

— Быстро же ты от действия эффекта избавился, — заметила моя собеседница. — Талантливый мальчик. Антавир на этот раз меня не обманул.

— Бросьте, — я даже несколько смутился. Но в глубине души был очень горд полученным комплиментом.

Во время разговора в комнате появился вкусный, уже знакомый мне запах. Я же, наконец взяв себя в руки и неимоверным усилием воли поднявшись с полюбившегося кресла, переместился к стойке поближе: с целью узреть процесс приготовления лучшего в мире мирлида собственными глазами. Ох, зря я это сделал.

— У вас собственный рецепт? — поинтересовался я, с сомнением присматриваясь к бурлящему вареву: именно этим словом и можно было обозначить внешний вид будущего

напитка в тот момент, никак иначе. Нечто бурого цвета, с то и дело всплывающими на поверхность травками, постепенно растворяющимися и придающими жидкости еще более непрезентабельный вид. Тем не менее, пахла эта, с позволения сказать, водичка, весьма и весьма соблазнительно.

— Ишь, какой любопытный! — нат усадила меня на стул так, чтобы я не мог видеть происходящих в котелке превращений. Оно, наверное, и к лучшему. — Собственный, но не такой уж и секретный. Тебе, пожалуй, расскажу. Я добавляю в мирлид хорошие воспоминания. А они всегда чудотворно действуют на организм.

С этими словами нат Асвейде придиричиво всмотрелась во множество стоящих на полках бутылков разнообразных форм, размеров и цветов: последнее, насколько я понял, определяли содержащиеся в них жидкости. Я и не заметил эти бутылки раньше. Опять. Они вообще тут были? Ох, не факт.

Она выбрала несколько из них и задумчиво произнесла вслух:

— Какое же подойдет тебе, мой мальчик?..

Однако нат явно не ждала ответа на свой вопрос. Она ловко перебирала склянки, почти неразборчиво бормотала себе под нос и даже не собиралась взглянуть на меня, объект своих напряженных размышлений.

— Рано. Рано. Рано. Это тоже рано. Игра в прятки с полярным котом? Интересно, не все рано не то. Морской закат? Обворожительно, но не сейчас. Поцелуй с любимой? Хм. Ну, может быть, через годик, а то тебе за своей еще завидно погоняться придется, мой мальчик. Свежесть после дождя... Все же не совсем то. Вот! Похоже, я нашла самое подходящее для тебя воспоминание, Альвер. Только на данный момент, естественно.

Несколько капель странной, густой жидкости, хранящейся в выбранном сосуде, попали в кипящий мирлид.

— Вы восхитительны, — улыбнулся я, пытаюсь понять, пошутила ли надо мной милейшая хозяйка таверны или же взаправду добавила в мой будущий напиток чье-то счастливое воспоминание. — Взял бы и влюбился в вас, будь я хоть чуточку старше. Или вы и без того варите приворотное зелье?

И мы рассмеялись вместе.

— Интересное предложение, — ответила она сквозь залиvistый смех. — Но, боюсь, занято твое сердце, Альвер, хотя жених ты, конечно, завидный.

— На самом деле, оно еще как свободно, — вздохнул я. — Пустует уже лет эдак десять как. И вряд ли кто в ближайшую вечность сможет его занять.

Конечно же, я улыбался: я так делаю почти всегда. Но все же в моей улыбке явственно сквозила грусть. Не могу понять, почему я сказал это незнакомому человеку: видимо, Асвейде сама по себе располагала незадачливых посетителей к подобным откровенным разговорам.

Уже довольно долгое время история моих романтических взаимоотношений с девушками не изобилует событиями — мягко говоря. С Тайной, последней девушкой, которую я, быть может, любил, мы расстались уже давно и не при самых приятных обстоятельствах. С тех самый пор я ни разу не испытывал это чувство — вон, даже в во всех отношениях прекрасную нат Эрнис Хинтервальд так толком и не смог влюбиться, хотя в свое время честно старался. Не то чтобы Тайна так сильно запала мне в душу, нет, о ней я думать давно забыл и вспомнил за все это время только сейчас, и то исключительно потому что разговор нечаянно принял такой поворот. В чем я же, честно говоря, и был виноват.

Просто... я так долго ни в кого не влюблялся, что уже несколько разочаровался в наличии у себя подобной восхитительной способности.

— Ты слишком самонадеян. Еще припомнишь моим слова, когда будешь бегать за своей избранницей.

Сказать о том, что я поверил, было бы непростительным блефом, однако я решил не противоречить замечательной хозяйке, дающей такие интересные, заманчивые, но вряд ли правдивые предсказания. Все равно ее не переубедишь: что ожидать от разговора на подобную тему, если я не смог даже спокойно уйти из закрытой таверны, не обсудив множество разнообразных вопросов и не попробовав лучший в Мире мирлид?

— Вот сейчас внушите мне эту мысль, и правда буду, — решил согласиться я. Чем только Духи не шутят — а уж драконы тем более.

— И правда будешь, — серьезно заверила меня Асвейде. — Поверь бабушке, я редко ошибаюсь. И на такие темы и вовсе никогда.

— Вы предсказательница? — поинтересовался я.

— Ох нет, что ты. Я всю жизнь работала библиотекарем в Винтуоне, соответствующем заведении. Столько всего перечитала за все это время, аж самой страшно становится!

Мои глаза загорелись негасимым интересом. В Винтуоне, центральной библиотеке! Самой большой и самой-самой центральной в Нортайле.

Библиотекарем! Всего одно слово, а сколько всего может рассказать о милой старушке Асвейде, владелице тихой таверны.

— А почему вы решили уйти оттуда? На подобную работу ведь претендуют полчища людей.

— Я же сказала: «всю жизнь». Ничего и не решала, так и работала припеваючи — до тех пор, пока не умерла.

До тех пор, пока... что?

В какую-то дою секунды я думал, что всего лишь ослышался.

— Не взирай на меня столь ословело, Альвер., - усмехнулась нат, пододвигая ко мне большую кружку темно-синего, блестящего, головокружительно пахнущего напитка. — Я провела настолько много времени за всевозможными магическими книгами (в том числе и по темной магии, скажу по секрету), что в один прекрасный день сумела договориться с собственной смертью. Это не так сложно, как кажется. К тому же, с тех пор, на самом-то деле, не так уж много и изменилось. Я все так же материальна. Ну, почти. Но кто из ныне живущих людей может в полной уверенности утверждать о своей материальности, если каждый атом наших тел на девяносто девять и девять десятых процента состоит из пустоты? Да, еще я могу выглядеть на какой угодно возраст, но и это я могла делать еще при жизни. Вот только одно и вправду заметно поменялось: из такого грязно-серого и скучного мой настоящий цвет глаз превратился в нынешний, и это я уже изменить по какой-то причине не в силах. Забавно, что это меня просто не может не радовать. Тем более, не зря же я стала призраком улицы Янтарей, верно?

— Вы...

По какой-то причине я не мог произнести это слово вслух. Мне казалось, что это прозвучит как оскорбление, что ли. Однако Асвейде вздохнула, села рядом со мной, доверительно посмотрев мне в глаза, и все сказала сама:

— Призрак. Фантом. Наваждение, возможно. Ведьма с огромным послежизненным опытом. Можешь называть, как хочешь. Но лучше, конечно, просто Асвейде.

— Давно? — я не мог не спросить, хотя прекрасно понимал, что все мои вопросы могут прозвучать грубо и даже цинично. Уберегало от самоуничтожения меня только то, что хозяйка, похоже, была совсем не против поговорить на затронутую тему.

— Время для фантома — понятие относительное. Не так уж и давно, по моим, естественно, меркам. Лет семьсот. Но я уже давно перестала считать, просто сбилась в один день, плюнула и забыла.

— Простите, — искренне извинился я, сумев наконец взять себя в руки и унять не лезущее ни в какие ворота удивление. — Мой опыт общения с призраками, скажем так, совсем не богатый, почему-то подсказывал мне, что вы должны были бы выглядеть немного по-другому.

Это же в какой степени дураком нужно быть, чтобы хотя бы подумать задавать подобные вопросы? От внезапно нахлынувшего смятения, вызванного моей непроходимой тупостью, я устался в кружку. Порадовало только то, что внешний вид мирлида, к слову, больше не вызывал непреодолимого желания и вовсе заречься его пить. Даже наоборот: я всегда любил глубокий, завораживающий, темно-синий цвет. Цвет ночного неба, далекого, недостижимого, а потому таинственного.

— Ты не только смотри, еще и пей. Напиток не фантомный, не переживай, — тепло напомнила мне хозяйка, не преминув, однако, меня подколоть. — А насчет знакомых тебе призраков... тут все настолько просто, что ты будешь смеяться. Могу поспорить, что все они не договаривались со своей смертью, а убегали от нее или, еще хуже, ссорились, глупышки. Я же нашла ее общество крайне увлекательным и ни в какую не желала от нее отставать, угрожая замучить бесконечными расспросами о тайнах Мироздания. Молодая была, до ужаса любопытная и глупая, всего-то четыреста лет от роду, вот и не знала, что подобные сокровенные знания не то что маленькой наивной девчонке противопоказаны — им и старым грозным колдунам обладать-то нельзя. Тогда хитрющая Смерть собственной персоной пообещала мне, что раскроет парочку секретов, но исключительно в том случае, если я сама стану очень старым и неподражаемо премудрым магом. Обманула, конечно, ничего раскрывать и не собиралась, зато оставила в этом Море, позволив вовсю наслаждаться послежизнью, не омраченной страхом смерти — страхом, периодически затмевающим радости любого существования.

«Только тот, кто не боится смерти и с радостью пойдет в ее объятия, сможет ее победить. И тогда бояться начнет уже Смерть.»

Кто бы мог это сказать?

Почему-то я не мог вспомнить.

— И вы выбрали стать призраком улицы? — заинтересованно спросил я.

— Не могу сказать, что это я выбирала. Скорее, улица сама показала характер и выбрала меня, ведь, как ты и сам знаешь или хотя бы догадываешься, у каждой улицы, даже самой маленькой и неприметной, есть свой неповторимый нрав. Вот и она, Янтарная, своенравная, взяла и образовалась прямо в день моей смерти — и даже настойчиво окрасила мои серые глаза в собственный цвет. От такого предложения было совершенно невозможно отказаться! Аж некоторым людям стоит взять на заметку.

Рассказывая все это, Асвейде улыбалась и то и дело посмеивалась над собственными словами. Она любила свою историю и с явным удовольствием ее вспоминала, ни капельки не стесняясь собеседника, но чего еще можно ожидать от тысячелетней ведьмы, большую часть времени существовавшей в весьма своеобразной форме и, к тому же, добавляющей в

напитки чужие счастливые воспоминания? Сомнения в свое правоте и скромности? Постоянных, надоедливых, отравляющих мыслей о том, что же подумают другие?

Еще чего, ага.

— Немного позже я решила открыть здесь таверну. Просто так, из любопытства: а вдруг получится? Надо же многое попробовать, испытать, раз у меня внезапно появилось так много свободного времени и куча возможностей в придачу. Да и поразвлекчя чуть-чуть захотела. В итоге, естественно, привязалась, я всегда так делаю; да настолько, что даже перетащила сюда все свои накопленные книги, тем самым открыв заодно и миниатюрную библиотеку. Каюсь-каюсь, жизнь библиотекаря меня в свое время заморозила, и я поняла, что расстаться не смогу и с ней — точнее даже, с ней тем более. С тех пор варю мирлид, готовлю закуски, нахожу посетителям самые нужные для них в этом Мире книги, как всегда это делала раньше — и наслаждаюсь жизнью. Забавно в моем случае звучит, признаю, но я категорически не согласна с тем фактом, что полностью умерла, здесь со мной даже Смерть ничего не сделает, такая уж из меня получилась вредная старушенция, хоть договор разрывай, который в принципе нигде не прописан и закреплен только на словах. Ну, а внешность старушки мне по статусу полагается. Нравится мне так.

— Вы неповторимы, — признал я восхищенно. И тут же зачем-то безапелляционно добавил. — Но я же... по сути, кто попало. Почему вы рассказываете это мне?

Неужели сработал известный эффект случайного попутчика? Так у хозяйки таверны с самым лучшим мирлидом в городе таких случайных попутчиков уже должна была набраться целая разношерстная коллекция.

Мне правда было интересно узнать ответ на этот вопрос. И зря я переживал: хозяйка совсем не обиделась, а лишь хитро прищурилась и, с заговорщическим видом пододвинувшись ко мне чуть ближе, произнесла:

— Большинство постоянных посетителей периодически заходят ко мне и даже не подозревают о том, что я давненько уже умерла, можно сказать, еще до начала времен.

— Но вы ведь рассказали мне, — я удивился.

— А ты и вправду считаешь себя кем попало? — улыбка хозяйки таверны становилась все хитрее и хитрее.

Черты ее лица как будто сглаживались, медленно и почти незаметно омолаживая женщину. Теперь я мог видеть определенные несоответствия: выражение лица то и дело на какую-то долю секунды влияло на возраст, заставляя ее то молодеть, то снова стареть; мог видеть и то, что ее аура при движении непривычным образом колебалась, и как раз такого колебания, по законам теории магии, не должно возникать у настоящих, живых существ — вроде бы. Потому что поди еще разбери этих вероломных магов. Мало ли, что кому и в какой момент времени в голову взбредет: кто-то может и с собственной аурой на радость народу похимичить, навести пару-тройку простеньких недолговременных иллюзий. Делов-то. При таком раскладе дел аура и пропасть минуты на две может, что уж говорить про безобидные колебания.

И все же эти несоответствия я мог видеть только сейчас, уже все зная, иначе бы и не подумал даже обратить внимание, а тем более — строить какие-либо невразумительные, а возможно, и оскорбительные догадки. Порой мы видим только то, что хотим видеть, частично додумывая, спасибо за это бурному воображению, или же не замечая очевидного.

Плохое качество. Не подходит оно магу, а уж магу-исследователю и вовсе. Что ж, возьму очередной свой недостаток на заметку, успокаивая себя бессмертным изречением:

«Недостатки — это не плохо, плохо — не обращать на них внимание».

— Не слабо я тебя загрузила, — сделала вывод Асвейде, всматриваясь в мое серьезное и задумчивое лицо. В какой-то мене комическая картина, между прочим. — Пей. Придешь в себя и наконец вспомнишь, что еще и не такие удивительные штуки в этой жизни случаются.

Спасибо, — только и смог выговорить я.

Избыток впечатлений, вихрем ворвавшийся в мою голову, буквально валил меня с ног и затуманивал мое сознание, и без того не шибко ясное. Однако несколько глотков лучшего в городе — да и во всем Мире, я уверен — мирлида быстро привели меня в чувство: по крайней мере, я уже был способен издавать относительно членораздельные звуки, не прилагая к этому вселенских усилий. А ведь всего лишь пять минут назад подобный поступок граничил для меня с героизмом.

Вот что значит — чудодейственный магический напиток от доброй хозяйки-фантома. Это я понимаю.

— Воспоминание одной прекрасной и чертовски талантливой девушки о яростной грозе в глубокою летнюю ночь. Нравится?

— Еще бы. Одна формулировка звучит внушительно, что уж говорить про само воспоминание. Надеюсь все же, что там не приворотное зелье, а то, чего доброго, влюблюсь, в эту самую девушку — и что? И ищи-свищи по всему Миру. Зато ваше давешнее предсказание сбудется, побегаю за ней я и вправду знатно.

Асвейде рассмеялась:

— Вот и длинные предложения, и юмор. Хороший знак. Ты снова начинаешь напоминать самого себя.

— Юмор — мой старый добрый друг. Неизменно спасает в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях, да еще и взамен ничего не берет. А какого друга еще можно желать?

— «Безнадежная ситуация». Такого комплимента мне еще не делали, — обрадовалась хозяйка.

Нет, в самом деле, обрадовалась.

Но я все равно запнулся. Ох, неудобно получилось.

— Но я не...

— Вовсе не имел в виду меня, знаю-знаю, — закончила за меня Асвейде, в шутку закатив глаза. — И все же, дай мне порадоваться. Эпитет, которым ты меня нечаянно наградил, пришелся мне по вкусу. Время и фантомное состояние так извратили мои предпочтения, Альвер, как подумаю, так самой смешно становится.

Я облегченно улыбнулся.

— И мне совсем не следует извиняться?

— Нисколько. Брось.

Над стойкой размеренно тикали часы, напоминая о том, что день, как и все остальное на этом свете, все же не вечен.

— Спрашивай, найт Альвер.

— Простите?..

— У тебя вопрос в глазах написан еще с самого твоего появления. Я всегда это вижу, недаром же столько лет пробыла библиотекарем. Спрашивай.

Знали бы вы, нат Асвейде, сколько вопросов у меня накопилось за последнее время.

И я выпалил:

— Почему изменения в прошлом не меняют будущего?

Откуда я знал, что у нат есть четкий ответ на этот вопрос? Ниоткуда. Всего лишь интуитивно пошел ва-банк — и ведь не ошибся.

— Ураганы, — коротко ответила Асвейде. — Их воля.

— Разве у них есть подобная воля? Непредсказуемость, требовательность — да. Но воля?

— У некоторых — есть. На них все и держится. Все временное развитие, я имею в виду.

За окном начинало темнеть. Оба солнца клонились к горизонту, заставляя целый Мир гореть красноватым светом. Всегда любил закаты. Но сейчас и не обратил на него внимания: уже в который раз за день я просто думал, практически потеряв связь с окружающей действительностью.

— Но ты не до конца прав, Альвер. Время может быть переписано, — добавила нат.

— Как?

— И снова воля Ураганов. Только она. Спрашивай еще. Ведь это не единственный твой вопрос?

Она даже не спрашивала. Она точно знала, что вопросы у меня еще остались, и теперь толкаются в моей голове, создавая поразительную неразбериху и тем самым мешая мне принять хотя бы приблизительно правильное решение. И тогда я все-таки вспомнил о том, что пора было бы выполнить задание Тайфуна. Вот оно. Приблизительно правильное решение — если оно, конечно же, вообще существует.

Каюсь, я не думал о задании целый день, лишь подыгрывая интересным образом складывающимся обстоятельствам. Завораживающим, увлекательным, необычным — да. Но дело есть дело.

— Я ищу кое-что. Хотя бы информацию об этом предмете, — сказал я, пытаюсь выгнать из головы обнаглевшие и очень назойливые мысли о том, что я все-таки работаю под прикрытием и не должен бы так сразу раскрывать все свои карты. Честность вызывает честность, откровение непременно несет за собой еще одно. Я не смог бы соврать Асвейде, глядя при этом в лицо.

К тому же, меня, похоже, и без того все в этом городе насквозь видят.

Какое еще я мог придумать себе оправдание за столь пренебрежительное отношение к рабочим обязанностям?

— Предмет? — нат Асвейде выжидательно смотрела на меня.

— Артефакт Мирианделла.

Моя собеседница удивленно присвистнула. Но сказала только:

— Ты и сам ведь знаешь, что он пропал лет сто назад.

— Знаю. И мне нужна более или менее достоверная информация.

Асвейде, мудрая ведьма, тысячелетний фантом, не стала сообщать мне, что искать этот артефакт запрещено всеми небесными силами, не сказала, что в этом нет абсолютно никакого смысла. Что это очень опасно. Не спросила даже о причине моего плохо скрываемого интереса к столь печально известному артефакту. Она и так все поняла.

— Ну что ж. Я была библиотекарем и навсегда им останусь. За информацией ты пришел в самое удачное место, — протянула моя собеседница, на миг задумавшись. — Артефакт Мирианделла. Страшная, опасная легенда. Известная с самого начала времен. Ты ведь знаешь о его силе, Альвер?

Я немного помолчал. И рассказал, что знал:

— По преданию, он способен уничтожить историю мира с любой точки его развития. А

если кто-то сумеет умело и правильно воспользоваться артефактом, то и весь мир. Хотя не думаю, что слово «правильно» вообще может быть произнесено в подобном контексте. Собственно, некоторые ученые говорят и о том, что такое уничтожение времени уже когда-то происходило, причем далеко не факт, что всего один раз.

— Все верно.

— Артефакт правда на такое способен?

— Кто знает. Если только сам Мирианделл, — предположила нат.

— Кто он?

— Один из Древних.

Еще один Древний на мою голову.

— И зачем он создал такую ужасающую штуку? — шутливым тоном спросил я.

Юмор. Мой старый добрый друг.

— Его бы спросить, — подмигнула Асвейде.

Ладно. Будем считать, что недвусмысленные намеки мне только мерещатся — почти что искренне.

— А если серьезно, — добавила она — То, скорее всего, случайно, как и подобает появиться на свет любому уважающему себя открытию или изобретению.

— Как артефакт вообще может уничтожить время? — я недоумевал.

— Он уничтожает саму структуру пространства-времени. То есть, подпространство. И это...

— Еще страшнее, — закончил я фразу.

В таком случае — пропал бы он навеки. Сгинул в пучине мрака и небытия, потому что вещи подобной силы необходимо стирать с лица реальности еще при их появлении, будь оно хоть трижды нечаянным и столько же раз непредвиденным. Это должно стать аксиомой, неписаным, но всем известным законом магического общества.

Но жизнь не сводится только лишь к правилам и законом. Она многогранна и непредсказуема, и потому допускает существование не только счастья и смеха, но и зловещих артефактов, проклятий, темных сил. И, что бы там ни говорили ярые поклонники тоталитаризма, это на самом деле хорошо, иначе жить было бы намного, несоизмеримо скучнее.

А зачем тогда жить?

— Знаешь что. Дам-ка я тебе книжку со старыми легендами. Там должна быть парочка занимательных рассказов про наш милейший артефакт.

Нужную книгу Асвейде искала недолго. Уже через несколько мгновений она достала с полки увесистый красный томик с интригующей надписью «Немыслимые горизонты событий» на обложке. В голову сразу же полезли навязчивые ассоциации с черными дырами, которые вроде бы к делу никак не относились, но все равно подогревали мой интерес. Что ж, с таким названием книга теперь просто обязана оправдать мои высокие ожидания и быть по меньшей мере интересной, а в идеале — еще и полезной.

Я тряхнул головой, отгоняя лишние в данный момент мысли, и только потом понял, что книжку придется брать домой — или в то место, где я намеревался провести ближайшие несколько ночей. Потому что, увлеченный интереснейшими разговорами, я так и не заметил, как на город опустились густые темные сумерки, сменив собой восхитительный красный закат, вовсе не возвещавший о каком-либо произошедшем несчастье, а радующий взоры любящих неторопливые вечерние прогулки горожан.

— И прекрасно, — ответила на это Асвейде. — Вот и я появился повод еще раз меня навестить.

— Я бы сделал это и безо всякого повода, — отмахнулся я.

— Ты настолько мил, что, будь я раз так в десять помоложе, непременно затискала бы тебя прямо на месте.

— А я был бы счастлив такому повороту событий, потому что ждал бы этого уже пару часов как, — я легонько поклонился в знак прощания. Конечно же, ехидно улыбнувшись, куда без этого.

— Мужчины, — ничуть не обидно фыркнула Асвейде. — Ээй, ты куда? А расплатиться не хочешь?

Она обворожительно улыбалась, пододвигая ко мне прозрачный стеклянный шар. Тот еще раритет. В моем времени подобными магическими штуками уже давно не пользуются, по какой-то непонятной мне причине предпочитая более современные и как будто бы навороченные — в отрицательном смысле, я бы сказал.

И зря. Новее не значит лучше, в данном случае так точно.

— Ты мирлид пил? Пил. Пирожки ел? Ел. Жизненно важную информацию получил? Не всю, конечно, но некоторую ее толику так точно. Будь добр, плати, — морщинистое лицо хозяйки выглядело серьезно и даже строго — однако ее с потрохами выдавали смеющиеся янтарные глаза.

Естественно, решил подыграть. Никогда не мог удержаться.

— Виноват. Ведите меня под стражу, я сдаюсь. Вы поймали самого опасного преступника в Мире, — и покорно поднял руки над головой.

— Зачем под стражу? Ты плати, опасный колдун Альвер, — она задорно подмигнула мне.

— Полагаю, обычные деньги мне в данном случае не помогут?

Серьезно, зачем призраку эти грешные монетки, то и дело вызывающие лютые раздоры среди жадных и сводящие с ума духовно слабых?

— Сразу поняла, что ты необычайно догадлив, — нат все-таки улыбнулась, в один миг растеряв всю строгость своего образа и снова став любящей бабушкой, очень довольной визитом внука. — Ты должен мне счастливое воспоминание. Любое.

Воспоминания накатили разом, хорошие и не очень — и те, которые входили в категорию «не очень» я бесцеремонно отбросил сразу. Не сейчас. Из остальных же я не мог выбрать только одно, которое было бы самым-самым счастливым, достойным того, чтобы остаться здесь.

— Не бойся. Ты ничего не забудешь, я не способна устроить своим любимым посетителям подобную подлость. Так что тебе предстоит всего лишь поделиться радостью со старушкой.

Тут я понял. Не могу сказать, что оно самое счастливое, но красивое — определленно.

Красный закат. Почти такой же, как сегодня, только несоизмеримо красивее — да-да, такое возможно, не сомневайтесь. Игривый ветер шуршит верхушками высоких деревьев, как будто подзадоривая их. Но мне не холодно. Я сижу на вершине холма, а вокруг меня на приличной, но доступной глазу высоте летает прекрасное, грозное, грациозное существо, временами озаряя постепенно темнеющее небо короткими огненными вспышками.

Вспоминал я все это, закрыв глаза и касаясь пальцами магический шар, заметно и приятно теплеющий при получении лучистой энергии воспоминания. И я не мог видеть, как

в стекле быстро сменяющимися друг друга мимолетными картинками отображаются мои неукротимые мысли, так и не облаченные в словесную форму.

Только когда я, попрощавшись с так быстро полюбившейся мне гостеприимной хозяйкой, вышел из уютной таверны на улицу, причудливо освещенную тремя местными разноцветными лунами, я понял, что такого воспоминания у меня никогда не было и быть не могло.

Результаты всего дня, проведенного в упоительной безостановочной прогулке по старому Нортайлу четко указывали только на одно: что-то здесь не так.

Все началось с самого утра, с того момента, когда Рэй, оставив бедного новоявленного профессора Альвера разбираться с университетской делегацией и со всем остальным, непременно к ней прилагающимся, отправился изучать такой в одно и то же время родной и непривычный город посредством практических изысканий — другими словами, радостно сбежал из душной таверны, предвкушая длительную прогулку на свежем воздухе.

Сначала-то все было именно так, как теоретически и должно быть: просторные чистые улицы, высокие зрелищные фонтаны, свежий игривый ветерок и красивые, во всех смыслах яркие люди, не незаконно занимающие собой все окружающее пространство, а необходимо дополняющие его. За все прошедшее время Рэй успел зайти в первое попавшееся кафе, заказать неизвестное блюдо наугад и по достоинству оценить его вкус, посидеть на бортике широченного моста, раскинутого через реку Хэльсвайм, пройти внушительное расстояние пешком, потеряться, все же вспомнить обратный путь и, наконец, устав, найти уютный скверик и удобно устроиться с прямо на траве под тенью невысокого раскидистого дерева со стаканом ягодного сока в одной руке и с внушительных размеров учебником теории магии в другой.

Окружающая волшебная идиллия не вызывала, да и не могла вызвать, каких-либо рациональных, обоснованных подозрений. Где-то неподалеку пели птицы. Клавар и Невесвайде, два родных солнца разных размеров и типов, ярко сияли в синем небе. Но настоящего мага интуиция не может обмануть: именно тогда Рэй начал понимать: что-то здесь не так. Естественно, птицы и звезды не имели к этому никакого отношения — просто чего-то не хватало.

Да, именно так.

Чего-то не хватало.

Смутно, но в это же время заметно и сильно.

В поисках хоть какой-нибудь подсказки Рэй оглянулся — и не заметил вокруг никого.

— Может быть, просто слишком тихо? — сказал он самому себе вслух. — Хмм...

В тишине его голос прозвучал довольно резко. Но нет, дело было вовсе не в ней, это юный найт мог утверждать с полной уверенностью. Оставив стакан с соком на траве и даже не обратив на это внимания, он поднялся и снова оглянулся.

Неподалеку ворковала парочка влюбленных друг в друга и в жизнь птиц, а на крыше одного из ближайших домов, с интересом поглядывая на Рэя, гулял пушистый фиолетовый кот.

К котам братья-близнецы испытывали необъяснимую слабость: в свои школьные годы они с Рином перетаскали с улиц и обратно столько котов разных пород, размеров и мастей, что им мог бы обзавидоваться любой другой ребенок, время от времени занимающийся этим благородным делом. Причем возвращение кота на место всегда сопровождалось бурным

скандалом и вполне вероятным взрывом какой-нибудь из комнат, к чему, к счастью, жильё алхимиков за долгие годы вполне привыкло. Наверное, даже смирилось со своей незавидной участью.

Впрочем, нельзя сказать, что маленькие колдуны слушались своих родителей и всегда возвращали бедных бездомных животных, оставляя их на произвол судьбы, — нет, они действовали куда более продуманным образом. Юные предприниматели ещё в смешном школьном возрасте умудрились основать приют и даже нашли спонсора — свою учительницу, наследницу одного местного мецената, которая не пожелала работать на своего многоуважаемого родителя и ушла преподавать в обыкновенную, ничем не примечательную школу астрономию — предмет, которым всегда жутко увлекалась. Упомянутая учительница, нат Райвин, по счастливому стечению обстоятельств испытывала к близнецам точно такую же слабость, какую они испытывали к котам, потому согласилась на предложенную ими авантюру — к неопишуемой радости всех живущих рядом детей. К слову, он в их родном городе все ещё и стоит, приют имени Синего кота, как маленькие близнецы пожелали его назвать — в честь первой найденной на улице животинки, — изобилующий не только счастливыми котами, но и не менее счастливыми представителями других биологических видов.

Потом, конечно же, близнецы поняли, почему родители, сами обожающие животных, не разрешали сыновьям приносить домой бездомных котов, поговорили с ними, конфликт конструктивно разрешили, обиды забыли и начали совершать еженедельные семейные походы в новый питомник.

И сейчас Рэй не смог отказать себе в удовольствии общения с любимым животным — впрочем, как обычно.

— Мне нравится твой цвет, друг! — парень усмехнулся и весело помахал рукой любопытному маленькому хищнику, который, впрочем, лишь пошевелил ушами в ответ, не сказав ни слова, и продолжил заинтересованно взирать на Рэя с высоты трех этажей.

Кот не имел никакого отношения к внезапно (или вовсе не внезапно?) появившемуся странному ощущению, но все же его присутствие, любимый фиолетовый цвет, так сильно схожий с цветом глаз парня, придали Рэю оптимизма — ровно настолько, что он нашел силы наконец прийти в себя и начать более или менее ясно мыслить. Уважительно кивнув пушистому представителю семейства кошачьих и автоматически засунув под мышку учебник теории магии, который все ещё оставался у него в руках, Рэй направился в сторону ближайшей пешеходной дорожки с целью отыскать причину своего непонятного чувства или хотя бы аккуратно разложить свои мысли по полочкам, ведь, как показывает опыт, на ногах думается намного быстрее и легче. Быть может, потому, что мысль, соревнуясь с телом и пытаясь доказать свое превосходство, ускоряется, догоняет, а потом и вовсе перегоняет его. Как известно любому школьнику нашего Мира, только мысль может двигаться быстрее скорости света.

Итак, Рэй предполагал: да, есть некоторый шанс, что ему всего лишь кажется, что ничего подозрительного, странного и неопределенного на самом-то деле здесь нет, однако за время работы в «Тайфуне» он успел усвоить одну очень важную мысль: магу всегда следует доверять своей интуиции. И Рэй доверял.

Несколько кварталов остались позади. Непонятное ощущение то исчезало практически полностью, то снова возникало с новой силой.

Парень резко остановился.

Да, вот тут. Именно тут. Чего-то тут не хватает.

И здесь, и пятьдесят шагов назад, и под тем самым деревом, где все еще одиноко стоит забытый стакан с соком.

— Мяу? — звонко раздалось у Рэя прямо над ухом.

Давешний цветистый кот внезапно материализовался на ветке ближайшего дерева. Или же все это время незаметно следовал за рыжим магом, бесшумно перепрыгивая с крыши на крышу — кто знает.

— Здравствуй, радость моя, — поздоровался с котом парень, как со старым добрым другом, и потянулся погладить его.

— Мурр, — довольно заурчал теоретически опасный хищник.

— Ласки хочешь? — усмехнулся найт, почесывая за ухом своего нового знакомого. — Как ты тут оказался, друг? Неужели следил за мной, коварный?

— Мяу! — возмутился кот, обиженно сверкнув огромными голубыми глазищами. Внушительно так сверкнув.

Юный маг рассмеялся.

— Прости, — искренне извинился он. — Я сегодня что-то жутко подозрительный. Может быть, хоть ты в курсе, что здесь вообще происходит?

Естественно, он и не ждал от животного подробной лекции на тему природы возникновения странных предчувствий и ощущений, но все же своеобразный диалог магическим образом (быть может, и вправду магическим) придавал ему уверенности в собственной способности быстро разобраться в ситуации.

— Мурр, — пояснил фиолетовый кот и упрямо взмахнул пушистым хвостом. — Мяу!

Сие действо и вправду начинало напоминать вполне себе осмысленную беседу с выявлением всех сопутствующим обстоятельств.

Тем временем, начинало ощутимо темнеть, и на тускнеющем небе уже заметно выделялись три красивые луны. Рэй по памяти прикинул обратный маршрут, который он с усилием, но все же вспомнил, и удивленно присвистнул: из этой точки города до таверны нужно добираться часа два, не меньше. Запоминающееся ночное мероприятие предстоит, ничего не скажешь.

«Что бы делал на моем месте Рин? — прикинул парень. И уверенно самому себе ответил: — Пошел бы проверять свои догадки прямо сейчас и вряд ли бы вообще беспокоился о наступающей ночи. Жаль, но нет, Альв меня потом прибьет и в кои-то веки будет абсолютно прав: все-таки кое-кто сейчас за меня отвечает, что бы я об этом ни думал.»

Альвера Рэй знал достаточно хорошо, чтобы понимать: посоветоваться все же стоит. Да, юному магу категорически не хотелось перекладывать всю ответственность на плечи старшего товарища, потому что пора бы уже и повзрослеть в конце-то концов, однако в данном случае «повзрослеть» — означало именно рассказать все от начала до конца. Но сначала нужно подумать самостоятельно и подтвердить свои смутные догадки хотя бы хиленькими, но заслуживающими внимания доказательствами.

Кот терпеливо ждал, устроившись на ветке и то и дело поглядывая на найта умными голубыми глазами. И тут Рэй решил провести эксперимент, хотя бы ради интереса, священного для любого уважающего себя мага.

— Слушай, — произнес он. — Давай договоримся с тобой так. Завтра днем, в три часа, встретимся с тобой на этом же месте и все-таки выясним, что здесь вообще происходит. Ну, или не происходит, такая вероятность тоже есть. Ты мне поможешь, друг?

Друг слушал, не мигая. Только время от времени шевелил хвостом, показывая свою глубокую заинтересованность в вопросе. Наконец не особо разговорчивый собеседник согласно мяукнул.

— Спасибо, — с улыбкой поблагодарил Рэй, погладив умное животное по мягкой фиолетовой шерсти, и привычно добавил: — Меня зовут Райан. О, Драконы. Прости. Рэй.

— Мяу, — представился кот в ответ.

На том, как говорится в сказках и легендах, и порешили.

Ровно через два часа Рэй был уже в таверне — но, как оказалось, торопился он напрасно: кровать Альвера была немного смята (скорее всего, еще с утра), однако самого старшего товарища на ней не обнаружилось.

— Сколько же этих профессорских дел надо переделать, пусть драконы их сожгут, — по-доброму усмехнулся Рэй и отправился на поиски спасительной сумки с едой, способной привести его в относительно живое состояние.

— Нет.

Золотистые лучи двух солнц ровным светом заливали стены просторной комнаты. Посреди него стояла красивая, статная девушка, одетая в длинное голубое платье. Несомненно, это была она же — однако выглядела как будто немного по-другому. Даже не немного. Но этот раз — уверенной в себе. Спокойной, непоколебимой.

Она выглядела естественной. Как будто так и должно быть.

Однако другая женщина, постарше, сидевшая на диване, производила обратное впечатление: она злилась, она явно хотела подмять волю собеседницы под себя, но каждая фраза все больше и больше сводила на нет ее далеко идущие планы.

— Не смей так отвечать! — процедила она сквозь зубы.

— Почему же, мам? — усмехнулась девушка. — Если уж ты настолько хочешь выдать меня замуж за короля, то зачем тебе нужна королева, которая не в состоянии отказывать?

В ее глазах играли яркие огоньки, ее глаза запоминались своим неповторимым блеском. Такой хитрый и очень умный блеск. Возможно, именно он придавал девушке особое очарование — по крайней мере, в значительной степени тому способствовал.

Чем спокойней выглядела дочь, тем больше злилась мать.

— Сначала выйди замуж. А потом только уже начинай качать права.

Предполагаемая невеста сверкнула глазами и упрямо сложила руки на груди. Стены комнаты в этот момент как будто затряслись — еле заметно, но все же. Атмосфера в помещении в самом прямом смысле накалялась.

— Нет.

— Ты обязана! — возмутилась мать.

— Я обязана сделать совсем другое, — звонкий голос звучал совершенно серьезно.

— Снова эти твои дурацкие загадки. Ты сумасшедшая. Другого объяснения этому у меня просто нет.

— О, да, — девушка саркастично рассмеялась. — Я сумасшедшая. Я ведь даже не спорю. Потому что тому есть неоспоримое подтверждение. И все же, подумай, так ли тебе нужна безумная королева?

Женщина тяжело вздохнула и попыталась заглянуть дочери в глаза. Но тут же отвела взгляд: они затронули болезненную тему.

— Амелин уже замужем. И она согласна со мной. Если тебе безразлично мнение

собственной матери, то почему бы тебе не послушать хотя бы старшую сестру?

— Она замужем не за королем, мама. К тому же, я могу еще послушать отца и брата. Да и мне нужно сделать кое-что другое.

— Опять ты за свое. Тебе никогда, слышишь, никогда не стать уважаемым магом! У тебя практически нет магических способностей и никогда не будет! Пора бы уже, милая, смириться и делать то, что велят тебе долг и судьба.

По непонятной причине выражение лица девушки стало очень хитрым — и оттого она стала выглядеть еще более красивой. Спустя несколько вечных секунд напряженного молчания ее голос прозвучал довольно резко:

— Я и делаю то, что велят мне долг и судьба. И это совсем не то, что велит мне мать.

Женщина порывисто вскочила с дивана и значительно повысила голос:

— Капризная эгоистичная девчонка! Да ты!..

Она явно хотела дать дочери пощечину и даже успела замахнуться — но в самый последний момент ее рука дрогнула, как будто ослабла или наткнулась на что-то постороннее и невидимое, чего никак там быть не могло. Девушка в длинном голубом платье не шелохнулась и даже не моргнула глазом.

— Тебе нужна марионетка на троне, — спокойно сказала она, дождавшись, пока мать придет в себя и перестанет удивленно рассматривать свою ладонь. — Ты хочешь управлять мной, а заодно королем и, следовательно, все остальным. Но у тебя не получится. Даже если я и выйду замуж, король уж точно не поведется на такой простой трюк. Он не глуп, он не позволит теще манипулировать собой. Да и я этого не позволю. Потому что так будет лучше не только мне, но и всему Нортайлу.

Повисла тяжелая, гнетущая, нехорошая тишина.

— МЕЛОРИ АРВЕЙМ!!! — в ярости закричала женщина.

— Да? — все таким же уверенным голосом отозвалась ее дочь. — Правда глаза колет?

Эта фраза была сказана с настолько непоколебимым видом, что старшая леди Арвейм просто не смогла обвинить свою дочь в злословии. Она не могла говорить спокойно, ей оставалось только кричать и грозиться, что, в первую очередь, означает проигрыш в словесном поединке, причины которого женщина осознать так и не смогла.

Воспитанная в высших кругах, леди понимала: нужно успокоиться и сдвинуть тему с опасной точки. Так на данный момент будет лучше. А все ее планы еще успеет осуществиться — потом, когда дочь станет более сговорчивой.

С ней такое случается.

— Не смей так себя вести, когда пребудет жених. Иначе...

— Иначе что? Но это и не важно. Я могу пообещать, что буду вести себя подобающе. Естественно, я не стану говорить с королем в таком тоне. Пока что он проявлял себя исключительно с разумной стороны, так почему бы не ответить ему тем же?

Намекая на то, что разговор окончен, девушка развернулась и хотела выйти из комнаты — но вместо этого остановилась и со стоном схватилась за голову. Чтобы не упасть, ей пришлось облокотиться на стенку.

— Мама?.. Что... — слабо произнесла она, когда пришла в себя. В ней больше не было тех восхитительных спокойствия и уверенности. Яркие огоньки в глазах потухли.

— Что?! — снова сорвалась мать. — Может быть, ты на самом деле притворяешься?! Не хочу больше с тобой разговаривать. Уходи и хорошенько обдумай свои слова. Подумай о том, что ты обязана сделать!

Не сказав ни слова, девушка в длинном голубом платье смущенно выскользнула из комнаты. Так она и шла по бесконечному коридору фамильного замка Арвейм, сохраняя молчание и чуть не плача, пока не втолкнулась в идущего ей навстречу молодого человека.

— Что-то не так, сестренка? Больно вид у тебя убитый, — парень обнял ее и ободряюще улыбнулся. — Снова поссорилась с мамой? Сильно на этот раз?

Девушка невидящим взглядом посмотрела на своего старшего брата и произнесла только:

— Я... я не помню. Опять.

Нет, я все понимаю, но почему вторую ночь подряд мне настойчиво снится одна и та же девушка? Да еще и Мелори Арвейм, как оказалось? Неужели я так долго и усердно думал о том, в некотором смысле, проваленном задании шефа?

За мной, вроде, не водилось.

Похоже, кто-то переучил историю и перечитал «Горизонты событий» перед сном. Надо же, какой я, оказывается, впечатлительный.

Я перевернулся на другой бок и подумал о том, что все еще хочу спать, как будто нагло не продрых последние несколько часов кряду. А ведь все просто: нечего так уставать за целый день, а то успел такое множество сложных дел переделать. Посидеть на целой одной лекции, и то, мягко говоря, далеко не самой скучной в моей жизни, мило попить мирлид с директором университета, потом не менее мило повторить то же самое с очаровательной хозяйкой таверны, а потом вдобавок еще и начинаться легенд на ночь.

М-дааа.

Сногсшибательная, однако, работа.

Когда я вернулся в найденную вчерашней ночью таверну, непонятно с чего уставший и в это же время жутко довольный, присутствия моего напарника не наблюдалось ни в одной из наших двух комнат. Тогда я искренне порадовался его профессиональному любопытству, открыл первую попавшуюся страницу в книге, а потом так и заснул, обнимая ее твердую обложку.

Теперь же Рэй, который, подозреваю, точно так же успел вдоволь развлечься за день, самозабвенно дрых на соседней кровати. Интересно, для него же отдельная комната снята, в самом деле, сам же вчера громко на этом настаивал. Или ему просто стало скучно? В это я, действительно, могу поверить без каких-либо доказательств. Потому что — ну близнецы же, какое тут еще может быть обоснование?

Я решил махнуть на это рукой (жалко мне, что ли, в самом деле?) и утром с пристрастием допросить Рэя о полученных за время прогулки впечатлениях. Ну, ладно, так и быть, просто спросить, злодействовать мне по статусу не дозволено лично высокоуважаемым найтом Хайтом — жаль, естественно, но что тут поделать.

В любом случае, мне даже изображать из себя тирана не придется, сам ведь все, на радость всем, расскажет. А, сдается мне, он много интересного сможет мне поведать. Помню это восхитительное ощущение по себе.

«А сейчас нужно еще немного поспать» — устало подумал я.

Потому что завтра предстоит тяжелый день, полный невероятно захватывающей преподавательской деятельности. Брр.

С каждой минутой нехорошо мне становилось все больше и больше.

Около получаса назад меня чуть ли не насильно затащили в огромную аудиторию, рассчитанную на несколько сотен человек, в которой я чувствовал себя, мягко говоря, неуютно. Профессор Антавир, две минуты назад удалившийся в неизвестном направлении за двумя порциями свежего травяного мирлида, подбадривал меня всю дорогу до кабинета с настолько ехидным видом, что я даже не мог определить, как на это следует реагировать.

Секунду помедлив, я с размаху уселся на преподавательский стул и попытался осознать всю безнадежность сложившейся ситуации — не получилось. Видимо, я все же неисправимый оптимист.

Что-то слишком много стульев, вдруг пришло мне в голову. Неужели и вправду придут послушать какого-то меня настолько внушительное количество студентов? Сомневаюсь: по крайней мере, я на их месте точно не стал бы тратить на это свое драгоценное время. Но мне оставалось только полностью следовать своей придуманной роли — а потом высказать многоуважаемому шефу все, что я о нем думаю, причем в самых содержательных, красочных и не совсем цензурных выражениях.

К слову, на лекции меня ждала «моральная поддержка»: Рэй, внезапно проявивший неожиданный интерес к посещению образовательных учреждений, искренне пообещал явиться собственной фиолетовоглазой персоной. Исключительно с целью постоянного дружеского подшучивания, в чем он признался незамедлительно.

И на том спасибо. Всегда приятно ощущать поддержку друга, даже выраженную в подобной саркастической манере. Тем более в подобной саркастической манере.

— Профессор Альвер? — раздался голос прямо над моим ухом. Головокружительно запахло мирлидом.

«Интересно, я вообще успел позавтракать?» — внезапно подумалось мне.

— Подкрепитесь, — добродушно посоветовал Антавир, только что бессовестно прочитавший мои мысли и ничуть того не скрывавший. — И не стоят так переживать. Вас уже заранее все любят, найт.

— Но не в этом же дело, — честно ответил я, решив ничего от профессора не скрывать, хотя бы потому что в этом уже не было абсолютно никакого смысла: догадаться, что преподаватель из меня весьма посредственный, в подобной ситуации было проще простого, с чем, Антавир, естественно, справился за долю секунды. Прославленный профессор, говорите? Не смешите мои тапки. — На самом деле, я просто не люблю выступать перед аудиторией. Тем более такой...

— Не любите или боитесь? — проницательно уточнил мой собеседник. — Не стоит. Страхи для того и существуют, чтобы помогать нам становиться сильнее — за исключением, конечно, тех случаев, когда предупреждают об опасности и спасают жизнь. Я уверен, вам понравится преподавать. И вы точно способны интересно рассказывать.

Мне захотелось произнести заклинание, отменяющее сглаз, уже ставшее традиционным и вполне себе шуточным. Но я героически сдержался.

— Спасибо, — не очень весело выдохнул я.

В коридоре послышался шум, так сильно знакомый мне с собственных университетских лет: звонкие молодые голоса, оживленные разговоры, периодические шутки, постоянный смех. Оставалось только мрачно осознать: студенты спешат получать бесценные исторические знания. Не от самого авторитетного источника, между прочим, но кто им об этом сообщит? В моем-то времени точно подобное «профессиональное» образование в высших учебных заведениях крайне распространено. Остается только искренне надеяться,

что тут преобладает все же более качественное обучение.

Я поморщился, взял себя в руки, с трудом скривил относительно приветливое лицо и все-таки удосужился задуматься о том, что я сейчас, собственно, собираюсь во всеуслышание вещать. Эра Единорога, хоть и не сама долгая в истории, длилась внушительное количество лет — аж пять тысяч. В несколько лекционных часов я, любящий безнаказанно подолгу разглагольствовать, упоминая всевозможные любопытные детали, при всем желании не уложусь. Что ж, придется каким-то образом фильтровать информацию. Никогда не умел это делать.

Отличный повод научиться. Я же неисправимый оптимист, как я только что для себя решил — и если уж решил, то образ придется так или иначе оправдывать.

Узрев полчища идущих по мою душу студентов, я внутренне содрогнулся и искренне постарался выдавить из себя хоть какое-то подобие улыбки. Подозреваю, в тот момент мое лицо выглядело весьма вымученно и криво.

Стоит упомянуть и тот прискорбный факт, что деловой атты у меня не было и в помине: никогда их на дух не переносил и в ближайшую вечность делать это уж точно не собирался. По сей не особо уважительной причине я притащился на занятие в своей привычной дорожной атте, что осознал только за два метра до широких гостеприимных дверей Университета. И решил по этому поводу ничего не предпринимать. Согласился с самим собой о том, что придется быть не самым деловым и далеко не самым модным профессором в Мире.

Какая жалость.

Остается надеяться, что студенты переживут подобную вопиющую невежливость со стороны преподавателя. Преподаватель уж точно переживет.

Рыжеватую голову своего драгоценного напарника в нескончаемой толпе разномастных студентов я узрел практически сразу же. Он приветливо и, как мне показалось, несколько издевательски помазал мне рукой и поспешил занять одно из ближайших мест, за которое, к моему немалому удивлению, развернулось открытое соревнование. Одним из чемпионов оказался Рэй. Кто бы сомневался. Удобно устроившись, как будто заняв почетное место в королевской ложе королевского же театра, он выжидательно уставился на меня: и чем хуже у меня получалось сохранять невозмутимый вид, тем труднее Рэю было сдерживаться от смеха.

К слову, профессор Антавир, удобно расположившийся на краю третьего ряда, занимался примерно тем же самым: испытывал мою силу воли.

Я решил держаться доблестно. Устраивать комедию я точно не собирался, хотя бы потому что комедийный актер из меня, мягко говоря, не прирожденный, а вот представление... Ну что ж, без представления тут никак не обойтись.

Мало того что аудитория была полна — все первые ряды неожиданно оказались забитыми до отказа. Все пришедшие на лекцию студенты смотрели на меня с таким видом, как будто ждали этой лекции всю свою сознательную жизнь. И молчали.

Прославленный преподаватель Альвер? Рифард Хайт, как, сожгите все драконы, у вас это вышло?!

Сделав успокоительный глоток мирлида, я обвел аудиторию взглядом, поздоровался, представился — и началось.

Повестка дня — Эра Единорога. И куча информации, с ней связанная. Для начала я спросил у студентов, знает ли кто, почему она называется именно так — по моему

скромному мнению, тот самый вопрос, с которого всегда следует начинать обсуждение истории какой бы то ни было Эры. Необходимый вопрос, но далеко не самый легкий, как оказывается после детального его рассмотрения не с университетским преподавателем, а с человеком, который имел возможность увидеть все собственными глазами.

В ответ на мою реплику поднялось с десятков неуверенных рук. Почувствовав себя еще глупее, я детской считалочкой выбрал того счастливчика, которому предстояло поведать нам эту небольшую легенду.

Молодец, Альвер. Давай, перекладывай ответственность на чужие плечи. Прекрасная идея.

Счастливчиком оказалась невысокая курносая девушка, сидевшая на втором ряду наискосок от Рэя. Заметно волнуясь, она встала и начала рассказ. Я подбодрил ее взглядом: знаю это противное ощущение, знаю.

— В последнюю ночь Эры Затмения, — начала рассказ девушка — Все маги Ковена того времени проснулись в одно и то же время — и увидели одну и ту же вещь, которую не смогли с уверенностью объяснить даже сильнейшие основатели. В какой-то момент появилась рябь на полупрозрачной глади реки, на поверхности всех зеркал, и с каждой минутой она становилась все заметнее и заметнее. Яркий свет лун падал в окна старого замка, озаряя чей бы то ни было путь. Все люди, как один неспящие, замороженные магической картиной и как будто остановившимся временем, неотрывно смотрели на огромный внутренний двор, на безмолвный полет огоньков, призванных освещать территорию Ковена. Один за одним они начали гаснуть и, как маги ни старались, не появлялись снова. Ветер завывал все громче, безжалостно срывая колоски молодого Вайенара, колдовского растения-ловушки. После той памятной ночи, прошедшей будто бы в тумане, многие могли поклясться, что видели вместо отражений большого белого единорога — вестника счастья или беды. Ходили слухи, что чужеродный Дух стремился вырваться в наш Мир, но так и не смог, потому что был заперт в разбитых на следующее же утро зеркалах. И только раз в столетие блестящая рогатая тень, загнанная в ловушку, ненадолго появлялась над рекой. Все эти века и стали называть Эрой Единорога.

Честно, я удивился настолько сильно, что моя челюсть не то что повисла — чуть не свалилась на пол, грозя и вовсе его пробить. Девушка либо обладала явно выраженными литературными и ораторскими способностями, либо не поленилась выучить легенду наизусть и увлекательно ее рассказать. Не то чтобы я сомневался в студентах, напротив, я всегда верил в людей намного больше, чем они, быть может, того заслуживали, однако я уж точно не ожидал проявления на моей лекции подобного восхитительного интереса. Потому что, как мне говорил Антавир, Эру Единорога этот курс по программе еще не проходил.

В любом случае, за безусловные старания, мне по выработанной долгими годами изнурительного труда в Тайфуне привычке захотелось вручить девушке конфетку. Но я честно сдержался. И даже не потому что посреди собственной лекции это делать как-то неприлично, сей прискорбный факт я бы как-нибудь да пережил и все же выполнил задуманное, — просто у меня с собой не было ни одной, даже самой маленькой и невкусной конфеты. В рюкзаке лежал только одинокий простенький бутерброд, смиренно ждущий своего смертного часа.

Теперь буду знать, что конфетами, причем по возможности большими и вкусными, нужно запасаться в обязательном порядке. Все заслуживает своего вознаграждения, тем более — хороший ответ, прозвучавший во время университетского или любого другого

занятия. Да и любой другой ответ.

Сожалея об отсутствии сладкого, я тепло поблагодарил любознательную и, несомненно, талантливую студентку и продолжил рассказ.

Да. Именно так звучит эта легенда в соответствующих сборниках и даже в подавляющем большинстве учебников истории.

Но я был там. И все видел своими глазами. Разумеется, сильнейшие маги своего времени не стали бы просто так стоять на одном месте, беспомощно взирая на появляющиеся в хрупкой ткани пространства и времени прорехи. Опасные прорехи, возникающие с невообразимо большой скоростью. Существо, которое создавало их одним своим неправильным, недопустимым присутствием и было ошибочно названо единорогом, и правда пробиралось в Мир и грозило возникновением далеко не самых приятных для его обитателей последствий.

Стараниями всех членов Ковена без исключения под умелым командованием найта Арендила, его главы тех времен, прорехи с трудом, но были запечатаны. Для этого понадобилось огромное количество магической энергии, сконцентрированной в одном месте, ставшей решающим фактором и позволившей определенным образом «залатать» пространство.

Наутро, что упоминается и в легенде, все зеркала были намеренно разбиты, причем не из обыкновенной предосторожности, а из насущной необходимости. Причем я в этом принимал самое активное участие, развлекаясь и наконец-то проявляя свои варварские задатки, ранее глубоко и надежно упрятанные.

За ночь Арендил успел оценить силу неизвестного существа, которое, так как для противостояния его невероятной мощи понадобилась энергия доброй сотни магов, и вправду могло оказаться Духом, еще не успевшим или почему-то не пожелавшим попасть в космос. Зеркала, своеобразные тоннели, проходы, кротовые норы, если хотите, были уничтожены, однако еще один проход, самый большой и неприступный, устранить не было никакой возможности. Потому что разбить реку весьма затруднительно да и не выгодно со всех точек зрения.

С тех пор каждое столетие маги становились вместе и снова защищали Мир. Каждый раз они проводили на ногах всю ночь напролет, непрестанно колдуя, и не думали жаловаться на свою незавидную участь: потому что защита всех остальных — исконная обязанность некогда самопровозглашенного Ковена магов.

Описание ритуала передавалось из поколения в поколение, более того, было организовано специальное обучение, обязательное для всех адептов Ковена, были написаны как минимум две весьма полезные книги заклинаний — и они до сих пор хранятся в Винтуоне.

Теперь-то я хорошо понимал, что залатать пространство был намного бы проще из подпространства. Подозреваю, именно так найт Арендил в тайне ото всех и поступил, рискуя не только собственной репутацией, о которой в тот момент вряд ли думал, но и поддержанием боевого духа магов, когда посреди ночи внезапно исчез в толпе, передав командование своему главному помощнику. Потому что точно знал: иначе не спастись.

Критическая ситуация превратилась в легенду — красивую сказку. Героическое действие магов позже оказалось спокойным бездействием, кому-то явно выгодным. Сам ритуал укрепления пространства принял вид юбилея Эры, чем выгодно прикрывались маги, выполняющие свой ежевековой долг. Некоторые исследователи даже утверждают, что сам

Ковен пожертвовал общественным мнением, чтобы уберечь людей от паники — и я был практически полностью в этом уверен.

Через пять тысяч лет так называемый единорог перестал настойчиво напоминать о своем существовании, и истинную причину такого его сознательного поведения не знал никто. Дух, если это все же был он, мог просочиться через так старательно выстроенную ловушку — но исключительно в далекий космос.

Именно это я юным умам и поведал, упуская из рассказа только куски, связанные с моим активным участием.

Разумеется, одним из самых благодарных слушателей оказался Рэй, все это время старательно, ради собственного же смеха, изображавший из себя студента-отличника, записывающего за преподавателем все подряд, включая совершенно не относящиеся к теме слова и выражения. А еще прямо посреди моего и без того невыдающегося выступления он показал мне язык.

Я же чуть не рассмеялся, драконы его сожгите.

Поскольку я никогда не был особо успешен в намеренном умертвлении при помощи глаз и огненной магии, я решил просто украдкой показать ему кулак, и не подумав о том, что мой не самый вежливый жест видят еще и несколько сотен студентов, на этот раз уже настоящих.

Антавир, сидевший на своем третьем ряду вместе с учениками и попивающий все еще не остывший мирлид, тихонько над нами посмеивался.

Мое мучение, носившее несколько другое официальное название, закончилось на удивление быстро. По крайней мере, я не смотрел на настенные часы каждые пять минут, безнадежно уповая на непредвиденный скачок во времени, способный сразу же переместить меня в конец лекции, а все время что-то рассказывал, слушал или же отвечал на вопросы. Правда, мое повествование оказалось весьма сумбурным, отрывочным и далеко не логичным: я говорил буквально то, что приходило в голову, перепрыгивая с темы на тему и с одного временного промежутка на другой, ведь заранее составить план занятия я, прославленный профессор, не удосужился — вот и импровизировал вовсю на радость себе и аудитории.

Кстати, Рэй все это время украдкой смешил меня как мог. А он мог.

Ладно-ладно, признаюсь. Все прошло не настолько плохо, как я того ожидал.

В какой-то момент Антавир тонко намекнул мне, отправив весьма настойчивый и громкий телепатический сигнал, что у меня осталось три минуты и не секундой более. Добавил, мол, сонные дракончики уже проголодались и очень хотят на волю, что окончательно убедило меня в необходимости наступления немедленного финала. Вдобавок назвал меня неисправимым болтуном, с чем я позволил себе не согласиться долгой мысленной тирадой — и только потом оценил всю комичность ситуации. Прервавшись чуть ли не на полуслове и в самом интересном месте, я, коварный, пообещал продолжения через сутки и с облегчением раскланялся.

Оставалось надеяться, что студенты не обратили внимания на мое явное желание сбежать.

После того, как все остальные уже удалились в разных направлениях, ко мне подошел мой напарник.

— А ты отлично справился, — сообщил он, проворно выхватывая мою кружку с мирлидом из-под моей же руки.

— О, спасибо, — саркастично усмехнулся я, все же отобрав свой законный напиток (и совершенно неважно, что там оставалось всего на один глоток, зато справедливость восторжествовала). — Без твоей неоценимой помощи у меня бы ничего не вышло.

— Разумеется, — пожал плечами Рэй. — Куда без меня-то? Хорошо, хорошо, не бей меня, вы тоже прекрасны, профессор. Держите... а, нет, не держите. У меня ничего с собой нет. Грустно.

Разумеется, его тон в корне не соответствовал произнесенным словам.

Я не выдержал и рассмеялся.

— Знакомая ситуация. С сожалением думал о том же самом последние полтора часа. Кстати, спасибо, что пришел.

— Не за что. Как я мог пропустить такое увлекательное представление. Да и интересно вышло же, в конце концов. Ты отлично рассказываешь.

Меня аж передернуло от подобного спорного комплимента — однако в это же время подобный спорный комплимент мне все-таки польстил.

Немного смущенный и не знающий, что ответить, так чтобы по делу, но с юмором, я уж было хотел сам перевести тему, но в долю секунды Рэй изменился. Стал выглядеть серьезнее.

— Слушай, — начал он. — Еще вчера хотел с тобой поговорить. Мне кажется, я его почувствовал.

— Кого? — оторопел я, совершенно не понимая, о чем мой напарник ведет речь, но уже готовясь внимательно его выслушивать: с таким взглядом ерунду не несут.

Ее несут с... Впрочем, ладно. Это уже совершенно другой вопрос, которому необходимо уделить много внимания. Поэтому придется рассмотреть его в другой раз. На следующей — ужас какой — лекции.

— Мирианделла. Не смотри на меня так. Его артефакт.

— Хм. Рассказывай, — я уселся на ближайший стул. Или стол. Неважно.

— Из меня рассказчик не настолько хороший, как из вас, профессор, — несмотря на всю серьезность тона, не преминул в очередной раз подшутить Рэй. Но тут же снова вернулся к явно волнующей его теме. — Это почувствовать надо, примерно описать-то даже затруднительно. Все на уровне интуиции. Давай я тебя лучше туда отведу.

— Если бы меня еще можно было назвать экспертом в области таинственных предметов, — улыбнулся я. — Но да. Конечно, отведи. Ты молодец, а то я, великовозрастный балбес, что-то заработался немного в другом направлении... Точнее, разленился и о Мирианделле думать забыл. Работничек.

— Самокритика — дело прекрасное, — оценил мой напарник. — Но в определенных количествах. Я ведь тоже разленился, причем настолько, что в какое-то время думать перестал — непозволительная не роскошь даже, а глупость. Но именно благодаря своей лени я и смог что-то почувствовать. Хотя, может быть, я вообще ошибаюсь, и никакого Мирианделла там и в помине нет. И его артефакта тоже.

— Этого нет, так что-нибудь другое найдем, — философски пожал плечами я. По крайней мере, весело проведем время, а то я на город-то даже особо посмотреть не успел. Вчера все время по Университету шатался, потом в таверне сидел, а гулять на собственных бесценных ножках ведь тоже иногда полезно бывает.

Уж очень мне хотелось бесцельно побродить и размять нижние конечности, так и просящие уже привычной для них нагрузки. А тут еще цель сама собой появляется и

совмещает приятное с полезным, чего еще желать в таком прекрасном Мире?

Только спать, тихонько и практически безнадежно подсказал тоненький внутренний голосок, принадлежавший, по всей видимости, моей более разумной и рациональной части. И я был с ним абсолютно согласен. Почему спать-то так хочется? Как будто не ложился две ночи подряд, а невесть чем занимался, каждый раз старательно стирая себе память, чтобы наутро не мучиться непременными угрызениями совести.

— Отлично! — Рэй хлопнул меня по плечу, чем вывел из состояния глубокой задумчивости. — Давай тогда через три часа встретимся в таверне. А то у меня фактически свидание сейчас назначено.

— Свидание? — поинтересовался я, хитро прищурившись. — Быстрый ты.

— Ага. Вообще реактивный. С котом свидание, — рассмеялся мой собеседник и быстро сбежал за двери огромной аудитории, где я, в конце концов, не так уж и плохо провел время.

Ах, да. Коты. Непобедимая и, возможно, единственная страсть близнецов. Куда же без них — и без котов, и, конечно же, без близнецов.

Я же, в свою очередь, отправился разбираться с последними оставшимися в Университете делами. Надо же хоть с какой-то пользой провести великодушно выделенные мне самой судьбой три часа: заполню какие-то официальные бумажки, слава Духам, не такие уж объемистые, и все-таки придумаю, что буду рассказывать завтра. Примерно — потому что все всегда почему-то не желает идти по плану, а периодически вообще сворачивает в противоположную сторону, не чувствуя по этому поводу абсолютно никакой вины.

Как же я оказался прав.

И в этот раз все пошло не по плану.

Через три часа в таверну никто из нас двоих так и не пришел.

Оба дневных небесных светила только начинали лениво выползать из-за далекого горизонта. Небо потихоньку светлело, превращаясь сначала из темно-синего в серое, а немного позже из серого в хмуро-голубое. Вопреки общей утренней тусклости, сквозь неуверенные облака наперегонки пробивались задорные первые лучики солнц, освещая верхушки невысоких деревьев.

Неподалеку виднелись крепкие стены внушительного каменного замка, построенного его высокопоставленными хозяевами всего несколько столетий назад — совсем небольшой срок для такого грандиозного строения. Большинство обитателей замка все еще пребывали в сладком царстве грез.

Однако во всей, казалось бы, идиллии рассвета наблюдался обидный изъян: несколько деревьев были повалены на все еще влажную землю. Не специально срублены, а именно повалены сильным, безжалостным ветром, примчавшимся вместе с позавчерашним невиданным штормом.

Два человека, одетых не очень богато, но весьма удобно, проворным шагом шли по неширокой тропинке, ответвленной от основной дороги и ведущей от ворот замка в лес.

Два человека негромко разговаривали.

— Шторм, конечно, многих напугал, — сказал один из них, тот, что был повыше и немного постарше.

— Еще бы. Вон, сколько деревьев упало. Говорят, найт Менрин пытался его остановить, — добавил второй. — Не особо-то и вышло. Тот еще шторм. Как только все цело

осталось.

— А вот за это как раз и стоит сказать спасибо Менрину, — поучительно поднял палец первый. — К тому же, шторм вполне мог бы и в ураган превратиться.

Одним движением руки он поднял тяжеленную ветку и уложил ее в тележку, которая самостоятельно ехала за ним и уже была почти что на треть заполнена.

На слово «ураган» отреагировала будто бы сама атмосфера. Насторожилась, потом снова расслабилась, но все же снова немного сгустилась. Как кошка, затаившаяся и приготовившаяся к прыжку. Заподозрившая некую не понятную пока опасность или угрозу.

На самом же деле, насторожилась совсем не атмосфера. Насторожилась сама предреальность, где и формировалось все окружающее пространство и даже время.

Предреальность была готова защищать его. Всеми подвластными ей силами.

Но два мага, даже не подозревавшие о предполагаемой угрозе, на свое же счастье быстро сменили тему разговора.

— Деревья жалко, — произнес один из них, продолжая поднимать еще позавчерашней ночью оборванные штормом ветки. — Надеюсь, мы сможем залечить лес. Менрин говорил, что слышал, как ему больно.

Он и понятия не имел, что могущественный Лес скоро залечил бы и сам себя. В считанные минуты отрастил новые ветки и спрятал старые, притворившись, будто гармония и не была нарушена никакими непредвиденными стихийными напастями.

— Деревья сильные. Они справятся и быстро вырастут снова.

В тот момент из предреальности можно было услышать и увидеть, как похваленные деревья довольно заурчали и радостно зашевелили листьями. Из реальности же это действие выглядело как внезапное дуновение ветерка средней силы, не более.

Предреальность всегда умела дурить окружающим головы, то ли отвлекая их внимание, то ли заставляя обо всем забыть. Только те, кто хоть раз физически бывал в ней, могли сосуществовать с ней на равных. Только у тех магов проявлялись их настоящие способности.

Минут десять два человека, бывших, по всей видимости, нанятыми слугами живших в замке лордов, вдвоем собирали ветки, сохраняя молчание. Каждый думал о своем. Каждому было, о чем поразмыслить.

Предреальность наблюдала за ними из своего идеального укрытия, из того самого места, что находится нигде. И везде одновременно.

Они не должны увидеть. Не должны обнаружить.

Не сейчас. Не они.

— На днях приезжает король, — наконец задумчиво сказал один из магов, все же нарушив молчание. — Сложная складывается ситуация, неоднозначная. Как ты считаешь... что ответит леди?

— Она не согласится, — уверенно ответил второй. — У леди не такой простой характер, как она иногда то показывает.

— Ее мать будет настаивать.

— Разумеется, будет. Но даже она, в конце концов, не станет перечить лорду. А лорд слишком любит свою дочь, чтобы заставлять ее пойти на этот шаг против ее воли. Поэтому все зависит от маленькой леди. На ее плечи ложится огромная ответственность, которую, к сожалению, хозяйка замка не может в полной мере осознать.

— Не такой уж и маленькой, — поправил его собеседник. — Ей недавно исполнилось девяносто три.

— Да, конечно. Маленькая леди Мелори уже взрослая. Но, понимаешь, привычка. Я работал здесь еще до ее рождения, наблюдал за тем, как дети с каждым днем становятся все взрослее и взрослее. Как сейчас помню день рождения младшей дочери. Станный был день. Тогда...

Картины того дня мелькали перед его глазами, как будто наяву. Но что именно тогда случилось, маг договорить не успел. Он приложил пальцы к виску, закрыл глаза и сосредоточился. Стоял в таком положении, не шевелясь, не меньше минуты. Мужчина как будто впал в транс.

— Нам пора идти, — очнувшись, сообщил он и уважительно добавил. — Нас ждет Менрин. Хочет поговорить о магической охране короля. Еще бы, начальник стражи, главный маг замка с большим стажем. Не станет терять времени даром.

Предреальность ликовала. Именно сейчас они должны были уйти. Все получилось. В кои-то веки план сработал.

Предреальность никогда не была живым существом, нет. Она даже не то чтобы умела думать. Она просто была. И иногда вмешивалась в естественный ход вещей. Разными способами.

Если ветерок и дул, то совсем незаметный — легкий и теплый. В окрестностях замка уже полностью рассвело. Лучики двух солнц весело играли друг с другом и со всеми предметами, которым посчастливилось в это радостное летнее утро не быть укрытыми тенью. И я проснулся.

Заснул я совершенно нечаянно. По крайней мере, нагло спать, скрючившись на жесткой лавочке в не самой удобной позе и прислонившись спиной к стене одного из коридоров Высшего Королевского Университета, в мои планы точно не входило. Тем не менее, проходя мимо сего не самого привлекательного для блаженного сна места, я почувствовал себя настолько уставшим (причем — совершенно непонятно, с чего вдруг), что решил на минутку присесть. А глаза закрылись сами собой.

Минутка продлилась... неопределенное количество времени.

Проснулся я в точно такой же позе: в три погибели согнувшись и обнимая рюкзак, набитый всем самым необходимым.

По крайней мере — самым необходимым для тривиального похода в Университет на собственную же экспромтную лекцию.

Почти не заметный, легкий и теплый ветерок дул за шиворот моей дорожной атты, всего час назад неумело прикидывавшейся деловой. Тихонько шумели невысокие деревья. Лучи восходящих солнц шустро, умело пробивались сквозь листву.

Неподалеку виднелись крепкие стены внушительного каменного замка, построенного его высокопоставленными хозяевами всего несколько столетий назад — совсем небольшой срок для такого грандиозного строения. Большинство обитателей замка уже просыпались и нежились в своих уютных постелях, думая о теплом вкусном завтраке.

Простите, нат Асвейде, похоже, я не смогу в ближайшее время заглянуть к вам и вернуть одолженную книгу.

Прости, Рэй. Похоже, я тебя подвел.

Он поднимал только одно: он исчезает. Растворяется. Где-то, в чем-то. Как будто в самом пространстве. Больно не было. Было непонятно. Как будто сама магическая энергия, основа всего, стремительно покидала его тело.

Не было понятно даже, когда именно это произошло.

Перед глазами медленно меркнул Мир, исчезая в безжалостно наползающем тумане. Или же это просто что-то творилось с его зрением?

Пушистый фиолетовый кот, в последний момент еле успевший прыгнуть туда вместе с ним, успокаивающе мурлыкал на ухо. Казалось, только благодаря этому звуку Рэй продолжал думать.

А мыслить — значит, существовать.

Он не потеряется. Он выдержит. И найдет выход. Оставалось только в этой верить. И Рэй верил. Разве у него был другой выбор? Сильный маг не сдастся. Он же всегда тщеславно считал себя сильным магом — что ж, пришла пора подтвердить это на деле.

«Надежда и мысли — все, что сейчас у тебя есть. Держись за них.»

Зря он пошел туда один. Хотел казаться взрослым и разумным, доказать это самому себе — а, как оно обычно и бывает, вышло все совсем наоборот. По крайней мере, можно не было ничего не трогать. Как будто никто никогда не учил никаким предосторожностям.

Великовозрастный балбес.

Над ухом раздавалось тихое успокаивающее мурлыканье.

«Да, друг. Спасибо. Я держусь.»

«Прости, Рин, — само собой пронеслось у Рэя в голове. — Очень надеюсь, что ты не останешься единственным ребенком в семье. Хотя изначально так и предусматривалось самой природой.»

«Прости, Альвер. Похоже, я тебя подвел.»

В одном из просторных рабочих залов коллегии Тайфун стояли три человека: Рифард Хайт, Рин Кальвент и полупризрачный гость из относительно далекого прошлого. Собственно, последнего здесь, по сути, и не было, ведь говорил он тоже из совершенного другого времени: пятнадцатого Миарона одна тысяча пятьсот пятнадцатого года эры Созвездия.

Просто тысячелетний маг, могущественный директор Высшего Королевского Университета, мог себе это позволить.

Разговор предстоял тяжелый. Такое нужно рассказывать сразу всем: поэтому все присутствующие ждали последнего заинтересованного.

Минуту спустя в дверь стремительно влетел четвертый участник готовящейся важной беседы — Кростон Лоттен. По каким-то образом сложившейся нелепой привычке, он приветливо помахал рукой не знакомому ранее пожилому человеку и произнес:

— Звали, шеф?

— Да, Крис. Смотрю, осваиваешься с новой способностью?

За вошедшим парнем тянулся шлейф серебристой, текущей ауры, постепенно превращающейся во всем привычную зеленую. Говорят, ауру изменить невозможно. Но сколько раз следует повторять одну простую фразу «нет ничего невозможного», чтобы ее, в конце концов, усвоили все?

Теперь один молодой светловолосый маг был способен делать это без особых усилий в любой момент времени и по собственному усмотрению. Цвет ауры был точно так же полностью ему подвластен — немыслимая удача, как сказали бы многие.

Но нет. Называть это удачей было бы в корне неверно. Вот открывшаяся в подпространстве врожденная сила — да.

За несколько длинных, сложных, но увлекательных дней Крис стал мастером перевоплощений — с той лишь разницей, что менял он не обычную внешность, а магическую, своеобразный аналог уникальным отпечаткам пальцев. Крис уже успел привыкнуть к этой мысли, успел многое попробовать. Сначала получалось произвольно, что несколько пугало — но шеф все в нужный момент объяснил, помог ему разобраться в самом себе.

Такой быстрый переход мог бы испугать, даже свести с ума кого угодно, однако Крис был абсолютно уверен, что так надо, и наконец-то чувствовал себя собой.

Оборотнем.

Один раз так его уже называли — казалось бы, совсем недавно. Тогда это слово, ненароком произнесенное маленькой двенадцатилетней девочкой, такое родное уже сейчас, не произвело нужного эффекта. Но все же оставило некий отпечаток в душе. Душа всегда знала, ее не обманешь.

Еще никогда ей не было так хорошо.

— Вы хотели поговорить с нами, профессор? — обратился к полупрозрачному Антавиру Рифард.

Директор Университета кивнул. Немного помедлив, обдумывая, как именно следует начать, он сказал:

— У меня плохие новости. Альвер, Рэй... они оба пропали.

В просторном, гулком зале повисла нехорошая тишина. Никто из присутствующих не хотел верить услышанному. Они? Пропали? Ну, нет же, как можно?

— Пропали? — упавшим голосом переспросил шеф Тайфуна. Он знал, что все правильно расслышал, но произвольно оттягивал тот момент, когда ему все же придется в этом себе честно признаться.

Потому что — очень сложно.

— Да. Оба. Причем они не были в тот момент вместе. Я не уверен, что могу точно сказать, как они и где они сейчас. Прости, мой любимый ученик. Мне нужно было лучше приглядывать за ребятами.

Антавир поник, коря себя за то, что не смог присмотреть за ними лучше. Если бы не отвлекся на повседневные дела. Если бы вовремя поговорил. Все объяснил, только на этот раз без загадок. Кто знает, что было бы тогда?

Кто знает.

Но тут подал голос Рин:

— Рэй жив. Определенно.

Все посмотрели на него. Улыбнувшись одними сиреневыми глазами, парень объяснил:

— Все же тут знают, что мы с братом не обыкновенные близнецы. Случись с ним что-то непоправимое, я бы об этом узнал первым. Так что отчаиваться нет смысла. Я уверен, что и с Альвом все в полном порядке. Он из таких передраг выбирался целым, невредимым и наученным опытом, что мне даже немного завидно.

Рин всегда умел внушать надежду — даже в самых, казалось бы, беспросветных ситуациях.

— И ты уверен, что твой брат жив? — с надеждой переспросил директор. Хотел кое-что уточнить, но в начале следующей фразы сбился: не был полностью уверен, стоит ли об этом говорить прямо вот так, в лоб. И все-таки решился. — По всей видимости, Рэй прикоснулся к Мирианделлу — древнему артефакту, который в том числе уничтожает всю магию на своем

пути. Или затягивает ее в себя, это никто не может точно сказать.

И эта новость обеспокоила близнеца намного, намного больше, чем предыдущая. Он побледнел. С полминуты не мог не выговорить ни слова. Подумал о том, что точно не был готов узнать — о том, что вообще никогда не будет готов узнать.

Наконец с трудом, но выдавил из себя.

— Но это... это ведь значит...

— Это ничего не значит, Рин, — уверенно возразил своему ученику Рифард, ободрительно положив ему руку на плечо. — Любой маг соткан из магической энергии. Каждый из нас мог бы сейчас быть на месте твоего брата.

— Риф прав, — улыбнулся Антавир. — У нас нет никаких оснований подозревать ничего такого, просто потому что их нет. Даже я, теоретически уважаемый и невообразимо колдовской старикашка, и то имел бы все шансы попасться на такую штуку. Даже больше шансов, чем более слабые маги. Мирианделл доказывает только то, что Рэй очень силен. А уж это просто обязано вам обоим польстить.

Похоже, аргументы на Рина подействовали: он облегченно выдохнул и явно успокоился.

— Я найду его, — тихо и очень уверенно произнес близнец.

Никто и не подумал переубеждать. Помочь в нужный момент — это уже другой вопрос, но останавливать, уговаривать — ни за что. Сомнений в том, что именно он должен заняться этой проблемой, ни у кого и не возникало.

Оставалось только рассказать все это Эрнис, отсутствовавшей на собрании коллегии из-за вовсе не нужной ей сессии. Она ни за что не останется в стороне, она захочет помочь. Она могла бы забыть даже про пресловутые экзамены — и именно поэтому девушку сейчас никто и не тронул: мало ли, что мог поведать Антавир. Но обстоятельства складывались такие, что возникала необходимость применения всех доступных сил.

— Альвер был в подпространстве вместе с Оборотнем, — задумчиво сказал Рифард. — И сейчас он мог нечаянно затеряться где угодно во времени. И его сейчас, уже сейчас, будет очень сложно обнаружить.

— Но мы же можем спокойно найти его, — предложил Крис, не понимая проблему. — По отпечаткам ауры. Потом рассчитать координаты и переместиться с помощью Временного Урагана, как мы это делаем обычно...

Рифард и Антавир посмотрели друг на друга, явно не зная, как сообщить еще и эту новость. Наконец шеф Тайфуна произнес:

— Проблема в том, что пока что вы не сможете перенестись во времени без Альвера. Он еще не давал вам такую способность. А меня вряд ли пустит. Неосознанно. Он пока не разобрался, у него не было никакой помощи.

Ученики недоуменно уставились на него.

— Альвер — Ураган в человеческой плоти. Он не человек. Он был рожден стражем времени.

— Способным путешествовать по собственной воле, управлять перемещениями других людей — добавил профессор. — Поддерживать временные парадоксы.

Парадоксы. Снова что-то шевельнулось у Криса в памяти.

— Предреальность открыла в нем это, как в тебе — способность менять ауру, Крис, — говорил Рифард. — Сначала он неосознанно перемещался во сне. Даже думал, что на самом деле спит. Но это было не совсем так. Теперь же, похоже... Но, кажется, я знаю, куда он мог попасть. Поэтому — сосредоточим все наши силы на поисках Рэя. А судьба Альвера сейчас

находится в его собственных руках. Но кое-кто все же способен ему помочь.

И тут Антавир тихо добавил:

— Если Рэй попался в ловушку Мирианделла... это значит только одно: артефакт уничтожает Мир. Снова.

Глава 3. Иллюзии самих себя

Тогда я сказал первое, что посетило мою еще не отошедшую от потрясения голову:

— Я знаю Рифарда.

Конечно же, ляпнул я далеко не самую разумную в Море вещь. С логической точки зрения, совершенно несуразную. Несмотря на то что мы с Крисом изначально и должны были попасть именно сюда, а не в Древний Мир, никто не мог гарантировать, что шеф хоть как-то позаботился о нашем прикрытии в этом отдельно взятом году: к примеру, я мог приземлиться на несколько лет раньше, и все мои слова сразу же превращались в пустой звук. Тем более, сомнительно, что найт Рифард упоминал свое имя, если же мне повезло и у меня правда есть более или менее адекватная история, которую я, к слову, в прошлый раз так и не удосужился прочитать.

Неожиданно, но это сработало.

— Рифарда? — внимательно меня разглядывая, задумчиво протянула девушка. — Хмм... Ладно. Пойдемте.

Ее голос, голос девушки из моих снов, звучал странно.

Именно она стала единственной, на кого я наткнулся в Лесу после бесцельного двухчасового блуждания. Видеть младшую дочь лордов за пределами фамильного замка ранним утром совершенно одну было несколько удивительно. Однако примерно то же самое можно было сказать и про меня: подозрительный незнакомец, бродящий по территории явно хорошо охраняемого жилища высокопоставленных лиц, причем не проявляющий никаких внешних признаков помешанности или агрессии, а потому по законам того времени не пригодный для немедленного пленения.

— С вами... все в порядке? — это было первым, что она спросила.

Не испугалась. Не поспешила сбежать от незнакомца подальше. Просто проявила заботу — и этого вполне хватило, чтобы окончательно и бесповоротно расположить меня к себе наилучшим образом.

Вопрос оказался на удивление сложным.

— Не совсем, — честно ответил я, немного подумав.

— Тогда почему вы не заходите в замок?

— Разве в него пускают незнакомцев?

— А почему нет? — удивилась леди. — Путникам мы всегда рады.

Ее слова противоречили моим знаниям о семье Арвеймов. Помнится, мы с Крисом пребывали в полной уверенности, что лорды, гордо носящие данную фамилию, никогда не станут доверять двум проходимцам и не пустят их даже переночевать, а потому придумывали другие изощренные планы знакомства с ними с последующим проникновением в вышеупомянутое хорошо охраняемое жилище.

Видимо, ошибались.

— Может, вы кого-то ищете? — продолжала спрашивать девушка.

Тогда я и сказал ту не самую логичную фразу, которая каким-то невероятным образом все-таки подействовала.

И Мелори Арвейм повела меня в замок. Она, к моему удивлению, прошла мимо главных ворот, свернула с основной дороги, некоторое время шла вдоль высоких, крепких стен и в итоге открыла потайную дверь прямо в одной из них — с помощью кольца.

— Рифард сделал — как будто в воздух пояснила она. — Разве у вас нет такого?

— Нет — коротко ответил я, внимательно приглядываясь к самодельному ключу.

Любопытное кольцо. На первый взгляд, исключительно простое и недорогое, на самом же деле — достойное королев. Серебряное, с голубым драгоценным камнем, который в эпоху Сверхновой назывался колдиентом. Считалось, что все существующие колдиенты — на самом деле обыкновенные камешки, заряженные энергией произошедшего в космосе огромного взрыва, в честь которого и была названа эпоха, и потому способные концентрировать огромное количество энергии, а заодно благословлять своих хозяев.

Благословлять на что — уже совершенно другой вопрос, осветить который так никто и не смог.

Печально известная истории, леди Мелори проскользнула в открывшийся неширокий проход, и я последовал за ней. Мы оказались в заднем дворе — точнее, в его необжитом закоулке, зажатом между внешним укреплением и стенами замка, откуда не возникало возможности рассмотреть все остальные достопримечательности ухоженной местности.

Младшая дочь лордов шла чуть впереди, и я украдкой, но с явным интересом поглядывал на нее. Все же воспоминания из снов были довольно смутны и размыты.

Не слишком высокая — я оказался почти что на целую голову выше нее. Длинные темно-рыжие волосы заплетены в довольно небрежную косу, перевязанную белой ленточкой. Простое, но явно не дешевое платье, на этот раз светло-бежевое. Стройная, может быть, даже немного слишком — разумеется, по меркам своего времени. Рискну утверждать, что кто угодно с полной уверенностью мой бы назвать ее очень милой или даже красивой.

И все же в последнем моем сне она как будто смотрелась иначе, оставляла иное впечатление — завораживала.

Но сон есть сон: всегда окрашивает Мир в свои собственные краски, не считая нужным обращать внимание на надоедливые и скучные требования реальности.

В любом случае, либо у меня хорошая память, каким-то образом зацепившая настоящие портреты исторических личностей, либо я просто-напросто ясновидящий: ведь мое сонное подсознание смогло воспроизвести правдивую картинку, почти что не приплетая ничего своего.

Нет, спасибо, предсказателем я быть не хочу. Пожалуй, предпочту хорошую память.

— Кстати, хорошее утро, — в кои-то веки вспомнил я о правилах хорошего тона.

А ведь даже не назвался. Сам-то имя своей собеседницы знаю.

— Да, хорошее — тихо произнесла Мелори. — Наверное.

Так же тихо, никем не замеченные, мы попали в замок. Арвейм был мне относительно знаком еще с тех пор, когда я часами гулял по старинным развалинам в своем времени, воображая себе сцены и картины, некогда прочитанные в учебниках и исторических романах. С того же памятного дня в Древнем Мире я, как оказалось, стал вполне способен ориентироваться в нем самостоятельно.

Да, я помню. В этом коридоре все менялось: то пропадали, то снова появлялись двери, перебегала с места на место полуматериальная мебель, как будто играя в прятки с домовыми и призраками. Теперь же все спокойно и чинно стояло на своих местах и не подавало никаких признаков одушевленности.

Обстановка изменилось не сильно, даже почти незаметно. Я хорошо запомнил этот большой деревянный комод: тогда, три миллиарда лет назад, я увлеченно рассматривал

внезапно появившийся на его поверхности таинственный знак — карту входа в подпространство. Только в то время, кажется, комод стоял в противоположной части коридора; хотя, конечно же, в несформировавшейся реальности Древнего Мира он запросто мог бессовестно раздвоиться.

В той, воон в той комнате мы с Крисом кидались друг в друга подушками, развлекаясь и делая вид, как будто обсуждаем сложившуюся не самую понятную ситуацию, потом уснули, уставшие от длительного пешего перехода и обилия полученных впечатлений, а наутро наслаждались истощным пением не известных биологии и явно невидимых экзотических птиц. Интересно, что сейчас находится в нашей наскоро выбранной спальне?

Поднимаясь по винтовой лестнице, мы попали на второй этаж, потом, почти что сразу же, — на третий. Здесь библиотека, изобилующая литературой на все случаи жизни. К слову, выписки из некоторых особо понравившихся книг все еще хранятся в моей последней, еще не закончившейся записной книжке. Бумагу и ручку я всегда носил с собой, поэтому у меня появился второй шанс значительно пополнить свою коллекцию цитат, афоризмов, а также, что наиболее важно, интересных научных фактов из совершенно разных областей.

Но забыть библиотеку я не мог не только из-за книг. В ней находится необходимый для любого уважающего себя замка тайный ход, в данном же случае — тайный ход в подпространство, что, несомненно, изрядно способствовало становлению привлекательности и загадочности сего помещения.

Что ж, я просто обязан найти его еще раз.

Леди Арвейм, не позволяя мне опомниться, тянула меня все выше и выше, в одну из башен. И тут, наконец-то, у меня в голове появился вопрос, который должен был возникнуть еще два часа назад.

Что вообще происходит?

Я заснул в университете. И проснулся почти за тридцать тысяч лет до того, в лесу, далеко от центра Нортайла. А еще я не использовал Временной Ураган, по крайней мере, в сознательном состоянии, и это означает только одно: я не могу вернуться обратно. Даже если рассчитаю временные координаты и найду подходящий виток, Ураган не перенесет меня в будущее, просто потому что он не может это сделать. Он не способен переносить в будущее, он способен только возвращать туда путешественников во времени, будучи изначально на это заколдованным.

Естественно, были и такие маги, кто, несмотря на все запреты, пробовал сделать и это в надежде прогуляться по улицам хотя бы пару тысяч лет спустя, и я их хорошо понимал. Но никто так и не объявил об успехе. Именно поэтому считалось, что путешествие в будущее совершить невозможно.

Но мне ничего не оставалось, кроме как совершить невозможное.

И, конечно же, никому об этом потом не рассказать.

Быть может, молчание — единственная причина невозможности подобных путешествий?

— Леди Мелори, куда мы... — я только начал формулировать вопрос, но сразу же замолчал: через пару секунд мы вошли в просторную округлую комнату — самую высокую точку башни.

Первое, на что я обратил внимание — несколько крупных окон, частично прикрытых легкими светлыми занавесками, и хорошо заметная, внушительная высота.

В самой же комнате царил родной моему сердцу творческий беспорядок, от которого

даже без применения Истинного зрения сильно веяло магической энергией. По этой причине я присмотрелся к беспорядку получше: книги явно не художественного характера, озаглавленные на старый манер, множество амулетов, сплетенных полностью и не до конца, драгоценных и полудрагоценных камешков, других вещей, обладающих волшебной аурой, — по всей видимости, хозяин помещения совсем недавно развлекался с зачарованием предметов.

Посреди всей этой красоты, рядом с рабочим столом, стоял высокий черноволосый парень примерно моего возраста. Он сосредоточенно плел одно из зачаровывающих заклинаний, держа руки над небольшим камешком, скорее всего, найденном во все том же Лесу. Из пальцев тонкими струйками лился теплый красноватый свет.

В мои планы не входило мешать тренировке мага, по себе знаю, какого это, однако в процесс вмешалась Мелори:

— Оринделл?

Ах, да. Оринделл Арвейм. Ее брат, которого я видел в одном из своих снов и чье имя я знаю из истории.

— Найт говорит, что знает Рифарда. Я решила привести его к тебе.

Младший лорд Арвейм сразу же оторвался от своего увлекательного занятия. Он развернулся и внимательно, даже несколько настороженно посмотрел на меня.

— Спасибо, сестренка, ты все правильно сделала, — ответил он и дальше обращался уже ко мне. — Интересно. Я вас не знаю. Откуда же вам известно это имя?

И тут я в очередной раз за утро понял, что ошибался, что моих знаний, полученных из книг, постоянно оказывалось недостаточно. Мелори Арвейм не была единственной вызывающей интерес представительницей своей фамилии.

Я смотрел в золотистые глаза своего шефа.

Найт Рифард Хайт никогда не рассказывал многого о своем прошлом. Относительно подробно я знал только с того момента его биографии, когда шеф занял должность королевского мага, что случилось чуть более пяти веков назад. До того же — таинственное черное пятно с редкими светлыми проблесками, и только. Ни происхождения, ни семьи, ни родного города, ничего.

Помнится, года три назад я пристал к начальству с расспросами об его однозначно бурной молодости, но найт Рифард сменил тему настолько виртуозно, что я даже не обратил на это внимания и увлеченно поддержал предложенный им разговор. Потом, конечно, осознал свой промах и устыдился, однако момент был упущен, поэтому мне, так и не добившемуся никакого успеха на данном поприще, только и оставалось, что строить догадки, полагаясь исключительно на собственную неумную фантазию.

Однако такого не предполагал даже я.

Теперь же я воззрился не него, как на родного, не в силах сдержать изумление и радость от неожиданной встречи. Так и пялился, молча, в это же время лихорадочно прикидывая в уме примерное подобие плана действий. Рифард же, нет, пока что Оринделл Арвейм смотрел на меня с все возрастающим недоумением.

— Вы не ответили на вопрос, найт, — его голос звучал настороженно.

Что ж, меня явно остерегаются, что, на самом деле, совсем не удивительно.

Пришлось импровизировать:

— Просили кое-что передать, — начал я сочинять на ходу.

По реакции своего будущего шефа я мог сделать только один вывод: по всей видимости, никто не должен был связывать имена Рифарда и Оринделла. Никто — кроме его младшей сестры.

— Что именно? — найту нужно было аккуратно прощупать почву. То же самое действие необходимо было сделать и мне, с той лишь разницей, что я изначально доверял юному магу, он же мне, разумеется, нет. За что я никак не мог его винить: на его месте я бы отнесся к внезапно примчавшемуся, на глазах наглеющему чужаку и то менее тепло.

Откуда же взялось так хорошо знакомое мне имя?

— Передать Рифарду, — с упором добавил я, внимательно следя за выражением лица собеседника.

Следует отдать ему должное, он оставался невозмутим.

— Вы вполне можете передать и через меня, — Оринделл сделал приглашающий жест рукой. — Рифард — один из моих помощников. В свою очередь, я обещаю, что повторю все слово в слово.

Продолжает играть роль, отметил я, явно замечая в этом человеке задатки своего непревзойденного архимага-шефа, — и потихоньку восхитился такому странному капризу судьбы, непредвиденно забросившей меня именно в этот виток Временного Урагана, причем ни в абстрактное куда-нибудь, а в замок Арвейм: время и место, которые я давно собирался посетить.

Порой жизнь исполняет желания весьма неожиданным образом.

А умение забывать о проблемах, найдя в них что-то интересное и увлекательное лично для себя, всегда было моим признанным талантом.

Рисковать так рисковать. Развлекаться так развлекаться. Я решил немного поизмываться над пока что молодым и неопытным начальником — все равно равноценно отомстить мне он сможет только через...

Тридцать тысяч лет?

Хм...

— Вас раскрыли, найт Рифард, — самым будничным тоном сообщил я. Еще и мило улыбнулся.

На лице Оринделла не дрогнул и один мускул — вот что значит аристократическая выдержка. Однако его выдавала слегка заведенная за спину рука. К тому же, я кожей почувствовал, как Мелори, ранее стоявшая прямо за моей спиной, тихо отошла в сторону. Как будто скользнула.

Нет, уважаемый начальник, со мной — не выйдет. Это будет одним из первых навыков, которым вы нас всех научите.

Следить за ладонью. Сделать маленький шаг в сторону. Поставить невидимый энергетический щит. И все вышеперечисленное успеть одновременно и в долю секунды, так как потом может быть поздно.

Я резко выбросил обе руки вперед и неоформленной, несплетенной силовой волной сбил Оринделла с ног. Сразу же отскочил на полметра в сторону. Тут меня прикрыл поставленный ранее щит.

Вот, значит, как вы со мной познакомились, шеф. Подравшись. Очаровательно.

Закончилось данное действие несколько минут, дюжину разбитых амулетов и один опрокинутый стол спустя. Мой новоявленный соперник так и не смог сбить меня с ног, что послужило нешуточным поводом для гордости и значительно польстило самооценке.

Не знаю, чем бы закончилась наша импровизированная потасовка, если бы в какой-то момент времени прямо между нами не встала леди Мелори, упрямо разведя руки в стороны и зажав глаза.

— Хватит! — твердо проговорила она, не шелохнувшись.

Этого вполне хватило, чтобы прекратить бессмысленную драку. Я прекрасно понимал, что делаю не совсем то, что требуют от меня обстоятельства, какими бы сумасшедшими они ни были. Оринделл же, несмотря на то что ему явно было что скрывать, осторожно, чтобы не задеть сестру, опустил ладони, многозначительно сверкнув на меня золотистыми глазами.

Заботливый брат. Хотя бы за это стоит уважать.

Я уже начинал чувствовать к этому человеку глубокую симпатию, я не мог ее не чувствовать, потому что слепо восхищался им вот уже пять лет как.

— Хорошо, — спокойно, но все так же недружелюбно произнес он. — Как именно они меня раскрыли?

«Они»? Все может оказаться еще любопытнее, чем я подозревал.

— А никто тебя и не раскрывал, — миролюбивым тоном ответил я. — Я даже не знаю, кого ты имеешь в виду. Ты раскрыл себя сам.

Не перейти на «ты» после такого шикарного знакомства было бы просто кощунственно. И плевать на то, что я говорю с потомственным лордом. Когда я с ним дрался, меня этот факт как-то не особо смущал.

— Кто ты? — с не самым дружелюбным выражением лица спросил Оринделл, ненавязчиво пытаясь отодвинуть сестру в сторону. Но Мелори стояла на своем месте, упершись каблуками в пол, и поддаваться не собиралась.

Хотя бы мое славное начинание с переходом на менее официальное обращение было поддержано — уже какое-никакое, а достижение.

Тем не менее, я — угроза. Мне не доверяют, от меня защищаются. А, в некоторых случаях, лучшая защита — нападение. Однако «в некоторых случаях» — в данном контексте очень важная оговорка.

Мне же почему-то захотелось рассмеяться. Это так запоздало у меня шок наступает?

— Меня зовут Альвер, — представился я, слегка наклонив голову и тем самым демонстрируя, что не представляю угрозы. — Хорошее утро.

Леди Арвейм изучающе смотрела на меня. Я уже было начал смущаться и собирался каким-нибудь образом отвлечь от своей скромной персоны такое пристальное внимание, но девушка заговорила:

— Альвер? Где я вас видела?

— Видели? — я настолько удивился, что разом забыл про свое смущение.

— Да. Может быть, вы уже когда-то к нам приезжали? На какой-нибудь праздник? — предположила она, задумавшись.

Возможно, и загляну еще когда-нибудь, если вы так говорите, подумал я про себя, а вслух, снова вежливо ей поклонившись, ответил:

— Простите, миледи, но я сомневаюсь, что мы знакомы. Я не помню, чтобы бывал здесь раньше. На самом деле, я немного...потерялся.

— Потерялся? — сложив руки на груди, недоверчиво протянул мой будущий шеф. — Но при этом ты оказываешься у нашего дома и говоришь, что знаешь мое придуманное имя, которое никто не должен знать.

Агрессии найт больше не проявлял: убедился, что я не нанесу никакого вреда, по

крайней мере, его младшей сестре. Если бы я действительно хотел это сделать, то уже давно воспользовался и возможностью, и своими магическими умениями, возможно, даже превосходящими его собственные, в чем маг отдавал себе полный отчет. Тем не менее, держался он все равно весьма настороженно — и я не мог его за это винить.

— Да. Именно так, — легко подтвердил я. — Я знаю, у вас обоих нет абсолютно никаких поводов доверять мне. Я бы сам не вашем месте сейчас выкинул себя в окно и успокоился. Но... может быть, эта вещь о чем-то вам скажет?

Решение пришло само собой. Такое очевидное и логичное. Гениальное в своей простоте.

Несколько месяцев назад, в день моего рождения, найт Рифард в качестве подарка вручил мне старинный амулет: значительно потускневший от времени и местами поцарапанный, но от того только более ценный, округлой формы, с изящной резьбой и небольшой буквой «А», изображенной на устаревший манер. В тот день я, счастливый именинник, а по совместительству заядлый любитель всего так или иначе относящегося к истории, не принял всерьез вместе с поздравлением сказанную шефом фразу: «Ты только пообещай носить его с собой. Когда-нибудь он обязательно поможет тебе в трудной ситуации». К своему счастью, я все же внял, казалось бы, обыкновенному напутствию и носил амулет то на руке, то в кармане, то на шее, даже не подозревая, что пожелание начальника не было обыкновенным словесным оборотом.

Каким-то невероятным образом я второй раз за утро не глядя попал в точку.

Сняв шнурок с амулетом, я протянул его тому самому человеку, который через много-много лет подарит его мне собственноручно. Точнее, не совсем его — другую версию, чуть более новую. Но все-таки.

Теперь я, кажется, понимал, что означает устаревшая маленькая буковка «А». Меня и раньше интересовал этот вопрос, я даже пару раз спрашивал у шефа, но тот лишь загадочно усмехался и предлагал поискать ответ на этот вопрос в библиотеке. Однако незамедлительно последовавшие длительные поиски, к слову, тоже успехом не увенчались: по всей видимости, этот небольшой знак мог иметь огромное значение, но только для определенного круга лиц, который не очень-то желал выставлять это на всеобщее обозрение.

Оринделл взял подвеску, около минуты внимательно ее рассматривал и только после этого перевел взгляд на меня — и смотрел уже иначе.

— Это один из наших зачарованных знаков, — опознала его леди Мелори. — Существует всего три таких: у нас двоих и Амелин. Но этот просто не может принадлежать Амелин...

Девушка обращалась даже не ко мне. К брату или, скорее, к самой себе. Через пару секунд она задумчиво добавила:

— Он как будто...старый?

— Да, ему сейчас много лет, — подтвердил ее догадку я. — Я и правда в каком-то смысле потерялся.

— Но это совсем не значит, что тебе можно доверять, — прищурился золотоглазый маг. — Наоборот, я бы сказал.

Что же вы, многоуважаемый шеф, такой упрямый и неверующий?

— Вам нужна помощь, найт? — спросила Мелори, перебив своего старшего брата и вовсе не обращая внимания на его предостережение.

Последний недовольно посмотрел на сестру, но подобное с собой неучливое обращение

стойко стерпел.

Леди Арвейм казалась невероятно проникательной — или же наоборот, излишне доверчивой? Почему Мелори столь положительно ко мне отнеслась, я откровенно не мог понять, однако предпочел наивно предположить, что моя к ней симпатия, появившаяся при знакомстве сразу же, просто нашла подсознательный отклик в девичьей душе.

Но вряд ли, ох, вряд ли, что все настолько просто.

— Да. Похоже, нужна, — скрепя сердце признал я.

Для начала пришлось честно сказать самому себе, что я немного не в том положении, чтобы не признавать наличие каких-либо проблем и мужественно утверждать, что я в полном, совершеннейшем и порядке и вовсе не пребываю в замешательстве.

— Чем я могу вам помочь? — участливо спросила Мелори, с интересом меня разглядывая.

Внезапно мне стало очень интересно, что происходит в ее голове. О чем она думает? Чем руководствуется? Я даже пожалел, что так и не научился читать мысли, однако тут же себя в этом упрекнул: всегда полагал, что это не самое достойное и честное умение, хоть и помогает в некоторых, отдельно взятых ситуациях. А по выражению лица, по глазам я так и не смог ничего определить.

— Мне нужно периодически приходить в вашу библиотеку, — упомянул я первое, что пришло в мою не самую светлую голову.

Я специально не стал спрашивать разрешения: вспомнил, что подобная постановка вопроса оставляет меньше, гораздо меньше шансов получить уверенный отказ, нежели прямая просьба, на которую намного проще ответить «нет» и на этом разговор закончить. В такой ситуации в том числе и психологию начинаешь припоминать — и позже с удивлением осознаешь, что все сработало именно так, как то нужно было тебе.

Потом я все же немного подумал. И добавил:

— А еще мне бы уж точно не помешала какая-нибудь работа.

Девушка выслушала меня, кивнула и произнесла, обращаясь уже к нашему общему хорошему знакомому:

— Под мою ответственность, Оринделл. Альверу можно доверять.

— Интересный у тебя способ наниматься на работу, — иронично заметил мой будущий шеф.

Путешественники во времени не единственные счастливики, которым дано заглянуть в прошлое. Каждую ясную ночь прошлое само смотрит на нас сквозь миллионы и миллиарды лет. Оно взирает разноцветными глазами звезд и далеких галактик, громадных туманностей и ярких квазаров. Мы видим звезды такими, какими они были давным-давно, просто потому что, на самом деле, мы видим лишь излучаемый ими свет, преодолевающий невероятные космические расстояния за огромные промежутки времени. Огромные, разумеется, только в нашем восприятии, неотрывно связанным с нашим относительно небольшим сроком жизни.

Некоторые из звезд, радующих нас своим видом сейчас, потухли или же взорвались еще до начала нашего Мира, небольшого волшебного закутка реальности. И это оставалось только принять. Восхищаться великолепным замыслом Вселенной.

Сверхновая звезда, в честь которой и была названа Эра, взорвалась еще задолго до того, как наши небеса озарил вызванный ей грандиозный фейерверк. Небосвод сиял, вызывая одновременно и восторг, и вполне оправданные опасения. Усилиями самоотверженных

магов взрыв вреда практически не принес, однако остался в памяти и рассказах народа надолго.

Каждую звездную ночь мы видим прошлое — и ничто в обширном космическом пространстве в данный момент не выглядит так, каким оно предстает перед нашим взором.

И сейчас стояла такая ночь. В Нортайле темное время суток всегда красиво: благодаря составу атмосферы, мы способны видеть звезды практически каждый раз и, что самое прекрасное, в их настоящем цвете, что разукрашивало небо во всевозможные цвета, доступные нашему взору. Никогда особо не разбирался в астрономии, но все же не смог не заметить, что расположение небесных светил за тридцать тысяч лет несколько изменилось. Я знал и то, что сейчас сутки должны быть на минуту короче: из-за гравитации наших трех спутников, которая то незначительно укорачивала срок оборота планеты вокруг своей оси, то снова увеличивала.

Рин и Рэй неплохо разбирались в астрономии — на своем уровне весьма талантливых и заинтересованных самоучек. Вот бы сейчас у них спросить, где какая звезда находится. Послушать увлекательный продолжительный рассказ в два то и дело нетерпеливо перебивающих друг друга, совершенно одинаковых голоса. Непременно сопровождающийся наглядной демонстрацией с применением импровизированных, на скорую руку наколдованных телескопов.

Рэй...

Я лежал под открытым небом и старался ни о чем не думать, однако предательские мысли лезли в голову совершенно самостоятельно и без спросу. Трава шелестела от любого легкого ветерка. До того момента раскинувшийся на спине, я сел и осмотрелся по сторонам.

Сегодня меня, незваного гостя, взяли на работу в стражу замка на должность, смешно сказать, боевого мага. Я хотел было пояснить, что я всего лишь историк, но вовремя сообразил: выбора у меня особого нет, так как вряд ли лордам Арвеймам для чего бы то ни было вдруг сильно понадобился личный ученый гуманитарной сферы. Придется изображать из себя воина и стараться не слишком часто позориться, чтобы меня, за ненадобностью подобного непревзойденного профессионала, не уволили ко всем драконам, тем самым лишив последнего шанса хоть как-нибудь выкарабкаться из передраги, в которую я невероятным образом попал.

Оринделл, конечно, усиленно скрипел зубами, договариваясь о моем трудоустройстве, однако расстраивать любимую младшую сестренку все же не стал. Я взирал на это со стороны, тихонько и незаметно (по крайней мере, я надеялся, что незаметно) посмеиваясь, потому что однажды, пять лет назад по своему восприятию времени, уже наблюдал похожую картину с зачислением меня на службу — только начальник в тот раз был более добродушен и болтлив.

Великодушные хозяева, принявшие меня на удивление радушно и приветливо, даже выделили мне собственную комнату на третьем этаже, куда я незамедлительно скинул все свои вещи в количестве одного-единственного полупустого рюкзака. Тем не менее, спать я сегодня предпочел на поляне под открытым небом: давно не видел такого огромного количества прекрасных звезд, хоть наше королевство этим всегда и славилось.

Нет, все же это немного странно.

А вдруг бы я оказался преступником? Мошенником. Да мало ли кем, в самом деле. Я даже знал придуманное имя младшего лорда, что изрядно придавало мне подозрительности. Ну и что с того, что у меня с собой знакомый младшему поколению лордов амулет? Кто

знает, где и какими методами я его откопал. И все же леди Мелори по какой-то причине мне доверилась. Драконы знают, по какой.

«Может быть, просто потому что я настолько очарователен?» — с надеждой пропищал мой внутренний голосок, но от подобного наивного предположения я тут же саркастично рассмеялся. Нет. Мелори не дура. Это видно невооруженным взглядом. Вовсе наоборот — своеобразный тайник с двойным дном, загадку которого еще попробуй отгадать.

В любом случае, совсем скоро она сбежит из дома. И Мелори Арвейм Никто никогда не найдет. По крайней мере, именно такой вариант развития истории я знал.

Итак, стоял восемьсот двадцать пятый год Эры Сверхновой. Король Ровен Элринг в одиночку правил уже почти пять лет и наконец собирался достойно жениться — то ли по требованию советников, то ли по собственному желанию. Но Мелори Арвейм, его выбранная невеста, так никогда и не станет королевой, потому что пропадет в самом начале восемьсот двадцать шестого года...

Бесследно.

Множество мертвых звезд, ярко пылающих прощальным светом, смотрели на меня свысока, прекрасно соседствуя на нашем небосводе со своими всевозможными живыми сестрами — от скромных карликов до огромных, грозных гипергигантов.

Думая о звездах, практически невозможно вспомнить о своих человеческих, маленьких, в масштабах Вселенной совершенно неважных проблемках. Поэтому, именно поэтому я предпочел спать под открытым небом: своих проблем, проблем близких и окружающих людей насчитывалось уж слишком много.

Мысли все равно продолжали одолевать мой разум. Утром мозг не желал соображать и анализировать, однако под вечер, когда все действующие лица вышеописанных событий утихли и разошлись по разным частям замка, я вдруг начал осознавать: для начала — всю тяжесть своего положения. А после осиливал уже более занимательный вопрос: как я сюда попал и откуда, собственно, знал, что именно сюда?

Нет, я был уверен в этом с самого начала, абсолютно и безоговорочно. Даже вопросов не возникало.

Снова улегшись на спину и укрывшись принесенным из комнаты одеялом, я начал вспоминать.

Сразу вспомнил, что спал. Ну, или думал, что спал. И снились мне два мага, внешности и голоса которых я припомнить уже не мог. Ранним утром они ходили неподалеку от замка, собирали ветки и разговаривали. Но сказали ли они что-нибудь важное? Упомянули про недавний шторм, про скорый приезд короля... Больше я ничего не вспомнил.

Мог ли я, во сне или даже в полусонном состоянии, с точностью угадать год, опираясь всего лишь на две содержательные, но не уникальные реплики?

Я немного подумал. И честно себе признался.

Нет. Не мог.

Тем не менее, я был твердо уверен. Откуда?

А драконы меня разберут.

Дружелюбные звезды приветливо подмигивали мне с небес, как будто оказывая поддержку и говоря, что все будет хорошо — просто потому что все обязательно будет хорошо. Разве нужны еще какие-либо причины?

Всего в нескольких метрах от меня ухнула сова.

— Может, хоть ты мне что подскажешь, символ мудрости? — вслух спросил я. Без тени

иронии.

Сова ухнула еще раз, и еще. Стало быть, и вправду ответила. Жаль, я, дурак, так и не удосужился выучить птичий язык.

— Спасибо! — поблагодарил я. Хотя настойчивую рекомендацию в силу своей недостаточной лингвистической образованности я так и не смог разобрать, равномерное уханье посодействовало приведению моих мыслей в относительный порядок — пусть и его творческий эквивалент.

Запасись терпением, чаем и бутербродами. Проводи вечера в библиотеке лордов, благо, она настолько богата и обширна.

Ведь что отвечал мне шеф на вопрос о сакраментальном значении амулета?

Правильно. Poiщи в библиотеке.

Нортайл некогда был примечателен не только восхитительным звездным небом, но и собственным названием. Дело в том, что и страна, и ее столица до поры до времени носили одно и то же гордое вышеупомянутое имя, что периодически вызывало путаницу и массу связанных с ней хлопот. Тем не менее, факт оставался фактом: королевство и город назывались одинаково, и это вполне устраивало и правителей, и их народ.

Давным-давно, во времена Эры Расцвета (и своей юности по совместительству), Нортайл носил статус города-государства — впрочем, как и подавляющее большинство стран, зарождавшихся в те благодатные времена. С тех пор территория значительно увеличилась, образовалось множество новых поселений, позже трансформировавшихся в города и деревни, однако королевство Нортайл и город Нортайл, несмотря на то что их границы уже давно не были одинаковы, продолжали миролюбиво сосуществовать, не желая по каким бы то ни было причинам менять имени.

По мере становления и увеличения государства появилась любопытная идея, имевшая законное право на существование: некоторые особо рьяные и ответственные министры, под тщательным предводительством королевы, предлагали переименовать страну в королевство элрингов или просто Элринг, в честь племен, из которых и выросла наша нация.

Переход от одного именованья к другому происходил тяжело и на протяжении значительного периода времени: люди не желали отвыкать и переучиваться, не настолько старательные политики — вручную менять гору документации, всевозможными способами защищенную от любого магического вмешательства. Однако волевая королева, в ту пору носившая имя Лессы Каландрион, все же смогла настоять на своем разумном и, в общем-то, очень полезном для страны решении.

Название приобрело и еще одно, символическое значение: с тех пор королевская семья отрекалась от своей настоящей фамилии и принимала фамилию Элринг, чем подтверждала свою неразрывную связь с народом и обязанность служить ему, правя мудро, честно и справедливо. Правители и их супруги, наследники и наследницы, принцы и принцессы таким образом давали своеобразную нерушимую клятву.

И дать такую клятву могли не только кровные родственники: предложение принятия фамилии Элринг стало высшей государственной наградой, которую имел право вручать исключительно действующий король. Обычные люди, сослужившие Отечеству огромную службу, будь они хоть из крестьянской семьи, вполне могли стать полноправными родственниками правителя и даже, в случае чего, претендовать на престол.

Подобные законы в очередной раз доказывали, что в нашей стране в первую очередь

учитывается не происхождение и наличие в венах голубой крови, а личные заслуги человека, его способности и знания. Подтверждением этому служили и звания магов «найт» и «нат», которые иной раз ценились выше, чем аристократические «сэр» и «леди», просто потому что указывали на талантливых, умелых магов. И совершенно неважно, в какой семье такой человек родился.

Шло время, то и дело менялись кровные династии, однако фамилия, полученная народом клятвой, оставалась всегда одна. И в моем времени точно так же правили Элринги — похоже, эта прекрасная, устраивающая всех традиция никогда не собиралась устаревать.

В восемьсот двадцать первом году Эры Сверхновой на престол взошел стодвадцатилетний Ровен Элринг, сын любимого всеми короля Дайлина. За прошедшее время молодой правитель зарекомендовал себя исключительно положительным образом: принимал решения обдуманно и разумно, прислуживался к словам других людей, но никогда не был марионеткой в чужих руках и сразу же жестко отсекал все попытки советников и аристократов взять его под свой контроль.

Что его невестой была Мелори Арвейм, представительница одного из самых влиятельных, известных и старейших аристократских родов, пока что знал ограниченный круг лиц: никто раньше времени не хотел распространяться и пускать слухи. Что было весьма полезно, потому что леди, по всей видимости, замуж не собиралась, о чем и намеревалась аккуратно сообщить на сегодняшнем грандиозном приеме.

Итак, прошло несколько дней. Произшедшую на вторые сутки проверку на профпригодность я даже не провалил. Напротив, держался стойко и прошел ее на удивление успешно. Дело было так. Мой нынешний начальник, найт Менрин, пожилой и явно сильный маг с умным и цепким взглядом, попросил меня продемонстрировать пять боевых заклинаний, думая над каждым не дольше секунды, с чем я с легкостью справился: по сравнению с варварскими, издевательскими методами обучения найта Рифарда это упражнение казалось уровнем средней школы, хотя, на самом деле, для кого-то могло представлять немалую сложность. В этом я отдавал себе полный отчет.

Оринделл, оказавшийся добровольным участником организации охраны замка, продолжал косо и недоверчиво на меня поглядывать, но я только обезоруживающе улыбался, глядя в знакомые золотистые глаза своего шефа и друга. Такое неагрессивное поведение действовало правильно и некоторым образом его смягчало — на время. Что уже оказывалось внушительным достижением.

Но где-то на заднем плане маячили неизвестные мне «они» — группа людей, которая как раз-таки ни при каких обстоятельствах не должна догадываться о связи найта Рифарда и лорда Оринделла.

Ох, что же вы скрываете, шеф?

А лучше спросить — что же вы скрываете на этот раз?

— Альвер, помощи-ка? — попросил меня Рональд, маленький светловолосый парень, сын одного из слуг, который не совсем добровольно помогал готовить бальный зал к приближающемуся торжеству.

— Привет, Рон, — улыбнулся я, пролевитировав стол на его законное место.

— Спасибо! — благодарно воскликнул мальчик и умчался за новой партией предметов интерьера.

Я участвовал в этом безобразии, потому что хозяева попросили охрану, то есть нас, помочь слугам готовить зал. Теперь я бегал туда-сюда по замку, периодически перетаскивая

разнообразную мебель с этажа на этаж. Время медленно плелось к полудню, и зал, пока что выглядевший довольно пусто и скучно, постепенно наполнялся всевозможными бытовыми предметами и окрашивался в красивые цвета.

За прошедшие несколько дней я успел познакомиться со многими обитателями замка, и большинство из них оказались дружелюбными и приветливыми людьми. Удивительно, но никто из моих новых сослуживцев так и не спросил у меня, откуда я такой забавный, лохматый и таинственный взялся — все кивнули, улыбнулись, представились, пожелали хорошего времени суток и удачной работы. Вот это я понимаю, тактичность. Конечно же, она была мне исключительно на руку: хотя бы относительно правдоподобную историю жизни я себе так и не придумал.

Кроме того, я поражался и сам себе. Нет, в самом деле, когда я успел стать таким общительным и непринужденным? Либо пробудился ранее впавший в безвременную спячку недюжинный актерский талант, либо чрезвычайные обстоятельства и вправду творят с людьми чрезвычайные вещи.

Единственным человеком, у которого я явно не вызывал бурной симпатии, оставался мой будущий шеф. Что же, у него есть весомая причина. Знать бы еще, какая.

Сегодняшним утром прошла плановая тренировка, на которой мне было откровенно скучно, зато теперь я, с превеликим трудом и моральными терзаниями оторвавшийся утром от кровати, чувствовал себя относительно нормально и даже передвигался не как неодушевленный деревянный манекен, что обычно случалось со мной после раннего подъема. Тем не менее, бурного желания посвятить день работе у меня как-то не возникало.

Но выбора не было. Я вздохнул и потащил вниз сразу три стула. Спускаясь по лестнице, я ощущал себя профессиональным жонглером, только вместо шариков около меня кругами летела мебель, периодически что-нибудь или кого-нибудь задевая. В итоге, умудрившись споткнуться на лестнице и заодно чуть не разбив стульями дорогущую люстру, я устыдился, перестал дурачиться и продолжил выполнять свои обязанности.

Предвиделось целое море гостей. Среди них была и леди Амелин, средний по возрасту ребенок лордов Джеффарда и Карлии Арвеймов. Несколько лет назад, в возрасте девяности пяти лет, на том самом году жизни, когда человек становится совершеннолетним, Амелин вышла замуж за известного представителя аристократии из южной части королевства и по этой причине теперь виделась с семьей намного реже. Не соверши она тогда этот поступок, сейчас именно она могла бы претендовать на руку и сердце короля Ровена — вместо своей младшей сестры, которой указанные подношения были даром не нужны.

Ждали приезда представителей других дворянских родов, дальних родственников и друзей, известных на всю страну магов и их самых успешных учеников, причем последних с особым интересом: такие волшебники всегда вызывали у менее сильных жгучее любопытство и легкое опасение.

И, разумеется, ждали короля.

Леди Мелори заперлась в своей комнате и никого не желала к себе пускать. Самой нежелательной гостьей была ее мать, которая все лелеяла надежду повлиять на свою дочь и любыми угрозами или ласками убедить ее принять правильное решение.

Правильное — конечно же, с одной-единственной точки зрения, коих существует огромное количество.

Несмотря на свою безмерную любовь к истории, я никогда не увлекался политикой своих современников и особо в нее лез — зато мне всегда были интересны личные мысли,

мотивы и соображения каждого участника какой бы то ни было ситуации. Такое парадоксальное сочетание интересов давало забавный результат, когда я оказывался в другой точке истории: совершенно не думая об общих глобальных событиях изучаемого времени, я всегда подмечал тонкости и любопытные моменты, делающие картину намного понятней и определенной.

И сейчас я мог уверенно сказать, что надежды леди Карлии не были полностью безосновательны. Последние дни Мелори выглядела подавленной, она все чаще молчала, надолго задумывалась, смотрела в никуда — другими словами, полностью ушла в себя и не хотела ни с кем делиться своими соображениями. Даже Оринделл, которому девушка, похоже, доверяла больше всех, так и не смог добиться от нее ничего определенного. Мне же моя спасительница только рассеянно кивала, изредка глядя на меня пустым взглядом, как будто и вовсе сквозь. Но когда, далеко не сразу, понимала, что я замечаю ее взгляд, смущенно отводила глаза.

Я никак не мог угадать ее мысли. И от этого мне становилось только интересней.

Но позавчера вечером леди вела себя иначе. Совершенно иначе.

Благовоспитанная дочь аристократов пробежалась по замку небольшим вихрем, сбивая по пути все, что только можно было сбить, но по какой-то счастливой случайности так ничего не разбив. Она ворвалась на кухню, весело со всеми поздоровалась, кого-то даже обняла, чем вызвала у этого человека непродолжительный ступор, набрала целую охапку всевозможных сладостей и точно так же стремительно удалилась. Позже она вышла к ужину, победно сверкая яркими глазами, холодно поздоровалась с матерью, тепло — с отцом, посетовала на отсутствие брата, не глядя схватила что-то со стола и, по пути поцеловав мимо проходившего меня в щеку, отправилась в неизвестном направлении.

Я так и не сообразил, что сказать и нужно ли это делать вообще. Впрочем, после поцелуя леди не удостоила меня даже повторным взглядом — и я решил, что мое смущенное лепетание вслед явно выглядело бы лишним.

На следующее утро Мелори вела себя как ни в чем не бывало. Так же скромно и воспитанно, как и в остальное время. Продолжала немного меня стесняться, причину чего я искренне не мог понять, больше не носилась по дому, не таскала с кухни сладости и, к моему сожалению, не выглядела столь уверенной в себе. На вопрос отца, куда он вчера выходила, недоуменно покачала головой и ответила, что весь вечер провела в замке.

Это не могло быть правдой. Я собственными глазами видел, как Мелори выходила за ворота, укутавшись в летнюю атту, но так ничего никому и не сказал.

Хорош стражник.

С другой стороны, именно леди уговорила всех взять незнакомого и подозрительного меня на работу, и я хотя бы из чувства благодарности не собирался ее подставлять. Главное — что вернулась целой и невредимой. Мне уже достаточно.

Секреты у Оринделла, секреты у Мелори. Есть такая замечательная присказка: у каждой семьи отыщется парочка отличных скелетов в шкафу. А у аристократических семей этих скелетов может найтись и больше — были бы шкафы.

В общем, скучать мне не приходилось точно. Времени же на уныние и жалость к самому себе просто-напросто не оставалось. Да, я пока что не видел абсолютно никаких выходов из сложившейся ситуации, не обнаружил ни одной, даже самой несущественной зацепки, что вполне могло меня отправить в ловушку всепоглощающей депрессии, но неотложные дела, коих насчитывалось непомерное количество, не оставляли мне такого

шанса.

Тренировки, дежурства, всевозможные хозяйские поручения — мои должностные обязанности точно определены не были, поэтому на меня, как и на остальных стражников, свешивали все, что только можно было свесить, вплоть до помощи на кухне и уборки сада.

Более того, найт Менрин, по своей должности вынужденный наблюдать за работой новичка, умудрился разглядеть во мне незаурядного мага и, похоже, на полном серьезе вознамерился приобщить меня к своим исследованиям в области теории магии. Посмотрев на метровую колонку цифр, десятки формул и внушительных размеров расчеты, я сначала было ужаснулся и чуть не начал петь известную многим песню о гуманитарном складе ума, но вовремя вспомнил, что не повторял ее слова уже несколько лет, с тех пор как с удивлением обнаружил, что считать временные координаты мне даже нравится.

Однажды во время традиционного чаепития шеф мне сообщил, что у меня, на самом-то деле, математическое мышление, которое я зачем-то виртуозно скрываю. В ответ на такое шокирующее заявление, чуть не заставившее меня поперхнуться, я позволил себе возмущенно усомниться, приведя гору примеров из моей бурной, полной гуманитарных дисциплин юности, однако под насмешливым взглядом Рифарда быстро утих и признал, что в той же истории всегда лучше всего запоминал даты — которые, по сути своей, те же самые цифры.

Поэтому я мужественно подавил первые признаки паники, на участие в исследовании согласился и дал себе обещание со временем в предоставленных отчетах разобраться. Из меня, естественно, не такой первоклассный теоретик магии, как из Эрнис, тем не менее, принести некоторую пользу я все же смогу.

Ну, по крайней мере, я на это очень надеялся.

Пару раз я, прихватив с собой стратегические запасы провизии, провел вечер в библиотеке в надежде снова ткнуть пальцем в воздух и неожиданно попасть в точку. Не попал. На этот раз удача решила от меня отвернуться: ни одного, даже самого крохотного намека на возможность путешествий в будущее я не нашел.

В само помещение библиотеки я зашел, чуть ли не задерживая дыхание, потому что испытывал жуткое любопытство и все горел желанием сравнить ее с вариантом в Древнем Море. В итоге сравнил: кубических метров насчитывалось чуть меньше, не было настолько внушительного объема литературы (хотя, справедливости ради, и тут он был огромен, на радость любого заядлого библиофила вроде меня), а самое главное — предметы не летают по комнате по непредсказуемым траекториям, никуда в самый неожиданный момент не исчезают, пусть бы хоть частично, и вообще ведут себя до безобразия послушно и предсказуемо, как и полагается любой уважающей себя мебели. А ведь именно в этом и заключалась добрая половина очарования Древнего Мира.

Придя к заключению, что нынешняя библиотека меня отнюдь не разочаровала, я на несколько часов утоп в литературе и к жизни вернулся только после полуночи, когда на меня внезапно накатил непреодолимая волна сонливости.

Один раз ко мне в гости пришла Мелори. Она принесла мне чай и парочку пирожных, сказав, что ужин я окончательно пропустил, а с кухни все повара уже сбежали. На мое дружелюбное предложение сесть рядом и просто поговорить леди смущенно улыбнулась, сослалась на какие-то неотложные дела и потому отказалась, за что сразу же извинилась. Но когда переступила порог, обернулась с таким видом, будто хотела что-то у меня спросить, но передумала и, пожелав хорошей ночи, исчезла в дверном проеме.

Я долго смотрел ей вслед, держа на коленях забытую книгу. Любезный визит леди Арвейм, заботливый и красивый шаг с ее стороны, мне что-то напомнил.

Блаженно провести вечер в полном книг помещении, закономерно ставшим одним из самых любимых в замке, я намеревался и сегодня, но мои планы рушились на глазах: как оказалось, меня назначили одним из тех стражников, кто должен будет находиться в бальном зале и радовать гостей своей неповторимой физиономией. Боюсь предположить, какими критериями эти странные люди руководствовались при выборе. Критическим взглядом оценив мой наряд и тактично промолчав по этому поводу, найт Менрин вручил мне костюм и отправил готовиться к торжеству. Я обреченно вздохнул, но с воодушевленным начальством спорить не стал.

Когда в зале заиграла тихая музыка, издаваемая заколдованным оркестром, и начали появляться гости, я внезапно осознал, что мое отвращение к большим сборищам народа, в каком бы веке они ни происходили, никуда не пропадало. Просто напугано спряталось, не выдержав натиска возникших обстоятельств, а теперь же, почуяв удобнейший повод, как ни в чем не бывало, вылезло обратно.

Присутствие на балу никаких усилий, кроме моральных, к счастью, не требовало. Я стоял у стенки и старательно изображал из себя манекен, периодически вежливо кивая проходящим высокопоставленным гостям. Мой пост находился рядом с полным еды столом, и такое соседство меня более чем устраивало, потому что сердобольные хозяева без каких-либо просьб с нашей стороны разрешили нам таскать оттуда любые закуски.

Кое-кого из гостей я узнавал: по виденным когда-то портретам, по прочитанным описаниям, по известным приметам. Восхищенно пялиться на приглашенных этикет, разумеется, не позволял, но я ничего не мог с собой поделать. Перед моими собственными глазами творилась история. За короткий промежуток времени я заметил множество героев научных справок и рассказов, увидеть которых воочию мечтал уже многие годы. Не потому что заочно обожал всех подряд, нет, некоторые из них, судя по описаниям, у меня даже не вызывали симпатии — просто смотреть своими глазами всегда намного лучше и интересней. Тем более если подобная возможность есть лишь у единиц из всего населения Мира.

А описания ведь могут и врать. У меня было уже достаточно возможностей в этом убедиться.

Впрочем, когда по лестнице спустились Мелори и Оринделл, невежливо разглядывать магов, министров и аристократов я сразу же прекратил. В простом и элегантном светлом бальном платье, с распущенными длинными волосами леди выглядела... восхитительно. Честно говоря, я не мог оторвать глаз. Но она сама, будучи занятой выполнением светских обязанностей, моего пристального внимания не замечала.

А ее брат мой взгляд все-таки перехватил. Он промолчал, не позволив себе и недовольного выражения лица, и все же я сразу понял: ничего положительного про меня в данный момент не думают.

Опомнившись, я переключил внимание с Мелори на ее собеседницу — высокую, черноволосую, богато одетую девушку, сильно напоминавшую женский вариант Оринделла.

Амелин Арвейм, нынешняя Макэдом, с легкостью определил я. Уж очень она была похожа на своего старшего брата.

Сестры, явно соскучившиеся друг по другу за долгое время разлуки, о чем-то увлеченно щебетали, стоя чуть ли не в обнимку, а их брат держался рядом, вежливо слушая и изредка вставляя комментарии, однако когда к приезжей дочери с раскрытыми объятиями подошла

леди Карлия, светлая улыбка на лице Мелори резко потухла. По всей видимости, у них все же успел состояться серьезный разговор, который к полубовному решению разногласий так и не привел и вообще закончился не самым дружелюбным образом. Мать и дочь держались спокойно, подчеркнуто вежливо, на публике недовольный вид не демонстрировали, но явно старались не смотреть друг на друга и как можно меньше разговаривать.

Леди Амелин недоуменно переводила взгляд с матери на сестру и обратно, пытаясь понять, что между ними произошло — на этот раз. В ее медовых глазах, оттенком чуть темнее, чем у моего будущего шефа, явно читалось многозначительное «снова». Так и не разузнав ничего определенного, девушка вопросительно посмотрела на Оринделла, но тот только неопределенно покачал головой, как будто обещая все объяснить позже, и ободрительно обнял Мелори.

Такому, по ее мнению, в данный момент не нужному единодушию детей Карлия Арвейм была не то чтобы слишком рада.

Король Ровен прибыл с опозданием на полчаса. Это был статный, внушающий уважение молодой человек с растрепанными светло-русыми волосами, веселыми голубыми глазами и задорной улыбкой. Король был облачен в совершенно обычный наряд без каких-либо изысков, а надеть свою шикарную многомиллионную корону, за ненадобностью забытую то ли в карете, то ли вообще в замке, так и не удосужился. Не зная я заранее, как выглядит Ровен Элринг, не уверен, что смог бы сразу определить знаменитую венценосную персону: никакой надменности, никакого высокомерия в нем не наблюдалось. Вообще. Ни капли.

Тем временем, Ровен с искренней, открытой улыбкой извинился за опоздание перед вовремя притихшим народом, в шутку посетовал на собственную нерасторопность, вызванную в том числе и продолжительными пререканиями с излишне старательным и властным слугой, выразительно посмотрел на последнего (на что последний никак не отреагировал) и, как ни в чем не бывало, скромно сел в уголке зала, с явным облегчением отправив свиту развлекаться. Я же со смешком подметил, что этот человек любит подобные мероприятия примерно настолько же сильно, как и я сам.

Король на самом деле был таким: открытым, простым в общении, доброжелательным, немного смешным, обладающим незаурядным чувством юмора и непоколебимой уверенностью в том, что он ничем не превосходит остальных людей, кто бы ему что по этому поводу ни говорил. Недоброжелатели могли утверждать, что Ровен ведет себя слишком легкомысленно для действующего короля, вот только за всеми этими качествами скрывался сильный, железный характер истинного правителя, способного держать огромное государство под своим контролем.

Время стремительно близилось к ночи. Бал же был в самом разгаре. Люди, облаченные в яркую нарядную одежду, опьяненные алкоголем и весельем, постоянно разговаривали, ели, смеялись танцевали. Временами они проходили передо мной, некоторые из них не обращали на скромного стражника ни малейшего внимания, другие же, наоборот вежливо здоровались, а третьи даже предлагали присоединиться, на что я всегда отвечал шуткой.

В какой-то момент мне начало казаться, что перед моими глазами поплыл густой туман. Внезапно красиво украшенный зал вместе с его высокопоставленными гостями куда-то исчез, но почти сразу же возник снова — на этот раз пустой и освещенный ярким солнечным светом. В нем больше не было ни одной живой души. Кроме меня, полупризрачного, полуматериального. Потом здесь все же начали появляться люди, но и они пропадали какие-то мгновенья спустя. Их лица менялись, старели, исчезали. Все время

приходили новые, но и с ними происходило то же самое. Сами картины перед моими глазами стремительно сменяли друг друга, как на быстрой перемотке, то и дело просто перескакивая с одной на другую — и каждую из них будто окутывала легкая белая дымка. Проходили дни и ночи, бежали времена года, проносились десятилетия и века.

Стоя на одном месте, я видел многое. В одну слишком долгую секунду я подумал, нет, осознал в необлаченной мыслью форме, что стоит мне сделать шаг, всего один шаг — и я окажусь там. Когда бы то ни было. Я был в этом абсолютно уверен. Я ощутил себя всемогущим Ураганом, подчиняющим все Время. Самим Временем.

Шаг так и не сделал.

Наоборот — помотал головой, чтобы отогнать странное видение. Белая дымка сразу же растаяла, и я понял, что меня окружают все те же, уже знакомые мне люди, а за окном стоит теплая летняя ночь восьмьсот двадцать пятого года Эры Сверхновой. Рядом находится уже наполовину опустевший стол, так и манящий соблазнительными аппетитными запахами. Почувствовав откуда-то взявшуюся сильную усталость, я перестал изображать саму скромность и взял себе внушительных габаритов кусок пиццы.

Нет, я не лопну. Мой прожорливый организм способен враз проглотить еще и не такое.

Когда я наконец очнулся и окончательно пришел в себя, король и Оринделл уже долго и серьезно обсуждали какой-то вопрос, отойдя ото всех в сторонку. Их беседа длилась не менее получаса, после чего Ровен, сначала ненадолго уйдя в себя и что-то обдумав, подошел к явно скучающей Мелори и пригласил ее на танец.

Девушка легко согласилась.

Гости, увлеченные собственными делами и ничего не подозревающие о возможном скором обручении, решили, будто правитель всего лишь проявил знак вежливости, уделив столько внимания незамужней дочери хозяев бала, и почти не смотрели в их сторону. Чем, к слову, показывали еще и заслуженное уважение, потому что король, несмотря на частую необходимость, не особо любил находиться в центре внимания. Однако на вальсирующих Ровена и Мелори все же было устремлено несколько внимательных взглядов: напряженный — Карлии, доброжелательный — лорда Джеффарда, любопытный — Амелин, сосредоточенный — Оринделла и мой, сочетающий в себе целую бурю эмоций.

Танцевали предполагаемые жених и невеста долго, несколько музыкальных композиций. Почти все это время разговаривали, но, привыкшие сохранять аристократическую невозмутимость, почти ничем себя не выдавали. Только периодически улыбались друг другу и временами становились совершенно несерьезными.

Мне было крайне интересно узнать, что именно они так долго обсуждают. И не только из научных интересов.

Вечность спустя они остановились. Ровен, напоследок окинув девушку внимательным, изучающим взглядом, легко поклонился, а леди Мелори, вовсе от этого не смутившаяся, улыбнулась и что-то сказала в ответ.

Что следует думать, я не знал. И, похоже, не один я. Леди Карлия, сгорающая от нетерпения, хотела было подойти к дочери и снова вызвать ее на откровенный разговор, но Мелори, хоть и заметила этот порыв, предпочла компанию отца, сестры и брата, втроем ждавших ее на другой стороне бального зала, и упрямо развернулась на каблуках. Дождавшись, Лорд Джеффард, ни о чем не спрашивая, ласково обнял любимую дочь.

А Ровен, снова удалившийся в излюбленный угол, выглядел несколько удивленным.

Еще полчаса спустя Мелори подошла уже ко мне. Сначала я подумал, что она просто

проходит мимо, как обычно не обращая на меня особого внимания, но, к моему изумлению и еле скрываемой радости, она направлялась даже не к соседствующему праздничному столу, а именно к моей скромной персоне.

— Не хотите потанцевать, найт Альвер? — спросила она, улыбаясь своими яркими, темно-карими глазами.

— Простите, миледи, — собравшись с духом, я ценой немыслимых усилий заставил себя произнести следующие слова. — Но вряд ли мне можно слишком далеко отходить от этого места.

Девушка иронично усмехнулась, не приняв мое с трудом и болью выданное заявление всерьез.

— Бросьте. Я тоже в какой-то мере ваша начальница и я разрешаю. А защитить замок, если что, вы и из другой части комнаты просто прекрасно сумеете. Но вряд ли это вообще понадобится.

Сопротивляться просьбе прекрасной леди Арвейм я не мог — да и не хотел, если честно. Через пару минут мы с ней уже танцевали в середине большого праздничного зала под довольно быструю, живую музыку. Девушка, учившаяся этому с детства, двигалась легко, грациозно, умело, я же на полном серьезе ощущал себя дубом. Неуклюжей деревяшкой, не способной даже руку поднять так, чтобы никого нечаянно не покалечить, что уж говорить про остальные псевдотанцевальные потуги.

— Что вы ему сказали? — само собой вырвалось у меня.

Только потом я понял, что влез в совершенно не свое дело, хотел прикусить болтливый язык, но было уже поздно.

— Кому? — поинтересовалась Мелори.

— Королю.

У меня возникло желание самому себе настучать по дурной башке. Распоясавшийся мозг явно не желал меня слушаться.

— А, вот вы о чем. Правду.

— Правду?

— Правду. Ровен ее более чем заслуживает. Он... прекрасный человек и отличный король. Мне совсем не хотелось бы ему врать. Надеюсь, он мне все-таки поверил, а то неловко получится.

При этих словах я напрягся. И задал следующий вопрос, за который уже после еще долго ругал себя самыми последними словами:

— А именно?

— Это допрос? — леди хитро посмотрела мне в глаза, от чего стала выглядеть еще красивей. — Но я не давала своего согласия, если вы, найт, спрашиваете об этом.

С души неожиданно свалился какой-то булыжник. Своим весом он пробил воображаемый пол и устремился к ядру планеты. Хотя после этого падения говорить стало и проще, запоздало проснулась совесть, заставив меня неслабо устыдиться — за произнесенные вопросы, за так и не заданные вопросы, за собственные мысли.

— Прошу прощения за неуместное любопытство, — негромко произнес я, кивнув в знак вежливости и благодарности, и собирался уже было удалиться в сторону своего поста, но Мелори поспешно добавила:

— Так это ничего. Мне даже нравится. Можете продолжать свой допрос.

И тихонько рассмеялась, заражая своим настроением и меня. Мимо нас радостно

проносились другие парочки, некоторые из них здоровались, но мы, отзываясь исключительно автоматически, не обращали на них абсолютно никакого внимания.

Получив это неожиданное разрешение, я не упустил возможность им сразу же воспользоваться:

— Но что вы скажете леди Карлии?

— Хммм... — леди на секунду задумалась. — Наверное, неправду.

Я не сказал ни слова, зато выразительно на нее посмотрел. Точно расшифровав и правильно поняв значение моего ироничного взгляда, леди Арвейм ответила, но, правда, не совсем на тот вопрос, который меня так сильно заинтересовал и теперь не давал мне покоя.

Еще один мастер уходить от ответов на мою голову.

— А правду я и не смогу сказать. Даже если бы и горела таким странным желанием, все равно не смогла, — девушка закатила глаза. — Но это, наверное, и хорошо. Мне вообще очень-очень сильно повезло, что я здесь нахожусь.

Удивился ли я такому заявлению со стороны одной из хозяек бала? Это еще мягко сказано.

— Но бал же ведь, по сути, устроен в вашу честь, разве нет? — уточнил я, внимательно глядя ей в глаза.

— Как сказать... не совсем в мою.

Сейчас Мелори не стеснялась меня, как делала это обычно. Наоборот, отвечала таким же вниманием, и смущенным себя чувствовал уже я. Она будто бы ставила себя совсем по-другому.

И мне это нравилось.

— Вы говорите загадками.

— Как будто я тут одна такая, — моя собеседница взирала на меня с крайней степенью ехидства.

Драконы меня сожгите. А ведь она права. Кто из нас двоих взялся неизвестно откуда и теперь нагло задает не касающиеся его вопросы?

— Тогда почему вы мне доверяете? Вдруг я какой-нибудь мошенник? — предположил я.

— А вы мошенник? — леди с любопытством заглянула мне в глаза.

— Эээ... нет.

— Ну и вот.

— Но я ведь могу врать.

— Но вы же не врете, — парировала Мелори.

Это было утверждением. Она и не думала во мне сомневаться, и причину этого я не знал — даже предположить не мог. А слепых точек, невыясненных моментов еще оставалось бесчисленное множество.

— Почему вы заступились за меня перед Оринделлом? Еще в первый день? — я спросил то, что уже давно вертелось на языке.

— Знаете что. Задайте мне лучше этот вопрос, когда я... буду в менее взбудораженном состоянии. Тогда я отвечу. И, наверное, много еще интересного расскажу. Хотя за последнее ручаться не могу.

Я хотел было еще немного понаглеть, но появившиеся в зале кухонные работники прервали меня еще до того момента, когда я успел более или менее осмысленно сформулировать очередной вопрос. Мелори же, узрев проходящих мимо слуг с подносами, без какой-либо логической паузы после своей многозначной тирады с восхищением

добавила:

— Мои любимые пирожные принесли! Хотите попробовать?

И, не дождавшись ответа, развернулась, схватила меня за руку и потащила к заново наполняющемуся праздничному столу.

Остаток вечера прошел соответствующим образом. Полностью забыв о своей должности стражника и боевого мага, я веселился, тоннами поглощал еду, изредка с кем-то разговаривал и еще реже танцевал. Через некоторое время Мелори познакомила меня со своей сестрой; сначала я пытался этому сопротивляться, придумывая различные отговорки вроде положения обыкновенного охранника, исполнения внезапно возникших обязанностей и нежелания с кем-либо общаться, но мое мнение, похоже, мало кого интересовало, потому что на все мои блестящие аргументы тут же находились убедительные контраргументы.

Да и не мог я долго возражать своей прекрасной спутнице.

Леди Амелин оказалась светлой, улыбчивой девушкой. Она разговаривала со мной очень вежливо, часто спрашивая мое мнение и внимательно к нему прислушиваясь. Старшая дочь лордов представляла собой одну из тех редких представительниц прекрасного пола, кто был способен очаровать абсолютно каждого, даже самого неподатливого собеседника уже через пять минут знакомства. И все же, несмотря на замужество и смену фамилии, она навсегда оставалась Арвейм и, несомненно, обладала типичными чертами характера своей семьи — стойкостью, чувством собственного достоинства и некоторым упрямством. При всей своей мягкости, Амелин, как и ее брат с сестрой, в любой момент могла проявить огромную силу воли.

Пару раз Мелори, оставив меня наедине со всеми, отлучилась поговорить с королем Ровеном, после чего даже соизволила перекинуться парой слов с матерью — но и этот мимолетный разговор, по всей видимости, обернулся бессмысленным пререканием. Амелин, наблюдавшая за ними со стороны, только молча покачала головой.

Лег я уже под утро. По той простой причине, что в наши обязанности входила и доставка уставших гостей до их разнообразных средств передвижения. Кроме того, стражников попросили помочь слугам хотя бы частично разгрести накопившийся за ночь бардак, за что обещали щедро доплатить — потому что любая работа заслуживает вознаграждения. Тем более сверхурочная.

Довод оказался убедительным и не оставил нам ни единого шанса на демонстрацию праведного возмущения. Слава Духам, что в нашем Мире существует магия. Что бы мы без нее делали.

Наконец, с невероятными усилиями добравшись до комнаты, я, одолеваемый неопишуемым сочетанием дикой усталости и всепоглощающего счастья, сразу же мертвым грузом рухнул на кровать. Но, как только я уснул, в моей голове раздался до боли знакомый голос:

— Поговорим? — любезно предложил он.

Пытаясь отогнать навязчивое и слишком громкое сновидение, я помотал головой — когда понял, что и в бессознательном состоянии вполне могу позволить себе подобный каприз. Такой невежливый жест вовсе не означал отказ от разговора с невидимым собеседником, просто я очень хотел удостовериться, что и вправду способен управлять собой и во сне. А говорят, что для приобретения подобного умения нужны годы неустанных тренировок.

— Да не спишь ты, — ироничным тоном сообщил мне все тот же голос.

Через пару секунд я уже смог и разлепить глаза.

— Шеф?

Передо мной, по-хозяйски расположившись в накрытом цветистым покрывалом кресле, сидел найт Рифард — не лорд Оринделл Арвейм, а тот самый всемогущий маг, которого я знал уже пять лет как.

— Бинго! — радостно улыбнулся он.

— Откуда вы здесь? — ничего не понимая, спросил я.

Найт на мгновение задумался.

— Интересный вопрос... я не здесь.

Видимо, я все-таки сплю.

— Не спишь, — усмехнувшись, повторил шеф. — Нет, я не читаю мысли. Сейчас у меня такой фокус не вышел бы. Просто у тебя такое подозрение огромными красными буквами на лице написано. Уж не знаю, как они там поместились, габаритов-то для этого маловато.

Шутку я оценил, но все же решил уточнить, сев на кровати и недоверчиво скрестив руки на груди.

— Тогда где вы, если не здесь?

— У себя в кабинете, пытаюсь использовать Временной Ураган, чтобы переместиться в восемьсот двадцать пятый год двенадцатой Эры и хоть как-то тебе помочь. Но у меня ничего не получается.

— Странно.

В голове почему-то было очень пусто.

— Ничего странного. Ты меня не пускаешь.

— Но причем тут я? — услышанное меня удивило. — Вот от чего, но от помощи я бы сейчас точно не отказался.

— Подумай.

Сколько раз я слышал это слово, хоть и единственное, но крайне внушительное, от начальника во время наших изматывающих тренировок — и все время убеждался, что именно это мне и было необходимо сделать. Однако сейчас последовать мудрому совету почему-то оказалось затруднительно.

— Давай. Ты сможешь, — подбодрил меня шеф.

Я сосредоточился. В тот же момент заполнявшая мою спальню дымка, практически не осязаемая и не заметная, начала понемногу густеть.

Ответ пришел сам собой. Без каких-либо усилий с моей стороны.

— Я не могу впустить. Тогда вас тут окажется двое.

В золотистых глазах читалось явное удовлетворение.

— Молодец.

Время бесследно пропало. Наступающее утро без боя уступило свои права отсутствию какой-либо части суток вовсе. В комнате стало слишком тихо — это остановились старинные часы, скромно стоящие в углу. Но я не обращал внимания на ни что из перечисленного. Я молчал и пытался осмыслить, что я только что сказал и почему вообще это сделал.

— Ты не можешь это сделать, но в то же время хочешь, чтобы я был здесь, — через некоторое время произнес Рифард. — Именно поэтому я и сижу в этом замечательном кресле. Где-то между двумя отдаленными друг от друга годами. Никогда.

— Я очень хочу, чтобы вы оказались рядом, — уверенно ответил я. — Но да, я не могу.

— На самом деле, еще как можешь. Ты способен поддержать любой временной парадокс, даже не замечая, что ты вообще это делаешь. Просто пока что вместо тебя работают инстинкты. Тебе же нужно научиться контролировать свою силу.

Парадокс.

И снова это странное чувство: как будто я могу смотреть сквозь века — хоть в прошлое, хоть в будущее. С одинаковой легкостью. Да и есть ли между ними принципиальная разница?

Не думаю.

Это не дымка, внезапно понял я. Это моя собственная аура заполняет всю комнату. Полупрозрачный, колеблющийся, завивающийся воздух — куда ярче и заметней, чем обычно — образует целые вихри магической энергии и тем самым напоминает витки Временных Ураганов.

Нет, не напоминает. Это они и есть.

— Как?

— Для начала — пойми себя.

Мой ответ не заставил себя ждать и секунды. Слова выговаривались сами собой.

— Я — Ураган.

— Хорошо. Теперь прими это.

Принять? Но разве?..

— Но я принимаю. Я ведь знаю это.

— Скажи, твой разум верит в это?

На этот раз я не смог ответить сразу же. Пришлось надолго задуматься, внимательно прислушаться к себе. И только потом я произнес то единственное слово, которое определяло все.

— Нет.

— Когда ты в это поверишь, на полном серьезе поверишь, тогда ты и сможешь делать все, что захочешь. Тогда ты и окончательно примешь себя, Страж Времени.

Последние слова заставили меня вздрогнуть.

— Вы знали? — спросил я, хотя уже заранее был уверен в ответе.

— Знал.

Конечно же.

— И не сказали мне сразу?

— Ты должен был повзрослеть. Понять сам. А до этого попасть в предреальность. Потому что...

— ...только там открываются истинные силы магов, — закончил за него я. — Да. Помню.

Шеф улыбнулся немного грустно.

— Не думал, что это произойдет так скоро.

Да-да-да. Это все отлично и замечательно, но... я же ведь приду в себя и буду абсолютно уверен, что этот разговор мне всего лишь приснился. Какой Временной Ураган? О чем вы толкуете, я не могу быть одним из них. Просто потому что не могу. Это какое-то страшное недоразумение. Глупая мечта молодого искателя приключений, все же так неудачного нажившего их на свою горемычную голову.

Вопросы в моей голове устроили целое соревнование: то ли на звание первого, то ли —

самого дурацкого. И все же мое затуманенное сознание смогло выловить из них один, более-менее адекватный.

Точнее, он не был даже вопросом, потому что я и без того знал ответ.

— Вы — Оринделл Арвейм?

Найт снова улыбнулся. Было заметно, что ему непривычно слышать звучание собственного, полученного при рождении имени.

— Давно меня так не называли.

И, подумав, добавил.

— Сейчас я предпочитаю, чтобы меня звали Рифардом. Предлагаю и нам с тобой остаться на этом варианте.

Уговаривать меня отнюдь не нужно было. Я бы и сам уже не смог называть своего начальника как-либо иначе.

— Рифард, вам же не тридцать тысяч лет?

Найт Хайт смотрел на меня одобрительно и любопытно. Он раскинулся в кресле, как полноправный хозяин сего предмета интерьера, и, казалось, в ближайшее время вовсе не собирался его покидать.

— Конечно, нет. Сейчас мне восемьсот девяносто семь лет, — и, усмехнувшись. — Через три года будем праздновать большущий юбилей. Надеюсь, потом найдем друг друга по всем временам. А то был уже один прецедент...

Всесильный маг рассмеялся от собственных воспоминаний, в которые я, к великому сожалению, пока что посвящен не был.

— Но как? Ведь мы не можем переноситься в будущее? — не понимал я.

— Кто тебе такую ересь сказал? — поморщился шеф.

Я начал вспоминать, откуда знал этот факт — и с удивлением понял, что начальник и учитель в одном лице никогда такого мне не говорил.

— Рассказы путешественников во времени, учебники. Потом это же повторил профессор Антавир.

— Ох уж эти стереотипы. Всегда хорошим, талантливым людям жизнь портят. Верить учебникам — вообще последнее дело, уж ты-то должен знать. Дальше. Путешественники, написавшие эти самые рассказы, никогда не были живыми Ураганами. В отличие, между прочим, от тебя. Мы вообще можем только пользоваться созданными вами телепортами, и то исключительно в том случае, если вы дадите нам такую способность. И только в прошлое. Или переноситься с вами за компанию, ежели вы соизволите взять нас на экскурсию. Ты же способен делать то, что захочешь. Ты даже сумел пробраться в Древний Мир, помнишь? Причем еще до того, как самостоятельно залез в предреальность. А Антавир, старый хитрый лис, просто хотел натолкнуть тебя на нужную мысль. Он это дело любит.

— Собственно, как и вы сами, — со смешком отметил я, тщательно осмысливая услышанное. — И вообще, шеф. Вы мне так и не сказали, как вы оказались в будущем.

— А сам-то как думаешь? — усмехнулся он.

Согласен, глупый вопрос. Но этим я вообще частенько грешу.

— То есть, я в ближайшее время смогу вернуться? — с надеждой спросил я. Спросил и тут же задался вопросом: а так ли сильно я хочу скоро вернуться в то место, которое когда-то называл домом — за неимением других, более достойных вариантов?

— Не в ближайшее. Но сможешь.

От недосказанностей, недоговорок, огромного количества невыясненных обстоятельств,

умноженных на бешеную усталость, начинали путаться мысли. К тому же, я явно чувствовал, что начинаю терять контроль над собственными силами. Аура, заполнившая комнату, стала медленно рассеиваться, собираться рядом с моим телом, тем самым подтверждая мои опасения. Рифард, отечески смотрящий на меня со своего кресла, растворялся в воздухе вместе с ней. И это было хуже всего.

Собрав волю в кулак, я вернул все на свои места.

— А ты силен! — одобрительно и несколько удивленно покачал головой шеф. — Может быть, ты и сможешь пустить меня раньше, чем я думал.

Полученные от начальника комплименты всегда заставляли меня гордиться собой — временами даже непомерно.

— Но если ты продолжишь надрываться, то сейчас прямо тут и уснешь, герой, — добавил Рифард, внимательно разглядывая сонного меня и с сожалением поднимаясь с излюбленного кресла.

— Подождите, — попросил я, упрямо тряхнув головой.

Начальник Тайфуна остановился и обернулся.

— Где мне искать ответ?

— В библиотеке, Альвер. Я же говорил.

— Вы мне больше не поможете?

— Помогу, если ты сможешь меня впустить. Но некоторые загадки ты должен разгадать сам. Пора. Ты наконец взрослеешь. Не в этом ли предназначение настоящего учителя? — он по-доброму улыбнулся. — Не переживай. Мы еще не раз подеремся за общий любимый диван и в полночный час тайком съедим заранее спрятанные пирожные.

Обрисованная перспектива не могла меня не обрадовать.

— Я еще раз попытаюсь сюда перенестись, чуть позже. Не получится, так просто дружески поболтаем, уже неплохо. А теперь спи давай. Ты нам нужен живым и здоровым, — Рифард снова начал медленно растворяться в воздухе, его голос звучал будто бы издалека. — О, тебе тут Крис передает пламенный привет. Говорит, соскучился по твоей физиономии.

Шеф исчез окончательно — вместе с полупрозрачным, вьющимся туманом моей собственной ауры. Внезапно все стало так, как изначально и должно было быть: кресло пустовало, а цветистое покрывало на нем даже не выглядело помятым, в углу тихонько и размеренно тикали старинные часы, в окно лился мягкий утренний свет, красиво озаряя всю комнату.

Уснул я быстро и на этот раз уже по-настоящему.

Шеф оказался прав — впрочем, как и в подавляющем большинстве случаев. В ближайшие два месяца я так и не смог найти ни единого намека на возможность путешествия в будущее, хотя проводил в обширной библиотеке Арвеймов огромное количество свободного времени. Правда, после тонн разномастных фолиантов мне в руки попался довольно любопытный текст: еще недавно я не обратил бы особого внимания на перепутанные исторические данные или счел бы их обыкновенной ошибкой, с кем такого не случалось; однако сейчас позволил себе усомниться в случайности непоследовательной расстановки дат при описании событий Эры Миражей в дневнике Лоресса Тейна — предполагаемого путешественника во времени прежних лет.

Но, к моему глубочайшему разочарованию, проштудировав тонкую потрепанную рукопись от корки до корки, других признаков подобных перемещений во времени я не

обнаружил.

Никаких способов свершения этого, как оказалось, вполне возможного деяния — тем более.

Я делал что-то не так.

И это гениальное соображение посещало меня все чаще.

Периодически возникала и еще одна мысль: правда ли я настолько сильно хочу вырваться из этого времени, из этого замка, сбежать от...?

В этом я не был уверен. Возникали обстоятельства, с которыми я все больше и больше хотел разобраться, а подобравшаяся компания вызывала симпатию, а то и дело — любопытство и желание лучше узнать некоторых людей, а подобная потребность у меня не возникала уже довольно давно.

Что же, я удостоился чести познакомиться ближе с леди Амелин, которую в кругу семьи все чаще называли просто Линн. Никогда не слышал, чтобы ее благородное имя так сокращалось, но, наплевав на этикет и условности, леди настаивала на том, чтобы и я начинал как можно быстрее к этому приобщаться.

Итак, Линн все еще гостила и уезжать в ближайшее время явно не собиралась. Упрямый сэр Макэдом, падший жертвой нечеловеческого обаяния жены, способной на что бы то ни было уговорить любого, отбыл в направлении другой части королевства намного раньше, оставив ее, добившуюся своей цели без каких-либо потерь, в фамильном замке.

Амелин явно была не слишком счастлива в браке, но она старалась избегать подобных откровенных разговоров. Один раз Карлия попыталась завести со старшей дочерью разговор о детях — разумеется, в присущей ей не самой приятной манере, предполагающей несомненную правоту старшей, более умудренной опытом женщины. Линн, в глазах которой при словах «брак» и «дети» проскальзывал плохо скрываемый ужас, отшучивалась как могла, стараясь вести себя наиболее подобающим образом, но присутствовавшая при этой попытке манипуляции Мелори, доселе молчавшая, упрямо качнула головой, яростно сверкнула своими яркими темными глазами в сторону матери и молча за руку вывела смущенную сестру из комнаты.

Со мной же леди Мелори за прошедшее время почти не разговаривала, чем я, мягко говоря, был не особо доволен. Конечно, она каждый раз вежливо здоровалась, прощалась, временами подходила передать что-либо по работе, иной раз приносила уставшему мне еду в библиотеку, когда я пропадал там с концами, но не более. Говорить просто так, на отвлеченную тему, девушка по своей инициативе не начинала, несмотря на то что запросто, совершенно естественно делала это во время того памятного бала.

Исправить сложившееся и не устраивающее меня положение полностью предоставлялось мне самому: я частенько подходил к ней, что-то спрашивал, не вполне понимая, что именно и зачем, и в это же время все больше убеждался в собственной интеллектуальной несостоятельности.

Леди либо стеснялась и уходила от разговора, либо, напротив, уверенно смотрела мне в глаза, и тогда смущался уже я. В первом случае пару раз она выглядела так, будто что-то сильно, нестерпимо хотела у меня спросить, но не решалась: старательно отводила взгляд, кусала губы, говорила не особо связанными урывками, но уходить, ссылаясь на неотложные дела, не торопилась. Правда, никакого вопроса так и не задавала, а наглеть и выпытывать его я не хотел: вовремя вспоминал навязчивое желание чувствительно врезать самому себе, то и дело возникавшее в прошлый раз.

Один, всего лишь один раз за все это время младшая дочь Арвеймов пришла ко мне сама. В тот момент я усиленно разбирался в теории магии, держа в одной руке авторучку, а в другой — кучу исписанных и исчерканных листков, и был настолько сосредоточен на науке, что ни о чем другом и думать не мог.

Не мог — точно до прихода Мелори. Она мило улыбнулась, чем меня окончательно сразила, и немедленно, без каких-либо вступлений предложила прогуляться.

Похоже, возможность моего отказа не предусматривалась вообще. На улице стоял полночный час, но на этот небольшой факт леди было наплевать: она, не дожидаясь моего положительного ответа или же заранее предвидя его, уже облачилась в легкую красную атту и уличные сапоги. Мысленно уговаривая себя не паять на восхитительную девушку столь уж откровенно, я, не в силах отказать, сразу бросил все дела и снял с вешалки свою мантию — дешевую и потрепанную. Но ей, по всей видимости, было плевать и на это. На рабочем столе остался одиноко лежать длиннющий столбик цифр, незадолго до того подкинутый мне найтом Менрином.

Мы стояли на краю озера совсем недалеко от замка и разговаривали ни о чем и обо всем одновременно — впервые за долгое время. Именно такие разговоры, непринужденные и веселые, больше всего сближают души.

Над головой ярко сияли звезды. В лицо дул игривый ветерок, развевая длинные, выющиеся волосы Мелори.

В какой-то момент она развернулась ко мне и с интересом спросила:

— Вы так и не вспомнили, когда мы могли встречаться раньше?

Она стояла слишком близко. Мне сложно было удержаться.

— Простите, миледи, но нет, — ответил я, с трудом себя преодолевая.

— Жаль.

Больше она ничего не сказала. Просто ушла, снова легко поцеловав меня в щеку.

И, начиная со следующего дня, больше ни разу не упоминала о том свидании, если так вообще можно назвать эту короткую встречу. Именно так случилось и после бала.

Я мало что понимал. Леди Амелин и то разговаривала со мной больше и охотнее.

Если же Линн испытывала ко мне теплые, даже приятельские чувства, Мелори вела себя очень странно, то Оринделл демонстрировал исключительно отрицательное отношение. Не то чтобы он косо на меня поглядывал — нет, он, как и подобает истинному лорду чуть ли не королевских кровей, не обращал на мелкую вошку вроде меня своего величественного внимания вообще. Смотреть на своего будущего шефа, при случае взирающего на меня со смесью неприязни и высокомерия, было и смешно, и грустно одновременно.

Впрочем, я и не пытался добиться его расположения — еще чего не хватало. Главное, данное младшей сестре слово он честно сдерживал и с работы меня не выгонял, а что не проявлял особого доверия и не спешил ни с того ни с сего делиться сокровенными секретами — дело десятое.

Разговоров с начальником мне и без того хватало. Слава Духам, привычка держать свое слово у него с тех пор никуда не пропала: Рифард честно еще несколько раз пытался перенестись в это время, хоть я все еще не мог его впустить. Зато мы вели продолжительные, в меру интеллектуальные беседы. Зато я наконец-то понял, как умудрялся останавливать время — и года не прошло.

Теперь я твердо знал, что могу создавать вокруг себя кусочек предреальности, затерянной где-то между временами, даже в тех случаях, когда никто вероломно не посягает

на целостность и логичность самой реальности, а при желании способен и побродить по ней, любуясь на тень Мира и все больше растягивая свою ауру.

Правда, сил этот фокус стоил немерено. Один раз после такого развлечения я не мог подняться с кровати еще часа два, чем сильно напугал большинство жителей Арвейма. Мой сослуживец, невесть зачем заявившийся ко мне в спальню, внимательно посмотрел на меня и сообщил, что у меня нездоровый цвет лица (на этом моменте я даже покосился в зеркало: уж очень убедительно вещал коллега), чем вызывал неминуемую цепную реакцию. Кто-то даже изъявил желание позвать врача, но я бурно запротестовал и каким-то невероятным образом убедил всех в собственном полнейшем здравии.

Тут случился и приятный сюрприз: меня навестила леди Мелори. Я все еще не окончательно пришел в себя, но старательно изображал, будто в любой момент готов вскочить на ноги и с душераздирающим кличем, какой можно было ежедневно слышать в любом доисторическом племени, понестись на поиски дальнейших приключений и начать свершать великие дела. Над моим полусерьезным намерением девушка весело посмеялась, потом окончательно убедилась, что умирать я пока не собираюсь, и ушла, оставив меня наедине с собственными мыслями.

А мысли заключались вот в чем. Я все еще по собственному желанию не мог шагнуть не то что в далекое будущее — на минуту назад. Не мог сосредоточиться (или же наоборот, расслабиться?) и почувствовать собственную энергию, как мне советовал Рифард.

Какой из меня Ураган? Обыкновенный маг, попавший в передрагу, причем далеко не самый умелый.

— Ты все еще в себя не веришь? — вкрадчиво спросил Рифард во время одной из наших вневременных бесед, сразу после того, как я поделился с ним моими не слишком радостными соображениями.

Он сидел во все том же кресле, и у меня начинали возникать занятные подозрения: а не ради ли него шеф так старательно, раз за разом, ко мне навевается? Вон, как облюбовал. Небошь, еще найдет способ с собой утащить, с него станется — тогда ищи его потом. И шефа, и кресло.

Тряхнув головой, я отогнал навязчивые догадки о некоторой простительной корыстности начальника, на секунду задумался и ответил:

— Не-а. Не верю.

— Балбес, — глубокомысленно заключил мудрый найт и не стал меня разубеждать.

Вместо этого он поведал мне о Крисе, безуданно развлекающемся с его стремительно развевающейся способностью и периодически сбивающем с толку не только друзей, но и совершенно незнакомых людей. Мой лучший друг заявлялся ко всем с одной аурой, уходил с другой, незаметно меняя ее во время разговора, а потом недоуменно хлопал ресницами и с истинно актерским талантом делал вид, будто не понимает, о чем толкует ошарашенный собеседник.

Свое новоприобретенное умение Крис хотел продемонстрировать и мне, о чем постоянно напоминал, передавая свои слова через шефа, старательно записывавшего панибратское послание на листочек и с непередаваемо ехидным выражением лица его зачитывавшего. Как Рифард умудрялся протаскивать клочок бумаги в созданный мной кусочек подпространства, я не понимал до тех пор, пока шеф не предложил мне конфетку. Этот... догадливый человек просто-напросто заранее клал все необходимое в карманы, а потом с видимым удовольствием из них извлекал, добавляя что-нибудь вроде: «Спасибо,

Альвер, что разрешил мне принести эту замечательную вещичку с собой. Так мило с твоей стороны.»

Ладно бы это были исключительно конфеты, против них я никаких принципиальных возражений не имел, но однажды найт выудил из кармана игрушечный спиритический набор, непонятно как туда влезший, и с серьезным лицом предложил мне попробовать. В ответ на мое удивленное бессвязное «ааааууууээээ» заявил:

— Ну, не смотри ты на меня так. Никогда не пытался вызвать Духов с помощью игрушечного волшебства в подпространстве. А вдруг сработало бы, чем драконы не шутят?

Не успел я сообщить, что мне самому стал интересен результат такого занимательного эксперимента, Рифард запихнул объемный набор обратно в карман.

Еще он рассказал мне про Рэя.

Когда я, выслушав эту историю, принялся ругать себя и говорить, что должен был сразу пойти вместе с напарником, шеф укоризненно заметил:

— И искали бы мы сейчас вам двоих. Вот отличное было бы занятие. А главное — какое оптимистичное и многообещающее. Столько шансов на успех!

— Как будто так их намного больше. — Мрачно пробурчал я, все еще уверенный в том, что, хоть бы и неосознанно, но все равно бросил друга в беде.

— Больше. — Уверил меня начальник. — По крайней мере, Рин точно знает, что его брат жив, и, скорее всего, рано или поздно скажет, где его следует искать. С тобой бы все было гораздо грустнее.

— Рано или поздно? — скептически отозвался я. Уж очень мне не понравилась формулировка.

— Вовремя или вовремя. — Поправился Рифард. — Мы найдем Рэя. У меня нет поводов в этом сомневаться.

— Но я бы... — продолжал я.

— Ничего не смог сделать. Против артефакта Мирианделла — нет.

Умом я, конечно, понимал, что найт прав. Но все равно чувствовал себя ответственным за произошедшее. Чувство вины, злость на самого себя острыми зубами хищников безжалостно грызли меня изнутри, не давая покоя. По крайней мере, я мог бы помогать искать своего друга, затерянного где-то между временем и пространством, а не сидеть сиднем в совершенно другой Эре, беспомощно помахивая ручками и ножками и тихо скуля от собственной бесполезности.

Известие про уничтожение Мира только усугубило это чувство.

Что ж, дружище. Вот у тебя и появился настоящий стимул что-либо предпринимать — в кои-то веки.

— Вы говорили, что нужно искать в библиотеке, — спокойным, ровным голосом заметил я во время одного из разговоров. — Но я ничего не могу найти. Абсолютно. За два месяца — ноль полезной информации.

За показным спокойствием скрывалась буря эмоций. Смесь чувств, временами даже противоположных, бушевала во мне, разжигала новые, гасила их, чуть позже воспламеняя снова, затуманивала мысли. И, как все цвета, смешивающиеся в один, становятся черным, так и эмоции превращались во внешнее безразличие. Цунами почти достигало суши — но так и не могло затопить ее. Высокая стена непоколебимости не позволяла этому свершиться.

— Значит, ты не то ищешь.

Значит, я ищу не то.

Думай, в таком случае. Включи уже, наконец, свою голову и попробуй сделать хоть что-нибудь осмысленно.

Итак, логический вывод номер один: все произошедшие со мной в последнее время события просто обязаны быть взаимосвязаны.

Логический вывод номер два: в Арвейме я оказался тоже не случайно. Не мог же я просто взять и нечаянно переместиться в то самое место и то самое время, с которого, по идее, и должно было все начаться.

Хотя почему нет?

Брр.

Стояла ночь на восемнадцатое Нэтриса. Как и положено в третьем летнем месяце, температура стояла исключительно теплая, даже жаркая — только сегодня дети лордов ходили купаться на озеро и провели там чуть ли не весь день. По правде сказать, осень и весна у нас точно так же мало чем отличаются от лета, а вот зима любит выкидывать сюрпризы вроде бурных снегопадов и внезапных заморозков, но это только придает восхитительное разнообразие. Не всему же быть одинаковым, ведь так можно и заскучать.

Я снова упал на подушку и невидящим взглядом уставился в высокий потолок. Глубокая ночь горделиво освещала Мир прекрасными лунами и звездами. Замок Арвейм умиротворенно спал, убаюканный тихой колыбельной игривого теплого ветерка.

И все же случайности редко бывают случайны.

В тот день, когда шеф отправил нас узнать больше о Мелори Арвейм (разумеется, не случайно, если уж Рифард имеет к ее судьбе непосредственное отношение), я думал именно о ней — а попал в Древний Мир. И сильно сомневаюсь, что тут дело всего лишь в одной руне, которую я умудрился написать неправильно.

Потом она начала мне сниться.

Нет, это было не сны.

Подушка оказалась уже на моем лице: почему-то так соображалось значительно лучше.

Но как связаны Древний Мир и невероятно далекая от него Эра Сверхновой? Какое отношение к древним магам и драконам может иметь семья лордов Арвеймов?

Кстати про драконов. Первый раз попав в предреальность, я стал случайным свидетелем их разговора — по всей видимости, очень и очень важного. Вспомнить бы, о чем именно они говорили.

Опасность. Двести лет. Что-то происходит снова. Именно эти слова всплыли в моей памяти.

Они знали про разрушение Мира артефактом Мирианделла. Знали и решали, как это исправить. Драконы что-то упоминали про жизнь. «Ты думаешь, кто-то из них согласится фактически пожертвовать своей жизнью?» — кажется, фраза звучала так.

Почему пожертвовать? Что должно было произойти через двести лет? Что произошло через двести лет?

Ответ должен быть связан с Эрой Сверхновой и с замком Арвеймов. И, поскольку и исчезновение моего друга в предреальности, и тайна Арвеймов связаны со злополучным Артефактом Мирианделла, я должен разрешить эту загадку.

Вывод номер три, не такой уж и логический, но зато обязывающий что-либо предпринимать: Рэя нужно спасать. И я не имею никакого права тут отсиживаться.

Ответ пришел сам собой. От меня будет больше пользы, если я попаду не в будущее, а в

Древний Мир — снова.

Внезапная мысль стала руководством к действию. Подушка сразу же отлетела в сторону, а мне представилась очередная в моей жизни возможность почувствовать себя полным идиотом: потому что кое-что, очень простое, элементарное, я мог бы понять сразу и не тратить впустую два месяца.

Я сел на кровати, встряхнул головой, отгоняя наползающий было сон, и потянулся к рюкзаку. Как попасть в закрытое от посторонних время я не знал, собственно, как и не знал, почему у меня это так легко вышло в прошлый раз. У меня не было ни одной осмысленной идеи, зато я имел при себе нечто другое: карту входа в подпространство.

Когда Рифард рассказывал нам с Крисом правду про этот таинственный изменчивый знак, я засунул вырванный их моей же записной книжки листок в дальний карман рюкзака с надеждой рано или поздно с ним разобраться — и не прогадал. Похоже, время разбираться все-таки пришло.

В библиотеке Арвеймов были не только книги — и, разумеется, по какой-то нелепой причине забыв об этом, я искал совершенно не то, что следовало искать с самого начала.

Мы с моим лучшим другом и с маленькой девочкой Сай нашли в библиотеке тайный ход.

Во второй раз за несколько минут почувствовав себя крайне медленно соображающим дураком, я сел и присмотрелся к карте. Конечно же, Истинным зрением.

На данный момент оставался только один неразрешимый вопрос: почему я не додумался до этого раньше?!

«Зато сколько всего нового прочитал! Стал крайне-крайне умным!» — ехидно подсказал вдруг осмелевший внутренний голосок. Досадливо отмахнувшись от него и силой заставив себя откинуть мысли о собственной интеллектуальной несостоятельности (все равно ведь хоть когда-то эта мысль в мою горемычную голову пришла), я залюбовался Предреальностью Арвейма.

Яркая энергия переливалась, тянулась, играла. Сыпала разноцветными искрами. Плыла за мной, пока я выходил из комнаты и шел по коридору. Чуть позже, среди множества магических следов жителей замка, я заметил знакомый: темный, блестящий, благородного иссиня-черного оттенка, чем-то напоминавшего цвет ночного неба — несомненно, аура того самого человека, которого пока что звали Оринделлом.

След был совсем свежий: прошло не более получаса. Мне стало жутко интересно, куда это младший лорд направился в третьем часу ночи, и я решил немного сменить траекторию своего похода. Если же столкнусь с ним и выдам спонтанно организованную слежку, то вежливо поздороваюсь, таинственно улыбнусь и гордо удалюсь, непреклонно сохраняя молчание. В крайнем случае — начну косить под призрак. Сильно сомневаюсь, что это принесет хоть какую-нибудь рациональную пользу, зато немножко развлекусь.

Собственно, в таинственности и чувстве юмора и состояла большая часть моего обаяния, по крайней мере, в последние два месяца.

Но изображать из себя фамильное привидение, обязательное для любого уважающего себя старинного замка, и многозначительно молчать, с трудом сдерживая смех, мне не пришлось: блестящая черная аура тянулась прямиком до входных ворот и дальше растворялась в мистической темноте ночного Леса, изобилующего собственной магической энергией.

Оринделл ушел куда-то тайком и явно не хотел быть обнаруженным.

Я обращал внимание, что Оринделл периодически исчезал из замка, никому ничего не рассказывая, и это выглядело несколько... подозрительно. В других обстоятельствах мне было бы любопытно узнать, чем таким таинственным занимается мой будущий шеф по ночам, под покровом темноты ускользая из замка, однако сейчас я только вздохнул, на улицу не пошел (зачем влезать в личные дела человека, в самом деле) и вернулся к прежнему пути — к дороге в библиотеку.

Была тут и другая аура: светло-алая, неяркая, спокойная. Аура такого типа бывает у людей, почти или полностью лишенных способностей к волшебству. По ней очень трудно определить, когда и как долго человек был в этом месте, потому что предреальность, куда и смотрят Истинным зрением, в гораздо большей степени реагирует на магию. Наверное, Крис, славящийся талантом к исключительно точному прослеживанию энергетических потоков, что в очередной раз подтвердилось его новой способностью Оборотня, смог бы определенно сказать, кто и когда здесь проходил и даже, с большой степенью вероятности, как этот человек выглядит, но я же был в этой области знания значительно слабее.

Ну, и ладно. Я же не в тайные агенты, в конце концов, нанимался, а сознательно шел в историю: и не важно, что в Арвейме меня сделали боевым магом, не моя вина и, собственно, не моя же заслуга.

Посмотрев на прихваченную с собой карту входа в подпространство, я мигом забыл про неяркую алую ауру. Небрежно нарисованный на бумаге знак менялся каждую секунду: обрастал новыми линиями, кривыми, ломаными и плавными, избавлялся от старых, полностью меняя форму и цвет. Завораживающее зрелище для неподготовленного наблюдателя. Именно такими неподготовленными наблюдателями и оказались мы с моим вечным соседом по общежитию три миллиарда лет назад.

То округлый, то квадратный, то вообще бесформенный, знак вел меня в библиотеку, как будто указывая дорогу прозрачными, почти не заметными потоками. Поскольку я точно не знал, как следует пользоваться кем-то импровизированной и этим же загадочным кем-то подsunутой мне картой, я решил делать все по собственному усмотрению, следуя тонким намекам моей же интуиции.

Не работает — ну, подумаешь, важности. Лучше ошибиться, чем вообще не попробовать.

Как говорится, утро вечера мудренее, и идеи, казавшиеся ночью такими гениальными, неоспоримыми и совершенными, в светлое время суток уже превратятся в необыкновенный бред. Так почему бы не прислушаться к голосу разума, пока он проявляет невиданные творческие способности?

Воодушевленный своими внезапными догадками и готовый в любую минуту отправить в новое путешествие, я чуть ли не бегом ворвался в святую святых любого ученого — и тут же затормозил.

Планы пришлось пересмотреть.

За одним из столов, склонившись над какой-то книжкой, сидела леди Мелори.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

По-хорошему, нужно было уйти, оставив любознательную девушку в покое, но мой дурной характер, который с завидной периодичностью портил мне жизнь, просто не мог позволить мне это сделать. Поэтому я, заранее спрятав карту в карман атты и снова переключившись на обыкновенное зрение, тихо прошел к одной из полок и сделал вид,

будто увлеченно что-то ищу.

Похоже, во мне, по жизни скромном и стеснительном, просыпался другой Альвер — творящий неведомую чепуху.

Расслышав или почувствовав некое движение за спиной, довольно неожиданное в такой час, Мелори резко, испуганно развернулась и нечаянно скинула со стола книжку в яркосиней обложке — ту самую, которую они читала до моего появления.

— А, это вы. — Облегченно выдохнула она, узнав меня. — Хорошая ночь.

И наклонилась подобрать упавший фолиант.

Я успел первым: одним движением руки мягко пролевитировал ее на стол — причем умудрился открыть ту же самую страницу, на которой остановилась девушка до моего не особо вежливого вторжения.

«Показуха» — немедленно пронеслось в голове.

— Хорошая ночь, миледи. — Наплевав на совесть, с радостной улыбкой поздоровался я в ответ. — Любите легенды?

Книжку я узнал: легенды магов Нортайла и Элринга, авторства, разумеется, все тех же магов. Хорошая, не раз сам открывал ее из интереса — собственного, а не вызванного делом. Особенно мне понравилась одна глава, повествующая про могущественную Сайонарис Безликую, темную ведьму Древнего Мира, одну из сильнейших в своем роде, впоследствии бесследно пропавшую и не оставившую после себя ни единого изображения.

Здесь следует упомянуть, что темный маг вовсе не означает злой. Маленькую Сай, с таким усердием лечившую мою замерзавшую руку, назвать плохой не представлялось ровным счетом никакой возможности. Темный маг означает способный управлять темной материей и темной энергией — наравне с окружающими нас обыкновенными. Именно поэтому темные маги считались более сильными, чем светлые.

К счастью или к сожалению, темная магия, как и многие другие сокровенные знания и умения Древних, была утрачена сотни тысячелетий назад. Казалось, безвозвратно.

— Спасибо, Альвер. — Поблагодарила Мелори и почему-то смутилась.

Меня как будто ударило энергетической волной. Очень редко леди называла меня по имени.

Да, люблю. — Наконец ответила она, старательно отводя глаза.

Но чего тут стесняться? Отличное увлечение. Сам временами с концами утопаю в старинных сказках и легендах.

— Что мне еще остается. — Девушка грустно улыбнулась.

Я прислушался и вопросительно посмотрел на нее.

— Остается?

— Вы, наверное, не в курсе... — негромко проговорила она. Вздохнула и добавила. — Я же не дружу с магией. Нисколько.

Было видно, что признание далось ей тяжело.

Да, я же совсем забыл. Мелори Арвейм не обладала магическими способностями.

Любая другая девушка могла бы на ее месте обозлиться на весь Мир, волшебный по своей сути, на собственного любимого брата, располагающего огромным запасом сил, но леди Мелори свою досаду превратила в страсть к изучению сказок и легенд. Мне оставалось только восхищаться: боюсь даже представить, как бы в такой ситуации поступал я сам.

Помнится, некоторые исследователи, весьма уважаемые в историческом обществе, предполагали и даже пытались доказывать, что младшая леди Арвейм на самом деле владела

магией, только искусно это скрывала. Перечисляли возможные причины и мотивы, среди них, кстати, было и желание сбежать из-под родительской опеки, и ведение двойной жизни (подобрали и неизвестную никому ведьму, кем теоретически могла являться Мелори), и даже применение запрещенных видов колдовства.

В устах исследователей, уверенно излагающих свою позицию во время научных конференций, все это звучало довольно логично и правдоподобно, но все их предположения разбивались вдребезги при виде одних глаз Мелори Арвейм.

Она не обманывала. Да, она могла бы быть величайшей в Мире актрисой, но аура — та самая, которую я недавно видел в коридоре — в очередной раз подтверждала ее честность.

— Я могу сесть? — враз растеряв всю наглость, спросил я.

— Конечно. — Девушка как будто удивилась моему вопросу.

Я опустился на диван — тот самый, на котором сидел в Древнем Мире, с ног до головы обложившись кучей подушек, горами бутербродов и морем чая, тот самый, где я провел множество вечеров уже долгие годы спустя.

Неожиданно Мелори встала со своего места и села рядом со мной.

— Знаете, найт, — тихо произнесла она, не поднимая глаз. — Это всегда было очень странно. Я — единственная в нашей семье, кто абсолютно лишен магической силы. Мне не подвластен даже простенький телекинез, с которым играют маленькие дети.

В ее голосе звучала горечь. Я слушал внимательно, не перебивая и пока что ничего не спрашивая. Дочери лордов просто нужно было выговориться человеку, который выслушает и не станет смеяться — и без разницы, кем он окажется. А я был готов стать таким человеком.

— Молчу уж про Оринделла. — Продолжала Мелори. — Линн могла бы стать отличной ведьмой, если бы училась этому серьезно. Папа когда-то пытался давать ей уроки. Мама, разумеется, была против: она всегда против каких бы то ни было начинаний, жуткий консерватор. Но спорить с папой она не стала или же просто не смогла. И все-таки Амелин не хотела обижать маму, очень уж добрый у нее характер. Только несколько лет назад, выйдя замуж, она поняла, что не нужно было так слепо слушаться. Линн и замуж-то не хотела... Теперь старается наверстать упущенное. Перестала верить в непременную правоту старших — и хорошо. А Оринделл уйдет в магию. Он пока об этом не говорил, но все и так очевидно. Мой брат — очень сильный маг, несмотря на то что самоучка. Да, учился он сам, но старательно, и это ведь намного эффективней. Я уверена, когда-нибудь он сможет стать сильнее Менрина.

Еще как сможет, подумал я. Оринделл Арвейм будет одним из самых могущественных магов своего времени — какое бы время они ни считал своим. Правда, к тому моменту он сменит имя. Если не всю личность.

— Маме нужен хотя бы один человек, который будет заниматься ее делами, а не жить своей жизнью. Управлять папой она не способна, поэтому отыгрывается на детях. Но Оринделл никогда не был послушным и управляемым, Амелин, сначала поддававшаяся, явно хочет выпорхнуть из-под заботливого тоталитарного крыла, а я же...

На этих словах девушка запнулась. Секунду помолчав, она все же решила закончить предложение:

— А я не самая подходящая кандидатура на роль адекватной дочери.

И невесело усмехнулась собственным мыслям. Я внимательно на нее посмотрел, ожидая продолжения рассказа. Заправив выбившуюся прядь волос за ухо, леди Мелори взглянула на меня прямо и проговорила фразу, которую я никак не ожидал от нее услышать:

— Я в своей жизни видела довольно много магов: знатность вынуждает то и дело принимать высокопоставленных гостей. По какой-то нелепой случайности, я, совершенно не обладая магией, могу отлично ее чувствовать. Я всегда хотела быть сильной ведьмой, но Оринделлу и не думала завидовать: он мой единственный брат, и я на самом деле очень рада за него. Но тут появились вы — самый сильный маг из всех, кого я когда-либо видела.

Теперь мне стало понятней. Я одним своим присутствием заставлял леди Арвейм чувствовать себя неуютно. Внезапно появившийся поблизости маг, нарушающий ее устроившуюся жизнь, а заодно снижающий самооценку. Они привыкла видеть перед собой всю свою семью, команду охраны под началом Менрина, привыкла не завидовать им, но посторонний человек, которым я и являлся, вызывал несколько другие эмоции.

Впервые за несколько минут я подал голос:

— Боюсь, вы ошибаетесь, миледи. — Мягко возразил я. — Маг из меня довольно посредственный.

— Вы уверены? — Мелори хитро прищурилась и снова стала похожа на ту самую девушку, которая во время бала пригласила меня на танец.

— Конечно. Я, если честно, вообще по образованию историк.

— Историк? — восхитилась моя собеседница. — Нравится?

— Очень. — С улыбкой сказал я. — Представляете, тридцать лет просидел в Высшем Королевском Университете и ни разу об этом не пожалел — многие другие студенты, слыша подобные откровения, посылали меня ко всем драконам и высказывали предположения, будто я не человек, а необыкновенная машина с историческим мозгом. А мне просто жутко нравилась моя специальность, ничего сверхъестественного. Причем все это время учился и жил вместе с моим лучшим другом. Думал, что буду долго искать работу, планировал довольно приемлемый вариант, но в итоге нас двоих нашел один очень хороший и умный человек. За два года сумел научить, наверное, большему, чем обычные преподаватели учат большинство учеников боевых специальностей за десяток лет. Разумеется, и гонял неимоверно, куда же без этого. Потом я много путешествовал — это, к моей огромной радости, оказалось обязательной частью работы. А в один день жизнь пошла наперекосяк, я потерялся и оказался здесь. Знаете...

Темное время суток, тихое, невероятно атмосферное, всегда располагает к откровенным разговорам. Внезапно мне захотелось объяснить ей, откуда я такой таинственный взялся, почему остался здесь, почему, куда, наконец, я путешествовал — но вместо этого сказал кое-что другое:

— Мелори... тогда, в первый день. Почему вы заступились за меня перед Оринделлом?

За все прошедшее время я так и не смог узнать ответ: все никак не предоставлялось подходящей возможности, не было ни единого повода. Два месяца назад, на балу, Мелори попросила меня подойти к ней с этим вопросом чуть позже, когда она будет не настолько... как она описала свое состояние? Вздуроражена? Похоже, время разговора пришло: сейчас позволяют и время суток, и повод, и состояние — причем обоих.

— Это... долгая история. — Отвернулась она, чуть покусывая губу и снова замыкаясь в себе.

Но я уже принял решение во что бы то ни стало узнать причины сейчас и отступать не собирался. И поэтому попросил:

— На балу я уже задавал этот вопрос. Пожалуйста, не уходи от ответа на этот раз.

На «ты» я перешел совершенно случайно — даже не заметил, как это произошло. Сам

себе поразился, когда вдруг осознал, что грубо нарушил дистанцию и этикет, хоть и не говорил «ты» напрямую. Но Мелори, похоже, ничего против не имела или же точно так же, от избытка чувств, просто не обратила должного внимания.

— Я... говорила это тебе? — изумилась леди. — Я этого не помню.

И, чуть подумав, сомневаясь, следует ли это говорить, добавила:

— Как и весь бал.

Пришла моя очередь удивляться:

— Не помнишь?

— Нет. И это та самая причина, по которой я не могу считаться нормальным ребенком в нашей семье.

Она порывисто встала, что-то взяла со стола и села обратно. Последнее меня, честно говоря, сильно обрадовало.

Потом Мелори испытующе посмотрела мне в глаза, на этот раз не смущаясь. И спросила, как будто не меня, а саму себя, пытаюсь удостовериться, правильно ли поступает, убедиться в этом:

— Я же могу тебе это рассказать? Правда?

— Конечно, можешь. — Уверенно подтвердил я.

— Хорошо.

Следующие несколько секунд прошли в молчании. Только в углу комнаты гулко тикали часы, а за окном, играя с листьями, дул легкий ветерок.

— Тогда начну с главного. Мама считает меня сумасшедшей.

— Но ведь это же на так! — не зная, что думать и говорить, возразил я.

— Ну, у нее для этого есть веские основания. — Мелори иронично, но грустно усмехнулась. — Все чаще и чаще я думаю, что она права.

— Но почему? — недоумевал я.

И как это относится к моему появлению в замке?

— У меня случаются провалы в памяти. С самого раннего детства. Я просто не помню себя в эти моменты, не помню, что говорила, что делала, как себя вела... А потом мне рассказывают странные вещи. Что в эти моменты я становлюсь совершенно другой — дерзкой, хитрой, самоуверенной, ехидной. Но ведь это не похоже на меня, в остальное время я совсем не такая. И все же... я что-то делаю, куда-то хожу, с кем-то разговариваю, а после не могу вспомнить ни единой секунды. И это происходит все чаще и чаще.

Она говорила отрывисто, импульсивно. Чувствовалось, что она рассказывает это кому-то постороннему первый раз в своей жизни, и слова, сначала дававшиеся ей тяжело, теперь вылетали сами собой, как будто уже давно жаждали быть произнесенными вслух.

Тогда я понял, о чем говорил младшая Арвейм. Вспомнил то, что временами и сам думал, будто в ней живет две личности, — но думал легкомысленно, в шутку.

Однако все оказалось серьезнее.

— Молчишь? — усмехнулась моя собеседница. — Значит, уже сам успел заметить. Ты наблюдательный.

Не настолько наблюдательный, как вы сами, леди Арвейм.

Да, я молчал. И точно так же молча позволил себе неслыханную фамильярность — просто взял и обнял ее.

Не ожидавшая подобную вольность со стороны обыкновенного охранника, Мелори от удивления широко распахнула свои прекрасные глаза, но, слава Духам, вырваться не стала.

Наоборот, уткнулась мне в плечо.

Сразу стало так хорошо и уютно. Я был готов просидеть так хоть всю оставшуюся ночь.

— Может, все-таки скажешь что-нибудь? — тихо попросила меня она.

Я не знал, как ее успокоить, потому что утверждать обратное не мог: это стало бы откровенной лицемерной ложью, наскоро выдуманной с той лишь целью, чтобы показать, какой я хороший. Не дело это. Нельзя разубеждать, когда сам все видел собственными глазами; поэтому я уточнил то, что меня на самом деле беспокоило:

— Но это же ни разу не повредило тебе?

— Ну... — протянула девушка, наконец-то расслабившись и почувствовав себя в безопасности. — Один раз я очнулась прямо посреди Леса. И потом долго не могла найти дорогу домой. Уж не знаю, зачем я туда забрела, серьезно. Но не более того.

Кажется, Мелори немного повеселела, если уж в ее словах начала проскальзывать явная самоирония.

— Вооот. — Довольно сказал я. — Улыбка тебе идет больше.

— И представь только, вот такую меня мама хочет выдать замуж за короля. — Саркастично фыркнула рассказчица. — Амелин она уже выдала, не вовремя, как оказалось, теперь у нее просто нет выбора: дочери-то всего две. А папа говорит, что окончательное решение должно быть за мной. Быть Элрингом, тем более властвующим, скорее даже не привилегия, а огромная ответственность. Не уверена, что я с моим раздвоением личности смогу ее достойно выдержать. Да и наша фамилия самодостаточна, для нас этот союз не обязателен. Хотя для мамы вот обязателен. Ну и выходила бы сама.

Последнюю фразу девушка произнесла с изрядной долей сарказма и с мрачным выражением лица, которое ей неожиданно шло.

— И что ты решила? — на мгновение задержав дыхание, спросил я.

Знаю, я уже устраивал подобный допрос, но мало ли, что с тех пор могло измениться. При таких-то обстоятельствах.

Леди Арвейм вздохнула.

— А я ничего не решала. Это... сложно. С одной стороны, в таких ситуациях ну оооочень редко спрашивают мнение невесты: честь семьи, долг, и ничего тут не попишешь.

На этих словах мое сердце замерло. Говорила она все верно, но... но...

Успокойся, Альвер, и затолкни свои мысли к самым драконам. Все равно ты заранее знаешь, чем эта история закончится.

Тем временем, девушка продолжала:

— С другой стороны, я точно знаю, что с моей... особенностью... — она немного запнулась, потому что ей явно было сложно говорить об этом вслух, если даже не думать. — Я точно не подхожу на роль правительницы. Сумасшедшая королева без капли какого-либо таланта. Еще чего не хватало.

Последнее было сказано с такой горечью, что я не смог промолчать, хоть и прекрасно понимал, что говорю с наследницей одного из самых влиятельных аристократических домов.

— Никогда не говори так о себе.

Чуть не прикусил язык. Это с лучшими друзьями я могу позволить себе разговаривать в подобном тоне, но явно не с ней. И все же было уже поздно.

Правда, девушка продолжила как ни в чем не бывало, может быть, и вовсе не обратив внимания на мой невежливый упрек.

— Но, похоже, мое подсознание уже все решило за меня. Насколько я поняла, тогда на

балу я, другая я, окончательно отказала королю Ровену.

Примечательно, что сейчас Мелори называла своего предполагаемого жениха либо «король», либо уважительно «король Ровен» — а во время моего предыдущего допроса она, бывало, ограничивалась одним именем, совершенно не желая признавать его статусное превосходство.

Ее необъяснимая смена личности затрагивает даже такие мелочи.

— Много человек об этом знает? — я резко сменил тему.

— Об отказе королю? — не поняла леди. — Или о моих странностях?

— О тебе. — С нажимом пояснил я: уж очень мне не понравилось слово «странности» в таком контексте.

— Только моя семья. Оринделл, Линн, папа и мама. Даже наш врач не в курсе. Я стала такой... своеобразной фамильной страшной тайной. И теперь еще знаешь ты.

Специально или нет, она только что буквально причислила меня к своей семье — или же, по крайней мере, выразила высочайшую степень доверия.

— Спасибо, Мелори. — Искренне поблагодарил я.

Она, услышав свое имя, легонько вздрогнула.

Знакомая реакция.

— Но я ведь так и не ответила на твой вопрос. Ответ... связан с тем, что я тебе только что рассказала.

Я вопросительно посмотрел на нее.

— Временами я пишу дневник. — Она показала мне маленькую потрепанную книжечку, ту самую, которую незадолго до начала рассказа забрала со стола. — И иногда в нем появляются записи, которые я не писала.

Мелори начала быстро перелистывать тонкие исписанные страницы, разыскивая какую-то определенную, значимую для нее, и продолжала объяснять:

— Все они написаны моим почерком. Значит, я просто не помню, когда это делала — как оно со мной и бывает. Из дневника я, например, узнала, что отказала королю Ровену. Правда, я все еще не имею ни малейшего понятия о том, как я это обосновала.

Наверное, страшно обнаруживать подобное, пронеслась у меня в голове мысль. Но Мелори держится, и для этого нужны отнюдь не малые сила воли и выдержка.

— Одна из таких записей оказалась очень странной. Она появлялась несколько раз, настойчиво, будто я сама себя хотела убедить. Впервые — шесть лет назад. Прочитай.

Отыскав нужную страницу, леди Мелори отдала свой дневник мне.

Я не стал ничего спрашивать, просто посмотрел на запись, написанную большими красными буквами на целый разворот страницы.

Она гласила:

Когда тебе будет девяносто три, появится маг по имени Альвер.
Помоги ему, Мелори. А он поможет тебе.

Все сразу стало одновременно и проще, и намного запутанней.

Вот она, причина, по которой вы мне все так честно рассказываете, леди Мелори.

— И ты думаешь, что ты меня знаешь? — уточнил я. — Только не помнишь этого?

— Да. — Произнесла девушка. — Точнее... я раньше так думала. Но ты сказал, что мы раньше не встречались, когда я спросила об этом еще в первый день.

В первый день? Всего лишь один раз?

— Мелори, ты спрашивала это дважды. Второй был, когда мы стояли у озера. Помнишь?

Опомнился я тут же. Сразу понял, что спрашивать не было абсолютно никакого смысла, ведь она мне только что все объяснила.

— Нет. Я этого не помню. — Она слегка покраснела и отвернулась.

Что ж. Значит, на ночную прогулку под луной меня позвала та, другая Мелори, которая ведет себя совершенно иначе и которая потом внезапно забывается. Но ведь она и правда разговаривает со мной таким образом, что наше общение со стороны можно было бы принять за многолетнюю дружбу. Проблема лишь в том, что я ее до недавней поры ни разу не встречал.

А это, в свою очередь, может подводить только к одному выводу: я должен познакомиться с ней чуть позже — разумеется, по моей временной линии. Другого варианта просто нет.

И, кроме того, все сказанное должно увязываться с моими предыдущими соображениями — но понять бы, как именно.

Тем временем, леди уже жалела о собственной, по ее мнению, чрезмерной откровенности и выискивала подходящий предлог для побега.

Нужно было срочно что-то сделать или сказать. Я ни в коем случае не мог позволить закончиться такому важному для нас обоим разговору не самым приятным образом.

— Я пока что тоже мало что понимаю, но мы разберемся, Мелори. — Пообещал я, пытаюсь поймать ее взгляд. — Вместе.

— Спасибо тебе большое. Я надеялась... но ладно. Я не могу так больше. Я не хочу, чтобы мое раздвоение личности развивалось. Наверное, все же нужно соглашаться на врача.

Вторая половина фразы была сказана тусклым, безжизненным тоном. Так звучит голос человека, который постепенно разочаровывается и в жизни, и в самом себе.

Я хотел ее успокоить, напомнить, что не нужно сдаваться, но не мог подобрать нужных слов. Как только я открыл рот, собираясь сказать хоть что-нибудь, любую глупость, леди Арвейм встала и тихо произнесла:

— Спокойной вам ночи, найт. То есть, спокойного утра.

Развернулась и пошла к выходу.

— Мелори? — позвал я, сделав шаг ей вдогонку.

Она снова повернулась ко мне лицом. Ждала от меня слов, но я сделал кое-что другое.

Молча взял ее за руку, притянул к себе и поцеловал.

Ушла она только через десять минут и уже в совершенно другом настроении.

Проводить обыск в библиотеке после всего произошедшего, тем более на рассвете, я был психологически не способен, но все же с превеликим трудом смог себя пересилить. Естественно, ничего не нашел и уже через полчаса отправился к себе в спальню, ни на шаг в деле не продвинувшийся — и все же безмерно счастливый.

Ранее осеннее утро радовало жителей Нортайла теплом и ярким солнечным светом. Моей ночной собеседницы в замке уже не было. Оринделла, кстати говоря, тоже. Я же, жутко не выспавшийся, разгуливал неподалеку от замка, будто бы выполняя работу стража, но даже и не пытаюсь изобразить бурную деятельность.

Думал. Порой мои мысли разбредались в диаметрально противоположные стороны. А ближе к полудню мои размышления, радостные и не очень, прервала старшая дочь лордов

Арвеймов.

— Альвер? — задумчиво позвала она. — Вы не видели Мелори?

Леди появилась рядом со мной довольно неожиданно: то ли незаметно выпорхнула из леса, то ли вообще внезапно материализовалась, благо, некоторое время назад училась магии. Хоть перемещения в пространстве безумно сложны, опасны и подвластны далеко не всем могущественным найтам, мало ли, чего можно ожидать от родной сестры моего будущего шефа.

Но потом я заметил в ее руках букет диких цветов, радующий взор буйством красок и восхитительный в своей небрежности, и все же остановился на первом предположении — что, разумеется, нисколько не умаляло моей уверенности в ее скрытом таланте к волшебству. Просто потому что такое относительно опытному магу даже вроде меня сложно не заметить.

При виде опрятной, ухоженной Амелин мне стало несколько стыдно за собственный вечно растрепанный внешний вид, на этот раз многократно усиленный последствиями бессонной ночи. В такие моменты я, честно говоря, даже с огромной натяжкой не мог назвать себя красавцем.

— Сегодня? — зачем-то спросил я, лихорадочно соображая, что следует ответить. — Еще нет.

Конечно же, я соврал: фактически, я видел леди Мелори уже после полуночи — но сомневаюсь, ох, сомневаюсь, что об этом следует знать кому-то, кроме нас двоих.

— Жаль, — покачала головой Линн и вдруг внимательно-внимательно, с откровенным любопытством посмотрела на меня. Я искренне старался не смутиться и не отвести глаза. Кажется, у меня это даже получилось.

Пробуравив меня пронизательным взглядом, девушка отметила:

— Вы сегодня выглядите по-другому. Как будто с вами случилось что-то очень хорошее.

— Серьезно? — удивился я, потому что всегда где-то в глубине души надеялся, что неплохо умею скрывать эмоции. Что ж, похоже, на данном поприще меня ждет сплошное разочарование.

— У вас глаза светятся, — пояснила леди и сделала неожиданный для меня комплимент. — И вам идет.

Интересно, светятся ли точно так же глаза у Мелори?

Так, немедленно прекращай об этом думать.

— Просто решил, что мне уже хватит грустить. Не очень-то это полезно, — улыбнулся я.

— Ну-ну, — хитро прищурилась Линн и, оставив меня наедине с моими разнообразными догадками и соображениями, удалилась в сторону замка — по пути срывая какие-то не известные мне растения и не глядя вставляя их в свой своеобразный букет.

Забавно. До сих пор ни разу не замечал, чтобы леди Амелин проявляла хоть какой-нибудь интерес к цветам, а в их во всем замке насчитывались целые сотни. Порой люди проявляют себя с совершенно неожиданных сторон — и в этой простой истине я в последнее время убеждался все чаще и чаще.

Интересно, что она прочитает на лице у своей сестры?..

Прекращай, сказал.

Совершенно не слушаясь, мои мысли перепрыгивали с одной на другую, водили бешеный хоровод, сравнимый, наверное, только с безумными праздничными плясками первых людей, а эмоции сбивали с толку.

Тебе нужно найти вход в предреальность. Ты точно знаешь, где искать, у тебя даже есть подаренная кем-то карта, хоть и до ужаса запутанная и непонятная. Тем не менее, ты в любом случае сможешь это сделать, за скромные пять лет работы в Тайфуне ты решил уже множество странных, неожиданных головоломок — чем же эта хуже?

А потом в моем воображении резко сменилась картинка: в голове как будто сработал незримый переключатель, и я начал думать совершенно о другом.

Ох уж это своевольное человеческое мышление.

Все равно ведь ничего не получится, уверенно твердил разум. Кто Арвеймы и кто ты? Одумайся! Леди Карлия тебя на места порвет! И, между прочим, будет совершенно права.

С чего ты взял? — возразило сердце. Никто не знает, что будет дальше, даже новоявленный Страж Времени, будь он неладен. Может быть, именно ты станешь причиной ее побега. Помнится, прекрасная нат Асвейде обещала, что мне предстоит знатно погоняться за своей избранницей. Может быть...

Мысль оборвалась так же резко, как и появилась.

Что-то здесь было не так.

Ни ветерка, ни звука. Ни одной живой души поблизости. Я неторопливо оглянулся, пытаясь осознать смутное подозрение. Не заметив ничего такого уж сильно необычного, я встряхнул головой и даже пришел в себя, но это помогло не более чем на минуту.

Шестьдесят секунд спустя это странное ощущение возникло снова — и уже с гораздо большей силой.

Закрыв глаза. Сосредоточился. Вспомнил.

«Это почувствовать надо, примерно описать-то даже затруднительно. Все на уровне интуиции» — сказал мне Рэй незадолго до того, как пропал. Вот, что он тогда чувствовал. Как будто чего-то не хватает.

Медленно, глубоко вздохнул. Досчитал до пяти. Выдохнул. Понял.

Никогда раньше не испытывал этого ощущения — надо сказать, крайне неприятного. Что-то стремительно вытягивало из меня магическую энергию. И не хватало именно ее.

Голова сразу же стала пустой, тяжелой. Все мысли, до того такие бурные, путающиеся, бешеные, разом пропали.

Не задумываясь о том, что я делаю, зачем я вообще это делаю, я пошел в обход озера — резкими, будто бы механическими движениями.

Опасность обнажала острые клыки.

Я продолжал идти, не мог не то что остановиться — снизить скорость. Слабел с каждой секундой и почти ничего не видел. Меня как будто притягивало что-то могущественное, страшное, неотвратимое.

Это не могло закончиться ничем хорошим. Не нужно быть провидцем, чтобы предугадать печальный исход.

Но на этот раз мне повезло.

— Что вы делаете? — откуда-то, будто бы из другого Мира, раздался высокомерный мужской голос. Я ухватился за слуховые ощущения как за спасительную соломинку. Даже смог потрясти головой, а еще через несколько секунд прояснилось зрение.

Передо мной стоял Оринделл собственной аристократической персоной и взирал на меня с огромной неприязнью — по крайней мере, у меня возникло такое ощущение, и отделаться от него стало довольно проблематично.

У моего будущего шефа был измотанный вид: кожа бледная, глаза уставшие, а под ними

пролегли заметные синие круги. Прекрасным настроением он, по всей видимости, точно так же не мог похвастаться.

— Повторяю свой вопрос, — суровым, не допускающим возражений тоном протянул лорд. — Что вы делаете?

Для начала мне было бы неплохо самому сообразить, как я оказался на противоположной стороне озера, недалеко от ведущей в город дороги.

Вот так сюрприз.

Неужели в почти что бессознательном состоянии я намеревался сбежать из замка? Или?..

Нет. Я направлялся никак не к дороге. Хотя бы потому что стоял по колено в воде и, если бы не каким-то чудом оказавшийся здесь Оринделл, продолжил бы свое целеустремленное шествование и дальше — то есть, глубже.

Ситуация складывалась в какой-то степени комическая.

Значит, выражение его лица означает все же не враждебность, а легкое недоумение. А еще точнее — забавную смесь этих двух чувств.

Голова все еще работала с заметными перебоями и явно пыталась выставить меня перед будущим работодателем последним идиотом. Хотя у нее это получалось довольно хорошо, ответить какую-нибудь несуразицу мне было просто необходимо.

Что ж, с серьезным видом нести импровизированную околесицу мне не впервой. Тридцать лет суровой студенческой жизни не могли пройти даром.

— Менрин отправил меня собрать озерные растения, — выдал я то, что первое пришло в мою в этот момент совсем не светлую голову. И удержавшись, ехидно добавил: — С добрым утром, шеф.

Стоит ли говорить, что для моего высокопоставленного собеседника утро выдалось не слишком уж добрым.

Нужно отдать ему должное, младший лорд Арвейм и не подумал скривиться, только, все так же не скрывая неприязни, уточнил:

— Вас? Вы же не травник.

— Тем не менее, я разбираюсь в растениях, — откровенно соврал я.

В растениях я не разбирался от слова «совсем». Если сварить простенькое зелье с бедой пополам я еще мог (и то далеко не факт, что мое творение обладало бы желаемым действием), то обнаружить нужные травы в полевых условиях, а тем более опознать их был совершенно не способен — и добровольно расписывался в собственном бессилии. Давно обещал себе восполнить сей досадный пробел в моем образовании, но все время выискивал какие-нибудь безумно важные, безотлагательные дела, будь то прогулка по набережной Хэльсвайма или же умиротворенное чтение художественной литературы в неописуемо прекрасной обстановке среднестатистического студенческого общежития.

В общем, найти опровержение моему наглому вранью было бы очень просто. Но как будто наследнику известного аристократического семейства, а заодно одному из талантливейших магов своего поколения по совместительству, делать больше нечего, кроме как старательно уличать меня во лжи.

— Ладно. Делайте то, что сказал вам найти Менрин. Именно то, что вам сказано.

Оринделл выделил обращения на «вы», явно намекая на то, что не желает вспоминать о нашем первом знакомстве, сопровождавшемся внезапно возникшим панибратством. Оно и не удивительно. Демонстрируете разницу в социальных статусах, уважаемый? А следует ли

напоминать, что некоторые найты ценятся гораздо выше лордов?

Нет, не следует.

Хотя бы потому что я сам таким найтом не являюсь.

— Разумеется, — слегка наклонил голову я. Не без сарказма.

Этот высокомерный мальчишка, мой ровесник, испытующе посмотрел на меня сверху вниз — рост и возвышение, на котором он стоял, позволяли это сделать достаточно внушительно. Испытание я не провалил. Простите, шеф, но выдерживать ваш грозный взгляд без тени страха и смущения я научился еще несколько лет назад. Тем более, за без малого восемь веков вы успеете значительно поднатореть в этом искусстве.

Поняв, что сдаваться я не собираюсь, Оринделл прекратил строить из себя отвратительного типа, за которого его мог бы принять любой не обладающий талантом интуитивной психологии человек, и наконец-то наклонил голову в ответ.

— Хорошего рабочего дня. — Все таким же бесцветным голосом, без тени симпатии или хотя бы уважения, проговорил он и оставил меня в одиночестве. Его черная атта величественно развевалась, по всей видимости, вообразив себя королевской мантией.

Огромный процент людей нашего Мира после подобного разговора с вышестоящим лицом весь остаток дня ходил бы с несчастным и загруженным видом, но мне захотелось рассмеяться: немудреные хитрости этого «вышестоящего лица» действовали на меня противоположным образом.

Собственно, я и засмеялся, когда лорд удалился на почтительное расстояние.

Отвратительным, не отвратительным, но не шибко приятным типом вы, шеф, все же были.

Потом понял, что смеюсь уж слишком долго.

Одернул себя. Глубоко вздохнул и наконец успокоился. Происшествие, итогом которого могло бы стать что угодно, причем с наибольшей вероятностью — что-нибудь далеко не самое приятное, все-таки здорово подействовало мне на нервы.

Артефакт Мирианделла решил показать свою мощь, это было очевидно. Наглядная демонстрация меня и вправду впечатлила.

Оказывается, артефакт способен гипнотизировать, лишать воли, заставлять жертву плясать под свою дудку, стоит только ощутить на себе ее внушительное воздействие.

В первый раз Рэю, как и мне, повезло: его что-то отвлекло или кто-то отвлек. Значит, вырваться из ловушки вполне возможно, с чужой помощью, но все-таки.

Однако я чаще хожу в одиночестве. И мне нужно быть настороже — в особенности неподалеку от озера, такого мирного и тихого. На первый взгляд.

Как всегда, мы разговаривали вне времени. Сначала Рифард весело щебетал о чем-то отвлеченном, а потом, разом переменившись, серьезно выслушал мои догадки насчет непредвиденной опасности Мирианделла.

— ... в общем, он гипнотизирует. Я не смог избавиться от этого самостоятельно. Кстати, спасибо, что спасли. — На этом я закончил свое не самое оптимистичное повествование.

— Да не за что, — немного подумав, отозвался найт Хайт. — Ты там осторожней будь, дурья твоя башка. Ты нам еще нужен, иначе кто же еще станет основным конкурентом на безраздельное владение диваном и пирожными? Никто, кроме тебя, не сможет сыграть эту роль настолько профессионально.

— Отличное дружеское признание, — невежливо перебил я, иронично хмыкнув.

— А ты не мешай шефу вести речь! — шутливо погрозил пальцем Рифард, и я заткнулся, старательно удерживая выжидательно-ехидную мину. Начальник тем временем продолжал свою нравоучительную тираду:

— Вот если попадешь в ловушку этого дурно воспитанного артефакта и вздумаешь умереть, то я тебя где угодно найду и прибью уже собственными руками, — ласково пообещал он и очаровательно улыбнулся.

Подобными замечательными формулировками обычно и выражается высшая степень привязанности.

— Вот возьму и расплачусь от счастья, — умилился я и неожиданно для себя самого сменил тему. — Кстати о моем убийстве. Ваш молодой вариант не слишком-то меня любит и ценит.

Шеф рассмеялся.

— Еще бы. Ты был меня значительно сильнее, что больно било по моему излишне завышенному самолюбию, ты предъявил непонятно откуда взявшийся амулет Арвеймов, явно мой, и последнее, самое главное, в тебя по уши влюбилась моя младшая сестра, обрученная, между прочим, с королем. Как с таким раскладом ты вообще мог мне понравиться?

— Что вы сказали???

— Я говорю, ты был значительно... — с невозмутимым видом принялся повторять найт.

— Нет, про Мелори?!

— А ты не в курсе? По-моему, это было очень сложно не заметить.

От услышанного сердце заколотилось с такой скоростью, как будто серьезно намеревалось выпрыгнуть из моей груди на рекордное расстояние. Слушать разум, хладнокровно уверяющий, что все равно мне ничего не светит и вообще не может светить, оно не желало вовсе.

Честно говоря, я все еще не до конца осознавал весь кошмар происходящего — но душа все знала заранее.

— Она сама сказала вам об этом? — взволнованно спросил я.

— Нет. Но, по-моему, это очевидно, — усмехнулся Рифард.

— Но... — я попытался что-то возразить, но был бесцеремонно перебит.

— Просто кое-кто, несмотря на все свои неоспоримые достоинства, жутко невнимательный.

Что есть, то есть.

По забавному стечению обстоятельств, случилось так, что я услышал похожую фразу второй раз за один и тот же день, и это в очередной раз подтверждало ее несомненную правдивость.

— Найт Альвер, помнишь, я сказала тебе, что ты внимательный? — сразу же, без приветствия ехидно спросила та самая девушка, которую я уже давно так сильно хотел увидеть, и без малейшего промедления добавила. — Забудь.

Леди Мелори я встретил совершенно случайно, в коридоре. Несказанно обрадовался, не сразу сообразил, что следует сделать, от этого слегка смутился и почувствовал себя жалким идиотом, но восхитительная миледи начала разговор сама — и с такой замечательной фразы.

Хоть она снова на «вы» не перешла, уже радует.

— И тебе привет, — в конце концов собравшись, с легким поклоном поздоровался я. Поклон, правда, вышел несколько ироничным.

Я только один раз посмотрел на нее и сразу же понял: передо мной стоит та, другая леди Арвейм, загадочные поступки и слова которой позже по какой-то причине забываются. Отличить две личности Мелори друг от друга не составляло большого труда, теперь я понимал это отчетливо. Другая походка, другая осанка, другой взгляд, другое поведение, другой характер — все это создавало совершенно иного человека, даже внешность которого, вроде бы абсолютно та же самая, незримо, но довольно сильно менялась.

Вот только, похоже, эта личность девушки прекрасно помнила все действия другой.

— Я ведь рассказала тебе все. Ты не догадался?

— О чем я должен был догадаться? — недоуменно спросил я.

На самом деле, я думал только о том, что мне очень хотелось ее обнять.

Мелори нахмурилась.

— Ты дурак, — расстроено протянула она и поникла.

Ох, только бы ты знала, как же ты права.

— Еще какой, — легко согласился я, принимая, наверное, одно из самых импульсивных решений в своей жизни. По моей вине она расстроилась. Значит, я должен это исправить это любым приемлемым способом. — Знаешь...

В этом бы не было абсолютно никакого смысла: она все равно потом не вспомнит ни одного моего слова. И все равно я чуть не произнес их вслух. Может быть, мне стало бы от этого легче, проще, свободней — но леди не предоставила мне возможности наконец-то честно выговориться.

— Подожди, — прервала она меня на полуслове, внимательно, с заметным волнением меня разглядывая. — Что с тобой произошло?

— Да много чего, — невесело усмехнулся я, поняв, что сейчас ничего сказать уже не получится, и вяло попытался сообразить, какое именно из моих приключений она имеет в виду.

— У тебя что-то с энергией не так, — она осторожно погладила меня по плечу, после чего моя голова объявила окончательную забастовку. — Как будто вот тут.

Мелори закрыла глаза и положила на меня вторую руку, и в это мгновение я будто бы ощутил нечто — практически неопишемое приятное покалывание во всем теле. Мне сразу же стало намного лучше: меня перестало клонить в сон, исчезла слабость, на которую я не обращал внимания, которую я к тому моменту уже начал воспринимать как должное.

На самом деле, только тогда я понял, что раньше чувствовал себя просто отвратительно.

Мы стояли так чуть ли не целую вечность. Хотя я и мало что понимал, но ради такого момента готов был выкинуть свое тщеславие куда подальше. Просто стоять рядом, смотреть на ее яркие волосы, освещенные заходящим за горизонт, уже красным солнцем, и находиться в абсолютном неведении по поводу всего происходящего было настолько прекрасно, что мне даже захотелось вывалиться из действительности и остановить момент.

Быть может, это у меня и получилось бы, умей я адекватно пользоваться постоянно усиливающимися способностями Временного Урагана.

— Пройдет. Хорошо. — Заключила она, немного успокоившись, и снова сделала шаг в сторону. Последнее меня, конечно же, не особо вдохновило.

— Что ты сделала? — спросил я удивленно.

— Ничего. Что я могу сделать без магии? — немного грустно улыбнулась она. — Ты

только... не пугай меня так больше.

Очень сложно передать словами, как такие слова, без малейшей толики притворства и лицемерия произнесенные самым нужным человеком в самый нужный момент, согревают сердце. Казалось, буквально только что оно изнывало от тоски, стучало, как бешеное, при одной лишь неосторожной мысли, случайном взгляде, нечаянном прикосновении — а теперь же оно умиротворенно билось, сразу же забыв о недавних недомоганиях и вселяя в послушную голову мысль о каких-нибудь, обязательно счастливых, переменах.

— Ты за меня переживаешь? — довольно уточнил я, хотя ответ и без того был очевиден: просто чтобы услышать эти слова не в исполнении собственного воображения, которое, несомненно, являет собой штуку прекрасную, но, к сожалению большинства мечтателей, не всегда способную полноценно заменить реальность. Но вот слова самой леди уже многого стоят!

— Сам-то как думаешь, — фыркнула она, разом стерев все нарисовавшиеся перед моими глазами обнадеживающие картины. — Эй, ты чего?

Каюсь. Я оказался слабовольным, но очень наглым болваном: все же, вместо того чтобы горевать о крохотных неоправдавшихся ожиданиях, не удержался и обнял ее за талию. Совершенно искренне пояснил:

— А я соскучился.

— Ну, что я могу поделать? — философски протянула девушка, пожав плечами. Она смотрела на меня очень хитро.

— Действительно, — усмехнулся я и ответил точно таким же взглядом.

Леди Арвейм в ответ обвила руками мою шею, несколько секунд смотрела мне в глаза и, наконец, с сожалением ответила:

— Нас могут увидеть. Потом.

Легко поцеловала меня в щеку и ушла легкой, грациозной походкой. У меня же еще долгое время в голове стояла ее последняя фраза — повторялась как будто тысячи раз, и каждый из них становился мучительным. Ведь ее слова подтверждали мои самые страшные опасения.

Разум снова жестоко напомнил: лучше беги, пока не поздно. В суровом мире знатных людей твоя влюбленность ничего не значит.

Дни проходили как в тумане, сплошной серой и однообразной чередой. Я все еще много думал, иногда о том, о чем уже давно был обязан серьезно поразмыслить, в большинстве же случаев — на тему, которая властно вычеркивала все остальные мысли.

Зато наконец-то признался сам себе в очевиднейшей вещи. И это стало, наверное, самым большим интеллектуальным и душевным прорывом за последние недели. Понимать-то до того момента я, конечно, понимал, один раз даже чуть не сказал ей самой, руководствуясь исключительно интуитивными мотивами, вот только наедине с собой старался подобных умозаключений избегать, чем, собственно, самому себе и вредил.

Жить сразу стало намного проще. Пришло и запоздалое понимание того, что мои обязанности перед друзьями никто не отменял — и тут же больно, унижительно кольнула совесть.

Если они сказали, что могут справиться без тебя, это вовсе не означает, что они должны это делать, честно проговорил я сам себе. Принял решение во что бы то ни стало найти этот драконий тайный ход.

Подумаешь, пропаду на некоторое время. Кто мне мешает вернуться чуть позже и уже окончательно разобраться с собственными чувствами?

Но когда я в следующий раз нашел время и силы отправиться на поиски пути в загадочный Древний Мир, случилось событие, которое на долгое время нарушило все мои планы.

В тот вечер, который сначала не предвещал ничего необычного, ко мне в комнату прибежала сильно взволнованная леди Мелори. Она не плакала, но заметно тряслась и, похоже, была близка к истерике.

— Что случилось?! — я сразу же думать забыл обо всех своих, казалось бы, неотложных делах.

Девушка резко остановилась, отдышалась и только после этого смогла выдавить:

— Пожалуйста... помоги...

— С чем? — спокойно спросил я, уже начиная переживать.

Показывать свое волнение ни в коем случае нельзя было: если один из двух человек теряет самообладание, второй просто обязан оставаться хладнокровным, и неважно, чего это ему будет стоить — иначе можно потерять гораздо больше. К тому же, у меня возникло нехорошее предчувствие, что и правда случилось что-то очень и очень серьезное. А предчувствиями, тем более плохими, магу пренебрегать нельзя.

— Сообщение от короля. Слишком поздно... — сбивчиво объясняла девушка. — Он уже ушел.

Ничего не понимая, я мягким, но настойчивым движением усадил ее в кресло.

— Мелори, милая, не переживай, — ласково произнес я. — Хорошо. Теперь рассказывай.

Она глубоко, судорожно вздохнула, на секунду прикрыв глаза, и продолжила уже более связано:

— Оринделл в опасности. Его могут убить. Он... — ее речь прервалась тихим всхлипом, но Мелори быстро взяла себя в руки. — Он выполняет задание для короля. Что-то связанное с готовящимся восстанием. Подробности я не знаю. Только то, что он работает под прикрытием. Но пять минут назад король отправил сообщение, ступила информация от другого разведчика: он говорит ни в коем случае там больше не появляться. Но брат уже уехал...

Вот, значит, что с ним все это время происходило. Дело принимало еще более серьезный оборот, чем я мог предположить.

— Так. Куда ехать? — только и спросил я.

В такой ситуации я просто не мог оставаться на месте.

— Это в Нортайле, — она поднялась на ноги и с надеждой посмотрела на меня. — Ты правда поможешь?

— Правда.

Я бы не остался в стороне, проси меня об этом даже не младшая леди Арвейм — а отказать ей, такой испуганной и отчаявшейся, я не смогу просто физически. Тем более в нынешних обстоятельствах.

Кажется, она хотела меня поблагодарить, но не смогла выдавить ни слова. И к лучшему: я пока что не заслужил этих слов.

— Но почему ты не посылаешь всю стражу? — я схватил в вешалки атту и быстро надел ее на себя. Потом с недоумением уставился на рюкзак: что мне вообще может понадобиться

в подобном мероприятии? Ладно, по пути определюсь, все равно вещей, которые могли бы занять много места и значительно увеличить вес, у меня далеко не безмерное количество.

— Мы не можем официально вмешиваться в эту политическую разборку. Чтобы, в случае чего, не навлекать беду на всех, — девушка говорила уже намного спокойнее. Похоже, мое согласие ее здорово подбодрило.

Радуется, что я сумел хотя бы подбодрить. Но она надеется на мою помощь, верит в меня — поэтому я не имею права подвести.

В конце концов, мне нужно всего лишь догнать младшего лорда.

— Понятно. Значит, будем разбираться без других охранников. До Нортайла далековато. Как мне успеть перехватить Оринделла?

Время стремительно приближалось к девяти вечера. Если я на самом деле собираюсь сделать хоть что-нибудь полезное, то любое промедление может стать непростительной ошибкой.

— Я дам тебе свою лошадь. Брат уехал не так давно. Если успеешь догнать...

Мелори снова еле слышно всхлипнула.

Однако всю дорогу от моей спальни до входных ворот она держалась с завидным, истинно аристократическим достоинством. Все-таки воспитание в семье известных потомственных лордов — непревзойденная актерская школа. Детей знатных родителей чуть ли не с самого рождения приучают скрывать свои истинные мысли и эмоции от посторонних, все сразу же надевают маски с запечатленной на них вечной, мертвой улыбкой — признаком не симпатии, а обыкновенной сдержанности.

Будь все честны друг перед другом и перед самим собой, насколько бы проще стала жизнь в нашем Море — и насколько бы она стала сложнее.

Однако притворную каменную маску можно разбить, и тогда под ее безжизненными осколками становится видна настоящая, живая душа. И в такие моменты душе требуется не менее искренняя поддержка.

Леди улыбалась всем, кто в замке проходил мимо нас: на это просто-напросто вынуждали обстоятельства. Но как только посторонние исчезли, напряжение тут же выплеснулось наружу с удвоенной силой. Увидев это, я взял ее за руки и медленно, стараясь выглядеть как можно более убедительным, пообещал:

— Не волнуйся. Я сделаю все, что в моих силах.

Сделаю все возможное — и, если придется, невозможное тоже. Потому что у меня нет другого выбора.

Мелори неожиданно остановилась.

— Я постараюсь. Только, пожалуйста, ответь мне на один вопрос, — она испытующе заглянула мне в глаза. — Ответь честно.

— Какой вопрос?

— Оринделл проник туда под прикрытием. Под именем «Рифард Хайт». Откуда ты мог его знать?

Драконы всех раздерите.

Врать, что-то придумывать, оправдываться сейчас было нельзя.

— Я знаю твоего брата. Он собственноручно дал мне амулет вашей семьи. То есть, потом даст. Это... сложно объяснить. Не уверен даже, что ты сможешь мне поверить.

В свете восходящих лун было хорошо видно, как глаза моей собеседницы удивленно округлились. Но она не позволила себе вдаваться в расспросы и тем самым тратить

драгоценное время: прекрасно понимала, что первоочередным остается совершенно другое.

— Хорошо. Сейчас я готова тебе поверить. Объяснишь позже. Просто поклянись мне, что ты никак не связан с теми людьми, которые сейчас хотят убить моего брата. Что ты не помогаешь им.

Подобное требование вовсе не выглядело оскорбительным. Она имела полное право меня подозревать.

Если бы я желал зла ей или Оринделлу, то у меня появился бы уже второй шанс навредить. В первый день леди непредусмотрительно повернулась ко мне спиной, когда вела в замок, теперь же я бы мог точно так же, с легкостью, оглушить ее и скрыться. Поздний вечер, окраина леса, кроме девушки, вовсе не обладающей магией, ни одного человека в радиусе трехсот метров — идеальные обстоятельства для побега разоблаченного шпиона.

Как хорошо, что на моем месте оказался всего лишь я.

— Клянусь. Тейна ве ровас.

Полыхнуло и сразу же погасло множество огненных искр. Формулировка древней магической смертной клятвы всегда сопровождалась подобной иллюминацией. Страшное воздействие имели три коротких, но внушительных, могущественных слова, означающих «лишиться пламени» с Дораскейва — самого первого языка, который только слышал этот Мир. Драконьего. Теперь я это знал.

— Спасибо, — с видимым облегчением выдохнула Мелори. — И прости за подозрения. Мне нужно было убедиться...

— Не извиняйся. Ты все правильно сделала. Идем. Пора бы уже и поторопиться.

Каких-то пять минут спустя леди привела ко мне красивую, каурую, уже оседланную лошадь. Лошадь недоуменно смотрела своими большими дружелюбными глазами и явно не понимала, почему ее оторвали от каких-то своих неотложных дел.

— Ее зовут Вэлли. А это Альвер, — представила меня миледи, ласково погладив кобылу по холке. — Сейчас вы по очень важному делу вместе поедете в Нортайл. Нам нужно вызволить Оринделла. Хорошо?

Вэлли понимающе стригла ушами.

Все было готово к отъезду, и ожидание чего-то неотвратимого, плохого действовало на нервы с ужасающей силой — куда сильнее, чем встреча с проблемой лицом к лицу. Если у нее, конечно, есть хоть какое-то подобие лица, пришла мне в голову внезапная мысль. Что ж, чувство юмора все еще меня не покинуло — уже хороший знак.

— Я со всем разберусь, — повторил я обещание.

— Если бы я только владела магией и могла поехать сама. Но я не могу. И это хуже всего. Не хмурься, сама знаю, что мне там, к сожалению, не место. Возьми лучше. Просто на всякий случай.

Она протянула мне небольшую, плотно закрытую склянку.

— Что это?.. — спросил я, не до конца веря своим глазам. — Откуда у тебя яд?

Вот это младшая дочь знатных лордов.

— Не думаю, что сейчас самое время объяснять. Нет, варила не я, — леди нашла в себе силы усмехнуться. — Бери! Может случиться все, что угодно.

И я взял — потому что она была тысячу раз права.

— Не скучай, — улыбнулся я, чтобы поддержать этот небольшой прилив спасительного оптимизма. Все же ждать и бездействовать всегда тяжелей.

— Только пообещай, что вы вернетесь. Оба.

После этих слов Мелори, поддавшись секундному порыву, легко поцеловала меня в губы.

И я направился к Нортайлу, твердо зная, что обязан выполнить просьбу девушки, которая за короткое время смогла разбудить во мне давно забытые чувства.

Дорогу освещали яркие луны — даже не пришлось разжигать огонь, что, собственно говоря, оказалось довольно удобно, потому что мне не пришлось лишний раз использовать магию и тратить драгоценную энергию. Воспользовавшись ситуацией, я сосредоточился на другом: пытался высмотреть в ночной темноте хотя бы старый, полустершийся след и без того черной ауры моего шефа. Сначала мои старания не увенчивались успехом и я уже даже начал отчаиваться, но потом до меня все-таки дошло: найт Рифард Хайт, кем притворялся Оринделл, не должен быть связан с лордами Арвеймами ни коим образом. А это несложное утверждение подталкивало к умозаключению, что его след нужно искать уж точно не на главной дороге от замка в городу.

Гениальная догадка подтвердилась, когда я свернул на ближайшую еле заметную тропу. Лошадь, правда, возмутилась подобному негалантному поведению наездника и не пожелала бродить среди колючих кустов, но я преподнес ей специально на этот случай заготовленные яблоки — так назревающий межвидовой конфликт был успешно предотвращен. Вэлли, вымогательница, разом присмирела и послушно потопала по выбранной тропинке, не забывая при этом поедать все, что попадалось на пути — в том числе и те самые колючие кусты, которые изначально вызывали у нее исключительно отрицательные эмоции. Я же сам гурманом отнюдь не являлся и предпочитал употреблять в пищу не лесные колючки, поэтому с лихвой от них доставалось именно мне.

Приходилось мужественно терпеть.

Примерно через половину часа еле заметные потоки темной ауры вывели меня на окраину Нортайла, где я до того момента бывал только один раз в своей короткой жизни, и то в другом времени, к которому все успеет коренным образом измениться.

Пятый дом по улице цветных камней? Где это вообще?

Идиот. Идиот. Идиот.

Очень, очень много времени я потерял, соображая, куда следует идти, и мечась по ночному городу. За прошедшие сорок минут, потраченные впустую из-за моей преступной непредусмотрительности, могло произойти все что угодно. Когда я наконец нашел нужную улицу и нужный дом, след Оринделла почти растаял в темноте. Его последние еле заметные крупинки виднелись у входной двери и дальше терялись среди множества других энергетических потоков, для такого часа слишком уж ярких.

Либо след ведет от дома к окраине города, и этот человек все же умеет хоть как-то скрываться, либо...

Предположить самое страшное я не смог. Этого не могло случиться, просто потому что я знал, что не могло.

Остановился на промежуточном варианте — но чтобы его опровергнуть или подтвердить, нужно было попасть внутрь. Я же даже представить не мог, что там происходит, а врываться в неизвестность, стремясь во что бы то ни стало вытащить из нее сына известного лорда и уйти с ним в ночь, было бы, мягко говоря, не очень разумно. Возможность была упущена.

Значит, придется ее вернуть.

Искать Временной Ураган и рассчитывать координаты, чтобы переместиться на

незначительное в масштабе всех Эр время назад, уже не было возможности. Тогда...

— Ну что, Вэлли, — тихо и уверенно произнес я, ласково глядя лошадь по холке. — Ради твоей прекрасной хозяйки и моего пока что отвратительного шефа нам с тобой придется сделать кое-что очень сложное.

Вэлли заинтересованно внимала. Похоже, перспектива приключений вполне устраивала своенравную лошадь, которая слишком долго скучала в стойле и поэтому теперь стремилась свершить что-нибудь, по крайней мере, нескучное.

Мы отъехали на пару кварталов и спрятались за домом — благо, ночью в этой части города было пусто. Не зря все же неизвестные мне заговорщики выбрали именно такое место для встреч.

На первый раз меня ждало сплошное разочарование. Время, с высокой колокольни наплевав на мои внезапно появившиеся способности, вовсе не желало меня слушаться. Обладая время мимикой, оно бы обязательно скорчило ехидную рожицу, показало язык и вообще приняло бы иронично-выжидательный вид. Однако сдаваться в мои планы не входило. Проверим, кто проявит больше упрямства.

Сомневаться в собственных силах было бы глупо, потому что сейчас я мог рассчитывать исключительно на веру в себя да на полное доверие любопытной лошадки. Лишать себя последней поддержки какого-никакого, но все-таки мага было уж точно не в моих интересах.

— Ну же, — раздраженно прошипел я. — Ты ведь можешь! Соберись!

Как вообще это делается, драконы все сожгите?!

За два с лишним месяца, проведенных в замке Арвеймов, я уже не раз пытался сделать нечто подобное, но метод проб и ошибок пока что не приносил никаких удовлетворительных плодов — только все больше убеждал меня в собственной интеллектуальной и магической несостоятельности.

И все же я уже решил отбросить все сомнения: поражаться своим возможностям уже после совершенного подвига, хоть и локального масштаба, гораздо приятней, чем сокрушаться по поводу унижительного бессилия.

Поддавшись секундному порыву, я закрыл глаза и четко проговорил про себя нужные мне дату и время. Даже попытался представить — слава кому бы то ни было, не недостаток воображения не жаловался никогда.

Осмотрел окружающую меня действительность. Чуть не взвыл.

Пятая попытка вынудила меня все-таки слезть с лошади — и к тому моменту я уже ругал все, на чем свет стоит, старательно припоминая всех известных мне мифических Духов. Проку от тех способностей Урагана, если ты понятия не имеешь, как ими вообще нужно пользоваться, а никаких учителей коварное мироздание, по всей видимости, не предусматривало.

Когда же я ступил на землю и сделал всего один отчаянный шаг, небо над головой неожиданно начало светлеть. Всего на несколько мгновений, которые показались мне вечностью, Мир погрузился в полупрозрачный туман — туман, который возвращал еще недавно минувшие секунды. Минуты казались почти что материальными — объективным фактором развития Вселенной. Луны поспешно убегали за горизонт, а на улицах снова появлялись люди, которые не могли обратить внимание на происходящее, не имели ни малейшей возможности увидеть стоящего неподалеку меня, потому что я на это мгновение стал еле заметной рябью на поверхности предреальности.

Я наступил на ногу, и туман рассеялся так же быстро, как и появился.

Получилось. Уличные часы уверенно показывали восемь вечера и даже не догадывались о произошедшей подтасовке. До моего поспешного выхода из замка Арвеймов оставалось еще достаточно времени.

Каурая лошадка Вэлли с интересом озиралась по сторонам. А посмотреть и вправду было на что: не каждый день ты первый раз в жизни собственными силами перемещаешься почти на три часа назад.

Вволю насладиться собственным могуществом мне не удалось, потому что всеобъемлющий восторг как-то слишком быстро сменился осознанием насущной проблемы. Забыть о своем обещании и, став известным на весь Нортайл конокрадом, сию же секунду отправиться на поиски приключений было бы не слишком-то учтиво. Превращение в легендарного призрачного всадника, устрашающего и восхищающего обывателей одним своим появлением в разных моментах истории, — перспектива, конечно, радужная, но заняться ее претворением в жизнь все же следует чуть позже. Хотя бы потому что легендарный призрачный всадник обязан быть либо до смерти пугающим, либо благородным, иначе картина окажется неполной. Меня же, всегда предпочитавшего считать себя не очень страшным, больше устраивал первый вариант.

Спустя несколько минут бесконтрольного восторга я смог себя одернуть: самое главное — то, с чего, собственно, и начались проблемы этого вечера, все еще оставалось впереди.

Вот только теперь попробуй определить, где этот... младший лорд Арвейм бродит. К тому же, еще придется объяснять, каким таким мистическим образом я сумел оказаться в Нортайле раньше него. Нет, не вариант.

Оставалось только спрятаться и ждать. Поэтому я привязал Вэлли к столбу, от чего та по известным причинам не пришла в особый восторг, и отправился гулять по окрестностям, не спуская глаз с назначенного дома и стараясь не особо привлекать к себе внимание — хочется верить, что последнее мне и вправду удавалось.

В ярком свете закатного солнца я смог рассмотреть выбранное для тайных встреч строение гораздо лучше. Оно оказалось самым обыкновенным и непримечательным среди своих собратьев по району: двухэтажное, цветное, тихое, будто бы спящее, здание ничем не отличалось от остальных.

Пожалуй, только нехорошей атмосферой — которая, вполне возможно, мне из-за напряженного ожидания всего лишь померещилась.

Ждать пришлось сравнительно недолго: всего сорок минут не самой веселой прогулки в моей жизни спустя к пятому дому по улице цветных камней подошел первый участник развернувшихся далее событий. Это был обычный молодой человек среднестатистической наружности, лет ста-ста десяти, не более, ничем особым не выделяющийся.

Ничем, кроме своего поведения.

Да, парень, конспиратор из тебя не выдающийся.

Я принялся наблюдать уже внимательней. За короткое время все были в сбое: в итоге всего таких молодых людей собралось четверо. Оринделл оказался пятым. Определяющим же событием того долгого вечера стало то, что просто предупредить лорда об опасности оказалось невозможным: он приехал вместе с одним из своих предположительных убийц. Выглядел непринужденно, уверенно и, пожалуй, ничем себя не выдавал, и все же я знал точно: эта, на первый взгляд, безобидная компания представляет для него немалую угрозу: иначе Оринделл, услышав от незнакомца свое выдуманное имя, не стал бы пытаться убить

его на месте. Я же, по иронии судьбы оказавшийся тем самым осведомленным незнакомцем, вполне мог бы быть сейчас закопан где-нибудь под деревом далеко в Лесу.

Выругавшись про себя, я подошел ближе к дому и прислушался, что, разумеется, никакого результата не принесло: любая мало-мальски серьезная группировка просто обязана уметь выставлять защиту от прослушивания.

С улицы я ничего не смог бы сделать даже при большом желании. На свой страх и риск я, внутренне собравшись и уже готовясь ко всему подряд, пробрался в дом — и каким-то чудом смог остаться незамеченным. Видимо, заговорщики были сильно увлечены беседой и не предполагали возможность несанкционированного проникновения.

А зря. Нужно было запирать не только дверь в комнату переговоров, но и входную. Или они хотели создать видимость давно заброшенного здания?

Ладно, не это сейчас важно.

Понятия не имею, насколько эти ребята серьезны, но снятие заклинания заняло у меня еще минут двадцать. Не профессионалы, конечно, раз уж даже я разобрался, но хитрое сплетение энергии все же внушало уважение — снять защиту я сумел только для себя, остальные же точно так же оставались в благостном неведении.

Знать бы, к лучшему это или к худшему.

Нужно быть осторожней.

Послышалась первая разборчивая фраза — и у меня не осталось времени для размышлений.

— Вы же не думаете, что мы вас отсюда просто так выпустим, правда, Рифард? — издевательски и угрожающе говорил один из четверых молодых людей. — Или как вас там зовут по-настоящему.

Еще никогда я не действовал настолько быстро.

Дверь в комнату слетела с петель после первого энергетического удара. На внезапно раздавшийся шум рефлекторно обернулись все присутствующие — это Оринделла и спасло. По крайней мере, дало ему несколько лишних секунд, чтобы, увернувшись от боевого заклинания, отскочить к стене.

Мое появление стало для королевского разведчика, наверное, самой большой неожиданностью за вечер: разоблачение, к возможности которого он был готов, его и то не так сильно удивило — но тратить чудом выигранное время на вопросы он, конечно же, не стал. Сначала пользуйся удачей, если таковая соизволила повернуться к тебе лицом, и только потом интересуйся причинами — скажет любой более или менее умелый боевой маг, к которым относился и Оринделл.

Нам повезло и с тем, что, кроме тех четверых подозрительных типов, рассмотренных мной еще на улице, в темной, тесной, магически защищенной комнате других заговорщиков не было. Появись их тут еще штук десять, все-таки телепорты и порталы — явление не такое уж и редкое, эта история могла бы закончиться довольно печальным образом.

Но отсутствие самого страшного — еще не повод тут же забывать о меньшем. Сразу стало предельно ясно, что и эти четыре агрессивно настроенных человека вовсе не намерены оставлять нас в живых. По крайней мере, их руки, готовые к применению нешуточных заклятий, намекали как раз на обратное.

Мы с моим будущим шефом, не сговариваясь, встали спиной к спине.

Двое недалеко от зашторенного окна. Один в центре. Последний стоит в противоположном углу. Разобщены. Неплохо.

До того момента участвовать в настоящей магической битве мне приходилось только однажды, и в том случае соотношение сил складывалось в нашу пользу. Что нельзя сказать про нынешних двоих против одного.

«Не поддавайся панике. Никогда. — Говорил мне шеф во время тренировок. — Она может стать твоим самым страшным врагом.»

Грозно сверкнули первые боевые заклинания — и мы были к ним готовы. Одно отразил я, два — Оринделл, еще несколько, так и не достигнув цели, врезались в камень. Поспешность демонстрировала отсутствие большого опыта у наших врагов; мы же сами предпочли сначала приглядеться, понять их тактику, разгадать привычки.

Один из четверых соперников был отброшен к стене и больше не поднимался. Похоже, в него попала нечаянная молния своего же соратника.

Первым делом нужно победить главного и самого сильного — и тогда боевой дух остальных противников значительно померкнет.

— Рифард! — заорал я. — Главный!!!

Указание к действию было понято сразу. Вырвавшаяся из рук младшего лорда ударная волна врезалась в невысокого мужчину, чье лицо было прикрыто непроницаемым черным капюшоном, — того самого который столь саркастично озвучивал приговор.

Главарь устоял на ногах и даже сумел выпустить в нас по одной шаровой молнии. Увернувшись только благодаря хорошей реакции, я кинулся к нему, не обращая внимания на остальных. Позже. Сначала самое сложное.

Пожалуй, он единственный из всех присутствовавших владел магией лучше, чем я. Ошибка. Я позволил себе расслабиться слишком рано.

Исправь ее. Соберись. Сконцентрируйся.

«Не думай. Мышечная память сделает все за тебя.» — добавлял найт Хайт потом.

Сделает.

Рефлексы и правда работали прекрасно — но враг был силен. Я хорошо уклонялся от атак, но и сам долгое время не мог пробить защиту. В самый последний момент, когда мне под натиском заклятий пришлось лихорадочно защищаться и поспешно отходить к стене, я вдруг вспомнил про яд, который мне так удачно дала Мелори за минуту до отъезда.

Несколько минут достойного поединка, шесть отравленных заклинания с моей стороны — и главарь банды уже был мертв.

Оказалось, что у меня появилось несколько ссадин в не особо опасных для жизни местах, но в пылу схватки я даже не заметил, когда их получил. Лишь последнее заклинание мага успело коснуться моей груди, но я точно так же не почувствовал боли. Предосторожность никогда не бывает излишней, тем более, когда речь идет о ранах, и я на всякий случай присмотрелся: заклятие даже не прожгло атту. Наверное, просто удачно прошло вскользь.

Тем временем, Оринделл в одиночку отбивался от двоих оставшихся заговорщиков. Надо отдать ему должное, справлялся он просто прекрасно: хоть и немного отступил, но продолжал удерживать внимание сразу на обоих и никому не позволял себя коснуться.

За пару секунд окончательно убедившись, что под воздействием магии обессиленно падать или хотя бы ослабляться в планы моего организма не входит, я сразу же забыл про якобы полученные ранения и встал на подмогу будущему шефу.

Рвения у двоих оставшихся членов шайки значительно поубавилось. Когда же мы с Оринделлом снова встали спиной к спине и приняли боевые стойки, накинулся на нас

только один из них — за что сразу же поплатился.

Именно так, глупо и бессмысленно, погибают фанатики. Вот только они сами обычно убеждены, что их жизни в сравнении с грандиозной Идеей совершенно незначительны, и спокойно, с достоинством жертвуют ими.

Единственный оставшийся в живых враг — тот самый обыкновенный молодой парень, которого я на улице увидел первым — затравленно огляделся и, подняв руки, отошел к стене.

— Кто они? — посчитал нужным поинтересоваться я, на этот раз уже не позволяя себя расслабляться. В конце концов, такой маневр мог быть обыкновенной отвлекающей уловкой.

— Личинки революционеров, — зло проговорил Оринделл. — Хотят свергнуть короля и посадить на престол Элринга своего главного фанатика. Вот только они не понимают, что страна и фамилия все-таки немного связаны.

Повеяло новой волной опасной агрессии: все-таки ярые приверженцы какой-то идеи очень не любят, когда открыто высмеивают их убеждения.

— И что вы теперь сделаете? Убьете меня? — с вызовом спросил выживший. Но его голос предательски дрогнул.

Один суровый взгляд моего будущего шефа заставил его умолкнуть.

— Убить? — издевательски прошипел он. — Неплохая идея.

Я бесцеремонно оттолкнул его руку.

— Подожди.

Пазл начинал складываться во вполне отчетливую, понятную картину. Конечно, можно было догадаться и раньше, но это бы вряд ли что изменило.

— Вы ведь даже не видели своего главаря в лицо, так? И даже не знаете его настоящих планов, — уточнил я, следуя внезапно пришедшей в голову мысли. И это скорее было не вопросом, а утверждением.

Загнанный в угол заговорщик ничего не ответил, но по выражению его лица все и без того было ясно.

— Ты ведь и сам знаешь, что вас используют. Вы — приманка. Ваши жизни для мнимого царя ничего не значат.

— Ну и что за лекцию ты тут устроил? — осведомился мой импровизированный напарник. — Они же...

— Тайное общество Ловенаров, так ведь? Причем это название появилось только... ммм... неделю назад. О нем еще даже не все знают, — напряг я память. — Прости, парень, у меня плохие новости. Твой обожаемый царь уже через год сбежит за границу, оставив практически всех вас умирать вместо него.

Младший лорд Арвейм уставился на меня не менее ошеломленно, чем несостоявшийся революционер. Наверное, что-то в моем голосе убедило их, что я не шучу и ничего не выдумываю.

— Ты что, предсказатель? — недоверчиво спросил второй. Он сомневался. Это стало хорошим знаком.

«Я не предсказатель. Я только историк» — мысленно усмехнулся я, переврав известный афоризм.

— С каких драконов ты это вообще можешь знать?! — раздраженно прогремел Оринделл.

— Не хотите — не верьте, — философски заметил я. Сейчас мне не особо хотелось снова пускаться в преподавательскую деятельность и читать лекцию про путешественников

во времени. — Проверим через год.

Пробуравив меня недоуменным взглядом, лорд вздохнул — уже более миролюбиво.

— С этим нужно что-то делать, — деловито заметил он.

— Отпустим? — предложил я.

— Ни за что. Я не для того здесь столько времени провел.

— Не убивать же его только из-за того, что ему профессионально задурили голову.

Моя позиция по данному вопросу нравилась пареньку явно больше: он согласно кивал головой, выражая свое безмерное согласие с каждым словом.

— А я думаю... — начал объект переговоров, но мой будущий шеф, привыкший командовать, внушительно рявкнул:

— Молчать!!! — и тут же продолжил прерванный разговор уже совершенно спокойным тоном. — Это было бы проще и надежней.

Поразительные все-таки люди эти аристократы. Вежливые и гуманные. Что тут еще сказать.

— Не становись убийцей, а, — недовольно проворчал я.

— Но мы уже, — он сделал ударение на втором слове.

— Сейчас у нас есть выбор.

— Король снял с меня всю ответственность за подобные меры.

— Как будто тут дело в ответственности.

Следующие секунды прошли в напряженном молчании. Оринделл недовольно нахмурился, но промолчал. Похоже, я со своими моральными увещаниями на этот раз победил.

— Как тебя зовут-то хоть? По-настоящему. — Сдержанно осведомился он. И в эту секунду стал напоминать вовсе другого человека — себя самого почти восемь веков спустя.

— Харрис Тессен, — быстро проговорил бывший заговорщик, смекнув, что противоречить было бы далеко не в его интересах.

— Хорошо, Харрис Тессен. Если тебе дорога жизнь, то прямо сейчас ты поклянешься, что больше никогда не свяжешься с этими идиотами-фанатиками. Не расскажешь о произошедшем здесь. И прямо отсюда пойдешь наниматься на службу к королю Ровену. Это приказ.

Нет. Если закоренелые аристократы и меняются, то очень медленно.

Но требование и правда было разумное.

— Тейна ве ровас, — у парня не оставалось выбора.

— Что ж, — хладнокровно заключил Оринделл. — Ты либо кошмарно расчетлив, либо обыкновенный трус. Решать тебе.

Когда единственный выживший счастливчик поспешно смылся, все еще не до конца веря в свою удачу, все было кончено. Но кроме нас с будущим шефом в пустой, мрачной комнате оставались три мертвых человека — жестокое напоминание о произошедшей битве, которая и длилась-то не более десяти минут.

— Они были всего лишь пешками. Глупыми одураченными пешками. — Тихий голос лорда Арвейма, казалось, прозвучал слишком громко. — В курсе всего происходящего был только главарь. Но даже он вряд ли заслуживал такой смерти.

И все-таки каменную маску жестокосердия можно разбить.

Мы быстро сжигали тела, стремясь как можно быстрее исчезнуть из этого злополучного дома навсегда.

— Он был одним из главных?

— Да. Но есть люди и намного выше его. Большая сеть заговорщиков с собственной идеологией — приверженцы давно запрещенной магии Заката. Это только крохотная часть.

Магия заката... мне часто приходилось слышать о ней — слава Духам, только во время теоретических занятий. Довольно неприятная, некогда запрещенная штука, вызывающая зависимость, а в наихудших случаях — и помутнение рассудка. Что-то вроде тяжелого наркотика несколько иной природы. Остается надеяться, что отпущенный на волю парень все же не успел к ней пристраститься, иначе плохо будет либо ему самому, либо окружающим. В любом случае, нужно будет его найти и проверить: имя и будущее место работы нам уже известны, об этом он бы при всем желании не смог соврать.

— Они не смогут ничего сделать. Заговор быстро раскроется. — Снова повторил я.

— Откуда ты можешь знать?

— Сам увидишь. Так. С тобой все в порядке? — спросил я, с содроганием вспоминая летавшие по комнате боевые заклинания.

— Несколько ссадин. Быстро пройдет. С тобой?

— В порядке.

Наконец оказавшись на улице, я взглянул на часы: до моего приезда оставалась какая-то четверть часа. Даже подумать страшно, что могло бы случиться, если бы я все же не сумел переместиться во времени...

— Поехали отсюда, — устало сказал я. С этим предложением потомственный аристократ спорить не стал.

При виде меня Вэлли приветливо и радостно пошевелила ушами — она провела время явно не столь насыщено, как я сам, к тому же, по всей видимости, была рада меня лицезреть после относительно долгой разлуки.

Мы быстро отвязали лошадей и уехали. Часть дороги до замка молчали, думая о своем. Для меня за этот вечер небо потемнело уже во второй раз — а для кого-то оно сегодня потемнело в последний.

— И откуда же ты взялся? — нарушил молчание Оринделл.

Самому благовоспитанному лорду не чуждо любопытство.

— Пришло известие от короля. Он хотел сказать тебе, чтобы ты больше не совался в тот дом. Они каким-то образом раскрыли Рифарда Хайта, но так ничего и не узнали про Оринделла Арвейма. Но ты уже уехал — поэтому Мелори попросила меня.

— Ясно.

Снова минутное молчание.

— Где ты научился так хорошо драться?

Честное слово, я чуть не рассмеялся. То ли от накопившегося напряжения, то ли от явной комичности ситуации. И как, скажите на милость, в настолько запутанном положении хоть что-то честно объяснять.

— У меня был очень хороший учитель.

Я был неимоверно горд собой: с самого первого дня, дня внезапной встречи с молодым шефом, я мечтал сказать ему это уже всеми подряд замученное клише. Просто ради смеха и осознания всей грандиозности разговора. Да и потому что это и вправду было так — с этим никто из его будущих учеников уж точно не стал бы спорить.

— Хмм. Но как ты успел вовремя? — мои туманные ответы, похоже, Оринделлу налади сильно надоедать.

Я усмехнулся. Таинственный герой из меня вышел бы только карикатурный, но проказница-судьба зачем-то заставляла его из себя изображать.

— Это допрос?

— Пожалуй, да.

— Пришлось сильно поторопиться.

— Ладно. Хорошо. Скрытничай, сколько тебе угодно, — взорвался он и тут же добавил фразу, которую я совсем не ожидал услышать. — В любом случае, я обязан тебе жизнью. Наверное... спасибо.

Произнося эти слова, такие непривычные для самого себя, лорд Оринделл Арвейм стал очень похож на найта Рифарда Хайта, моего давнего знакомого и друга, которому вовсе неведомы высокомерие и презрение.

Но видеть этого я не мог. Окружающий мир как будто исчез. Почувствовав жгучую, нестерпимую боль в груди, я провалился в темную бездну.

Глава 4. Самый страшный враг

Огромный столп пламени озарил сумеречный Мир.

Но не нанес ему абсолютно никакого вреда. Кхалгар, драконий лес, не может быть опален.

Восторг. Мощь. Всесилие. Один лишь взмах могучих крыльев способен вызвать ураган — конечно, только если мы сами этого захотим.

Мягкое приземление на все четыре лапы. Скачок, сотрясающий землю. Полет. Свобода.

Острым зрением нечеловеческих глаз я могу видеть все, что происходит снизу: мои младшие братья и сестры, невероятно сильные, нерожденные, появляются будто бы из ниоткуда. Овеществляются. Материализуются. Они — дети подпространства. Они — живые сгустки магии.

Мы — ушедшие Духи.

Мы вместе начинаем новый Мир.

Острая боль в груди всего на мгновение возвращает меня в реальность.

Проходят миллионы, миллиарды лет. Начинается совершенно другая жизнь. Я уже не летаю, не извергаю пламя. И все же могу кое-что совсем иное. Я не так молод, но и вовсе не стар. Утрированное чувство одиночества гложет, разъедает меня изнутри. Чувствуется тупая, приглушенная боль внутри — на этот раз не от раны.

Все пошло прахом в одну секунду. Тогда я, конечно же, этого не осознавал. Но понял в тот же день. Тогда меня подвели, пожалуй, одни из лучших качеств человечества — честность и ответственность. Они привели к ошибке, которую не может исправить даже Ураган.

Издалека, как будто бы из исчезающего Мира, слышатся знакомые слова:

— Найди нас всех. Мы можем все исправить. В другой жизни.

Холодные пальцы гладили меня по перевязанной груди. От этого не сразу, но все же становилось легче.

— И снова ты меня пугаешь, — тихо и ласково говорила самая лучшая в Мире девушка. — Выздоровливай.

Я хотел взять ее за руку, но не смог даже открыть глаз. Попытался, но обволакивающая темнота тут же снова утащила меня в свои цепкие объятия.

Разговоры, их бессвязные отрывки, то появлялись, то исчезали, растворяясь в блаженной тишине. Я их только слышал — видеть все еще не мог.

Когда ко мне в следующий раз вернулось сознание, я почувствовал на себе влагу. Ощутил на губах ее вкус. Слезы.

— Это я виновата, — сдавленно произносил будто бы все тот же, но совершенно другой голос. — Я не должна была его ни о чем просить...

— Не казни себя, — возражал стоящий чуть дальше мужчина. — Он бы не стал тебя ни в чем обвинять. Давай все же надеяться на лучшее.

Сослагательное наклонение мне не понравилось.

Звук тихих рыданий — и дальше ощущения снова резко оборвались.

— Забудь про него! — жесткая, властная интонация взрослой женщины. — Кто он такой? Уж точно тебе не пара. Тебе лучше уйти отсюда.

— Мама, он спас твоего сына! Прояви хоть чуточку благодарности!

Молчание. После него старшая леди смягчилась:

— Да, найт хороший молодой человек, с этим я спорить не стану. И все же ты должна забыть о своих чувствах к нему. Ты еще поймешь, что они не были настоящими.

Секундное напряженное молчание — и непривычно резкая для нее реакция.

— Позволь мне самой решать, что для меня настоящее, а что нет. Хватит. Не видишь, он спит.

«Вот и все» — неожиданно для меня самого пронеслась в голове впервые за долгое время облаченная в словесную форму мысль.

В какие-то моменты, когда меня начинало разрывать изнутри, я кричал, все еще не понимая, что происходит. Разум, кажется, отказывался работать. Я не желал показывать слабость, хотел остановиться, но это было выше моих еще не восстановленных сил.

— К нему возвращается чувствительность, — констатировал не знакомый мне спокойный человек. Его уверенность внушала спокойствие и мне. — Это хороший знак. Найт. идет на поправку. Но будет еще...

Расслышать окончание фразы мне так и не удалось: меня снова стремительно окутывала уже такая привычная черная тень.

Потом было больно. Временами — очень, но в такие моменты я почти сразу же отключался. Среди причудливой череды гробовой тишины и сплошного звона в ушах тихие разговоры начинали угадываться все отчетливей и отчетливей. Люди находились уже несоизмеримо ближе ко мне: их голоса перестали раздаваться будто бы из параллельного Мира.

— У меня есть снадобье, которое должно помочь снять боль, но это все-таки Магия Заката... — обладательница голоса была погружена в раздумья.

— Хоть какая-то надежда.

— Милая, ведь папа и Оринделл уже говорили тебе. Не нужно себя осуждать. Ты все сделала правильно и ни в чем не виновата.

— Линн, он... поправится? — судорожный вздох.

— Да. Если найдет, ради чего жить.

Пронеслось несколько секунд, минут или даже часов.

— Альвер, приходи в себя, пожалуйста. Я же... я же... если я для тебя хоть что-то значу.

Последним ощущением стало обжигающее тепло от целующих мое лицо нежных губ. И видения, одно за другим, одолевали мое слабое, затуманенное сознание.

Когда ко мне вернулась способность двигаться, я все еще был в бреду. Не понимая, что и зачем делаю, опираясь на ослабшие руки, я с огромным трудом сел на кровати. Каждое движение болезненно отдавалось в перевязанной какими-то пахучими тряпками груди.

В окно, словно ненавязчиво интересуясь моим здоровьем, светили две луны — третья же скромно притаилась за единственным на небе облачком. В темноте, которая из-за ярких спутников не казалась кромешной, верхушки высоких деревьев, легонько покачиваемые ветром, представлялись сказочными великанами, собравшимися навестить тяжело раненого мага.

Ночь... но какого числа? Какого месяца?

Все это неопределенное время я находился в комнате, которая за не особо продолжительный период службы в страже уже успела стать моей. На тумбочке горой лежали книги, бумажки, несуразные забавные рисунки — и все это не имело ко мне

никакого отношения. Кто-то из обитателей замка провел рядом со страшно околдованным мной множество тяжелых часов.

Я не знал, о чем я думал. Скорее всего, не думал вовсе: перед глазами все еще стояли удивительно реалистичные картины чьих-то несбывшихся, отмененных судеб. Одно, всего одно ласковое, но настойчивое слово самой нужной женщины — и я бы безропотно вернулся обратно в постель, вскоре снова провалившись в глубокий сон.

Но на этот раз я в комнате был один, и останавливать меня, не способного рационально мыслить, было просто некому.

Со стороны напоминая лунатика, я механически поднялся на ноги и тут же от боли чуть не упал обратно. Судорожно схватился за тумбочку, все-таки не упал, закрыл глаза и отдышался. Смог пересилить себя. Небольшая победа теряющего сознание мага. Логически она была вовсе не нужна и даже вредна, но предательница логика решила меня покинуть в самый сложный момент.

Оранжевая луна на секунду скрылась за облаком: будто бы заговорщически подмигнула, шутливо поддерживая неразумное намерение раненого в бою не война даже — обыкновенного историка.

Находящийся на грани потери сознания, я мало что понимал. Только запомнил, как зачем-то вышел из спальни, потом, оглядевшись и практически ничего вокруг себя не заметив, спустился по лестнице и принялся следовать уже давненько выученным наизусть маршрутом.

Будь я способен удивиться, я бы сделал это обязательно, потому что по пути в библиотеку так и ни разу не споткнулся, не покатился по полу бесчувственным, еле живым кубарем. Учитывая мое состояние, это было странно.

Ноги шли на полном автомате, а на жгучую скрытую рану, напоминавшую о себе при каждом шаге, я почти не обращал внимания. Боль от нее утихала, меркла, пока я был одержим неким стремлением, родившимся во время очередного бреда. Нет, это стремление, сначала не оформленное в четкий план действий, существовало во мне уже больше двух месяцев, но только сейчас я, больной, одолеваемый смутными видениями, понял, что именно мне нужно было сделать.

Не обратив ни малейшего внимания на книги, я подошел к полке и пальцем начертил схематический знак — тот самый, который здесь всегда изображала на самой себе некогда найденная в рюкзаке карта. Раньше, в недоумении стоя здесь, я видел его множество раз, а потому зрительная память, в остальных случаях не такая уж и цепкая, смогла воспроизвести его безошибочно.

В реальности не осталось и следа. Энергетическое очертание знака, ослепительно пылающее смесью множества аур, можно было увидеть только Истинным зрением.

— Фасаре. Дорас. — еле слышно прошептал я на драконьем языке те самые слова, которые настойчиво всплывали в голове. Слова, написанные на карте когда-то давно не понятным мне языком.

Стороннему наблюдателю, если бы таковой там был, могло показаться, что я прошел сквозь стену.

Но нет. Существует несколько доступных мне путей в Древний Мир, и дорога сквозь Предреальность — всего лишь самый простой из них.

Даже находясь в беспамятстве, я наблюдал, как три миллиарда лет, для кого-то безвозвратно утерянные, спрятанные от любопытных глаз магов будущего, стремительно

проносятся мимо меня, радостно возвращаясь назад.

Увидев светлое, ярко-голубое утреннее небо, одушевленный речной туман, играющий с большими, до ужаса знакомо поющими птицами; узнав своевольный и коварный Кхалгар, обожающий забирать себе незадачливых путников, я почувствовал бешеный упадок и без того не огромных сил. Жгучая боль от полученной невидимой раны, до того момента как будто испуганно спрятавшаяся, возвращала свои утерянные права. И вызванная смесью этих ужасных ощущений темнота снова утащила меня в свой омут.

Она, наплевав на прекрасное солнечное утро, сидела в своей спальне взаперти и рисовала. Прекрасные солнечные утра случаются в Древнем Море почти каждый раз и исключительными случаями вовсе не считаются, а вот грядущее всеобщее собрание и вправду предоставляло богатую пищу для размышлений — причем не самых приятных и умиротворяющих.

Рисовать, впрочем, она совершенно не умела (постоянно выходили какие-то ужасающие абстракции того самого стиля, который некогда будет назван модернистским) и потому не особо любила, однако по капризной прихоти судьбы именно это занятие становилось для нее особой формой медитативной практики. За рисованием сумасшедших футуристических закорючек почему-то думалось значительно проще.

Ничего хорошего это во всех смыслах драконье собрание не предвещает и предвещать не может. Тема предстоящего обсуждения очевидна даже самому недогадливому в Море существу: Мирианделл и его злополучный артефакт, случайное изобретение увлекающегося экспериментатора.

Если же собрание всеобщее, значит, всего два правдоподобных варианта: либо решение уже найдено, либо его в обязательно порядке предстоит найти через несколько дней, причем всем вместе.

Нет. Сидеть на одном и том же месте и самоотверженно нервничать — далеко не самое результативное занятие. Лучше сразу найти Велатриана и спросить у него все прямо. Он хороший, пожалеет чужие нервы и все расскажет — а если не все, то, во всяком случае, сумеет успокоить, посвятив хотя бы в часть раздутой его собратьями тайны. Подумаешь, немного помашет крыльями или даже подышит огнем, это, при определенном подходе и поведении, может быть вполне приятно.

«Тогда прекращай страдать и иди к Велатриану» — твердо сказала она самой себе.

Тут же отложила ручку (интересно, в какой Эре ее изобретут?) и исключительно ради любопытства посмотрела на изрисованный листочек. На этот раз из почти бессвязных линий сложился своеобразный цветок — причем, по всей видимости, плотоядный. Очередной шедевр следовало оставить на память: ей очень нравилось случайно находить свои рисунки в самых непредсказуемых местах несколько месяцев спустя и долго над ними хохотать.

Умение смеяться над собой — воистину одно из тех обязательных качеств, которые указывают на достойного человека.

Она порывисто встала и, не глядя, достала с полки первую попавшуюся атту. Лишь бы не слишком теплая (в разгар лето это было бы немного обидно), а на остальное можно и не обращать внимания. Да и перед кем здесь, в конце концов, красоваться? Все и так знают всех с самого рождения.

Пока переодевалась, мельком взглянула на себя в зеркало — и осталась жутко недовольной. Она вообще никогда не замечала в себе особую привлекательность. Лицо,

пожалуй, излишне широкое и вообще какое-то кривое (радует хоть, что этих противных веснушек не так много, как могло бы быть), да и волосы, и без того странного цвета, в какой-то момент начали сильно виться, чем свою обладательницу совсем не обрадовали. Но что-то делать со всем этим великолепием было просто-напросто лень. Впрочем, как обычно.

Среди своего вынужденно замкнутого круга общения девушка точно так же не считалась выдающейся красавицей: здесь заслуженно первенствовала ангелоподобная Луатэнь, с несомненным очарованием которой никто в здравом уме спорить бы не стал.

Но зависть удалось побороть уже много лет назад. Плохое это чувство, невыгодное, никаких положительных эмоций не приносит, зато сбивает мысли с верного русла и портит весь настрой. А ведь настрой — очень важная в магии штука.

Ну, и ладно. Не наделила Предреальность при рождении выдающейся внешностью — и драконы бы с ней. Зато щедро наградила внушительными силами и талантом к темной магии, а это стоит очень и очень многого. Далеко не все в зарождающемся Море маги могли бы померяться с ней способностями, и это привыкшая оценивать себя адекватно и не страдающая излишней скромностью ведьма всегда признавала и кокетливо лукавить уж точно не собиралась. Еще чего не хватало, право слово.

«Кстати, — тут же, отвлекаясь на более интересные размышления, забыла она про самоедство. — Ангелы — это из культуры какого Мира?»

Пока вспоминала давно забытые уроки, в далеком детстве казавшиеся не такими уж увлекательными — ладно, скажем честно, скучными — успела выйти из замка и направиться прямо в чащу Кхалгара, хоть и полностью известного, но все равно, как и раньше, непредсказуемого.

Чем дальше она углублялась в Драконию Лес, тем мрачнее становились ее предчувствия.

Наверное, в прошлом она что-то знала про это нехорошее всеобщее собрание, поэтому теперь и волнуется. Ох уж эта детская способность магов, которых позже назовут Древними: сначала ты некоторое время отрывочно помнишь свое будущее, успеваешь к этому привыкнуть и не расцениваешь как нечто необычное, а потом воспоминания незаметно и практически бесследно исчезают, оставляя после себя лишь прощальный «привет» в виде неопределенных эмоций. И, как получилось в ее случае, ходишь двести лет подряд непонятно в кого влюбленная. То есть, вполне понятно в кого, но не известно, почему, надолго ли и зачем уже сейчас.

Влюбленность, конечно, восхитительное чувство, помогающее переживать самые мрачные времена, а на все остальные проблемы смотреть припеваючи, но иногда это начинало порядком мешать. Хорошо хоть она напоминала о своем существовании лишь изредка, иначе ведь с ума сойти недолго — и не поймешь, то ли от тоски и безысходности, то ли от бессильной злости, то ли от безмерного, ничем, в такой-то ситуации, не обоснованного счастья.

Возможно, способность предвидения была всего лишь аллюзией на зарождающийся Мир, сочетающий в себе многие варианты развития истории, а может, это было дано, чтобы первые маги имели возможность смириться со своим будущим, привыкнуть к нему, но после, внутренне готовые ко всему, проживали интересную, никем не предсказанную судьбу.

И все же в любом случае: если насчет приближающегося дня есть какие-то плохие предчувствия, значит, ей и правда есть о чем беспокоиться. Жаль, поторопилась, надо было захватить из дома пирожное: хоть какой-то повод порадоваться необходим всегда. Его нет — что ж, ищи, изобретай, но, будь добр, не впадай в уныние. Та еще бесполезная трата времени.

В самый разгар невеселых мыслей в голове бодро идущей по волшебному Лесу ведьмы, больше всего сейчас напоминавшей овеществленное привидение, внезапно раздался чужой женский голос:

«У нас тут происшествие, — без единого намека на приветствие произнесла неожиданная собеседница. — Кажется, нас навестил твой старый приятель.»

«Какой еще приятель?» — проворчала она в ответ.

Не выйдет, из-за каких-то глупостей она сворачивать с пути уж точно не станет. Раз собралась расспросить Велатриана — расспросит и до того момента не успокоится, а все остальное может и подождать. Упрямства ей всегда хватало — периодически даже с избытком.

Невежливо вторгнувшись в личное пространство женщина ее мысли, конечно же, расслышала.

«Сай, не вредничай, — чуть ли не взмолилась она, быстро сменив тактику. — Это он. Твой Ураган.»

Ведьма остановилась как вкопанная.

«Что?..»

«Но тебе лучше бежать, — голос был сильно взволнованным. — Твоя помощь понадобится. У нас возникли большие проблемы: у Урагана на груди теневая метка магии Заката!»

Сай и вправду побежала, что в другой ситуации, ради кого-то другого, делать точно не стала бы. Про допрос добрейшего Велатриана было мигом забыто. Если услышанное — правда, это совсем не глупости.

Ждать двести лет — и только для того, чтобы увидеть его тяжело больным?

Нет. Нет. Нет.

Сначала было больно. Но потом мой воспаленный разум, жаждущий покоя, начал грезить наяву и придумал себе анестезию: рядом со мной появилась она. Присоединилась к другим не знакомым мне людям (и на них я больше не смотрел), касалась моей груди, водила по мне своими холодными пальцами, которые в моем воображении почему-то стали способными излучать магическую энергию, сосредоточенно смотрела на меня со смесью разных, не понятных мне чувств. От ее прикосновений, от одного ее присутствия мне становилось тепло, уютно, а боль стала постепенно утихать.

Даже в полусознательном состоянии я не мог не узнать ее прекрасное лицо, ее выющиеся темно-рыжие волосы, ее завораживающие карие глаза, сейчас напряженные и взволнованные, но все равно, как обычно, умные и хитрые — в точности как у...

Но нет. Ее не может быть здесь. Она родится только через три миллиарда лет.

— Мелори, — тихо, слабо выдавил из себя я, снова погружаясь в блаженную темноту. Уже было совсем не больно. Спасибо ей — или же моему собственному сумасшествию.

Самая лучшая в Мире галлюцинация удивленно нахмурилась. Нет! Я же хотел, чтобы ты улыбнулась...

— Тсс. — через некоторое время, опомнившись, произнесла она, нежно глядя меня по лицу. — Тебе пока не стоит говорить.

Золотистый свет Клавера заливал лицо — от этого я и проснулся. Почти сразу понял, что впервые за неопределенное время способен ясно мыслить. Странное, на самом деле,

ощущение: снова лицом к лицу столкнуться с насущной необходимостью управлять самим собой, причем как раз в тот момент, когда ты совершенно не понимаешь, что происходит вокруг. Что можно ждать от окружающей действительности, если она сама по себе пока что не до конца реальна?

Зато грудь почти не болела. Вот это оказалось великолепной новостью.

За окном истошно, но тем не менее мелодично, вопили все те же птицы, вызывавшие определенные ассоциации, — именно они и напомнили мне, где и, самое главное, когда я нахожусь.

Изначально в головокружительное открытие я ничуть не поверил. Какой, к драконам, Древний Мир?! Как бы я вообще сюда попал? Не бродил же по замку в таком отнюдь не завидном физическом и умственном состоянии одиноким подвывающим призраком, в самом деле! Обыкновенный красочный сон или же, что значительно вероятнее, очередной бред раненого.

Ради удовлетворения сжигавшего меня любопытства я потрянул головой: во-первых чтобы проверить предположение о блаженном сне, во-вторых — с целью удостовериться, могу ли я сделать это со вкусом, со всей тщательностью и полностью осознанно. После стольких дней (или все же недель?) вынужденного отсутствия двигательной активности хотелось как можно скорее убедиться в наличии хоть каких-то подвластных мне незамысловатых человеческих возможностей — и про магию речи пока что даже не шло.

Оказалось, не сплю.

Выяснилось, могу.

Восторг был воистину всеобъемлющим. Сразу же появилось непреодолимое желание проявить свое возвращающееся могущество во всей красе — другими словами, хотя бы подняться на ноги и во второй раз в жизни, уже совершенно иными глазами, посмотреть на таинственный, спрятанный от посторонних Древний Мир.

Намерение я осуществил немедленно: ноги оказались невыносимо ватными, но я все же, слава Духам, сумел встать и с горем пополам доковылять до окна, соблазнительно манящего меня развевающимся на легком ветерке светлыми занавесками. Вид из него открывался чудесный настолько, что проняло даже самого сурового ценителя вроде меня: высоченное голубое небо, на котором, как будто соревнуясь в яркости, красуются два разнокалиберных солнца; не сплошная стена одушевленных деревьев, любовно держащих друг друга за озелененные листьями пальцы; знакомое мне озеро, а неподалеку — широкая, бурная река.

Сразу же пришло в голову, что три миллиарда лет спустя русло Хэльсвайма будет пролегать намного дальше — что же, рельеф с веками и Эрами значительно меняется, а зарождающаяся реальность содержит в себе множество вариантов развития будущего, в этом примечательном факте я уже имел возможность убедиться во время своего прошлого, все так же непрошеного визита.

Потом я обратил внимание на крепостную стену, будто бы невзначай исчезающую с высотой.

Итак, вывод напрашивался довольно забавный: я снова в замке. Похоже, карма у меня такая: периодически внезапно, не заметно для самого себя перемещаться во времени в неопределенный пункт назначения и обязательно каждый раз оказываться в замке, причем, по всей видимости, в одном и том же. Довольно-таки приятный каприз судьбы — ведь могло быть и намного хуже. Занесло бы меня, к примеру, в середину пустыни или вообще в кратер медленно, но верно просыпающегося вулкана, и как в таком случае, скажите на милость,

выкручиваться?

Старинные замки — это прекрасно. В особенности для повернутого на своей профессии историка вроде меня.

— Надеюсь, ты не собираешься сбежать через окно? — вкрадчиво поинтересовалась внезапно возникшая гостья. — Хорошее утро, найт.

Чуть-чуть старше. Волосы немного короче. Одета не столь аккуратно и богато. И все же — определенно она. Точнее, эта девушка обладала даже не внешностью Мелори Арвейм, но ее второй, непонятной, возникающей и после забывающейся личности.

Тот же взгляд, то же выражение лица, тот же голос.

— Что ты здесь делаешь? — недоуменно спросил я, без тени стеснения поедая ее глазами.

— Я? — и не подумала она смутиться. — Ээээ...живу.

Девушка прошла в комнату и поставила на невысокий столик поднос с едой, и только в тот момент я впервые за долгое время ощутил голод — как оказалось, зверский. Правда, выяснилось, что добрую половину до краев забитого подноса занимали всевозможные пирожные, но и это меня не покорило: с некоторых пор я к ним в значительной мере пристрастился.

— Тебя, конечно, в кровати никто насильно не держит, но все-таки тебе вчера сделали операцию. Рассеивали этот мерзкий знак Заката... именно поэтому ты все-таки зря встал, — мягко укорило меня вполне себе материальное видение и тут же, окинув быстрым взглядом, спросило. — Почему ты так подозрительно смотришь?

— Но ты же...

Девушка разочарованно вздохнула.

— Понятно. Ты меня просто не узнал. Оно и неудивительно: в прошлый раз мне было всего двенадцать лет.

В мой ослепленный чувствами разум прокралось яркое, живое воспоминание. И все стало предельно ясно. Не будь мой рассудок затуманен болезнью и влюбленностью, я бы, без сомнения, смог сопоставить простые факты и сделать очевидный, напрашивающийся вывод. Но только сейчас я узнал ее — во второй раз, заново.

Гостья? Нет. Единоличная хозяйка.

— Сай?

Но... как...

— Неужели я так сильно изменилась, Парадокс? — усмехнулась она, наконец-то просветлев.

Рыжеволосая ведьма, воспользовавшись подходящим моментом, с легкостью уложила ошеломленного меня обратно в постель. Потерянный, запутавшийся, сопротивляться я не мог, да и не особо хотел.

— Сай, ты... — я все-таки решился задать ей этот вопрос. — Никогда не бывала в будущем?

Заботливая девочка, какой она всегда и была, перенесла забытый — вполне вероятно, не без применения магии — поднос ближе ко мне.

— Нет. А что?

— Просто в Море случаются очень странные совпадения, — мягким, дружелюбным тоном пояснил я.

Все же за три миллиарда долгих лет успеет родиться множество, неисчислимое

количество людей. В природе, просто обожающей подобные шутки и розыгрыши, двойники — довольно частое, уж точно из ряда вон не выходящее явление. А значит, существует немалая вероятность того, что на свет в разные исторические периоды появятся две исключительно похожие, но совершенно не связанные друг с другом девочки...

В собственные разумные, вполне логичные доводы я не верил и сам.

Таких совпадений не бывает.

— Ты смотришь на меня очень странно, — недовольно нахмурилась Сай.

На какое-то мгновение мне показалось, что атмосфера в комнате сгустилась — в самом прямом смысле этого слова. Но через секунду девушка снова вернулась в хорошее настроение и, как ни в чем не бывало, лучезарно улыбнулась.

— Разве? — спросил я, стараясь ее не обидеть. — Прости.

— Не страшно. Я...сама виновата. — немного отвернувшись, покачала головой повзрослевшая хозяйка Древнего варианта замка Арвеймов и с явным сожалением прибавила. — Мне нужно ненадолго уйти, расспросить одного хорошего дракона на очень важную тему. Ты лучше поспи пока.

— Опять спать? — шутливо возмутился я. — За последнее время я успел навалиться в постели, наверное, на века вперед.

— Впрочем, делай, что хочешь, — махнула рукой очаровательная диктатор. — Я тебе парочку книжек принесла, к тому же, здесь можно много чего любопытного найти, если постараться, а это ты сумеешь точно. А далеко ты не уйдешь в любом случае.

— Обнадеживающее обещание, — хмыкнул я в ответ.

— А ты чего хотел, боец? — рассмеялась она.

Немного помедлив, словно раздумывая, стоит ли это делать, Сайонарис легко поцеловала меня в щеку. Точно так же.

У меня на мгновение перехватило дыхание.

— До встречи, — проговорила она и вскоре исчезла в дверном проеме.

Далеко уйти я и вправду не смог, хоть и честно пытался: сразу же накатила огромная волна отвратительной слабости. Недолго посокрушавшись по этому поводу, я все-таки вернулся в постель и взял в руки любезно принесенную книгу, название которой я видел первый раз в жизни — однако не смог заставить себя прочитать и строчки.

Мне было о чем поразмыслить.

Обещанное Сай «ненадолго» затянулось до самого вечера. За это время я успел переделать целую кучу обязательных, совершенно безотлагательных дел. К примеру, досконально — насколько это вообще возможно в постоянно изменяющейся действительности — изучить окружающую меня обстановку; правда, в какой-то момент мне начало настойчиво казаться, что соседствующий шкаф занимается примерно тем же самым в отношении меня, и я тут же прекратил это увлекательное занятие с пугающими мыслями о подступающей паранойе.

Пару раз в проем гостеприимно распахнутого окна садилась подозрительного вида огромная темно-синяя птица и внимательно меня разглядывала своими умными, зеленоватыми глазами. Когда же очаровательное создание наведалось повторно, у меня возникло непреодолимое желание с ним поговорить: в обычных ситуациях я не такое уж болтливое существо, но неопределенный период вынужденного молчания заставил меня на время пересмотреть свои интровертные взгляды.

— Может, ты кушать хочешь? — приветливо поинтересовался я, пододвигая милой птичке размеров в полторы моих головы поднос с едой.

Летающий гость грациозно наклонил голову и, раздумывая не более секунды, спланировал на краешек стола.

— Не один я тут такой прожорливый, — я усмехнулся и торжественно вручил птичке шоколадное пирожное, которое прекратило свое существование уже через какое-то мгновение. Минуту спустя бесследно пропали еще три полноправных представителя мучного народа — да-да, сам знаю, но в частично затуманенном сознании вполне простительно приводить и такие глупые ассоциации.

Оставалось только восхититься внушительной скоростью новоявленного проглота.

Завершив трапезу, летающее существо пророкотало что-то ласково-одобрительное, сверкнуло на солнце жесткой чешуей и стремительно унеслось обратно в загадочные дали Кхалгара.

Птичка?

Что-то не похоже.

Остаток дня прошел в ожидании еще одной встречи с маленьким детенышем дракона. Во времена суровых студенческих будней драконология, пожалуй, была одним из самых любимых моих предметов, хоть и сугубо теоретическим — но к этому недостатку обыкновенным историкам уж точно не привыкать. Мне настолько нравился упомянутый курс, что один раз я даже сумел призвать на помощь все свои художественные способности, что случалось крайне и крайне редко, и за дополнительную оценку изобразил некий шарж на реального дракона. Заданием, правда, был схематический чертеж его физиологического устройства, однако я не стал переоценивать свои таланты — хватило и условно правдоподобно выполненного рисунка, на который я и без того потратил несколько драгоценных часов досуга.

Наш преподаватель представлял собой натуру творческую до мозга костей и потому увлекал своими рассказами (назвать их лекциями просто не поворачивался язык) настолько сильно, что несколько во многих других случаях утомительных часов внутри душного здания университета пролетали практически моментально.

Собственно, дисциплина вызывала интерес не только своим предметом и неординарным для своего времени преподавателем — основное ее достоинство заключалось в том, что она почти полностью строилась на разнообразных домыслах, теориях и легендах, к которым я с самого детства питал необъяснимую страсть.

Правда, детеныш древнего огнедышащего существа, по всей видимости, увлеченный какими-то своими драконьими делами, так ко мне в тот день и не вернулся, чем немало меня разочаровал. Нельзя так обращаться с ранеными в бою историками. Это не гуманно.

Хотя про какую гуманность может идти речь, если мы рассуждаем о драконе?..

Хм. Интересно, можно ли то же самое сказать о Древнем Темном маге? Потому что егс — точнее, ее — я ждал с еще большим нетерпением. Где же ее, в конце концов, драконы носят?! Причем в самом прямом смысле этого устоявшегося языкового сочетания.

В конце концов, дождался.

Сайонарис, отнюдь не безликая, возвратилась в одиннадцатом часу вечера, застав меня за весьма любопытным занятием: я лежал на полу, вольготно закинув ноги на кровать и взирая в потолок, и вслух повторял временами обескураживающе длинные имена венценосных особ Эры Великанов. Иногда, ну о-о-очень иногда, я и вправду этим

занимаюсь: во-первых, отличное лекарство от скуки, во-вторых — великолепнейшее упражнение для тренировки памяти. Причем на этот раз я даже выбрал довольно короткую Эру, что свидетельствовало о не такой уж большой степени мазохизма, как можно было бы предположить вначале. Как только я добрался до весьма колоритного персонажа по имени Георг Ровид Овельхем Митрийский, носившего определенно логичное и судьбоносное прозвище Гром, Сай и вернулась.

Мое негромкое бормотание со стороны должно было больше всего напоминать нескончаемый поток особо оскорбительных ругательств, но рыжеволосая ведьма и бровью не повела. Она молча прошествовала в середину комнаты, встала рядом с окном и принялась любопытно на меня смотреть сверху вниз. Я же, не меняя положения в пространстве, капризно заявил:

— Ты обещала недолго.

Вообще-то, изначально капризничать я вовсе не собирался, и настоящей претензией это не являлось, но все же смесь шутливого и ворчливого настроения, навеянная ветром губительного для психики многочасового безделья, просто вынуждала меня это сделать.

— Неужели тебе было настолько нечего делать? — в тон мне спросила Сай, насмешливо сверкая темно-кариими глазами.

— Ага. Вот, видишь, даже захотел слиться с полом в единое целое. Он гладкий и прохладный, стало немного завидно. Именно этим сейчас активно и занимаюсь — сливаюсь, то есть. Успехов, правда, пока немного, пока что прилипла только спина. Но я не отчаиваюсь и продолжаю надеяться на скорый успех.

— Не хочу тебя разочаровывать, но люди этому искусству учатся столетиями. Да и учителя подходящего поблизости не виднеется. Я же специалист исключительно в области стыдливых падений сквозь землю.

— Да ну? — усомнился я.

— Что, я не похожа на профессионала? — девушка рассмеялась.

— Напротив. Но ты вовсе не вызываешь ассоциации с человеком, который способен от стыда провалиться сквозь землю.

— Провалиться под землю — довольно-таки легкий фокус, хоть и вправду эффектный. Я тренировалась, — с напускной гордостью проговорила она и тут же заинтересовалась. — А почему я не вызываю такие ассоциации?

Выглядела она так, будто только что с легкостью сумела провести вокруг пальца самого придирчивого критика в Море, — и теперь стремилась услышать его несомненно хвалебное мнение.

Или как любопытный человек, который готовится услышать о себе что-то новенькое и неожиданное, причем из уст почти что не знакомой персоны. Первое впечатление в любом случае нужно учитывать, в особенности тому, про кого оно и было сложено.

— Ну...

За те насыщенные впечатлениями сутки, по ощущениям длившиеся добрую неделю, я привык воспринимать ее как могущественную, но все же маленькую девочку — теперь же я по инерции продолжал вести диалог подобным образом. К тому же, внешность девушки, в которую я умудрился без зазрения совести влюбиться, еще больше сбивала мысли с логического пути и добавляла в мои реплики пикантную толику невыносимой глупости. А сочетание этих двух немаловажных факторов заставило меня вести себя совсем уж идиотским, мальчишеским образом. И куда подевался скромный, вежливый и воспитанный

найт Альвер, коим я всегда себя наивно считал?

Правда, саму Сай мое поведение, похоже, нисколько не смущало.

— Ну... — повторил я избыливающее разнообразием и смыслом утверждение. — Ты производишь впечатление довольно уверенного в себе человека.

Смутился уже я. Хорошо хоть, что в привычки моего организма не входит непременно краснеть при каждом удобном и неудобном случае.

— Серьезно? — восхитилась она. — Как интересно. И это должно сильно мешать стыдливости?

Я немного подумал и сказал:

— Нет, но стать профессионалом в подобной области было бы уже довольно затруднительно.

— Профессионализм, по сути, отчасти в том и заключается, что ты способен заниматься тем или иным делом автоматически, не примешивая посторонние мысли и эмоции, которые могут все испортить, — Сай легкомысленно пожала плечами, что довольно резко контрастировало со смыслом ее слов.

— В таком случае, я за последнее время стал жутким профессионалом в бестолковом ничегонеделанье, — усмехнулся я.

— Жутким профессионалом? Интересное словосочетание.

Во время нашего непринужденного околонаучного диспута я так и продолжал лежать не в самой подобающей вежливому гостю позе. Еще совсем недавно благовоспитанный я мигом бы вскочил и принялся чуть ли не церемониально раскланиваться, наглядно демонстрируя подобающее поведение. Все-таки два с лишним месяца жизни в аристократической семье здорово на меня повлияли.

Однако присутствие Сай не вызывало необходимости изображать из себя невесть кого только ради соблюдения кем-то на скорую руку выдуманных правил приличия. Здесь получалось наоборот: моя новая собеседница побуждала вести себя как можно более естественно, не пытаясь выставить себя абсолютно другим по характеру человеком.

Собственно, этим я и занимался. То есть, старательно не изображал из себя кого-то другого. Когда же Сай, которой явно наскучило стоять на одном месте очаровательным рыжеволосым столбом, приземлилась на пол рядом со мной, я в кои-то веки почувствовал себя в своей тарелке — полной может и не самых изысканных, но все равно до безобразия вкусных блюд.

Впрочем, дальнейший разговор снова коснулся моего немудреного времяпровождения.

— Я смотрю, тебе все же было очень скучно? — посочувствовала ведьма.

— Ну что ты. Я столько всего развеселого успел переделать. Посмотреть на одну стену, на вторую стену, на третью, и даже хватило времени на четвертую. Периодически еще и пятая появлялась — с ней, правда, уже было затруднительно, потому что она всегда норовила покрасоваться и сбежать, — я скорчил самое печальное выражение лица, на которое только способен в процессе успешного сдерживания безумного хохота.

А Сай рассмеялась. Именно это мне и нужно было.

— Бедняжка, — девушка покачала головой. — Так устал, что даже сполз с кровати и не смог подняться.

— Так все и было. Но лежать хоть удобно, а это сильно поднимало настроение. В итоге вот пришла идея прилипнуть к полу, о ней я тебе уже рассказывал. И мне стало хорошо.

— А, ну тогда не имею претензий, — Сайонарис одобительно улыбнулась и тут же с

ехиднейшим видом скомандовала. — Раздевайся.

— Что? — опешил я, смутившись окончательно.

Злостная ведьма, явно желавшая произвести своим заманчивым предложением подобный эффект, хохотала минуты две, не меньше. Вдоволь насмеявшись, она пояснила:

— Не переживай, ничего особо неприличного. Лечить я тебе буду. Страшно? — она скорчила угрожающую рожицу, чем сразу же заставила меня смириться со своей незавидной участью и стянуть с себя футболку.

В обычное время, не примечательное никакими прогрессирующими угрозами для здоровья, я стараюсь держаться от теоретически способных вылечить меня от чего-либо людей на почтительном расстоянии — по крайней мере, на дистанции в один километр. Я не докучаю им, заваливая дополнительной работой, они не гонятся за стремительно улепетывающим мной с неисчислимым количеством лекарств в безразмерной охапке, и этим мы друг друга обоюднo устраиваем.

Но теперь же грудь снова начинала возмущаться долгим отсутствием внимания к себе любимой, а я однозначно не желал продолжения лежачего банкета, поэтому и проявил невиданную покладистость.

К тому же...

Так, многоуважаемый найт Альвер, об этом тебе думать не стоит.

Правда, объект моих беспокойных размышлений, к моему великому, еле скрываемому разочарованию, и не подумала на раздетого меня взглянуть. Она неспешно прислонилась спиной к кровати, устроилась как можно удобней и только после этого положила на меня руку. Из ее ладони, ласково меня гладившей, лилось мягкое, уютное тепло, которое проникало глубоко под кошу и устраняло любой, даже несущественный намек на боль. Мог бы — обязательно прекратился в большого пушистого кота и громко мурлыкал от удовольствия.

Увы, превращаться в животных я никогда не учился: на факультете истории все же предпочитают давать несколько другие знания и способности, а найт Рифард и так убил кучу времени на привитие неразумным нам элементарных навыков любого уважающего себя мага предыдущих времен. К тому же, речь про подобный вид волшебства велась только единожды и закончилась следующей многообещающей репликой шефа: «Вот превратитесь вы в невиданных грозных чудищ, что я с вами вообще делать буду? А вы превратитесь именно что в невиданных грозных чудищ, другие вам просто-напросто будут не к лицу, можете даже не сомневаться.»

Так что, скорее всего, мой кот получился бы раз эдак в двадцать больше оригинала, а его милое мурлыканье напоминало бы вопли закатившего истерику дракона. Зато никто не посмел бы обвинить меня в недостаточной старательности.

Впрочем, про котов я думал исключительно для того, чтобы отвлечься от гораздо более назойливых мыслей. Что уж говорить, претензий к подобному методу целительства у меня решительно не возникало.

— Второй раз я тебя вижу, и второй раз ты меня лечишь, — с улыбкой заметил я.

Сразу вспомнился первый визит в загадочный Древний Мир: в тот раз на меня вероломно напал коварный морозноядный куст. И чуть не оттяпал руку. То есть, чуть не заморозил ее до полного превращения в красиво вырезанную ледяную скульптуру, но кого волнуют подобные мелочи?

— Не поверишь, у меня абсолютно такая же ситуация, — ухмыльнулась девушка. —

Точнее, обратная. Не самая жизнеутверждающая тенденция, правда?

Ну, почему же...

— Ты стала врачом? — вдруг сообразил я.

Сай неопределенно махнула рукой и чуть-чуть нахмурилась.

— Не уверена, что это можно так назвать. Скорее, просто владею определенными навыками. Целенаправленно никогда не стремилась стать целителем, но когда-то училась. В то самое «когда-то» я была маленькой девочкой, ужасно глупой, очень любила преодолевать препятствия и в масштабе отдельно взятого мага совершать невозможное. Один раз даже совершила великий подвиг: сама пригласила на свидание мальчика. Потом незаметно залезла под крыло дракону — и это, к слову, оказалось гораздо менее сложно и страшно. Или вот, пошла изучать медицину, которую считала одной из сложнейших наук. Ну, как, изучать... не особо системно бегала на занятия и периодически читала соответствующую литературу. В итоге мне даже понравилось, хотя изначально на это я даже не рассчитывала и приготовилась морально страдать. Как следствие всего этого, назвать меня настоящим врачом было бы ужасной несправедливостью по отношению к знакомым и не знакомым мне профессионалам, но какого-нибудь горемычного путешественника вроде тебя, в других случаях вообще непонятно как здесь оказавшихся, я вылечить сумею, — и, усмехнувшись. — Сейчас, правда, уже такого нет. Я имею в виду, я выросла, и препятствия стали любезно появляться сами собой, и не нужно за ними сломя голову гоняться, с ней же безумно кидаюсь в омут изучения медицины.

Рассказывала она искренне и с изрядной долей самоиронии, которая, несомненно, всегда украшает какие бы то ни было слова, сказанные о себе любимом. По ее фразам, интонациям, выражению лица было отлично видно, что говорить о себе молодая ведьма не сильно-то любит и, по всей видимости, не так часто этим занимается, предпочитая загадочно отмалчиваться — но мне бывшая маленькая девочка по какой-то причине решила довериться. Сыграло свою роль положение знакомого из далекого детства или же просто моя умильная, помятая болезнью физиономия вызывала на откровенность, я не знал, и все же Сай не говорила даже, а именно что делилась. Так бывает почти всегда: сначала кажется, что произносить вслух сокровенные мысли очень-очень сложно, практически невозможно, а потом, слово за слово, тоненький ручеек искреннего разговора превращается в настоящий водопад, который нереально уже остановить.

И мне было очень приятно.

— Знаешь, — начало моего предполагаемого комплимента, наверное, было самым кощунственным на свете. — Я всегда относился к врачам без особого энтузиазма, они по исключительно глупым причинам казались мне злостными и невероятно устрашающими, но...

Собственно, до самого комплимента дело не дошло: договорить мне не дали. Многообещающее вступление вызвало у моей давней знакомой новый приступ веселья.

— О, да, — иронично и совершенно беззлобно проговорила она. — Мне-то, наивной, казалось, что я не самый страшный целитель в Мире. Радует только, что он из меня вышел довольно посредственный, а в силу дурацкого характера поучить я успела и несколько других наук, благо, свободного времени было более чем достаточно.

И, к моему великому облегчению, улыбнулась. Значит, никаких обид. Просто прекрасно. Иначе я бы чувствовал себя последним идиотом и в панике пытался соображать, как сказать ей хоть что-нибудь приятное.

Она же скользила по мне очень знакомым хитрым взглядом, а я расплылся в улыбке в ответ и как ни в чем не бывало продолжил свою неуклюжую речь:

— Вот только я хотел сказать, что врач в твоём лице мне очень даже нравится, а ты уже выдала новую порцию информации для восхищения. Где же мне за всем поспеть?

Усмехнувшись и — неужели чуть покраснев? — девушка отвела взгляд.

— Прости, был неправ, — добавил я. — Ты все-таки умеешь смущаться.

— Просто ты, хитрый лис, умеешь смущать, — Сай снова открыто смотрела на меня. — Тебе полагается приз, а то такое случается нечасто.

— Какой приз? — заинтересовался я.

Пока я с любопытством за ней наблюдал, Сайонарис сделала вид, что сильно задумалась — к слову, весьма убедительно. Кажется, в ком-то умирает великая актриса...

— Пожалуй... — наконец заключила она. — Позволю тебе завтра выйти из замка. Может быть.

Два последних слова, рушащих всю идиллию предыдущих вдребезги, она добавила с изрядной долей ехидства.

— Сай, тебе кто-нибудь говорил, что ты маленький тиран? — невинно поинтересовался я.

— Врачу иногда приходится быть тираном, — неожиданно серьезно проговорила Сайонарис и, тут же сменив выражение лица, легонько хлопнула меня по плечу. — Если уж ты начал безостановочно шутить и даже делать мне комплименты, то ты либо неизлечимо болен, либо, напротив, уже практически здоров. Буду надеяться на лучшее — и тебе того желаю.

Когда она встала, намереваясь тихо и незаметно выскользнуть за дверь, мне тоже пришлось в кои-то веки принять вертикальное положение: отпускать прекрасную собеседницу и оставаться в гордом одиночестве не очень-то соответствовало моим желаниям, но удерживать ее мне не позволяла вдоволь выпавшаяся за время бездействия совесть. И без того очаровательная рыжеволосая ведьма потратила кучу времени и сил на какого-то меня, так что уговаривать пожертвовать драгоценной личной жизнью еще больше было бы в высшей степени некрасиво — поэтому мне пришлось запихнуть свои желания в самое что ни на есть потаенное место.

— Сладких снов, найт Альвер, — обворожительно сверкнув яркими глазами, сказала Сай и обожгла мне щеку легким поцелуем.

Развернувшись и тихо вышла, так и не обернувшись.

А я сильно разозлился — сам на себя.

Как, ну как Сайонарис Безликая может быть вылитой Мелори Арвейм?

Это не может быть она. Нет. И чего же ты, пародия на принца на белом коне, вообще стоишь, если начинаешь смотреть на другую?!

Аппетитный завтрак сиротливо ждал моего пробуждения на тумбочке — похоже, уже пару часов как.

Сначала я потряс головой и попытался заново осознать все, что со мной за последнее время успело произойти. Указанный процесс занял никак не менее нескольких минут: то ли все события и вправду плохо укладывались в голову, то ли я под необратимым воздействием множества причин стал необычайно тормознут.

Впрочем, неважно.

Важно то, что я в конце концов все же сумел выйти из замка, предварительно умяв чуть ли не всю столь любезно принесенную мне еду. Разумеется, выходить мне пока что никто не разрешал, но когда это вообще я слушался заботливых указаний других людей, когда как сам являюсь полноправным обладателем собственной дурной башки и целого комплекта грабель, на которые еще наступать и наступать, в придачу?

Пока я гордо шествовал по пустынной тени будущего Арвейма, его хозяйка так ниоткуда и не выпрыгнула, поэтому возмущенно возвратить бунтующего меня в постель было просто-напросто некому. А жаль.

То есть, жаль, что Сай так ниоткуда и не выпрыгнула. А ведь у нее было множество великолепных шансов, число которых я так и не смог нормально сосчитать: будто бы специально для того предназначенные, двери то исчезали прямо из-под моего носа, то снова появлялись в самых неожиданных местах. Вплоть до самой середины коридора, где и стены-то никакой не наблюдалось — весьма любопытный феномен Древнего Мира.

Кхалгар встретил незваного гостя лучезарными улыбками двух сияющих солнц. Немного прищурившись и весело помахав в ответ, я направился: куда — уже совершенно другой вопрос, требующий для обдумывания немало умственных усилий, которые я в тот момент не особо жаждал прикладывать.

Гуляю утром по Лесу и гуляю. Что вообще плохого может случиться? Подумаешь, в прошлый раз эта замечательная экосистема вознамерилась оставить нас с моим лучшим другом в свое единоличное пользование и даже напала на меня с леденящей не только душу суровостью. Подумаешь, здесь на полном серьезе можно наткнуться на огромного огнедышащего дракона и завести с ним душевный разговор и жизни и смерти. Быть может, я как раз этого и добиваюсь. Правда, драконы почему-то не спешили поедать так нагло вторгнувшегося в их владения незнакомца.

Что за чудовищная несправедливость.

Пару минут или часов спустя я понял одну важную вещь. В Кхалгаре я по какой-то причине чувствовал себя именно так, как надо. Спокойным. Расслабленным. Уверенным. Могущественным. Именно так.

— О, ты уже успел выйти? — раздался знакомый приветливый голос.

От неожиданности я резко развернулся — и увидел, что расплывчатые башни Арвейма виднеются что-то уж совсем в далеком далеке. Ох, драконы. И когда я только успел преодолеть столь почтительное расстояние?

Ах, да. Волшебный Лес, телепортирующий незадачливых странников в любую точку зарождающейся реальности и опирающийся в этом сложном деле исключительно на собственные весьма смутные представления о структуре пространства и элементарной логике, — вот что со мной случилось. Тот еще увлекательный аттракцион неожиданностей...

С другой стороны, с появлением подобных претензий любой более или менее образованный маг-теоретик непременно принялся бы посвящать меня в содержание множества запутанных теорий об уровнях, разрывах и изгибах пространства. Что ж, будь я сейчас чуть менее занят, я бы мог этим заняться и без чужой помощи. Но я был занят: я говорил. А это занятие ответственное.

— Не только выйти, но и осознать, что забрел куда-то не туда, — я иронически хмыкнул. — А еще схомячить весь завтрак, не моргнув глазом. Только поднос пожалел, и то исключительно по той причине, что не очень люблю металл на вкус. Будь то даже золото.

Все равно. Не жуется как-то.

Сайонарис стояла от меня метрах в трех. В кустах. Находилась я на ее месте — то бишь посреди грозно ошетилившегося острыми колючками растения, — имел бы потом полное право хвастаться многочисленными глубокими порезами и вдохновенно придумывать остросюжетные истории о том, как мужественный я умудрился их получить во время ожесточенного сражения — да-да, именно что ожесточенного сражения с кустом. Но последнюю деталь для красоты легенды можно было бы и опустить.

Однако Древнему Магу, по всей видимости, было абсолютно плевать на недружелюбную окружающую среду — даже если эта среда проявляется в виде во что бы то ни стало стремящихся тебя исцарапать колючек.

— Почему ты на меня так смотришь? — удивилась не тронутая хитроумной природой героиня.

— Вот думаю, не тренируешься ли ты каждый день в экстренном залечивании ран. На самой себе. Иди-ка лучше сюда. Мне на тебя смотреть больно, — попросил я, автоматически протягивая к ней руки.

Потом, правда, быстро вернул их на место. Смутился.

— Аааа, — просветлела нат, наконец сподобившись обратить внимание на свое незавидное местоположение. И задумалась: — Как интересно. Я ведь даже не заметила. Как все-таки Кхалгар нас защищает... Наверное, в другом месте я бы и дня без приключений не прожила. Впрочем...

Но из устранивших меня кустов все-таки вышла. И слава Духам.

— Чем намерен заняться? — любопытствовала она, как-то слишком уж резко меняя тему.

Я внимательно прислушался к своему организму, выдвигающему настойчивые недвусмысленные требования.

— Для начала — найти что-нибудь хотя бы условно съедобное, забиться в ближайший темный угол и набить себе желудок до отказа. Слушай, вот я обжора, а. Совсем недавно ведь съел весь поднос — практически в прямом смысле, — а все равно уже проголодался. Кстати, спасибо тебе огромное. Представить боюсь, что бы я без тебя делал.

— Сильно бы мучился? — предположила Сай и усмехнулась. — Но все равно не за что. Хочешь, открою тебе секрет?

— Страшный?

— Очень.

— Хочу. Страшные секреты — моя слабость.

— Ну так пугайся же. Тебе пока что нельзя много есть. И по этой небольшой, но очень обидной причине почти вся еда на бедном, обгрызенном тобой подносе была иллюзорной. Живи теперь с этим, — она сочувственно покачала головой.

Сказать, что это «радостное» известие не прибавило мне оптимизма, — ничего не сказать.

— Боюсь, я переоценил свою силу воли и знать настолько страшные секреты не готов просто психологически, — вздохнул я.

Впечатляющая все же штука эта иллюзорная еда. Сидишь, ешь, вовсю наслаждаешься вкусом и запахом, можешь даже не подозревать, что на самом деле ты употребляешь в пищу крохи преобразованной в видение магической энергии, а в итоге бедному страдальцу желудку не достается ровным счетом ничего, ни единой калории. Незаменимая была бы

вещь для худеющих людей — при условии, что подобный обман во благо был бы во всем идентичен аппетитному оригиналу в исполнении любого среднестатистического мага моего времени, специализирующегося отнюдь не на иллюзиях. Но такое бывает редко. Вкус, запах, форма, любая другая, казалось бы, несущественная мелочь — что-нибудь непременно подкачает и напугает о подделке, испортив все удовольствие. А тренироваться до профессионализма в таком относительно бессмысленном занятии вряд ли кто станет.

И зря ведь. Такой прибыльный бизнес мог бы получиться.

Небольшой же обман Сай и не смог бы вызвать у меня никаких подозрений, не признайся она в своем ужасающем коварстве сама.

— Страдай, — злостная ведьма бесчувственно пожала плечами.

— Смилуйся.

— Не-а.

— Ну, ладно. Тогда я открываю сезон охоты. И вот прямо сейчас с бешеными выкриками в стиле представителей первобытных общин унесусь в дремучие дали Кхалгара. Обязательно размахивая дубиной, без этого никуда.

— А какой именно общины? — заинтересовалась жертва моих шутливых манипуляций, которые, впрочем, не особо работали. — У всех ведь будут разные бешеные выкрики. Хочу знать подробности до начала спектакля. Никудышный из меня зритель.

— Например... — я быстренько прикинул в голове, какой из грозных кличей лучше всего украсит мой не особо выделяющийся облик и дополнит не самый благоразумный внутренний мир. — В племени Касивров во время охоты предпочитали выкрикивать одно непередаваемое сочетание звуков, которое в трезвом состоянии у меня никогда произвести не получалось. Но я могу попробовать еще раз.

Даже показательно прочистил горло. А счастливая наблюдательница подготовки к импровизированному представлению сделала вид, что серьезно задумалась. Вскоре она озвучила свой вердикт:

— Пожалуй, непередаваемое сочетание звуков не надо. Тем более, если в трезвом состоянии все-таки не получится. Житель Кхалгара — существа впечатлительные и очень ранимые. Боюсь, они пока что не готовы к такому экстравагантному зрелищу.

И, стремясь, по всей видимости, сохранить рассудки всех своих друзей и знакомых, Сайонарис с задорной улыбкой протянула мне невесть откуда взявшийся бутерброд весьма внушительных габаритов. Я же, умиленный столь радующим взор видом, горячо ее поблагодарил и моментально прекратил брэнное существование столь простого, но оттого не менее вкусного лакомства.

Проглот.

— Но в следующий раз обязательно устроим охоту, — злодейски пообещала мне Сай. — Я хочу это видеть.

А потом я нашел озеро — или оно нашло меня, это уж смотря с какой стороны на это прекрасное дело взглянуть. И пропал там с концами на весь остаток дня.

В Древнем Мире и вода особенная: теплющая в любое время года, чистая, прозрачная, уютная, обволакивающая, определенно живая. Вылезать из такой заядлому любителю купаться вроде меня не хотелось категорически. Слава Духам водоемов, ежели такие вообще существуют в природе, маленький диктатор, временно изображающий из себя моего лечащего врача, не стал мне препятствовать. Более того, Сай и сама затерялась в голубовато-зеленых просторах водной глади, обгоняя в маниакальности даже меня.

Когда я через некоторое время обнаружил наслаждающуюся жизнью ведьму где-то в середине озера, я зачем-то спросил:

— Сай, сколько времени прошло с прошлого раза? Лет девяносто? Сто?

Да-да, на самом деле, мне был интересен ее нынешний возраст, а не количество истекших лет; они-то как раз перестали быть для меня помехой с момента судьбоносного решения о начале работы в Тайфуне. Но я все-таки додумался хоть как-то завуалировать свое невежливое любопытство, хотя, по сути, особой нужды в этом не было. Где-то подобные вопросы могут звучать в крайней степени неприлично, но в нашем Море, где с возрастом человек становится лишь более умелым, однако при желании благодаря волшебству никак не менее молодым и красивым, они считаются вполне уместными — особенно если обращены к давнему другу, которого ты не имел счастья лицезреть уже несколько десятилетий как.

Точнее, это я рассчитывал на несколько десятилетий. Но Сайонарис меня ошарашила:

— Мне сейчас двести двенадцать, — хмыкнула она, разгадав истинную подоплеку моего невинного вопроса.

— Серьезно?..

— Ага. Хорошо сохранилась?

Это известие меня несколько потрясло: ведь внезапно выходило так, что маленьким несмышленым мальчиком оказывался уже я. Стоит ли упоминать, что такая роль меня не то чтобы полностью устраивала. Хотя мне самому-то...

— Мне самому-то всего сто двадцать, — рассмеялся я.

А что еще мне оставалось делать, если не сводить все к шутке и удрученно хихикать над самим собой? Так и живем.

— Не была бы столь уверена, — Сай игриво брызнула в меня прозрачной водой и поспешно нырнула, пока я не успел отомстить ей тем же.

Ближе к вечеру нас навестил мой вчерашний крылатый знакомый — то есть, правильней будет сказать «моя вчерашняя крылатая знакомая». Злобная темная ведьма Сайонарис Безлика сразу же кинулась к маленькой девочке-дракону, мигом забыв про мое существование, и принялась ее усиленно обнимать, гладить по блестящей синей чешуе и даже целовать в нос, а счастливый объект продолжительных ласк что-то одобрительно рокотала в ответ и с наслаждением размахивала крыльями.

— Моя хорошая, — уже раз в десятый повторяла Сай, когда я подплыл к ним, хотя, конечно, эти две девушки прекрасно себя чувствовали в обществе друг друга и без моей компании. — Моя красавица!

— Rrrrrr! — соглашалась красавица со всеми утверждениями.

Именно тогда я и понял, что немного ошибся с полом своего вчерашнего гостя: почему-то ни на секунду не предположил, что большая синяя условная птичка может оказаться девочкой. В свое оправдание способен придумать только то, что до того момента ни разу не рассматривал вблизи детенышей драконов и уж точно не учился по внешним признакам определять их пол. А пристрастие к сладкому еще ни о чем не говорит...

— Привет, пожирательница пирожных, — вежливо поздоровался я.

Она пророкотала в ответ что-то не особо внятное, но явно достойное своего высокого социального положения в неординарном обществе Древнего Мира. То бишь, похоже, добродушно сказала что-нибудь вроде «сам такой».

— О, так вы уже знакомы? — обрадовалась Сай. — Милая, этот очаровательный парень — мой друг, его зовут Альвер. Он Ураган. Но ты можешь просто называть его Парадоксом. А

ее зовут Вэллас. Она моя. И...ладно-ладно, Вэл, не плачь, и я твоя тоже.

Вэллас? Хм, примерно так звали еще одну мою знакомую лошадь...

— Очаровательный парень? — польщенно переспросил я.

Вот уж не ожидал. Не то чтобы кто-нибудь особо суровый по отношению к чувствам других людей (в том числе и я сам) когда-нибудь на полном серьезе ставил под большое сомнение мое личное обаяние — по крайней мере, открыто, вслух и при свидетелях, а это обычно весьма плодотворно влияет на закономерное повышение самооценки и неременное становление самовлюбленного эгоиста. И все же я никогда не считал себя самым харизматичным парнем на всем белом свете — оттого и чуть было не смутился, услышав подобные слова от определенного, пожалуй, в ту самую минуту единственно нужного человека. Один такой пусть и сказанный вскользь, но все равно веский комплимент может стоить целых сотен других: не околдовавший твое сердце знакомый может твердить тебе точь-в-точь то же самое хоть весь день напролет, да еще и ночь в придачу, но все равно за целую вечность не добьется хотя бы относительно похожего воздействия.

Все же любопытно и забавно устроена человеческая душа.

— А разве нет? — как ни в чем не бывало, пожала плечами Сай. — Впрочем, если тебя больше устроит «невыносимый балбес»...

— Нет-нет-нет, — сразу же запротестовал я. — Мне больше нравится твой первый вариант. Собственно, у меня к нему вообще нет никаких претензий.

— Отлично. И, раз ты такой милый, поиграл бы с ребенком. Она явно только за: вон, как на тебя засматривается, — сообщила мне счастливая обладательница столь милой домашней зверюшки. И иронически добавила: — Только смотри, Вэл, не влюбись. А то еще придется потом с какой-нибудь обиженной девушкой разбираться, оно нам надо?

Я вздрогнул, но так ничего и не ответил. Просто потому что сам уже довольно много дней пребывал не в самых оптимистических раздумьях — а после спонтанной телепортации в Кхалгар и судьбоносной встречи с повзрослевшей хозяйкой замка Сайонарис уж и подавно.

Поэтому я просто ласково погладил глухо урчащую малышку по чешуйчатой спине. Исполнить желание дракона, тем более маленького, — святое дело, так что три минуты спустя мы радостно уносились с домашним питомцем моей подруги в закат. Точнее, в целых два заката: по количеству дневных небесных светил.

Кое-кто утверждает, что самый большой мой недостаток заключается в том, что я люблю животных даже больше, чем людей — а говоря полную правду, то и несравнимо больше. Если неземная страсть близнецов Кальвентов распространяется в основном на котов и еще на парочку умильных представителей фауны Нортайла, то на мою неземную страсть имеет высоченный шанс нарваться любой обладатель хоть острых когтей, хоть длинных зубов, хоть шести лап, хоть милой пушистой шерстки, пусть даже она принадлежит мохнатому пауку-переростку Митори, водящемуся исключительно в дремучих лесах другого материка. Могу с полной уверенностью предположить, что при виде подобного чуда природы я бы тут же погнался за ним с непреодолимым желанием потискать — и не думаю, что Митори был бы в восторге от моих готовых гладить все живое рук и от моего маниакального выражения глаз. Так что неизвестно, кто бы от кого в страхе улепетывал.

Самое удивительное, что объекты моей спонтанной вселенской любви всегда отвечали мне тем же самым. К примеру, во время службы в замке Арвейм я умудрился близко подружиться с несколькими внушающими уважение и трепет огромными сторожевыми псами, хотя мои brave коллеги по охране в один голос утверждали, что делать этого не

стоит ради собственных безопасности и благополучия, ведь псы подобрались на редкость злые и кусачие. Ну, не знаю. Ничего кусачего и уж тем более злого я в прелестных собачках не заметил. По крайней мере, если с моих рук и играли они с огромным дружелюбием и даже миролюбием — даже старательно виляли хвостами, наглядно демонстрируя полнейшую симпатию. Все-таки звери всегда хорошо чувствуют привязанность и заботу — и, в отличие от многих представителей человечества, не используют их в личных целях.

Я-то сам не считаю упомянутую свою черту каким-то большим недостатком, скорее уж наоборот, но слышать обратное от каких бы то ни было обиженных моим случайным пренебрежением лиц мне приходилось не раз. Хотя, по моему скромному мнению, ярко выраженная нелюбовь и уж тем более жестокость по отношению к животным — самый большой признак бесчеловечности.

Справедливости ради следует упомянуть, что из воды меня в итоге не вытаскивали — вытаскивал я, причем чуть ли не насильно. Двухсотлетняя ведьма уплывала, брыкалась, возмущалась, посылала меня к драконам (что было вполне осуществимо), но вылезать из озера совершенно не хотела. Хоть магию не применяла, и на том спасибо: в таком случае, как ни скорбно это признавать, у меня было бы очень мало шансов на победу. Тем не менее, я не сделался бессловесным невидимкой, не растворился в пространстве, не канул в небытие и не имел радости получить целую гору других, подобных незабываемых впечатлений, а всего лишь довольно мирно вытащил ее из воды, отделавшись парой десятков брызг в лицо.

И все же мое бессовестное моральное насилие над бывшей маленькой девочкой не прошло даром: ближе к ночи она внезапно вспомнила о своих врачебных устремлениях и наведася ко мне с четкой целью отомстить — проверенными целительскими способами.

Правда, в итоге мне снова удалось выпросить помилование, и вместо суровых методов, сопровождать которые необходимо нравоучительным внушением «чтобы неповадно было», на мне опять испытали уже известный и приятный, который в очередной раз заставил меня растаять, усиленно радоваться жизни и старательно изображать из себя мурлыкающего кота.

— Парадокс... ты ведь не просто в гости сюда переместился, так ведь? — в какой-то момент спросила у меня Сайонарис.

Я почувствовал себя последним дураком, причем сразу по двум причинам: во-первых, вопрос у меня и вправду был, и его по-хорошему следовало бы решать незамедлительно еще вчера, а во-вторых, мне и в голову не приходило, что меня могут ждать здесь вот просто так, в гости.

А ведь надо будет взять на заметку.

— Да, ты права. По делу. У меня друг в беде, — и я подробно рассказал ей про исчезновение Рэя, не забыв упомянуть и то, что отчасти в этом была и моя вина. Что уж там. Если надеешься на помощь — будь добр, не скрытничай, а выкладывай все как есть.

Девушка слушала серьезно, внимательно, не перебивая. Потом на некоторое время задумалась.

— Брось, твоей вины здесь нет, — первым делом возразила она. — Ты не справился бы с артефактом Мирианделла, только точно так же пропал сам.

В большинстве случаев самовлюбленного меня не особо радует, когда кто-то открыто сомневается в моих силах и способностях, но тут мне возразить было нечего. Драконы меня раздерите, она права: маг из меня хоть и относительно талантливый, образованный, умелый и безусловно скромный, но, разумеется, не настолько. И спорить тут нечего.

— Но спасти твоего друга еще точно можно. Не переживай, — неожиданно обнадежила

меня Сай.

— Можно? — оживился поникший было я. — Но как?

— Не хочу тебя обманывать, я сама точно не знаю. Но через два дня будет Всеобщее собрание, как раз этому противному артефакту и посвященное. Будем решать, как от него вообще избавляться... Вот тогда и уточним, ведь Рэй наверняка не единственный, кто попал в его плен, — после этих слов нат чуть сбилась. — Если ты, конечно, подождешь. Или... тебя кто-то ждет, и я все-таки сегодня на озере не обманула влюбленного ребенка?

Кто-то ждет? Надеюсь, да.

И воспоминания мои были не совсем о друзьях из Тайфуна.

— Очень надеюсь, что все еще ждут, — со вздохом озвучил я свои мысли. — Но подождать я могу. И подожду. Потому что вытащить Рэя обязан.

— И хорошо, что так складывается, — Сайонарис снова говорила своим обыкновенным шутливым тоном, то ли на самом деле веселясь, то ли просто скрывая какие-то другие, потаенные эмоции. — Потому что тебя очень просили погостить подольше и навестить это драконье собрание.

— Меня? Просили? Зачем? — изумился я.

Им что, делать больше нечего, кроме как приглашать на важное и, вероятно, секретное обсуждение очень уж условно ответственного меня?

Но тут моя собеседница удивила меня еще больше. Хотя казалось бы...

— Ты еще спрашиваешь? — саркастически улыбнулась девушка. — Кто у нас тут Парадокс? Похоже, они станут просить у тебя помощи.

Ее слова прозвучали сильно неожиданно.

— Помощи? Смеешься.

— Не поверишь, но совсем нет. Силы Урагана вполне могут пригодиться для их затей — какая-бы там затея ни была...

Ладно, пусть будет так. В любом случае, предположительно благоразумные драконы напросились на это счастье совершенно самостоятельно, в трезвом уме и твердой памяти. Наверное. Кто вообще разберет, что живые огнедышащие легенды употребляют — никогда не задавался вопросом об их алкогольных или любых других пристрастиях.

Тьфу. О чем это я.

— Спасибо, Сай. Я подожду. Ты же не против, что я погощу у тебя? А если даже и против — все равно погощу, за что заранее извиняюсь, — я всегда с должной вежливостью и деликатностью умел формулировать просьбы.

— Какой кошмар. Я даже не представляю, как это переживу, — обрадовалась моему решению давняя знакомая.

После разговора мне стало ясно одно: Сайонарис почему-то заметно переживает из-за грядущего собрания, хоть и усиленно старается это не демонстрировать. Но что может ее столь сильно беспокоить заранее?

Да что угодно, ответил я сам себе. Абсолютно что угодно. Ведь прошло уже двести лет.

Со всеми вытекающими последствиями.

Примерно так и прошли следующие два дня моей жизни. Юный исследователь в моей душе ликовал и был готов безумно отплясывать бешеные танцы в обнимку с проснувшимся любопытством. А я, с переменными успехами их утихомиривая, в это же время с пристрастием изучал Кхалгар; Кхалгар же с пристрастием изучал меня, и результаты такого

поверхностного исследования нас, по всей видимости, обоюдно устраивали.

По крайней мере, я заплутал в чащобе всего пару раз и так и не растворился вместе с живым речным туманом, что, теоретически, вполне могло произойти, — это и служило подтверждением моих весьма самонадеянных и оптимистических выводов о полученной взаимности.

Еще я имел честь познакомиться с другими Древними Магами — и осознал одну интригующую вещь. Они не были людьми. Точнее, не совсем. На самый первый, невнимательный взгляд — обыкновенные человеческие люди: две руки, две ноги, хвоста или других неподобающих частей тела не наблюдается, идеальной неотразимой внешности тоже, что и становилось одним из самых главных признаков их мнимой обыкновенности. У каждого — свои привычки, свой характер, свой стиль мышления, свои недостатки. Мысли, эмоции, чувства — словом, все, что присуще любому из нас. Чем, казалось бы, они отличаются от человечества будущего сформировавшегося Мира?

Но на второй, а тем более третий, проницательный взгляд, становилось предельно ясно, что все человеческое тесно соседствовало в них с волшебным, исконно магическим. Передо мной представляли вовсе не мужчины и женщины — одушевленные сгустки могущественной первоначальной энергии, неразрывно связанные с окружающим их колдовством, являющиеся его неотделимой, необыкновенно важной частью и почему-то пожелавшие принять именно такую временами несуразную форму.

Вот откуда брался идеальный контроль, который, помнится, поразил меня до глубины души. Но оказалось, что Древним Магам не нужно прилагать для этого какие-то особенные усилия: они не проводники и не аккумуляторы магии. Они и есть овеществленная магия.

Точно такой же была и Сай. И это открытие меня не то что шокировало, но порядком сбilo с толку.

Временно затмевая исследователя и экспериментатора, во мне просыпался дипломированный историк и принимался изучать социальный уклад жителей Древнего Мира. Самое интересное открытие заключалось в том, что города у них не было и в помине — деревни или любого другого поселения в том виде, в каком его понимаем мы, впрочем, тоже. Все они обитали... кто где придется. Точнее, при описании их жизни следует использовать выражение «кому как больше нравится» — благо, выбор предоставлялся завидный. Маги жили в недоматериализованных домах предполагаемого будущего, затерянных среди изворотливых дорог изменчивого пространства; в запутанных подземельях, способных похвастаться прекрасным видом на красочные берега далеких южных морей; на раскидистых живых деревьях, имеющих восхитительную привычку складывать свои толстые ветки, превращая их в шикарные уютные апартаменты; на облаках, совершающих обязательный ежедневный рейд по необъятным местным небесам; и даже в цветной гостеприимной предреальности.

Вот уж воистину дети природы.

Хотя бы потому что конфликта поколений в Кхалгаре не возникало никогда и не могло возникнуть даже теоретически: родителей, как и детей, не было ни у кого из моих новых знакомцев и, абсолютно уверен, у всех остальных, кому я пока что не был представлен, ситуация было абсолютно такая же. Ведь вряд ли одушевленным, мыслящим сгусткам магической энергии нужна репродуктивная функция, если они появляются по воле самого Мира.

Моя гостеприимная хозяйка, кстати говоря, большую часть прошедших двух дней где-то

ходила — и это абстрактное «где-то», к сожалению, находилась не рядом со мной. А когда я вдруг решил спросить об этом самыми окольными путями, которые только смог придумать, она без тени смущения объявила, что стесняется меня и поэтому старается не особо докучать мне своим присутствием. И ведь поди еще разберись, насколько она на самом деле была при этом серьезна и как мне вообще исправлять сложившуюся, совершенно не устраивающую меня ситуацию.

На третий день, день собрания, темная ведьма Сайонарис была очень спокойна. Пожалуй, слишком спокойна. Рассеянно дав мне только один совет (и тот «веди себя как хочешь, тебя уже все заранее любят»), Сай чуть ли не за ручку провела меня в Предреальность, отчего у меня сложилось стойкое впечатление, будто бы меня, как маленького восторженного ребенка, ведут на экскурсию в большой и интересный исторический музей. Или астрономический, или любой другой — зависит уже от сугубо индивидуальных предпочтений конкретного любознательного малыша. Не суть важно.

Скорее всего, со стороны наша прогулка именно так и выглядела.

Правда, на этот раз залюбоваться разноцветными, восхитительно яркими энергетическими потоками Предреальности Древнего Мира жесткие взрослые, тьфу, суровые колдуны мне не позволили: нат перенесла меня сразу к месту всеобщей встречи.

Что меня удивило. В Подпространстве откуда-то взялись внушительных размеров скалы, амфитеатром окружающие обширную впадину, а множество разбросанных повсюду плоских камней успешно заменяли Древним Магам удобнейшие сидения.

Не припомню, чтобы я замечал что-то подобное в реальности.

Зрелище было настолько великолепным и ошеломительным, что я, как часто и случается в подобные моменты, почти ничего не почувствовал. Только безропотно приземлился на один из камней, куда меня усаживала привыкшая к таким картинам Сайонарис.

Счастливица.

— Это Ущелье Тысячи Путей, — вполголоса пояснила Сай, заметив мой нескрываемый восторг юного первооткрывателя. — Любопытное название для места, где принимаются важнейшие решения... Самое интересное, что Ущелье существует только в Предреальности — а в самой реальности на его месте находится та самая солнечная поляна, по которой мы только вчера с тобой вместе гуляли. Похоже, Мирозданию просто уже в какой раз захотелось развлечься. Хорошо его понимаю.

Шли минуты, и Древних Магов, таких разных, невообразимых и могущественных, собиралось все больше. Один из них, светловолосый и не очень-то земной красавчик, сел прямо рядом с Сай, предварительно приветливо с ней поздоровавшись и заведя разговор о чем-то вежливом и отстраненном — чуть ли не о погоде. А у забытого меня в этот момент, к моему не удивлению все же, но не менее неприятному чувству, возникло труднопреодолимое желание обнять свою новую старую подругу и всеми силами наглядно продемонстрировать, что я вообще-то не зря тут сижу.

Устыдившись ревностного порыва, сразу себя одернул и старательно терпел — с превеликим трудом, но все же. Зато переключил внимание на следующий объект своих неумных восторгов — собственно, всех присутствующих во главе с легендарными драконами.

Древних магов насчитывались целые сотни. Драконов, терпеливо ожидающих своих человекоподобных братьев и сестер, десятки.

Взрослые драконы были огромны, разноцветны и грациозны. Они лежали, сидели, размеренно дышали, выпуская тоненькие огненные струйки, и то и дело останавливали свои пронизывающие душу взгляды — почему-то на мне. Но, слава всем известным мне Духам, не позвали и даже ничего не сказали. И все же откуда взялось столько хоть и лестного, но явно неуместного внимания, я искренне не понимал.

— Нам все же стоит начать, — раскатистым громом прошипел один из них, оранжево-красный и всем своим видом внушающий некий трепет. — Всем нам известно, по какому поводу мы все сейчас здесь находимся. Мирианделл уже давно сбежал — и как он сумел это сделать, все еще остается загадкой. Но гений не прекращает быть гением только из-за того, что его изобретение наносит огромный вред... Но все же нам всем нужно решить, как уничтожить его потерявшийся артефакт.

Сразу же утихли все разговоры. Маги внимательно слушали. Только непоседливые магические потоки носились по всему Ущелью, как будто играя друг с другом в догонялки.

— Артефакт уничтожает Мир уже в третий раз, — продолжил другой дракон. — Но все же уже дважды стойкий Мир восстанавливался из пепла — но и он не смог вернуться полноценным. Возникли ужасающие изъяны. Стирались и забывались времена, исчезали реально существовавшие легенды. Это коснулось и нас: мы, Кхалгар, весь наш зарождающийся Мир с течением лет, веков и Эр превратились в обыкновенную детскую сказку, в которую никто на полном серьезе и не верит. С каждым тысячелетием в уничтожающейся Предреальности остается все меньше и меньше магии, Кхалгару не хватает энергии для жизни, а волшебники и волшебницы становятся все слабее, даже не замечая этого и пребывая в полной наивной уверенности, что так было всегда. В будущем уже нет, да и никогда не было многих случившихся событий, о которых знаем мы, забылись сотни известных нам имен героев правдивых легенд и сказаний. И, если мы не хотим такого будущего нашему Миру, остановить артефакт — наш долг. Мы стоим у истоков, и мы должны исправлять из-за гордыни или невнимательности допущенные роковые ошибки.

По Ущелью Тысячи Путей прокатился изумленный вздох: никто из присутствующих не ожидал услышать, что проблема стала настолько серьезной. Не только их личной захватывающей историей об опасном изобретении местного злого гения, но и трагедией всего магического Мира.

Любой представитель описываемого безрадостного будущего мог бы заступиться за свои поколения, уверенно возразить, рассказать им всю правду. Мог бы... но я не стал. Потому что, драконы раздерите, именно произнесенное правдой и было, а я с невыразимой болью внутренне соглашался с каждым словом. Слушать было неприятно, обидно, невыносимо — и все же правда всегда остается правдой, какой бы она ни была. Все зависимости от отношения к ней окружающих.

Теперь все, над чем я раньше, безуспешно раздумывая и гадая, мучился, прекрасно сходилось. Разрозненные, временами противоречащие друг другу факты складывались в единую логичную картину.

— И все же у вас есть план, так? — с надеждой уточнил кто-то из противоположной части Ущелья.

— Есть, — подал голос стоящий неподалеку от нас дракон, темно-зеленый и вполне каноничный, как будто с иллюстраций детских книжек. — Артефакт будет утерян в далеком будущем. И там же появятся три разрыва Предреальности — все в разных Эрах людей. Но мы поняли, что их все-таки возможно закрыть. Но даже у нас одних ничего не получится, просто

потому что не хватит сил и возможностей. Именно здесь мы просим вашей помощи. И помощи нашего гостя — по судьбоносному совпадению именно сейчас попавшую сюда забытую легенду. Спасибо, что дождался, Ураган.

Мне резко стало неудобно. Все, абсолютно все с самого начала знали о моем присутствии, и сейчас в мою сторону устремились сотни заинтересованных, любопытных и даже испуганных взглядов. Что уж говорить, находиться в центре всеобщего внимания я всегда не особо любил. А в центре внимания такой взыскательной публики...

И вообще, забытая легенда? Какая еще забытая легенда?

— Ураган, — вкрадчиво обратился ко мне дракон. — Если бы ты здесь не появился, нам, возможно, пришлось бы искать другие способы еще сотни лет. И кто знает, какие от этого могут быть последствия. Но сейчас мы очень рассчитываем на твою силу.

— Но что я могу сделать? — мало что понимая, спросил я.

Мой голос прозвучал в окутавшей Ущелье тишине раскатом грома.

— Отправить в будущее одного из наших магов, — пояснил мне мой вежливый чешуйчатый собеседник, глядя мне прямо в глаза. Желтые, змеиные, они казались такими знакомыми... смутным воспоминанием из далекого прошлого, будто бы еле заметным знаком из предыдущей жизни. Но потом я отвернулся, и непродолжительная иллюзия моментально пропала, оставив после себя лишь неясное, горьковатое послевкусие. — И именно здесь нам нужна ваша помощь, друзья. Потому что маги будущих времен, всего лишь тени прошлого, уже не способны решить эту проблему. Мы надеемся на вас.

— Но вы же знаете, что мы всегда готовы прийти на помощь, — недоуменно произнес один из магов. — Вопрос лишь в том, как нам это сделать?

— Боюсь, на этот раз наша просьба вам не понравится... — вздохнул дракон обреченно.

Секунды шли невообразимо долго. Он немного помолчал, собираясь с мыслями и тщательно подбирая слова. Зачастую смысл сказанного в зависимости от выражений, эмоций и интонаций воспринимается слушателями совершенно по-разному.

— Мы просим кого-то из вас покинуть Древний Мир. Очень надолго.

— Никто из них не осмелится... — тихо, очень тихо пробормотала Сай.

— Родиться заново в семье будущего, расти и ждать, — продолжал рассказчик, не расслышав слов моей спутницы. — Мы не предлагали бы этого — будь у нас другой, более легкий и безопасный вариант. Но их нет. Для уничтожения артефакта Мирианделла понадобится почти что вся сила Древнего Мага, иначе ее просто-напросто будет недостаточно. Никто, кроме вас, не обладает таким могуществом. Мы не имеем права заставлять кого-то из вас. Точно так же, как и убеждать. Но мы просим вас пойти на этот шаг.

Услышать что-то подобное не ожидал никто. Люди безмолвно замерли, то ли лихорадочно обдумывая сложившееся безвыходное положение, то ли пытаясь побороть шок и изумление.

Понять их было очень просто.

— Но я ведь могу просто перенести кого-то из магов в будущее. Незачем рождаться заново, — внезапно осмелев и поверив в собственные силы, предложил я. Я точно знал, был уверен, что могу.

— Мы думали об этом, Ураган, — был мне спокойный ответ. — Однако огромная сила появившегося Древнего мага разорвет слабеющий Мир на кусочки. Из-за разрушительного воздействия артефакта он стал зыбким, непостоянным. Мир не выдержит столь мощного

взрыва энергии и разлетится на крохотные осколки. Но хитрость дает нам шанс привести наш план в действие, дарит необходимое время, чтобы он мог привыкнуть. Медленно — понадобится около восьмидесяти пяти или девяноста лет. Заново рождаясь в будущем, маг сможет сохранить силы, сознание и даже внешность — небольшой подарок судьбы и как раз то, чего нам жизненно необходимо достичь. К сожалению, это единственный путь — все же не самый опасный и плохой. Существой хоть один лучше, мы бы об этом знали. Но без твоей помощи, Ураган, мы не сможем выполнить ритуал перерождения.

В Ущелье повисло гробовое молчание. Оно давило на всех тяжелейшим, практически неподъемным камнем ответственности. Я же медленно обернулся и посмотрел на Сай.

Ведь я уже знал, чем закончится эта история.

Темно-карие глаза этой невероятной девушки горели лихорадочным огнем — выражением, которым я до сих пор ни разу в них не видел. Ни за несколько прошедших дней, ни за два с лишним предшествующих месяца.

Не изумленный даже — просто лишенный каких-либо чувств и эмоций — я закрыл веки и слишком спокойно выдохнул.

Иначе просто не могло сложиться. Никак.

Сложно сказать, что я в тот момент испытал — страх, опустошение, горечь, некую вполне понятную радость или же облегчение. Скорее всего, сумасшедшую смесь всего перечисленного, которая замораживала, отвергала любую определенную реакцию, кроме как размеренное осмысление всего, так внезапно на меня обрушившегося... объяснения?

И то, что я испытал, не было удивлением, просто потому что я, на самом деле, заранее знал или хотя бы подозревал это с того самого момента, как узнал в Древней ведьме Сайонарис мою любимую леди Мелори Арвейм.

Судьбоносное Всеобщее Собрание длилось не более получаса и закончилось обращенной ко всем присутствующим очередной просьбой подумать, не слишком торопясь со столь важным и ответственным решением.

За все оставшееся время Сай не издала ни звука. Но как только все остальные маги начали исчезать со своих мест — возвращаться из предреальности в реальность — натпорывисто поднялась с камня и, не обращая ни на кого внимания, стремительным шагом направилась к одному из говоривших драконов, тому самому, громадному и темно-зеленому.

Вот чего-чего, но оставлять ее в такой момент одну я точно не собирался, поэтому отправился следом, чуть ли не силой расталкивая не успевших еще раствориться магов.

— Велатриан! — громко позвала она, решительно встряхнула головой и продолжила. — Расскажи мне. Расскажи мне все. Вы ведь о многом умолчали. Чем еще станет это перерождение?

Названная живая легенда ласково, успокаивающе посмотрела на казавшуюся крохотной непреклонную девушку сверху вниз.

— Не торопись, девочка, — с участием посоветовал он. — Такие решения нельзя принимать сгоряча. Ты можешь сильно пожалеть.

Сай два раза глубоко вздохнула, но намерения не сменила и повторила уже намного спокойней, упрямо закусив губу:

— Расскажи мне! Если я не приму это решение сгоряча, я испугаюсь и передумаю. И именно об этом буду желать всю жизнь. О так глупо упущенном шансе. Пожалуйста, — умоляла она.

Велатриан чуть помолчал, внимательно рассматривая пустующее Ущелье Тысячи Путей.

И лишь потом тихо, насколько это вообще осуществимо для обладателя громоподобного драконьего рыка, задумчиво проговорил:

— Быть может, это было предназначено... кто, кроме тебя, если ты уже живешь в том самом замке. Хорошо, я расскажу тебе, девочка. Если ты все же пойдешь на это, ты родишься в семье лордов Арвеймов три миллиарда лет спустя, в начале Эры Сверхновой. Вместо их младшей дочери, которая не должна появляться на свет. Без нашего вмешательства младенец умрет еще в утробе матери. Но ее ДНК будет заменена на твою, которая вдохнет новую жизнь. И тебя, скорее всего, назовут ее именем — Мелори Арвейм. У тебя останется твоя внешность, и поэтому мы будем вынуждены стереть все твои изображения из истории. Ради твоей безопасности и сохранности секрета.

— Разве это так важно? — подал я голос. Не то чтобы я что-то хотел этим изменить, вовсе наоборот, но знать мне было просто необходимо. — Это ведь должно быть очень сложно, полностью заменять ДНК настоящего человека и менять реальность, что-то из нес окончательно стирая...

— Ты знаешь, что магическая сила и формирующаяся под ее воздействием аура никогда не встречается дважды, — ответил мне дракон. — Это случается потому, что присущие кому-либо магия и энергия неотделимы от ДНК и сознания. Их неповторимое сочетание и порождает волшебника — таким, каков он есть, единственным. Нам же в нашем деле нужна сила Древнего Мага, не меньше, и поэтому внешность и сознание должны быть сохранены в своем первоначальном виде.

— Звучит не так плохо... — покачала головой решающаяся на отчаянный шаг героиня. — Но ты не все мне рассказал. Так ведь?

— Не все так просто, Сай... внешность перенести не так трудно, но с сознанием придется сложнее. Большую часть времени ты не сможешь вспомнить, кто ты такая на самом деле. В твоём теле будет жить мнимая леди Мелори Арвейм, не обладающая магией и не подозревающая о том, что она лишь подделка, легкая тень прошлого, настоящей тебя. С возрастом к тебе все чаще будет возвращаться память — вместе с ней, постепенно, и сила. К восьмидесяти пяти годам ты снова обретишь все свое бывшее могущество: этого времени достаточно, чтобы Мир успел привыкнуть к появлению подобной мощи. Ты будешь обладать магией только в сознании — собственном сознании, потому что только так снова создастся Сила. Но вплоть до уничтожения артефакта Мирианделла ты все равно будешь продолжать терять память, потому что это самое большее, что мы способны сделать. К сожалению, здесь и заключается самый большой минус придуманного нами ритуала — иным выходом может стать только прикосновение к артефакту, но этого допустить нельзя. Но и ты сама до того самого момента не сможешь рассказать правду о себе. Ни единой живой душе. Одни только твои слова могут сильно ударить по рушащемуся Миру. Подумай, Сай. Это Может оказаться очень сложно.

Внимательно, не перебивая все выслушав, она сказала только — не обреченно, но уверенно:

— Ты ведь сам знаешь, что никто не согласится пойти на это.

Велатриан выдохнул две маленьких, не обжигающих струи пламени.

— Знаю.

— Тогда возьми с меня слово. Возьми, пока я не успела окончательно испугаться и передумать. Это мой единственный шанс... — отчаянно потребовала ведьма. — Велатриан!

Огромный грозный дракон смерил ее долгим, тяжелейшим, испытующим взглядом —

но Сай выдержала его, не шелохнувшись.

Наконец тот, от кого зависела вся ее дальнейшая судьба, произнес, смирившись с уже окончательно и бесповоротно принятым решением:

— Хорошо, девочка. Ты не передумашь, а я не смогу тебя переубедить. И я беру с тебя слово. Все кончено. У тебя есть двое суток.

Будущая леди Мелори Арвейм, Сайонарис Безлика вздрогнула, но и не подумала пойти на попятную.

— Спасибо, — искренне поблагодарила она, от переизбытка волнения закрывая глаза. А уже потом, в первый раз за долгое время обратив на меня внимание, добавила. — Альвер, я... Скоро увидимся. Ты пока спроси про Рэя.

И исчезла из Предреальности так быстро, просто и красиво, как то делали все остальные. Я, не думая, хотел было последовать за ней, но вкрадчивый, увлеченный голос Велатриана остановил меня на полушаге.

— Вот каким ты стал, — дракон с любопытством меня разглядывал.

— Стал?.. — я невольно заинтересовался.

Дракон хитро улыбнулся — насколько это вообще возможно было заметить на его неповторимо прекрасной хищной морде. Однако он, не ответив на мое удивление, сказал кое-что другое:

— Со временем ты, Ураган, начнешь вспоминать события, которые с тобой никогда не происходили. Ты уже начал их вспоминать, так ведь? Не переживай, когда станешь замечать это все более и более явственно. Это нормально. Это в твоей природе. Ты — Время.

Вспоминать события, которые со мной никогда не случались?..

Ведь я уже не раз испытывал подобные неясные ощущения.

— Спасибо, — я пытался привести разбегающиеся мысли в порядок. — Но я хотел спросить про...

— Рэя Кальвента, так? Интересно... Близнецы Кальвенты, два человека с разным сознанием, но, тем не менее, одинаковой аурой. Единственное в своем роде исключение. Любопытный феномен, который повлечет за собой не менее любопытные последствия... — ожившая легенда рассмеялся собственным мыслям, но, разумеется, как истинный любитель тайн и загадок ничего объяснять не стал. — Девочка рассказывала мне про твоего друга, Альвер. И мы знаем, как его спасти. Мы расскажем вам, что нужно сделать и как вызволить всех потерявшихся вне времени. И все, потерявшееся вне времени. Это будет не так сложно, но и не так просто. Вдвоем вы справитесь. Но расскажем только двое суток спустя, потому что сейчас ты и без того очень многое увидел и узнал, столько впечатлений за один раз — перебор даже для тебя. Приходи ко мне вечером, когда будешь себя хорошо чувствовать. Покажу и расскажу тебе несколько полезных вещей. А пока что тебе нужно отдохнуть — и обязательно быть с ней. Ты сейчас ей очень нужен, поверь мне, Ураган.

Надеюсь, что так.

Сначала Сай долго молчала, уткнувшись мне в плечо, а я ласково гладил ее по спине и — не знал, что сказать.

«Я люблю тебя?»

Быть может.

Потом она отстранилась, храбрясь, улыбнулась и еле слышно пробормотала какие-то ненужные извинения. И пропала на следующие двое суток. Много ходила, прощалась с

давними друзьями и одушевленным Кхалгаром, часами напролет обнималась с Вэллас — с маленькой и априори милой девочкой-драконом обыкновенный, человеческий я, разумеется, конкурировать никак не мог, значительно уступая по всем возможным показателям.

Тем более, в таких обстоятельствах.

Ко мне же нат пришла только вечером: провести очередной сеанс самого восхитительного лечения в моей жизни и просто дружески поговорить. О чем-то отстраненном. Ни о чем.

А я, прекрасно осознавая, что моя навязчивость была бы неуместной и излишней, провел два дня на тренировках у Велатриана: грозный дракон оказался великолепным рассказчиком и учителем. По крайней мере, теперь я, прошедший хоть и сокращенную, но неповторимую и внушительную драконью школу жизни, вполне отчетливо понимал, как пользоваться своими внезапно открывшимися способностями Урагана — и как при этом не наворотить дел, которые мне же самому потом и придется разгребать. Просто потому что подобных специалистов в обозримом пространстве больше не найти.

Поздним вечером, накануне назначенного дня, я сидел на поляне и любовался очень яркими и невообразимо далекими летними звездами. Думал — сложно сказать, о чем. Сначала мне казалось, что я один — если такая штука как одиночество вообще возможна в отчаянно живом Древнем Мире, — но потом из-за перешептывающихся деревьев тихо, почти незаметно выскользнула Сайонарис. Такая красивая, волшебная и... лучезарная, наконец-то снова напоминающая саму себя.

— Как ты себя чувствуешь? — заботливо спросила она, присаживаясь на траву рядом со мной.

— Уже намного лучше. Спасибо тебе, — я тепло ей улыбнулся.

Это было правдой. Ранение больше не напоминало о себе так резко и неприятно, как постоянно делало это раньше: похоже, в самом прямом смысле драконий напор особо старательных врачей и учителей настолько его смутил, что оно испугалось и убежало, прихватив с собой тупую боль и плохое самочувствие. Страшное это дело — Древний Мир. Вон, даже организм стремится выздороветь как можно быстрее и безопаснее.

— Хорошо, — и надолго замолчала, с наслаждением подставляя лицо легкому освежающему ветерку и любясь недостижимыми небесами — необъятными космическими пространствами, расстояния в которых простираются на миллиарды световых лет.

— Как ты? — задал я, наверное, самый нужный вопрос.

— Я боюсь, Альвер, — Сай покачала головой. — Мне никогда не было так страшно.

— Это нормально. Когда делаешь что-то большое и нужное — нужное хотя бы самому себе — всегда страшно. Страх — обязательный спутник любого великого поступка. А ты очень смелая, Сай. Мало кто смог бы поступить так, как поступила ты. И, так спокойно признавшись о своем страхе вслух, ты в очередной раз это подтвердила. Ты сейчас героиня для всех.

Она слушала меня внимательно, с явно читающейся благодарностью. Но на последней фразе почему-то невесело усмехнулась:

— Нет. Мое решение — далеко не героизм, поверь. Скорее уж, эгоизм, — но объяснять свои слова она не захотела. Просто сменила тему, предпочитая поделиться иными сокровенными мыслями. — Знаешь... все это так странно. Умом я понимаю, что завтра утром все закончится. А если не закончится, то кардинально изменится. И, возможно, навсегда. Но вот всем остальным я это совсем не понимаю — как будто не верю. Сiju,

смотрю на небо, на деревья, такие родные и привычные, и мне кажется, что так будет всегда, что я скоро проснусь, буду некоторое время приходить в себя от столь захватывающего сна, а потом пойму, что жизнь продолжает идти своим чередом, а я остаюсь все той же нат Сай — не Сайонарис Безликой и уж тем более не леди Мелори Арвейм из какого-то невообразимо далекого будущего. Сейчас, в этом сне, мне хорошо. И я даже думать не хочу, какой исход станет ужасней.

— И правильно. Наслаждайся моментом — искренне посоветовал я.

Сай окинула меня продолжительным, внимательным взглядом. Посмотрела так, как до того момента не смотрела никогда — даже обнимая в замке Арвеймов, в ее будущем и одновременно моем прошлом. Произнесла:

— Собственно, я и собираюсь.

— О, откроешь секрет? — мне стало жутко любопытно.

— Тебе — открою. Если уж у меня завтра в самом прямом смысле начинается новая жизнь, то я хочу сделать себе подарок, — озорная полуулыбка, хитрые, светящиеся глаза. — Тебя.

И, пока я не успел опомниться и хоть как-то на это отреагировать, она приблизилась и поцеловала меня.

Дыхание, обычно столь спокойное и размеренное, сразу же предательски сбилось, а в душе как будто запустили грандиозный фейерверк, разрывающий сердце на кусочки и сразу же великодушно его вылечивающий — превращая в нечто большее, горящее и сокрушительно живое. В тот долгий, будто бы остановившийся момент для нас обоих больше ничего не существовало: я не знаю, сколько минут или часов прошло до той поры, когда мы впервые смогли отпустить друг друга — хотя бы чтобы отдышаться.

Сай сидела у меня на коленях, почти невесомая и такая близкая, а я обнимал ее за талию и гладил длинные распущенные волосы. Зачем-то хотел сказать что-то милое и глупое — уже даже и не вспомню, что именно, — но она поняла мои взгляд и выражение лица иначе:

— Только не говори, что не хочешь, найт Альвер, — иронично произнесла она, смотря мне прямо в глаза и глядя плечи. — Это ведь заметно.

— Неужели так сильно?.. — усмехнулся я, осознавая полное разоблачение. Водил пальцами по ее спине. Не мог удержаться. Да и зачем вообще было удерживаться?..

— Это очевидно, — невозможная, невыносимая нат продолжала надо мной издеваться. — Сначала я боялась, что ты по привычке будешь относиться ко мне как к маленькой девочке. Но ты меня приятно удивил... особенно когда я делала вот так.

Невероятная, самая лучшая девушка испытующе рассматривала меня своими хитрющими глазами и медленно вела по моей обнаженной груди ладонью, согревая знакомым, уютным, целительным теплом.

— А мне ведь совсем необязательно было тебя касаться. Ноо... я не устояла.

Насмешливо и как-то вовсе не обидно произнося все это, она не только хотела меня соблазнить (что ей, в общем-то, удалось сразу и безоговорочно), но и посмотреть на мою реакцию. Вот...ведьма.

Неповторимая. Любимая. Моя.

— Хорошо. Я сдаюсь, — я осторожно расплетал завязки ее атты. — Ты видишь меня насквозь, нат Сай.

— Вот и умница, — довольно шепнула она, обвивая руками шею.

— Тогда прекрати меня дразнить и иди ко мне.

Не собираясь больше ничего слушать, я настойчиво притянул ее к себе и снова поцеловал. И мы сразу же забыли обо всем на свете, таком неважном и далеком — хотя бы в тот момент, который принадлежал только нам двоим.

— Чистая энергия, направленная во все три разрыва, способна закрыть их. Энергия же Древнего мага, добавленная в эту секунду, уничтожит артефакт. Но ты же, Сай, благодаря собственной темной силе сможешь на время открыть отмененную Предреальность — и там, по ауре, возможно найти что угодно. Найти и вытащить. И все же у тех, кто туда пойдет, будет совсем немного времени. Придется выбирать. Возможно, у вас хватит времени на Рэя Кальвента и большую часть утраченной магии... Итак, Сай будет держать вход, но чтобы это было возможно, нам нужно соединить все три момента во времени. Поэтому нам не обойтись без тебя, Альвер.

Наша небольшая, но колоритная компания в лице меня, Сайонарис и двух громадных драконов каким-то воистину магическим образом поместилась в тот самый тайный ход в Подпространство, обнаруженный двести лет назад самым что ни на есть случайным образом. Как и подобает любому уважающему себя тайному ходу в любой уважающей себя библиотеке.

Тот самый, где маленькая ведьмочка Сай в ужасе вспомнила свое будущее — и пропала, закружилась в цветных ветрах Предреальности.

— Хорошо, — сказал я, честно пытаюсь уговорить себя слушать с должным старанием. Все-таки мне сейчас так любезно дают жизненно необходимую информацию — в случае моего друга Рэя в самом прямом смысле. С горем пополам, но временами даже получалось сконцентрировать внимание на насущной проблеме, выход из которой мне сейчас, между прочим, подробно излагают. Вот это я понимаю, могущество!

Если уж проказнице судьбе приспичило превратить мальчика Райана Кальвента, единственного сына своих родителей, в двух совершенно самостоятельных, но души друг в друге не чающих близнецов-клонов, то явно не для того, чтобы вот таким трагичным образом снова оставить одного. В том случае, если она, конечно, не пыталась исправить досадную ошибку — но назвать очаровательных разноглазых братьев досадной ошибкой не повернулся бы язык даже у самого строгого и нудного из Духов.

Подведя эту теоретическую базу, я продолжил свято верить, что история моего друга на этом далеко не закончена: во-первых, что-то такое будто бы ненароком упомянул присутствующий здесь Велатриан, предпочтя загадочно недоговорить, во-вторых, такой безрадостный финал был бы абсолютной безвкусицей. А Судьба — личность весьма творческая, хоть и на всю голову долбанутая...

Последнее, собственно, только прибавляло ей креатива.

— А потом... — продолжал дракон, но я снова ненароком улетел в заоблачные дали собственных радужных мыслей.

Сложнее всего оказалось вылезти из-под одеяла. Потому что лежащая под ним теплая соблазнительная девушка то и дело меня целовала — то есть, точнее будет сказать, изредка отрывалась от моих губ, — послушно продолжая находиться у меня в объятиях. При столь восхитительных обстоятельствах подъем мог бы приравняться к невиданному подвигу. А как мы после той замечательной полянки оказались в спальне и как проводили в ней оставшееся до утра время — уже совершенно другой вопрос, требующий отдельного детального

обсуждения...

— Альвер, ты меня вообще слушаешь? — воззвал к моей совести Велатриан. Но совесть находилась в полусонном состоянии.

— Да, конечно, — бодро отозвался я. — Соединить три временных потока с темной магией (я даже помню, как это делается), по следу ауры быстро найти Рэя и исчезнувшие источники энергии, выбраться, соединить все снова, на этот раз с Древней силой, и таким образом уничтожить артефакт. Все так?

— Хорошо, — каким-то странным тоном похвалил меня мой недавний наставник, переводя подозрительный взгляд с меня на главную героиню нынешних событий и обратно. — Сай, ты как? Готова?

— Нет, — честно ответила она с изрядной долей пофигизма. — Сомневаюсь, что к такому вообще можно быть готовой.

По идее, ей сейчас полагалось бы пребывать в мрачном, задумчивом и сосредоточенном состоянии духа, но Сай, как она сама признавалась во время одного из душевных вечерних разговоров, оправдывала ожидания других людей или драконов только изредка. Напротив, она все утро лучезарно улыбалась и вела себя на редкость легкомысленно, чем меня, к слову, невероятно радовала.

Что ж, она могла себе это позволить — и легкомыслие, и меня.

И все же одна ее фраза, казалось бы, шутливая и непринужденная, обрушилась на меня мощным водопадом, ошеломив и хоть и ненадолго, но заставив забыть про все остальное:

— Похоже, мне все-таки придется разбираться с обиженной девушкой, — вкрадчиво промолвила она за завтраком, все с тем же ехидным выражением на своей красивой мордашке. — Все же я соблазнила ее парня. Хотя я не заметила, чтобы он сам особо сопротивлялся.

В каждой шутке есть доля шутки. А ведь правды в ней бывает значительно больше, чем следовало бы...

— Нет, тебе уж точно не придется, — опомнившись и приведя мысли в относительный порядок, в тон ей ответил я. А потом серьезно добавил. — Нет у меня никакой девушки.

И снова притянул ее к себе.

Какой уж там «очаровательный парень» — скорее, все-таки «невыносимый балбес», а то и откровенный дурак и трус. Я ведь даже не сказал.

Из мира воспоминаний в мир настоящего меня вернули знакомые голоса. События стремительно подходили к концу — или же только к началу.

— Чего тянуть, — отвечала девушка, упрямо качая головой и обращаясь в большей степени к самой себе. В ту же секунду она, следуя интуитивному порыву, взяла меня за руку и попросила так, что отказать было бы решительно невозможно. Собственно, я и не собирался. — Позаботься о Вэл, ладно? Она будет грустить, когда я пропаду.

— Не переживай, — я улыбнулся. — Для нее не пройдет много времени, и вы скоро встретитесь, — и решил пообещать. — Но я буду с ней играть!

Кажется, я знаю, какой подарок на свой девяносто четвертый день рождения получит мнимая леди Мелори Арвейм от своего назойливого и своеобразного в выборе сюрпризов поклонника.

— Спасибо! — искренне поблагодарила Сай и легко поцеловала меня в губы. И дальше, помедлив лишь секунду, уверенно шагнула в центр приготовленной заранее колдовской пентаграммы. Тянуть не было смысла — она и сама это прекрасно понимала. Впереди ждет

целая жизнь — другая, неизвестная и потому очень интересная. Чего-чего, а этого несомненного достояния у самой Жизни не отнять.

На удивление, ритуал не оказался долгим и зрелищным. Сравнительно небольшое заклинание на дораскейве, который я все еще понимал только частично, в исполнении двух драконов, яркая и очень короткая вспышка энергии — единственный эффектный элемент в древней могущественной ворожбе, — и все было кончено. Маленькая девочка Сай, растаявшая, унесенная штормовыми порывами мистического ветра, исчезла из своего родного Древнего Мира, всего лишь одно мгновение спустя появившись в далеком-далеком будущем, как будто и не жила никогда в этом поражающим самое богатое воображение полусозданном замке.

Три миллиарда лет спустя, в семьсот тридцать втором году Эры Сверхновой, настал странный день: день рождения леди Мелори Арвейм. Я в свое время так и не удосужился спросить, чем именно он был странным, но сейчас даже и не сомневался: игривые ураганные ветры радостно носились по всей округе, кружа в невиданном танце друг с другом и со всем остальным, встречающимся на их долгом, хаотичном пути.

В какие-то доли секунды не осталось ни единого следа.

От меня требовалось совсем немного — позволить окончательное свершение ритуала, в последнюю минуту заклинания поделившись собственной аурой. Совсем небольшим ее кусочком, настолько крошечным, что он полностью восстановился за какие-то полчаса; я и не успел почувствовать разницы. Однако без этой маленькой детали волшебство не получило бы необходимого количества силы для стремительного прорыва сквозь толщину веков и Эр.

Но для этого мне нужно было встать внутрь нарисованной пентаграммы. И в ту последнюю минуту я твердо произнес:

— У меня правда есть только ты. Неужели ты не догадалась, милая? Я буду там, Сай.

— Я буду ждать, — и весело добавила. — До скорой встречи, Парадокс!

Несколько вечных, мимолетных секунд спустя темная ведьма Сайонарис родилась под именем Мелори Арвейм и сразу превратилась в Безликую легенду. И в Древнем Мире стало мрачно, одиноко и бесцветно — несмотря на то что Кхалгар все так же продолжал жить своей динамичной, истинно волшебной жизнью, задорно играя со всеми, кто так или иначе окажется среди его одушевленных деревьев. Он отпустил одного из своих детей — и так рано или поздно должен поступить каждый родитель.

Конечно, я знал, что я-то и вправду увижу мою Сай очень скоро. Но мне все равно стало невыносимо грустно: для нее самой к тому моменту пройдут уже целых девяносто три долгих года. Увижу — мою ли Сай?..

— Тебе нужно будет вернуть девочку домой, — мягко сказал мне мой зеленый и чешуйчатый наставник, вырывая из плена накатившей тоски. — Такому сильному магу нельзя находиться в ослабевшем Мире. Мало ли, что он может натворить, убедившись в собственной непобедимости и упиваясь ей. А Сай, сколь могущественной волшебницей она бы ни была, все равно подвержена обычным человеческим чувствам. Как и все мы. Да и вернуться сама в первый раз не сможет: она хоть и необычайно даже для своего рода одаренный темный маг, но все же не Ураган.

— Да. Конечно, — я покачал головой, пытаюсь усилием воли снова заставить себя мыслить, сбежать из безжалостно наползающего тумана бессилия и безразличия. Как и следовало ожидать, прекрасное настроение, верно сопровождавшее меня все утро, кануло в небытие.

Однако слишком долго грустить я не только не хотел, но и не мог: уже давно окончательно убедился, что способность самоотверженно депрессовать никогда не входила в список моих талантов. И даже смирился с этим прискорбным фактом. Предаваться унынию следует старательно и с полной самоотдачей — я же столь мощной силой воли явно не обладал: моих скромных усилий хватило только на изучение многовековой истории магии и весьма мазохистские продолжительные тренировки под неусыпным присмотром обожающего поизмываться над ученичками, обожаемого Рифарда Хайта.

К тому же, меня ждали дела. А занятость — самое лучшее лекарство от грусти. А в большинстве случаев еще и оплачиваемое.

— Ты что, прямо сейчас вознамерился избавлять Мир от опасности? — вкрадчиво поинтересовался дракон. — Желание, конечно, геройское, но не то чтобы самое разумное...

— Нуу... да, сейчас. А почему нет? Ведь надо же. Или потом? — изумился я и совсем перестал что-либо понимать.

— А толку-то от тебя сейчас. Вот у Сай только что появилось много времени для отдыха, раз уж она появляется на свет богатенькой баловницей судьбы. А вот тебе, друг мой Альвер, такое великолепие сейчас не светит. Так что лучше поспал бы до завтра, герой-любовник, — насмешливо молвил Велатриан с убийственной иронией.

Похоже, я все-таки умудрился покраснеть, хотя такого со мной не случалось уже давненько: лет сорок минимум. Какое странное ощущение...

В исполнении счастливого обладателя громоподобного рыка сие ехидное изречение становилось втройне внушительным. Честно говоря, я не хило так смутился. Пробормотал что-то не особо наделенное разумностью и осмысленностью и воровато огляделся в поисках моральной поддержки, чем еще больше развеселил излишне осведомленного дракона.

Хоть не разгневал — уже хорошо. А то наслушался в детстве соответствующих душещипательных и ужасающих легенд... между прочим, уже порядком забытых, но именно сейчас красочными картинками всплывающих перед моим необузданным воображением мечтателя.

Дракон, тем временем, уже откровенно надо мной хохотал. Не будь я абсолютно уверен в том, что имею непередаваемое счастье слышать залиvistый веселый смех, непременно подумал бы, что на улице начинается страшный шторм, сопровождаемый аккомпанементом оглушительных раскатов грома. И бросился бы всех подряд об этом оповещать. Уж не знаю, зачем, наверное, чтобы сыграть свою посильную роль во всеобщем хаосе.

Однако сейчас я только совершил отчаянную попытку придать своему лицу оскорбленное выражение — не за себя, за свою даму сердца.

Правда, сама Сай один раз ненароком упомянула, что терпеть не может это слово и всерьез предпочла бы, чтобы ее величали ведьмой. Да еще и сочла бы это за превеликий комплимент и принялась неустанно радоваться наличию в ее жизни таких милых людей, которые полностью понимают и принимают ее колдовскую натуру.

Ладно, так и быть. За свою ведьму сердца.

С треском провалился. Рассмеялся сам над собой. Все-таки самоирония — великая штука.

— Какой ты все-таки обаятельный драконище, Ураган, — продолжал веселиться Велатриан, хотя от него было удивительно слышать устоявшиеся речевые обороты с использованием названия его собственного биологического вида. — Проложил путь к сердцу не только моих сородичей, но и к сердцу неприступной нат Сайонарис. Вот это я

понимаю, харизма!

И попробуй еще пойми, издевается ли он или на самом деле делает мне комплимент. Ведь это примерно как «ведьма», только «обаятельный».

Остаться на еще одни сутки меня с горем пополам уговорили: в конце концов в мою сонную голову соизволила прийти светлая мысль, что не стоит являться на свидание в столь потрепанном виде.

В качестве следствия от пребывания в замке Арвейм в полном одиночестве мне вполне мог светить новый прилив беспросветной тоски — если бы не маленькая Вэллас, которая усиленно искала себе подходящую компанию для игр и тем самым скрасила мое существование. Я этой подходящей компанией и оказался. И снова не смог отказать чешуйчатой зверюшке, отложив свой священный сон на неопределенный период времени.

Ох. Тем, кто никогда не пробовал играть в догоняжки с детенышами драконов, очень сложно толково объяснить, что это за сумасшествие...

— Мы с Сай скоро вернемся, — ласково пообещал я красавице, глядя ее по крыльям. Раз уж с оригинальным подарком на день рождения не получается по объективным причинам, то мне ведь ничего не стоит просто-напросто перенести нас в завтрашний день, после того как все самое страшное наконец закончится.

— Rrrrr! — полностью поддержала мою идею Вэл.

Отоспаться все-таки удалось. Ночью, как и полагается всем нормальным людям. К которым я, по всей видимости, уже давно не относился — если вообще относился когда-либо.

— Ураган, — неожиданно спросил меня на следующее утро прилетевший в, слава Духам, достаточно вместительный двор Арвейма Велатриан. — Что ты знаешь про последний для времени, в котором ты родился, Ковен магов?

Огорошенный внезапно внеочередной проверки на образованность и эрудицию, я на пару секунд задумался.

— Нуу... ээ... Последний Ковен, как его у нас называют ученые, действовал около восьмисот лет. Они обучали только самых могущественных магов и собирали множество информации, которая была могущественна уже сама по себе, без какого-либо использования. После он был разбит оппозиционной гвардией магов, испуганной обретенной Ковеном силой и собранной специально для приведения этой цели в жизнь: в истории эта война была названа Войной за Ковен. Что еще? Вся его деятельность стала секретом, и даже его библиотеку скрыли от посторонних глаз.

— Неверно, — резко отрезал дракон.

— Почему? — опешил я.

Выдумка в истории, разумеется, довольно часто имеет место быть, в чем я уже не раз имел прекраснейшую возможность убедиться, но не до такой же степени...

— Не было у них никакой оппозиции. Точнее была, куда же без нее, но настолько маленькая и невнушительная, что каждый раз исчезала, не успев толком возмутиться, и то под напором исключительно непробиваемых аргументов. А упомянутая тобой гвардия вообще была за них и никогда бы не осмелилась, да и не стала бы выступать против. Потому что Ковен защищал людей. Везде и, самое главное, всегда. И уничтожен он был вовсе не людьми, а озлобленными демонами и Духами из иных реальностей: величайшие маги своего времени — а с учетом их специфики, и всех времен заодно — пожертвовали собой ради того, чтобы в очередной раз защитить столь дорогой им Мир. Они победили. Но в последний

момент даже у них не хватило сил, чтобы изгнать опасность и остаться в живых. Именно эту войну позже совершенно ошибочно назовут Войной за Ковен.

Я почувствовал себя провалившимся на экзамене зубрилкой, который, ко всем бедам, еще и страдает ярко выраженным комплексом отличника.

— Но... — я недоверчиво нахмурился, все еще сомневаясь в услышанном. — Зачем тогда магам нужно было уже после всего объявлять Ковен угрозой и засекречивать информацию о нем? Таким вот подлым образом подтасовывать факты? Это ведь даже... мало того что неуважительно по отношению к описанным тобой героям, но и, в конце концов, просто странно.

— Как раз в этом нет ничего удивительного, Альвер, — мягко произнес дракон. — Ты ведь не забыл, с чем мы боремся? С могущественным артефактом, который уничтожает Мир, безжалостно поедая события, людей и целые времена. Истерзанная реальность, как может, залечивает раны, незаметно подменивая в сознании доверчивых людей факты и постепенно меняя историю наиболее удобным для себя образом. Она борется — а что ей еще остается? Быть может, оставшиеся маги и не хотели бы думать, что из-за них уничтожается поддержка и опора всего волшебного мира, но им приходится: просто потому что так проще держаться умирающей реальности. Вневременной Ковен — одна из главных легенд забытых времен. В его названии для выживания даже первое, решающее слово было заменено на другое — «Последний». Ты не замечал, что если задуматься о некоторых подробностях, то сразу выискивается куча неотложных и неописуемо важных дел? Но здесь, в Древнем Мире, такого не будет. Здесь Предреальность цела и невредима. Скажи мне, ты можешь назвать имена его основателей? Чем именно они занимались? Сказать, какое имя носил сам Ковен? Тебе ведь оно знакомо не понаслышке.

Нет. Я не знал ничего из перечисленного — и ведь только сейчас это осознал. Раньше почему-то... просто не задумывался, не видел никакого смысла в получении этой будто бы бесполезной информации. И ведь правда, находил более достойные моего царственного внимания дела. Сейчас, уже сейчас подобные мысли казались мне неоправданно глупыми и даже безумными. Реальность и вправду не хотела беречь свои рваные раны.

— Так странно чувствовать себя законченным идиотом, — усмехнувшись, точно и веско прокомментировал я собственные ощущения.

— Это еще что, — саркастично хмыкнул Велатриан. — Мы, собственно, пришли. Покажу тебе кое-что, и это «кое-что» тебя крайне заинтересует.

И я стоял, безмолвно глядя на записанные, полустертые и покрытые вековой пылью имена основателей Вневременного Ковена Магов. В те долгие секунды я понял многое. Последние пять лет моей жизни будто бы пролетели заново — уже исполненные иным смыслом.

— Не только в микромире действует это любопытное правило, — удивительно тихо шипел мне на ухо дракон. — И в нашем Мире будущее способно влиять на прошлое. Тебе ли этого не знать, Парадокс?

Прошлое уже произошло. И одновременно ему только предстоит свершиться — или же, если мы того захотим, отмениться навеки.

— А знаете, что самое страшное? — бодро осведомился я тоном, не допускающим никаких серьезных разговоров, и с размаху уселся на еще несколько лет назад облюбованный мной диван.

Осчастливленные слушатели, не ожидавшие столь резкого поворота событий, разом уставились на меня своими четырьмя парами разноцветных ясных глаз.

— Самое страшное, что я жутко проголодался и теперь готов с боем отобрать у вас все съестное. Так что готовьтесь защищаться, — объявил я и не медля стащил со стола бутерброд, пока мои коллеги и вправду не начали яростно охранять свое драгоценное имущество.

— Хотя предупредил о нападении, а не устроил подлую диверсию, как обычно. Благодарно. Не ожидал от тебя такого, — радостно поздоровался со мной мой лучший друг Кристон, вероятно, безумно соскучившийся по моей неповторимой компании.

Мои донельзя загруженные работой сослуживцы во главе со своим строгим работодателем сидели и добросовестно обедали, уничтожая внушительные запасы провизии, весело общаясь, ухахатываясь и занимаясь исключительно своими излюбленными делами. Собственно, примерно таким нехитрым образом и проходит добрая половина нашей богатой на открытия исследовательской деятельности.

Я аж умилился. Узнаю своих бесценных ребят!

— Альв, ты все-таки надумал испробовать игрушечный спиритический набор? — невинно поинтересовался шеф. — Очень рад, что ты перестал быть скучным букой!

Кто бы говорил, лорд Оринделл Арвейм, весело подумал я.

— Класс! — искренне восхитился рыжий и сиреневоглазый Рин. — Даже нас с братом драконы так долго нигде не носят. Научишь?

И только добрая и хорошая девочка Эрнис, как всегда сидящая в обнимку со своими любимыми длиннющими теоретическими расчетами, участливо сказала:

— Привет, Альвер. Не слушай этих великовозрастных болванов, они тоже по тебе соскучились.

Самый великовозрастный болван нашей замечательной компании, а по совместительству, страшно сказать, начальник всей коллегии, найт Рифард Хайт только довольно хмыкнул в ответ на подобное далеко не уважительное обращение. А ведь с самого начала он никак не мог приучить стесняющихся нас обращаться к нему именно таким образом, хотя очень старался.

Похоже, мое эпохальное появление, на которое я где-то в глубине души так рассчитывал, не произвело нужного эффекта. По крайней мере, моей внезапной материализации прямо посреди гостиной коллегии никто особо не удивился — и никто не кинулся обнимать от избытка чувств. Ничем этих черствых могущественных колдунов не проймешь.

— Привет, Эрни, — с задорной улыбкой поздоровался я и отправил себе в рот еще один бутерброд, пока такая возможность вообще предоставлялась. Потом же все опомнятся и начнут растаскивать всю оставшуюся в наличии еду в разные стороны со спринтерской скоростью — и что я тогда намерен делать?! Мне, могу заранее описать сию безрадостную картину, останется только кусать собственные локти и тосковать о так глупо упущенном шансе. А шансы вообще нельзя упускать.

— Дай угадаю, — иронично протянул Крис. — Ты сейчас сидишь и ждешь, что кто-нибудь начнет на радостях тебя тискать? Ну, ладно. Я готов. Что ни сделаешь ради лучшего друга.

— Какая самоотверженность, — с напускным безразличием буркнул я. Но, как обычно, не выдержал и позволил беспечной улыбке вылезти наружу и выдать меня с потрохами.

Какой я все-таки бываю слабый и несдержанный. Но исключительно в подобных обстоятельствах, грозящих перерасти в столь дорогую моему романтическому сердцу дружескую перепалку.

Когда продолжительные объятия с каждым из наличествующих коллег были завершены, я наконец соизволил драматическим полусшепотом поведать, что где-то носили меня и в самом деле драконы. То бишь, подробно пересказал спасительный план моих крылатых и чешуйчатых знакомых. Когда же посыпалась лавина уточняющих и просто вызванных неудержимым любопытством вопросов, я рассказал практически все: только предпочел умолчать о некоторых увлекательных подробностях собственной личной жизни. Нет уж. Сейчас это только мое, и делиться с кем-либо своими эмоциями, кроме моей очаровательной ведьмы, жадный я уж точно не собираюсь. К тому же, я уже давно обратил внимание, что все произнесенные вслух слова в той или мной мере становятся заклинаниями. А с этим лучше не шутить.

Правда, я то и дело обращал внимание, что досконально изучивший своего вечного соседа по общежитию, Крис рассматривает меня с особым интересом юного хранителя чужих потаенных секретов...

А после того как я, вдоволь наболтавшись и значительно поспособствовав уничтожению оставшейся в ближайшей округе пищи, стремительно улетучился навстречу новым приключениям, все так же внезапно и показательно исчезнув с дивана, найт Рифард картинно вздохнул и с самым своим оптимистичным выражением лица заявил:

— Привыкайте, ребята. Примерно так теперь будет всегда.

После же, не теряя ни минуты, я все так же неожиданно перенесся в замок Арвейм времен Эры Сверхновой. И вот тут мое грандиозное появление произвело фурор, сравнимый с тем, на который я откровенно надеялся в предыдущий раз.

Найт Вэйд, мой коллега в страже замка и одновременно неплохой знакомый уставился на меня как на вознамерившееся нанести простым смертным дружеский визит приведение.

Нет. Я, конечно, один раз шутил на тему, что непременно должен стать фамильным призраком семейства Арвеймов, но это же вовсе не означает, что все дурацкие желания вроде упомянутого обязаны тут же исполняться!

— Альвер?.. — глядя на меня исполненным недоверия взором, посчитал нужным уточнить Вэйд. — Но ты же...

— Но я же что? — я недоуменно покосился на излагающего.

— Ты же болел. Довольно долго. А потом пропал и...

— Выздоровел, — легкомысленно пожав плечами, как ни в чем не бывало, прокомментировал я. — С кем чудес не случается?

Но дальше обуреваемый чуть ли не священным ужасом бравый боевой маг все-таки умудрился меня огоршить.

— Но ты же на полгода пропал, — осторожно добавил он.

Ох, драконы.

Я запоздало поежился. Добродушная природа обычно не склонна морозить счастливых жителей Элринга суровыми и холодными зимами, но все же довольно часто в это время года радует наши взоры время от времени выпадающим снегом и его игривым блеском, радужными переливами в лучах разноцветных солнц и звезд.

Хотя, как я уже один раз к слову упоминал, непродолжительные заморозки и бурные

метели в зимний период у нас все же периодически случаются — но ведь и погоде нужно время от времени развлекаться, ведь так?

Сейчас, правда, снега все еще не было — это и объясняло мое вопиющее невежество. И все же полноправно царивший Савос, второй по счету месяц нового, восьмьсот двадцать шестого года Эры, возмущенно напоминал о себе не слишком-то высокой для неспешных прогулок в легкой летней атте температурой.

Называется, окончательно уверился в собственных Ураганных способностях. Вот и промахнулся на шесть месяцев, невыносимый балбес. Все-таки запало мне в душу это содержательное определение, кто бы мог подумать!

— Кое-кто даже полагал, что ты умер...

Час от часу не легче.

— Мдааа уж... — протянул я, осмысливая возникшую из-за моей коронной невнимательности передрыгу. — Похоже, мне придется всех в этом переубедить. Как думаешь, восставшего из пепла меня возьмут заново на работу? Или уволят за огромное количество прогулов?

Но все еще не избавившийся от уз мистического страха найт Вэйд, по всей видимости, шуток не понимал.

— Ну... ты все-таки единственного сына лорда спас...

Я махнул рукой на обычно обязательное для меня проявление непосредственности и неподражаемого чувства юмора и отправился напрямик в замок — навстречу еще штукам двадцати подобных радостных приветствий. Под конец сего однотипного марафона меня даже начало преследовать не самое приятное ощущение, что я ненароком попал не полгода позднее, чем следовало бы, а в какое-то дешевое, совершенно бездарно поставленное комедийное представление.

Правда, еще до моего входа непосредственно во внутренние апартаменты замка меня с оглушающим лаем сбили с ног пятеро донельзя счастливых собак: вот уж кто не стал изображать из себя неразумных созданий, страшно испуганных неожиданным появлением и без того обескураженного дружелюбного призрака, причем к тому же еще и не настоящего, а вполне себе живого и материального. Умиленный такой душевной встречей, я добрых полчаса чесал их за ушами, искренне называя «хорошими мальчиками», а они в ответ даже не пытались меня разорвать в клочья — хотя именно об этом меня некогда предупреждали заботливые сослуживцы. И с чего они вообще это взяли? Вот какие милые песики, хвостами машут, лизнуть норовят.

Вот все бы так. Не в смысле, от радости сбивали бы с ног... а, впрочем, ладно. Можно даже и настолько экстравагантно, я не против.

По крайней мере, после такого приветственного ритуала люди бы сразу убеждались, что их руки сквозь меня не проходят, а потому расценивать меня как призрака уже с научной точки зрения было бы не слишком-то корректно.

Больше всего я боялся встречи с Мелори — не с Сай, а именно с ее беспамятной тенью, к которой я некогда испытывал очень нежные чувства. Я не знал, даже предположить не мог, как мне следует с ней общаться, как на нее смотреть, потому что уже сейчас, после недолгого, но богатого на события пребывания в Древнем Мире, я видел в ней всего лишь неправдоподобную замену могущественной Древней ведьме.

Мелори Арвейм не подозревает о том, что ее не должно было существовать. И пусть лучше эта горькая правда останется для нее закрытой за семью печатями тайной, ведь иначе

будет хуже для всех.

И это только усугубляло мою дилемму. Я был в нее сильно влюблен — когда-то очень давно, всего неделю назад — теперь же я оказался влюблен безумно. Пусть и в нее же, но все-таки в совершенно другую девушку.

Еще тогда я должен быть задуматься о том, что такая сильная, невыразимая влюбленность в реальной жизни редко заканчивается чем-то хорошим — по крайней мере, ничто настолько прекрасное не может появиться и беспричинно решить остаться навсегда, вот так просто и быстро. Но, конечно же, мне, переполняемому счастливыми эмоциями, и в голову не приходила подобная мысль. А ведь нат Асвейде меня в свое время предупреждала...

На этот раз удача решила быть ко мне благосклонной.

— Как прошел отпуск, найт Альвер? — спросил меня до невозможности ироничный, звонкий голос. — Впрочем, я, кажется, знаю, где ты был.

Сай тихо выскользнула из-за двери какой-то из множества комнат коридора. При одном виде знакомой стройной фигурки у меня сразу же отлегло от сердца. Все-таки кое-кто мастер очарования, что бы она сама по этому поводу ни думала, и этой дважды врожденной способности у нее не отнимешь.

— Я выгляжу моложе, правда? — весело осведомилась нат.

— Чуть младше, я бы сказал, — серьезно возразил я. — И то лет на десять-пятнадцать, не больше.

— Почти девять месяцев спустя ты меня все-таки узнал, — она чуть отвела взгляд, а потом, грациозно наклонив голову, посмотрела мне прямо в глаза и протянула. — И ведь я даже не знаю, как на это отреагировать. Вот как?

— Погладить меня по голове и сказать, что я был, конечно, дураком, но милым и забавным? — оптимистично предложил я один из вариантов.

Так мы и стояли на расстоянии целого метра, не особо спеша с подобающей случаю старательностью и ответственностью друг друга обнимать. Пауза, которую неловкой не назовешь даже при всем желании (слишком уж для сцены подобной драматичности у нас было веселое и легкое настроение), все равно умудрилась затянуться. Вот правильно где-то говорят, что талант не пропьешь и не растеряешь, а саркастичная пауза оказывалась особой весьма и весьма одаренной.

Да уж, не совсем так я представлял нашу встречу. Перед моим бурным воображением пролетали несколько другие, не менее бурные картины.

— Учти, первая я тебе в объятия кидаться не буду, — насмешливо предупредила меня Сай. — Все-таки аристократическое воспитание, все дела...

— Вредина.

— Что есть, то есть, — она рассмеялась, польщенная услышанным.

— Ну, и ладно, — я пожал плечами, изобразив покорность злой и несправедливой судьбе. — В таком случае, сам как-нибудь справлюсь. И даже не сильно страдать буду.

Следующие минут пятнадцать я мужественно проявлял чудеса полного отсутствия аристократического воспитания.

— А еще недавно ты не хотела целоваться со мной в коридоре, — вдруг припомнил я, когда с превеликим трудом отвлекся от описанного занятия.

— Еще бы. Ты ведь понятия не имел, что я — это я, — фыркнула моя милая ведьмочка. — Очень мне надо, чтобы ты целовался не совсем со мной.

— Вот, значит, как, — я иронично усмехнулся.

— А ведь даже был такой случай! — шутливое настроение Сай выдавали искрящиеся глаза. — Тогда, ночью, в библиотеке. Но я пережила. Видишь, какая я сильная и самоотверженная?

Ревнивица и собственница из Древней темной ведьмы Сайонарис выходила ровным счетом никакая. Устраивать настоящие допросы и скандалы она не позволит себе хотя бы из чувства собственного достоинства, а вот развлекаться и глумиться — это сколько угодно, это уже совершенно другое дело. Знает ведь, что я ни на кого другого и не взгляну. Абсолютно точно знает.

— Теперь, надеюсь, ты будешь наверстывать упущенное? — как будто невзначай поинтересовался я.

Девушка сделала вид, что глубоко задумалась — между прочим, весьма убедительно. Не будь я стопроцентно уверен в обратном, пожалуй, и обеспокоился бы на какую-нибудь короткую, но волнительную долю секунды.

— Похоже, да, — в конце концов подтвердила мои ожидания Сай. — Здесь, увы, бессильно даже мое упомянутое воспитание.

И заняла свои губы более приятным делом.

Зря я в глубине души переживал. За долгие девяносто три года моя любимая вредина не изменилась совершенно.

Превосходящий меня габаритами серый сторожевой пес по милой кличке Лаксти валялся на спинке и повизгивал от удовольствия, демонстрируя свое полнейшее ко мне расположение, а я сидел рядом и старательно чесал его пушистое брюхо. Радостней всего на мое внезапное «возрождение» отреагировали именно друзья-собаки, остальные же так и продолжали коситься на меня, как на зловещего материализовавшегося призрака, несмотря на то что я так и излучал фантастическое дружелюбие, а идиотская улыбка и не думала сходить с моей одухотворенной физиономии.

Как все-таки мало нужно для формирования устойчивой мистической репутации: всего лишь исчезнуть с больничной койки и, как ни в чем не бывало, объявиться полгода спустя. Кто знает, может эта пресловутая репутация еще надумает когда-нибудь сыграть на моей стороне.

В должности меня все-таки восстановили, причем чуть ли не с распростертыми объятиями. Сложно объяснить, зачем мне вообще это понадобилось — раз уж я был способен перенестись туда в любое время, а история явно подходила к финалу, — но мне показалось, что так будет выгодней и удобней.

По крайней мере, достающие мне до колен очаровательные щеночки сторожевых псов мое решение всячески поддерживали.

Леди Линн к моменту моего повторного появления в фамильном замке Арвеймов уже уехала в то место, которое ей теперь приходилось называть домом. Похоже, в какой-то несчастливый день у нее просто закончились аргументы, откладывающие возвращение к нелюбимому мужу на неопределенный срок. Очень жаль. По моему, возможно, вовсе неуместному мнению, во всех отношениях прекрасная Амелин заслуживала гораздо более счастливого брака. Пару раз я даже задумывался, как я мог бы ей помочь: и понял, что мне стоит всего лишь предложить ей переселиться на пару Эр вперед и начать жить абсолютно новой жизнью. Но нужно ли мне вмешиваться?..

Лорд Оринделл тоже почему-то отсутствовал — и потому пропустил весь фееричный концерт с моим восстанием из мертвых. Вот уж с кем мне было бы определенно любопытно перекинуться парой-тройкой словечек, причем по многим причинам сразу. Но, похоже, прямо сейчас все-таки не судьба — и ладно, у меня есть вполне веские основания предполагать, что мне представится для этого еще куча отличных возможностей.

А несколько дней спустя я случайно узнал, что через четыре месяца после моего исчезновения леди Мелори все же согласилась выйти замуж за короля Ровена. То ли из все же возобладавшего чувства долга, то ли сдавшись под напором матери, то ли от отчаяния. Этим и объяснялась большая часть украдкой направленных в мою сторону сочувственных взглядов: по всей видимости, пока я отчаянно боролся с магией Заката, изредка приходя в сознание в больнице, о наших непродолжительных отношениях узнали или догадались все, кому только ни лень было связать парочку простеньких фактов.

К тому же, и до этого было сложно не обратить внимания на наши обоюдные ласковые взгляды.

Разумеется. Любимый без предупреждения пропал на столь продолжительный срок (и ведь вполне могла стать, что и навсегда), а настойчивая леди Карлия, страстно желавшая столь выгодного замужества повзрослевшей дочери, постоянно оставалась рядом и, без сомнения, все это время пользовалась ее горем и продолжала планомерно добиваться своего. И, что было вполне предсказуемо, если не заранее определено, расстроенная, разочарованная в самой жизни девушка все же поддалась на уговоры.

К сожалению, таких недалёковидных родителей в Море существует гораздо больше, чем хотелось бы. Они, упиваясь своими мечтами, которые так и остались аморфными, далекими мечтами, ни на шаг не приблизившимися к исполнению, и страдая от невозможности повернуть время вспять и реализовать их в своей стремительно убегаящей жизни, автоматически перекладывают цели и амбиции на ничего никому не обязанных детей. И ведь даже предположить не способны, что чьи-то желания могут не совпадать с их собственными. А после, получив волевой отказ, хорошо если всего лишь укоризненно обвиняют выросших самодостаточных людей в глупости и эгоизме.

Что уж говорить про пресловутое чувство долга, с детства прививаемое детям в богатых и знатных семьях.

У меня же, большую половину жизни скитавшегося где угодно исключительно по собственному усмотрению, подобных проблем не возникало никогда. Все ужасы тотального родительского контроля мне испытать так и не довелось, потому что они с самого раннего возраста относились ко мне как к взрослому, самодостаточному человеку, который не только может, но и должен иметь собственные устремления, какими бы на первый взгляд дурацкими и неразумными они ни были. Узнав о моей непреодолимой страсти к изучению истории, родители отнюдь не стали меня строго наставлять и уговаривать выбрать более престижную профессию. Напротив: пожелали удачи и радостно отпустили на все четыре стороны.

Сложно сказать, намеренно ли они вели себя столь мудро или же им, увлеченным своей интересной жизнью, просто-напросто было не до единственного сына. Они вполне могли оставить меня совершенно одного и, ласково потрепав по волосам на прощание, года на два укатить в какое-нибудь кругосветное путешествие.

Наверное, оно и к лучшему. Во всяком случае, я уезжал в Нортал с легким сердцем, совершенно не тоскуя об оставляемой позади целой жизни.

Но что-то мои мрачноватые философские рассуждения и волне себе радостные воспоминания из детства слишком далеко забрели.

За неделю я разговаривал с Мелори только один раз, и в течение всех тех нескольких болезненных минут мы оба жутко нервничали, старательно отводили глаза и говорили какие-то откровенные глупости, думая только о том, как бы поскорее сбежать от тягучего, въедливого чувства неловкости. Вот только мотивами такого поведения мы руководствовались абсолютно разными. Конечно, леди не могла не заметить, что я смотрю на нее совершенно другими глазами; но при этом она и не догадывалась об истинной подоплеке моей резкой перемены. Скорее всего, она поверила, что единственной причиной тому является ее грядущее замужество — и ведь могла быть бесспорно права, сложись в день рождения ее судьба немного иначе.

А я же... а мне стало очень стыдно и больно. И только мучительным усилием воли я заставил себя вспомнить, что стоящая передо мной прекрасная девушка — всего лишь тень моей Сай. Тень, в которой ее истинные черты хоть временами и проявлялись, но все равно делали это слишком редко. И все же чувство вины преследовало меня неумолимо.

Перестал я об этом думать, только когда ко мне вечером пришла Сай. Всегда бы неприятные мысли столь покладисто и быстро улетучивались из отяжелевшей от волнений головы.

Сама же случайная жертва обстоятельств по поводу обручения своего альтер-эго заметно негодовала.

— Не собираюсь я ни за кого замуж! — ворчала Сайонарис, продолжая метаться из угла в угол комнаты.

Створки окон, воодушевившись присутствием в помещении великолепнейшего источника магической энергии, к тому же еще и эмоционально нестабильного, распахнулись со зловещим скрипом.

— Не переживай. Нас к этому времени в замке уже не будет, — резонно заметил я, нежно, но настойчиво усаживая рыжую человекоподобную грозовую тучку в кресло.

Мы просто вернемся в Древний Мир и сбежим ото всех возможных и даже невозможных королевских свадеб. Вот так ведь просто и объясняется загадочное исчезновение леди Мелори Арвейм в самом начале восьмьсот двадцать шестого года — который уже, так незаметно, успел вступить в свои законные права.

— Да. Не будет, — задумчиво согласилась Сай. Обращаясь не ко мне, а будто бы внутрь себя. Странно, что меня в тот момент не насторожили ее потускневшие глаза.

Просто я начал отвлекать ее от невеселых размышлений еще исстари известными и проверенными методами.

— Слушай, — спросил я после нескольких минут восхитительного забытья в объятиях друг друга. — Мне вот только что пришло в голову. Что ты тогда все-таки сказала королю?

— Когда именно? — ехидно уточнила Сай. — Мы, знаешь ли, с ним много разговаривали...

— Всего лишь разговаривали ведь, — легкомысленно пожал я плечами. — А я склонен претендовать не только на это... Я про бал. Помнится, когда я устроил тебе тот нескромный допрос, ты ответила, что сказала ему правду. Но ведь ты не могла рассказать правду о себе, разве нет?

— А, ты об этом. Не могла. Но правда ведь бывает разная. Я просто красочно расписала ему все свои недостатки и подробно изложила, почему из меня вышла бы отвратительная

королева. Начиная с ужасного характера и наивной для невесты короля мечты о большой и чистой любви, заканчивая вполне себе объективно существующим раздвоением личности. В общем, вылила на бедного мальчика все сумасшествие второго варианта Мелори Арвейм. Я-то радовалась и была уверена, что он меня понял и даже со мной полностью согласился, он ведь хороший. Правда, похоже, Ровен все же счел мою аргументированную речь не более чем обыкновенным кокетством...

— Не хмурься, — я улыбнулся и, чтобы она последовала моему примеру, вслух вспомнил. — А я ведь за вами со своего поста бессовестно подглядывал и втайне хотел оказаться на месте короля. Однако когда мое желание так неожиданно сбылось, я смутился, переполошился и чуть было не отправился на попятную. Еще и ревнивый допрос тебе устроил. Вот балбес, да?

— Невыносимый, — весело усмехнулась Сай и ласково растрепала мои порядком отросшие волосы. — Было очень непривычно и немножко забавно называть тебя на «вы». А самое интересное, что я-то к тому моменту с тобой уже спала, а вот ты со мной все еще нет. Непередаваемое ощущение!

— О чем ты, я ведь даже обнять тебя боялся, — я расхохотался, красочно вообразив весь комизм сложившейся в ту недалекую пору ситуации.

— Ну и зря. Я была бы совсем не против. И, скажу тебе по секрету, Мелори тоже. Я знаю. Я с ней знакома.

Еще пару минут объятий спустя девушка с сожалением произнесла, нежно глядя меня по лицу:

— Мне пора, уже поздно. Сладких снов, Альвер.

— Может, останешься? — шепотом попросил я и крепче обнял за талию.

— Соблазнитель. Я бы с удовольствием поддалась, но вот потерю я память в самый ответственный момент, что ты Мелори скажешь?

— Скажу? — не удержался я от шутки. — Я-то, наивный, полагал, что в самый ответственный момент буду не говорить, а заниматься несколько другим делом...

Сай рассмеялась, на ночь поцеловала меня в нос и ушла к себе.

Да уж. Чтобы снова заняться любовью со своей девушкой, мне сначала нужно всего лишь спасти Мир. Вот тебе и мотивация, парень!

Оставался всего один человек, с которым мне было необходимо поговорить — не о деле, а просто так, повидаться и перекинуться парой приятных слов. Он и сам, помнится, тонко мне об этом намекал.

— О, это вы, найдт Альвер? Пришли еще раз попробовать мой недоваренный мирлид? — радостно приветствовал меня только что вернувшийся с лекции профессор Антавир.

Я сидел у него в кабинете и непочтительно рылся на забитой литературой на все возможные вкусы полке в поисках подходящей для скрашивания тягостного ожидания книги. К тому моменту я уже вдоволь налюбовался открывающимися из высокой башни красотами и решил немного понаглеть, подумав, что профессор вряд ли сильно обидится на непомерное стремление молодого человека к новым знаниям.

— Простите, — я все же смутился и убрал свои загребушие ручонки от университетского имущества.

— Что вы, моя библиотека в полном вашем распоряжении.

Антавир уселся в свое рабочее кресло и целых несколько секунд с нескрываемым

интересом меня разглядывал.

— Я смотрю, вы уже успели найти ответы на мои каверзные вопросы и все-таки вспомнили просьбу безумного старика. Приятно! — восхитился он.

— Откуда вы знаете? — я удивился настолько, что даже не отреагировал на лестный эпитет, коим найт сам себя наградил.

— Когда кто-то в этом огромном Море среди множества возможных путей находит единственный свой, это всегда заметно. Тогда у человека как будто пробуждается душа после продолжительного сна. И вспыхивает огонек в глазах. Вот именно такой, как у вас сейчас, — он чуть подумал и добавил. — А еще ярче он начинает светиться, когда в жизнь человека врывается любовь.

— У меня... много что произошло, — немного смущенно улыбнулся я.

— Да. Я вижу, — добродушно усмехнулся профессор. — Что же, рассказывайте. Мои сонные дракончики могут и подождать, раз уж тут такое дело. Только... давайте все же мирлид закажем у Асвейде? Я обычно не склонен сомневаться в собственных силах, но тут ситуация исключительная.

— Отличная идея, — поддержал я и вдруг осекся. — В смысле, ваш мирлид мне понравился, но мне как раз нужно отдать ей одну замечательную книгу.

После долгой, приятной и удивительно дружественной беседы с директором Королевского Университета, который, пожалуй, только выглядел на тысячу лет, а на деле был гораздо старше, я вернулся в замок Арвейм.

— Мне нужна твоя помощь. Правда, просьба может показаться тебе странной, а зачем мне это понадобилось, уж очень долго объяснять, — безапелляционно заявил я с порога.

Не очень благодарный слушатель в лице всего час назад вернувшегося из отъезда Оринделла только с истинно аристократической выдержкой приподнял одну бровь. Понятия не имею, успели ли старательные служащие ввести его в курс дела о моем безвременном возвращении в мир живых, а заодно повторно нанятых на работу, но при виде моего невнушительного тельца на пороге собственной комнаты лорд не упал без чувств, и даже его золотистые глаза не наполнились священным ужасом. Вот и замечательно. Потому что непреодолимым желанием раз в тысячный возвещать наспех выдуманную историю о моем чудесном выздоровлении я, мягко говоря, не горел.

История, собственно, заключалась в том, что меня, не слушая никаких возражений, забрали сострадательные лесные духи, наделенные врожденным инстинктом непременно помогать всем страждущим. О которых, кстати говоря, так часто и красочно повествуется в детских сказках — не на пустом же месте они появились, ведь правда? Причем душераздирающие подробности моего счастливого спасения с каждым последующим разом претерпевали значительные изменения, а то и вовсе принимали фантазмагорический оборот, который поражал даже мою собственную богатую фантазию, уже вполне привыкшую к своим странностям. Когда же, выслушав подробный отчет, жертва моих подлых происков устремляла на меня пораженный, исполненный недоверия взор, я хитро улыбался и загадочно сохранял молчание.

Между прочим, я почти не врал. Примерно так оно все и было.

Но все равно шеф мог бы гордиться моими немалыми достижениями на поприще импровизированной генерации абсолютно идиотских идей.

— Хорошо, — не особо удивленно пожал плечами Оринделл. — Я помогу.

— У меня нет много времени, но мне серьезно... стоп. Что ты сказал? — я оборвал себя

на полуслове, наконец осознав смысл ответа лорда и придя от услышанного в полнейшее изумление.

— Что бы ты там ни задумал, я тебе помогу, — повторил он. Не то чтобы дружелюбным, но вполне приемлемым для разговора между двумя уже не просто знакомыми, но еще и не друзьями тоном. — Потому что я тебе должен. А с возвратом долгов я предпочитаю не затягивать.

Вот тебе и раз. А я ведь уже настроился потерпеть сокрушительное поражение и разочароваться в собственном умении успешно вести деловые переговоры. Правда, я ни разу не слышал, чтобы профессиональные деловые переговоры начинались столь экстравагантным манером, но ведь любой дипломат вполне имеет право на формирование и использование собственной стратегии поведения, если уж она и вправду, хоть и на удивление, оказывается результативной, разве нет?..

Все было готово. Трое выдающихся волшебников — Эрнис, оставшаяся в своем родном времени, Крис, навестивший старый Норталл, и Оринделл, колдующий у озера своего фамильного замка — создавали не оформленную в заклинание магическую энергию и направляли ее огромные потоки в опаснейшие разрывы Предреальности, которые, впрочем, сейчас не могли принести им никакого вреда: потому что могущественная Темная ведьма Сайонарис Безлика усилием воли оставляла вход открытым. Мы же с Рифардом, Рином и пожелавшим присоединиться к нашей познавательной экспедиции профессором Антавином вторглись в отмененную Предреальность.

Соединить между собой три оторванных друг от друга момента во времени стало секундным делом. Гораздо сложнее оказалось убедить себя в том, что до неузнаваемости изменившееся вокруг нас пространство не было тревожным сном, энергетическим искажением или же предсмертным видением.

Здесь было темно. И темнота казалась всеобъемлющей. Темнота зияла и во всей немыслимой не угрозе даже, но гордости и превосходстве обнажала небытие — распахнутый вход в никуда и никогда.

Потом начали появляться отрывистые звуки, слишком резкие для обыкновенной для этого — места ли? — звенящей тишины. Из чего-то неясного, отдаленного на миллиарды световых лет создавались воспоминания, некогда принадлежавшие затерянным в пучине времен всевозможным живым существам. Людям, животным, миллионам одушевленных растений.

— Рэээй! — кричал Рин, хотя говорить что-то вслух было вовсе не обязательно. Не просто брат-близнец, но, по сути, тот же самый человек имел все шансы найти его даже в нынешних нигде и никогда.

Вместе со звуками и воспоминаниями возникали ауры и раскрашивали темноту всевозможными яркими оттенками — и это, о Духи, стало самой лучшей новостью за все известные человечеству Эры.

А дальше пьянящее, сводящее с ума чувство несуществования прекратилось — неправдоподобно, стремительно, сокрушительно.

Я как будто пришел в себя. И в замешательстве оглянулся.

Что-то здесь было не так. Еще больше «не так», как мне представлялось до той поры.

Я остался один. Снова пропали оглушающие звуки, стерты воспоминания и забытые события.

Один ли?

— Спокоооооойно, найт Альвер, — примирительно протянул голос, обладателя которого я, кажется, уже где-то встречал. — Я хочу тебе помочь.

— Помочь? Кто ты? — отозвался и понял, что могу отчетливо слышать самого себя. Впервые за последние нисколько.

Из глубин обволакивающей темноты вышел смутно знакомый молодой человек. Сначала я смотрел на него с непониманием, но с каждой секундой мои глаза все больше и больше округлялись от удивления. Передо мной, мило улыбаясь, стоял тот самый юный заговорщик, которого я заприметил первым и которому не дал умереть просто так, только из-за ошибок других людей, профессионально манипулирующих остальными.

Вот только выглядел он иначе. Теперь его взгляд горел не смятением и страхом за собственную жизнь, а непоколебимой уверенностью в своих силах и... ярко выраженным дружелюбием. Другая осанка, другие интонации, другое выражение лица — этому непонятно откуда здесь взявшемуся человеку не нужно было уметь создавать иллюзии, чтобы легко менять внешность как перчатки. Практически до не узнавания.

Хотя способностью к иллюзиям, я полагаю, он все же обладал незаурядной.

— Харрис? — в моем голосе звучало только искреннее недоумение. — Но что ты делаешь... здесь? — я неопределенным жестом обвел окружающее нас отсутствие пространства.

Этот мальчик ведь совершенно ни при чем! Наши пути пересеклись случайно, когда я спасал жизнь своего будущего шефа... Или нет?

Все внезапно стало настолько странно, что обычно верная мне способность соображать постыдно капитулировала.

— Харрис Тессен... — медленно, как будто пробуя слова на вкус, произнес мой неожиданный собеседник. — Да, сейчас меня чаще называют именно этим забавным именем. Гляди-ка, ты даже запомнил, Ураган, — хохотнул он. — Но я все же предпочитаю...

Его черты стали меняться. Маг сразу же повзрослел лет на двести-триста, с возрастом приобретая все больше иронии во взгляде и неудержимой энергии во всем существе. Уже несколько секунд спустя передо мной предстал не знакомый мне ранее могущественный колдун, резко отличающийся от того внушаемого молодого паренька, коим он столь успешно притворялся. Лицо немного ожесточилось и приобрело заметную мужественность, которую, впрочем, изрядно прибавляла щетина; все черты стали более хищными, а взгляд острым и пронизывающим насквозь — что, в общем-то, каким-то чудесным образом вовсе не мешало ему производить удивительно положительное впечатление способного вписаться в любую компанию парня, который так и излучает приветливость и любовь ко всем ближним.

— Мирианделл, — закончил он фразу.

Колдун, которого я, как наивно полагал ранее, ни разу в жизни не видел, но про которого столь многое слышал.

А любовь к дешевым эффектам ему, оказывается, совсем не чужда.

— Мирианделл? Так ты и есть?..

— Да-да-да. Я и есть тот самый злобный Древний маг, виноватый в наступающем апокалипсисе, — беззаботно отмахнулся он. — Я подумал, что будет не очень красиво оставлять тебя в неведении, если уж сам я знаю твое настоящее имя. Приятно познакомиться!

И маг с истинными манерами заядлого любителя новых знакомств протянул мне руку.

— Ну же, — со смешком буркнул он. — Не будь ты таким неприветливым.

Все еще находясь где-то между шоковым состоянием, лишаящим даже обыкновенного намерения относительно адекватно думать, и лихорадочным осмыслением столь причудливо складывающихся обстоятельств, отреагировал я все-таки подобающим образом. Его рукопожатие оказалось твердым, уверенным и — располагающим.

— Не похож ты на злого гения, — оценил я, с нескрываемым любопытством к нему приглядываясь.

— Скорее, на отличного мужика, правда ведь? — подмигнул мне он. Дескать, брось ты эти глупости, все неправда, я вообще всей душой за мир, спокойствие и всеобщее процветание.

— Не думал я, что ты объявишься в этой истории, — сказал я не то чтобы особо миролюбиво, но не агрессивно и, на удивление, без опаски.

— Невысокого ты обо мне мнения, приятель, — хмыкнул неожиданный виновник торжества. — А как иначе-то? Я эту кашу заварил.

— Зачем ты тогда сбежал? — напомнил ему я. — Это все же выглядит несколько подозрительно.

— Еще спрашиваешь? Кто в здравом уме захочет несколько сотен лет подряд сидеть в этой золотой клетке, именуемой Древним Миром? Я нашел способ уйти оттуда и сразу же воплотил в жизнь свою давнюю мечту, которая до того момента казалась несбыточной. Даже не раздумывал особо: боялся, что испугаюсь и передумаю, — с обезоруживающей честностью рассказывал мне колдун. — Твоя очаровательная подружка Сай, кстати, удивительно на меня похожа. Горжусь девочкой! — восхитился он.

— Чем похожа? — я собирался было возмутиться, но намерение в действие так и не переросло. У меня просто-напросто не получилось достаточно взбеситься: благодушная, неожиданная для человека со столь мрачной и незавидной репутацией, улыбка Мирианделла слишком сильно к нему располагала и лишала всякой возможности злиться по-настоящему.

— А ты серьезно думал, что девочка страдает сумасбродным героизмом и честолюбивым желанием войти в легенды в роли спасительницы Мира? — усмехнулся Древний маг. — Рискну предположить, что подобные крупномасштабные трагедии ей до известной степени по барабану. Сай всю жизнь мечтала вырваться на свободу и увидеть Мир во всем его не передаваемом словами великолепии собственными глазами. И воспользовалась первой же попавшейся возможностью — быстро и не раздумывая, как в свое время сделал я сам. Вот и правильно. Я всегда говорил, что Сай — умная девочка и что она далеко пойдет. Время показало, что я был совершенно прав.

Как бы я ни хотел возразить и защитить свою девушку от лживых наговоров, я не стал этого делать: теоретически Мирианделл мог бы нести любую чушь, но все-таки он меня не обманывал. Если бы я опирался исключительно на его слова — то да, имел бы все предлоги усомниться в их правдивости, один раз уже такое случалось, но в этом случае подключилась и моя собственная интуиция, постоянно твердившая то же самое. Все начинало вставать на свои места. Она и сама открыто говорила мне об эгоизме — но я тогда, помнится, думал совсем о других вещах.

— Получается, нет худа без добра, — вместо категоричного отказа от дальнейшего разговора заключил я. — Ты не только создал ужасающую штуку, но и подарил Сай возможность сбежать.

Мирианделл рассмеялся с некоторым облегчением.

— Я все-таки в тебе не ошибся, парень. Значит, с тобой вполне можно иметь дело и ты не станешь тут же брать меня под белые ручки сдавать на растерзание драконам? — с восхищением маленького ребенка, впервые попробовавшего на вкус зачарованный кулинарами шоколад, проговорил он.

— Не стану, — неожиданно даже для самого себя согласился я.

— Вот и ладушки, — изрек гениальный изобретатель. — И очень не советую возвращать домой Сай. Девочка, конечно, тебя любит, но, если вдруг перед ней встанет такой тяжелый выбор, все равно променяет на свободу.

— Почему ты мне все это рассказываешь? Ты ведь не просто так излить душу пришел, я прав? — спросил я, хотя в голове, напрочь заглушая остальные мысли, продолжала звучать его последняя фраза.

Слова «любит» и «променяет», такие разные по значению, но одинаково веские, метались в моем сознании, стремясь вытолкнуть друг друга за его пределы и заставляя одновременно испытывать столь противоположные эмоции: радость, эйфорию, неверие, отрицание и страх.

Идиот, не видящий дальше своего носа! Я должен был догадаться. Должен был!

— Потому что ты мне, пожалуй, нравишься. Но мне многие люди нравятся, так что в нашем случае это не показатель, — весело отвечал Мирианделл. — Тогда, в том злополучном заброшенном доме, ты помешал меня убить. И вот это уже показатель. Значит, ты совсем не склонен к лишним смертям. А это, в свою очередь, значит, что моя надежда найти с тобой общий язык вполне оправдана и соответствует действительности. Дело в том, что я хочу спасти одно дорогое мне существо — и еще многие жизни в придачу. Не стану утверждать, что я положительный персонаж и преследую идиллическую цель установления вечного мира во всем Мире, но на благородные поступки время от времени способны и обычные люди, не являющиеся счастливыми обладателями ангельского характера. В общем, мне показалось, что я могу рассчитывать на твое понимание, раз уж ты пощадил даже фанатичного заговорщика, предположительно использующего магию Заката.

— Так-то так. Но тут есть одна обидная для меня неувязочка. Даже если бы я вдруг решил тебя убить, ну, мало ли, какие кровожадные альтернативные личности скрываются в моей бедной, забитой историческими фактами голове, что бы я вообще смог сделать Древнему Магу? — я представил себя в роли серийного убийцы и тут же с отвращением откинул эту пакостную мысль. Нет уж. Все же я очень миролюбивый парень.

Настала очередь Мирианделла изумляться.

— Ты... хочешь сказать, что ты действительно не в курсе? Во дела, — присвистнул он, и все его фраза сквозила безмерным удивлением причудами игривой жизни.

— Не в курсе чего? — уточнил я в замешательстве.

Я-то наивно полагал, что сюрпризы сумасбродного дня уже подходят к концу — неожиданного явления полноправного виновника торжества и без того хватило за глаза. Ага, держи карман шире. Настоящие сюрпризы, похоже, только начинались.

— Нет, серьезно? — продолжал восторгаться колдун. — Неужели они тебе ничего не сказали?

— Не сказали что, драконы тебя раздерите?! — все же сорвался я.

Вообще-то, обычно я не склонен кому бы то ни было грубить, особенно человеку, с которым я вот так запросто и мило беседую. А если и позволяю себе небольшое проявление слабости, то только в компании лучших друзей и исключительно в шутку, с таким показным

весельем, что никто и не думает всерьез затаивать на меня обиду — более того, они периодически отвечают мне тем же и, между прочим, совершенно правильно поступают. Но тут и железные нервы вечного обитателя студенческого общежития все же провели референдум и решили доблестно меня покинуть.

— Может, и раздерут когда, — философски пожал плечами колдун. — Победить Древнего мага способен только Древний дракон. И у тебя, мой юный и талантливый друг, были все шансы.

— Чего? — тупо моргнул я, не в силах по достоинству оценить услышанное.

— Ох, — страдальчески вздохнул Мирианделл, по всей видимости, не являющийся ярким фанатом объяснения очевидных вещей. По крайней мере, очевидных для него самого. — Когда-то давно, в целой прошлой жизни, вы, найт Ураган, были одним из них. — То есть, совсем не обязательно, что одним из наших общих знакомых крылатиков. Но каким-то другим Древним драконом — непременно.

— Врешь, — недоверчиво протянул я, внутренне готовый услышать издевательский смех и саркастичное изречение вроде: «Доверчивый маленький мальчик, не будь ты таким наивным. Розыгрыш удался на славу, даже лучше, чем я ожидал!». Но мои ожидания, казавшиеся вполне правдоподобными и оправданными всей сложившейся ситуацией, все же не подтвердились.

— Ну, не хочешь — не верь, твое, в конце концов, дело, — изображая полную покорность судьбе, — развел руками взрослый дядя. — Но вот только скажи мне. Ты ни разу не задумывался, почему драконы приняли тебя так радушно, чуть ли не с распростертыми объятиями? Простите, крыльями, но это так, в данный момент не особо важные биологические мелочи. Драконы ведь не самые гостеприимные существа на всем белом свете, и очень сомневаюсь, что они стали бы настолько уважительно обращаться к обыкновенному чужаку, будь он хоть трижды способен сослужить для них прекрасную службу. Драконы сами по себе не сильно хорошие, душками их при всем желании не назовешь. Но и не плохие. Они сами по себе — такие, какие есть.

Я только покачал головой. Когда на тебя обрушивается стремительная лавина, времени и сил на проявление эмоций просто не остается.

— Вполне возможно, когда-нибудь я это все-таки осознаю. А потом поочередно впаду в истерику, заболēju звездной болезнью и в конце концов сойду с ума от переизбытка чувств. И начну совершенно самостоятельно крушить все подряд, — проговорил я, красочно воображая подобную участь. Кстати говоря, такой исход и вправду был вполне возможен. — А может, и нет. Кто меня разберет, если уж я сам узнаю о себе, любимом, столько нового и интересного.

На определенно взрослом, но в это же время до безобразия непосредственном и одухотворенном всепоглощающим интересом ко всему окружающему лице Древнего мага проскользнуло прямо-таки умильное выражение.

— А ведь мы с тобой даже могли бы подружиться! — радостно хлопнул он в ладоши и чуть ли не крутанулся на месте, как это делают от избытка чувств маленькие дети или же взрослые, но особо творческие личности. — Но не переживай. Я вижу, ты пока не горишь подобным желанием. Но буду надеяться, еще передумаешь. Какие твои годы! — и тут же заинтересованно спросил. — Кстати, какие?

— Сто двадцать, — рассмеялся я от неожиданности.

Вполне вероятно, что так вовремя повстречавшийся, практически свалившийся на меня

с неба чудак был абсолютно прав. Так уж повелось с самого детства, что именно к таким вот удивительным, непосредственным персонажам, своей лучезарностью выделяющимся среди остальных, я всегда испытывал непреодолимую симпатию. Вот и сейчас я был абсолютно уверен в том, что даже при всем желании не смог бы обвинить горе-изобретателя в факте образования природных катаклизмов, которые я же теперь и устранял. И не могу сказать, что я уж очень сильно хотел это сделать. Ну, ошибся человек, разве это преступление? С кем не бывает?

Какая разница, кто виноват, если нужно разбираться с последствиями?

— А мне пятьсот пятнадцать, — приглушенно, как будто по секрету, сообщил мне Мирианделл. — Ты, правда, не интересовался, но я подумал, что можно и сказать.

Мы так душевно болтали, что я чуть было не забыл о повестке дня.

— Ты сказал, что хочешь мне помочь, — напомнил я. — Ты об артефакте?

— Ну, да. Понимаешь ли... когда я его создавал, я даже не подозревал, что дело закончится подобным образом. К двумстам пятидесяти годам я уже давненько перестал быть поклонником размеренного и откровенно скучного существования в Древнем Мире, однако уничтожать всю реальность в мои далеко идущие планы не входило определенно. Я, будучи помешанным на своей профессии исследователем (думаю, тебе знакомо это восхитительное состояние), экспериментировал с материальным преобразованием крохотного кусочка сверхмассивной черной дыры. Что из этого вышло, ты и без моего покаяния в курсе, так что я не стану грузить тебя излишними подробностями продвижения своей работы. В общем, я испугался — что, в общем-то, было закономерно. И умудрился каким-то непостижимым образом закинуть результат своих непомерно старательных исследований в далекое-далекое будущее. Точнее сказать, одновременно в три разные точки далекого-далекого будущего. Потом, отойдя от шока и опомнившись, я смекнул, что эту брешь можно использовать и для собственного перемещения. Разумеется, меня вполне могло точно так же разорвать на несколько разных кусочков. Я это отчетливо осознавал и, помнится, даже сказал себе, что я, в случае самого нежелательного финала, заслужил подобную незавидную участь. Но, как говорится, кто не рискует. В итоге, как ты имеешь счастье убедиться, я остался цел и невредим. Со всеми руками и ногами в физиологически правильных местах. И, более того, понял, что то же самое случилось с моим злополучным артефактом. Его не разорвало. Он просто оставил свои энергетические отпечатки в трех разных временах — из которых и выросли три разрыва Предреальности. Кстати, понятия не имею, откуда взялась та вытащившая меня из клетки брешь. Скорее всего, гравитация черной дыры ее и проела. Найти ее сложно, практически невозможно, но и ты сам нечаянно использовал именно ее, когда в первый раз попал в Древний Мир. Повод для гордости, Парадокс!

Крохотный кусочек сверхмассивной черной дыры, поглощающий вокруг себя всю доступную материю и энергию — так вот почему артефакт обладает именно таким разрушительным эффектом...

— Но разве сила Древнего мага способна уничтожить черную дыру? — недоуменно уточнил я. — Разве это вообще реально?

— Я сам умудрялся ее удерживать и нейтрализовывать. Некоторое время, — покачал головой Мирианделл. — Но и уничтожить ее можно. Такой маленький кусочек уж точно. Правда, при одном условии, которое, к сожалению, так и не узнали драконы.

— Значит, мы во что бы то ни стало обязаны это сделать — сказал я твердо.

— На самом деле, я собирался отговорить тебя от этой глупой затеи.

Сначала я не смог выговорить ни слова.

— Ты в своем уме? — осторожно поинтересовался я.

— Отличный вопрос! — расхохотался Древний маг. — Конечно же, нет. Собственно, как и любой уважающий себя могущественный колдун. Или колдунья. От пола полоумие не зависит, — и сам же оценил красоту сказанного. — Отлично звучит, правда?

— Но почему ты не хочешь его уничтожить? Ты же сам, как никто другой, знаешь, что он творит с нашим Миром!

— Знаю. Но, кроме того, я знаю еще и кое-что другое. Вот мы все в один голос ноем, как нам плохо от того, что Предреальность рушится и забирает с собой несоизмеримо много энергии и жизни. Но мы и представить себе не можем, какого приходится живому, разумному существу, которое еще к тому же и уверено, что вся вина за случившееся лежит на нем. Не смотри на меня так, найт Альвер. В какой-то момент артефакт ожил. И, более того, принял вполне понятную материальную форму — наверное, ту, которая больше всего ему понравилась. Он боится. Он не знает, что думать и делать. Мой артефакт и есть то самое живое существо, которое я хочу спасти от смерти. Все-таки я сам его создал. И я, похоже, его люблю. И чувствую за него ответственность.

— Поэтому ты и начал с упоминания о ненужных смертях, — тихо проговорил я, чувствуя, что и меня засасывает в водоворот смятения и сомнения. Реальность оказывалась еще запутанней, чем мы могли ожидать.

— Именно. Все не так просто, как кажется на первый взгляд, Ураган. Разрешешь на правах старшего и больше прошедшего дать тебе совет? — спросил он и, дождавшись моего кивка, продолжил. — Никогда в жизни ты не борешься с людьми или с любыми другими живыми существами. Они, к сожалению, не делятся на хороших и плохих, иначе все было бы несоизмеримо проще. Вместо этого ты всегда будешь бороться только с обстоятельствами и, что самое сложное, с самим собой. И такая борьба уже значительно труднее — но и победа приносит гораздо больше радости. Главное — вовремя понять эту простую истину. И не придумывать себе каких-то там мифических врагов. Вот и сейчас, если хорошо подумать, нам нужно не уничтожение моего артефакта как таковое, а избавление от последствий его создания.

Подобной прихоти судьбы я ожидать не мог. И, хоть драконы меня сожгите, Мирианделл снова был абсолютно прав. Лишать кого-то жизни, честно говоря, не входит в список моих излюбленных занятий. Устранить опасный, бездушный артефакт — одно дело, но вот убить испуганное живое существо — уже совсем другое...

— Но что случится, если мы оставим его в живых? — задал я резонный вопрос. Ведь метод решения нависшей над всеми проблемы зависел не только от моих личных жизненных предпочтений.

— Понятия не имею. Неизвестность. В ином случае выбор не был бы таким сложным и опасным. Но зато я знаю, что будет, если все-таки убьем.

— Что?

— Думаю, ты и сам догадываешься, — колдун посмотрел на меня своими пронизательными глазами. — Много-много лет спустя Вневременной Ковен Магов, носящий знакомое тебе название «Тайфун», будет разбит ордой озлобленных, сумасшедших демонов, хлынувших в оставшиеся после частичного восстановления Предреальности бреши. И все начнется сначала.

— Другими словами, мне предстоит определиться, что я предпочту: попытаться

изменить предначертанное будущее или кануть в неизвестность?

— Ты все схватываешь на лету, приятель, — Мирианделл не слишком-то весело усмехнулся. — Я не собираюсь на тебя давить, раз уж ты пока что ничего не умеешь. Просто подумал, что если уж нужно принять столь сложное и ответственное решение, то ты должен располагать всей доступной информацией. Это, по крайней мере, честно. Именно ты должен его принять, найт Альвер. Никто иной. Так уж получилось, что вся вереница повторяющихся событий началась с тебя — или закончилась на тебе, это смотря какой временной отрезок брать в качестве точки отсчета. Ты можешь запустить колесо судьбы еще раз или же повернуть его в противоположную сторону. Но помни: даже ты в отведенный тебе срок жизни не сможешь впоследствии ничего изменить. Ты, Ураган, властен над временем, но время не властно над этим местом — вернее сказать, ничем. Так что подумай очень хорошо.

Под конец нашего разговора — разговора, который за какие-то жалкие, не исчислимые здесь полчаса перевернул мой, казалось бы, рациональный, логичный и понятный мир с ног на голову.

— Кстати, — разумно рассудив, что лучше поздно, чем никогда, решил поинтересоваться я. Хотя бы для того, чтобы отвлечься от тягостных мыслей. — А где это мы? И куда пропали мои друзья?

Сначала Мирианделл на меня недоуменно посмотрел, а потом неожиданно развеселился:

— Ааааа, — протянул он. — Так ты не понял. Оно и нормально, я и сам должен был догадаться и как-то предупредить, что ли. Мы в созданной тобой из твоей же ауры Предреальности. Я попытался пробиться, ты меня инстинктивно остановил, обычная история. Но в этом... отсутствии места она выглядит и ощущается совершенно иначе, поэтому вполне объяснимо, что ты не сообразил. Твои же друзья... рискну предположить, где-то в метре от тебя. Как только я уйду, ты моментально вернешься к ним. Если, конечно, сам не надумаешь на некоторое время тут задержаться, это уж как хочешь.

— Ты уже уходишь? — признать честно, я немного расстроился. Интригующий из гениального колдуна получался собеседник.

К тому же, его уход означал приближение решающего момента — его же я неосознанно оттягивал, как мог.

— Подожди-ка. Как я мог забыть! Вот же масло-масляный полоумный идиотский придурок, — с восторгом наградив себя указанным описанием, он остановился через пару шагов, изобразил пальцами правой руки неопределенный жест и снова повернулся ко мне своим взрослым несерьезным лицом. И заговорщически проговорил таким тоном, как будто вознамерился за выпивкой рассказать своему давнему приятелю свежий анекдот. — Понимаешь... после того, как я сбежал из Древнего Мира, я в кои-то веки начал жить очень веселой жизнью. Развлекался, много путешествовал, отточил навыки актерского мастерства, снова помолодел, вон даже имя себе новое не поленился придумать. Ради смеха вступил в какую-то изумительно дурацкую тайную секту, вскоре вдруг захотевшую переквалифицироваться в не самый успешный революционный кружок. И тут — вы, как гром среди ясного неба. Говорите, клянись, что пойдешь на службу к королю. Ну, я и дал эту драконью клятву: подумал, что будет очень забавно, да и разнообразие не помешает. Поначалу оно и вправду так было, но уже сейчас мне это дело серьезно поднадоело. Может, все-таки заберете свою клятву? А я, в свою очередь, пообещаю хорошо себя вести и вообще быть отличным мужиком!

Ах, да. Точно. Клятва же. Вот какие неординарные развлечения у людей бывают, а. Даже на королевскую службу добровольно поступают — в трезвом уме и твердой памяти. Удивительно!

— Я бы с радостью, — с некоторым смущением проговорил я и бессильно развел руками. — Но давал ты ее не мне, а моему другу. Только он-то и может ее забрать, сам знаешь. Но сейчас я его позвать не могу, он — источник магической энергии при одном из разрывов. Мы просто можем потерять в нигде и никогда.

Что я только что ляпнул? Другу? Сам Оринделл, услышав такое заявление, сейчас прожег бы во мне глобальных размеров дырку своим убийственно высокомерным взглядом и спокойно пошел дальше вершить свои аристократические дела. Но пусть будет так. Слово не сонный дракончик, которых так увлеченно коллекционирует во время лекций достопочтенный профессор Антавир, вылетит — не поймаешь.

— И правда... А, и ладно, — легкомысленно отмахнулся Мирианделл. Всем бы такую неподражаемую выдержку — или обыкновенное наплевательское отношение, способное упростить любую проблему? — Значит, нагряну к вам попозже. Вне зависимости от того, какое решение ты примешь.

— Подожди-ка...

Конечно же!

Закрыв глаза и сосредоточившись (что только ни сделаешь для такого прекрасного нового знакомого), я силой втянул в созданную мной Предреальность лорда Оринделла Арвейма — а если выразиться точнее, то его повзрослевший на семьсот семьдесят семь лет вариант.

Отличный фокус. Надо будет запомнить и непременно повторить.

— Всем здравствуйте, — бодро проговорил найт Рифард и, как обычно, просиял восхищающей меня непосредственностью. — Смотрю, вам тут не скучно. О, Мирианделл. Давненько тебя не видел! Как дела?

Перед тем как исчезнуть, ошастливленный избавлением от порядком надоевшей королевской службы Древний колдун Мирианделл веско добавил:

— Не торопись, найт Альвер. Помнишь, что я сказал тебе про условие уничтожения черной дыры, о котором так и не узнали драконы? Я почему-то думал, что ты все-таки спросишь. Информация ведь решающая — для тебя, мой юный ураганистый друг, так точно. В общем. Речь ведь идет о спасении не одной жизни, — и, не дождавшись моего ответа или хотя бы реакции, попрощался. Разумеется, в собственном стиле. — Думаю, мы еще встретимся. Приятных полуночных перекусов! Я абсолютно уверен в том, что они непременно должны присутствовать в жизни каждого человека.

Шагнул и растворился в Подпространстве.

— Шеф? — оценив полученное пожелание, я повернулся к не менее воодушевленному Рифарду. И понял, что больше тянуть не стоит. — На вашей памяти мы все-таки уничтожили артефакт, ведь так?

Нашли Рэя мы, к счастью, довольно быстро: с каждым нашим шагом потерянные между несуществующими измерениями ауры становились видней, ярче и все отчетливей, значительно облегчая нам задачу.

Зрелище пред нами предстало умилительное до безобразия. Близнец сладко спал, обнимая большого пушистого фиолетового кота, а тот, в свою очередь, усердно мурлыкал и

вообще проявлял все признаки глубокой привязанности к обыкновенному человеческому существу. Любовь, похоже, между ними установилась вечная и определенно взаимная. Поразившая наше коллективное воображение идиллическая картина на некоторое время вывела нас из благодатного состояния сосредоточенности и работоспособности. Так мы и стояли, любуясь спящим, не особо-то страдающим коллегой, который еще и завел продолжительные отношения со страстью всей своей жизни.

Первым опомнился Рин.

— Рэй? — он сел рядом с братом и аккуратно потряс его за плечо. — Просыпайся. Нам нужно уходить. Осталось мало времени. Рэй!

— Отстань, Ринушка, — вяло пробормотал спасаемый человек и недвусмысленно перевернулся на другой бок. Кот же выдержал этот неожиданный аттракцион с честью: не возмутился и даже не шелохнулся, а только вместе со своим новым другом сменил положение и улегся как можно удобней.

Правда, на нас он посматривал с заметным беспокойством.

Отчаявшись воззвать к временно отсутствующей совести своего близнеца, Рин приступил к планомерному процессу его пробуждения: щекотал, тряс, произносил вслух устрашающие всякого сновидца слова — в общем, проделывал все те ужасающие вещи, за применение которых ранним утром (да и в любое другое время суток тоже), по-хорошему, надо бы давать внушительный срок. Если не приговаривать к немедленной смертной казни. Ну, а к пушистику он, понятное дело, отнесся с вышей степенью уважения!

— Ну-ну, потише, — миролюбиво увещевал невесть откуда взявшийся рядом с нами найт Антавир. До того момента он предпочитал ходить в одиночку и заниматься исключительно ему одному известными делами. Разумеется, профессору никто возражать не стал. Кому вообще могла бы прийти в голову такая несуразная идея? — Мальчик ведь сильно ослаб, столько времени здесь провел. Не каждый выдержит.

Когда до восстающего из царства забвения сознания Рэя дошло, что брат, шеф, друг и еще какой-то незнакомый, но, без сомнения, милый улыбчивый старичок вторглись в его беззаботное сновидение не просто так, а с вполне очевидной целью нарушить его уже порядком затянувшийся покой, он наконец сел, потряс головой, поморгал своими фиолетовыми глазами и уставился на нас со смесью надежды и недоверия.

— Ребята, вы... тут? Но...

— Это правда мы, братец, — успокаивающе сказал ему Рин. — Пошли отсюда. Все скоро закончится. Осталось самое главное.

Мы с Рифардом молча переглянулись, но так ничего и не объяснили. А большой фиолетовый кот боязливо вжался в грудь своего подопечного.

— Ты чего это, малыш? — удивленно проговорил сиреневоглазый близнец. — И тебя мы тоже вытащим. Все будет хорошо!

— Смотрите-ка! — с понятной только мне интонацией проговорил найт Хайт. — Кажется, они друг другу очень понравились. Любопытно.

Но тот только жалобно мяукал, поджимал уши и заметно дрожал.

— Вы же не... собираетесь убить кота? — вдруг спросил Рэй подозрительно, закрывая собой испуганное животное.

— С тобой все в порядке? — обеспокоенно покосился на него Рин. — Ну, сам подумай, с чего бы нам трогать такую очаровательную зверюшку?

Но Рэй с тревогой смотрел прямо на нас с Рифардом.

— Шеф? Альв? Вы же не?..

Но, когда я сел рядом и молча протянул к животному руку, мой друг замолчал, прервав себя на полуслове, помрачнел и упрямо прижал к себе своего нового любимца еще сильнее. Я коснулся мягкой фиолетовой шерсти и почувствовал, как под ней напряглись мышцы.

— Мяу! — жалостно завыл кот.

И тут я заговорил — впервые за все это время.

— Не бойся. Мы тебя не тронем, — я ласково гладил его и открыто улыбался. — Ты ни в чем не виноват. Ты же не делал ничего специально, правда же? Ты всего лишь не смог контролировать свои силы. А кто бы на твоём месте смог? Не бойся нас. Ты хороший кот. Хороший артефакт.

— Мяу? — испуганно спросил меня крохотный преобразованный кусочек сверхмассивной черной дыры, а я в ответ почесал ему шейку.

— Вот именно, — усмехнулся я. — Ты совершенно прав. А теперь пойдёте отсюда. Вместе мы найдём другой способ все исправить. Я обещаю.

К затеянному мной разговору присоединился Антавир. И от его аккуратных прикосновений мнимый кот расслаблялся все больше.

— Ты ведь и сам знаешь, как все исправить, правда? — ласково говорил профессор. — Но только боишься. Думаешь, что всего случившегося уже не исправить. Так вот, все получится. Ты только попробуй, малыш. А мы поможем. Мы все в тебя верим. Видишь, мы уже все заранее тебя любим? Правильную материальную форму ты себе выбрал, дружище, стратегически выгодную для быстрого растапливания человеческих сердец, — усмехнулся он. — Тебе никто не причинит вреда. А если и попробует, то я сам всех растерзаю. Даю тебе слово Антавира Элринга.

— Послушай дядюшку профессора, — весело добавил Рифард. — Он плохого не посоветует. Я это уже проходил.

Разумный кот мурлыкал и ласкался. И я всем доступным мне волшебством ощущал, как от него исходит мистическое, совсем не горячее, но практически невозможное тепло.

А в следующую секунду нас ослепил очень яркий, слишком резкий и всеобъемлющий свет. Всех нас будто бы подхватил водоворот давно забытых событий, пропавших воспоминаний и далеких, чьих-то чужих мимолетных мыслей. Сначала мы утопали в нем, как в бездонной пучине, заполненных бушующей смесью всех возможных энергий, и тогда мы не могли не только хотя бы что-то чувствовать, но и верить в собственное существование.

Все появилось и исчезло настолько быстро, что мы не успели как следует испугаться.

Очнулись мы в старом Нортале, и два солнца, желтый Клавар и красная Невесвайде, задорно светили прямо нам в глаза. А легкий, игривый, как будто живой, ветер ласково и благодарно ерошил нам волосы.

Не сговариваясь и никого не предупреждая, мы с найтом Рифардом обеспокоенно переглянулись, тут же, забыв про боль и усталость, вскочили на ноги и не медля перенеслись почти на тридцать тысяч лет назад — потому что оба в тот момент могли думать только об одном.

От увиденной пугающей сцены у нас на мгновение потемнело в глазах. Не только потратившая огромное количество магических сил, но и, возможно, испытывавшая нечто гораздо более страшное, чем усталость, Сай лежала в белоснежном, только что выпавшем снегу — к нашему ужасу, без чувств. Опомившись от потрясения, мы с Рифардом сразу же бросились в ней.

— В обмороке. Но жива, — с невероятным облегчением выдохнул он.

— В той реальности, которую помню я, ты принял решение уничтожить Артефакт, — чуть позже рассказывал мне Рифард. — И пошло все, мягко говоря, не так, как мы надеялись.

Пожалуй, теперь, когда мы были абсолютно уверены, что имеем дело с безусловно живой, отдельной личностью, следовало именовать его исключительно так — с большой буквы. К тому же, существо столь большой силы определенно заслуживает уважения.

— Неужели я был таким извергом, что смог убить кота? — искренне ужаснулся я.

— Видимо. Я, если ты уже забыл, при этом не присутствовал. Я стоял рядом с одним из разрывов, — съехидничал шеф.

— Кошмар, — заключил я, предприняв повторную попытку представить себя в роли серийного убийцы. Но вздрогнул и быстро откинул эту дурацкую идею, потому что пришедший в голову образ чувствительного меня вдохновил еще меньше, чем в первый раз: теперь там фигурировало животное.

Мы вдвоем сидели за столом его кабинета, а Сай, вымотанная продолжительным колдовством рядом с открытой брешью и мощным энергетическим ударом решившегося Артефакта, спала на всеобщем любимом диване, очаровательно укутавшись в одеяло. Уж ей-то мы уступили безоговорочно.

Влюбленная парочка небесных светил, как за руки держа друг друга за пестрые лучики, заходила за горизонт, украшая местные небеса будто бы срисованным с картины гениального художника красным закатом.

— Возможно, тогда у тебя не было выбора. То ли тебя не навестил наш общий знакомый Мирианделл, то ли ты не стал его слушать, кто теперь разберет. Но дело было сделано — и результат оказался...

Я устало покачал головой, даже не пытаясь представить такой исход. Потому что он был не просто самым плохим из всех возможных — одна лишь вероятность его осуществления и то разрывала меня на части. Всего лишь единственная мысль заставляла меня содрогаться от ужаса и невозможной всепоглощающей тоски.

Тогда, в созданной мной Предреальности, шеф говорил:

— В прошлый раз мы не смогли вытащить из-за бреши достаточное количество магической энергии. И сотни лет спустя, победив тысячи прорвавшихся в наш Мир озлобленных духов из других измерений ценой собственной жизни, мы были стерты из истории. Мы не просто умерли — мы были забыты. Но за несколько минут до смерти ты смог перенести меня в будущее, и в тот момент ты сказал мне одно: «Найди нас всех. Мы можем все исправить. В другой жизни».

— Артефакт был убит, и Сай умерла вместе с ним, — продолжал он. — Таким оказалось условие уничтожения крохотного кусочка черной дыры, которое не смогли предсказать даже Древние драконы. Отважившийся на героический поступок Древний маг выполняет свою миссию, но погибает и сам. Ты приложил все возможные, а порой и невозможные усилия, но так и не смог это исправить. Потому что со смертью Артефакта брешь была закрыта полностью и навсегда. И даже время не властвовало здесь.

Казалось, прошли столетия, прежде чем я снова заговорил.

Я пообещал спасти Мир и не мог оставить все как есть. Нас всех подвели честность и ответственность — пожалуй, лучшие качества всего человечества. Но сейчас, в этот раз, по какой-то необъяснимой прихоти судьбы я все знаю заранее — и могу выбирать.

— Я этого не допущу.

Когда всплывающие перед глазами эпизоды подходящего к концу долгого дня все же растворились, вежливо уступая место чему-то намного более радостному и легкому, я ласково погладил любимую по темно-рыжим волосам, а она улыбнулась и что-то неразборчиво, но очень мило промурлыкала.

Теперь Сайонарис больше не будет забывать саму себя: она не использовала свою силу, чтобы уничтожить Артефакт — и слава Духам, — но нечаянно прикоснулась к его энергии. А именно это было вторым условием драконов, которое, казалось бы, ни в коем случае нельзя было допускать.

— Знаешь, Альвер, — задумчиво произнес наблюдавший эту картину Рифард. — По сути ведь, Сай никогда не была моей младшей сестрой. Ее никогда не звали Мелори — именем, к которому я привык. И все равно она навсегда останется одной из двух моих любимых маленьких сестреночек, которых еще в далеком-далеком детстве я самому себе поклялся оберегать. И совершенно неважно, что она всегда была меня старше и в разы сильнее. Совершенно неважно.

Шеф еще никогда не был так честен со мной. Однако я знал, что благодарить его за откровенность и доверие вовсе не нужно: он и сам давненько мечтал высказаться и разделить с кем-то тяжелейший груз ответственности. Но не мог, ведь понимал, к чему это может привести. Со временем шутки плохи. Даже архимаг не имел права меня уговаривать, убеждать или же заставлять силой. До определенного момента он не мог даже рассказать. Это должен был быть мой выбор — всегда был мой.

— Ну, уже сейчас она вас значительно младше, — заметил я.

— А ведь и правда, — удивленно хмыкнул Рифард.

— У Сай никогда не было настоящих братьев. И вот теперь — целых двое. Удивительно, правда? — я рассмеялся, представляя, какой комедией этот необычный факт может обернуться в будущем.

— Она меня ведь даже не узнает. Я очень сильно изменился с тех пор... думаю, ты и сам обратил на это внимание, Альвер, — самокритично расхохотался шеф. — Хотя, пожалуй, поменялось все, кроме одного: фантазией я как не блистал раньше, так не блещу и теперь. Я стал прикрываться уже давно придуманным запасным именем, другие просто-напросто не желали лезть мне в голову; использовал дорогое мне название Ковена в качестве другого названия, на этот раз мнимого исследовательского исторического института, созданного с одной лишь целью — собрать всех вас вместе. Но знаешь, что сейчас самое забавное? По идее, ты должен был меня забыть. И не один ты. Сразу же. Раз уж ты не уничтожил Артефакт, я был обречен раствориться, исчезнуть как пережиток отмененного прошлого — и все-таки этого не произошло. Я некоторое время обдумывал это любопытное стечение обстоятельств и пришел к выводу, что существую исключительно из-за нечаянно созданного тобой парадокса. Жизнь все-таки прекрасная и удивительная штука, кто бы что по этому поводу ни говорил! Даже я сам семьсот с лишним лет назад.

— С другой стороны, может быть, это и не парадокс. Без вас, вашего воспитания и вашей помощи мы никогда не стали бы такими, какие мы сейчас. Вы уже сами сказали, что собрали нас всех — и без вас мы просто могли не встретиться, даже мы с Крисом имели все шансы разойтись в разные стороны после Университета и встречаться только раз в пять лет, и то исключительно ради соблюдения формальности, как часто и бывает с одноклассниками. А еще... я просто очень не хотел, чтобы вы исчезали, — искренне

признался я. — А это просто обязано было сыграть свою роль. С кем же еще я буду воевать из-за пирожных и дивана? Кажется, обозленные пришельцы из потустороннего Мира все-таки отменяются. И хорошо. Не очень-то и хотелось!

— Оооо, у тебя на это драконоугодное дельце есть вся наша распрекрасная коллегия, — усмехнулся польщенный и непередаваемо довольный Рифард.

И радостно, широко улыбнулся. Нас всех, своих бывших коллег и нынешних учеников, он любил больше всех на свете, и это, какими бы шутками шеф не пытался прикрыть свои чувства, было видно невооруженным глазом. И больше всех других людей именно он заслуживал знать, что это взаимно.

— Ты чувствуешь это? — несколько минут молчания спустя восторженно спросил меня найт.

Да. Я чувствовал. После окончания затянувшегося рабочего дня я сидел в кабинете своего начальника и по совместительству хорошего друга, пил не внезапно появившийся в моем времени, а никогда из него и не исчезающий мирлид и с наслаждением вдыхал свежий вечерний воздух, до отказа заполненный опьяняющим, сбивающим с ног волшебством.

— А помнишь ли ты, Альвер, что еще в самом начале этой истории я тебе кое-что обещал? — с самодовольной ухмылкой спросил меня Крис.

Я взглянул на него с некоторой опаской. От этого, на первый взгляд, миловидного парня уж точно можно ожидать всего, что душе угодно. Знаем. Плавали.

— Морозноягодный пирог! — торжествующе провозгласил мой замечательный друг и взгромоздил передо мной великаньих размеров тарелку с красующимся на не ней шедевром кулинарного искусства. Еще и веселенького голубого оттенка.

— Ты все-таки собрался меня отравить, — сокрушенно констатировал я. — Что ж. Что бы это на самом деле ни было, я готов принять свою судьбу с достоинством.

И, разумеется, немедленно потянул руки к аппетитно пахнущему лакомству. От сладкого я теперь стал отказываться еще реже, чем раньше: одна рыжая и прелестная вредина умудрилась меня знатно к нему пристрастить. В общем, сама оказалась виноватой в том, что ей теперь вечно приходилось считаться с моим прожорливым существованием.

— Но-но-но! — шутливо погрозил мне Крестон и рассмеялся. — Я, конечно, не сомневаюсь в твоих выдающихся способностях проглотить, но отменять из-за этого свои далеко идущие планы отравить не только тебя, но и всех остальных я уж точно не собираюсь.

Хорошие вести разносятся быстро. Прослышав о появлении халявного угощения, в гостиной коллегии как-то внезапно материализовались все остальные заинтересованные представители общественности. Всего через несколько минут семь голодных существ, в лице целых шести людей и одного умильного вида кота, разом приступили к долгожданной трапезе.

Нат Эрнис ликовала, наконец-то осознав, что ее измеряющий присутствие ауры приборчик, невесть зачем сдавшийся способной к самостоятельным прогулкам по Подпространству ведьме, не барахлил, а регистрировал все сменяющиеся ауры нашего Оборотня. Потом она, правда, поведала, зачем проделывала эту сложную и, казалось бы, бессмысленную работу: кто же, в конце концов, виноват, что в Университете все предметы без исключения ведут странные преподаватели, просто обожающие задавать студентам не менее странные экзаменационные задания?

Снова воссоединившиеся и по этому поводу исключительно счастливые братья-

близнецы Рэй и Рин самозабвенно играли в карты, одновременно в четыре руки тиская пушистого фиолетового кота по кличке Артиф, успевшего всего за несколько дней снискать славу всеобщего любимца. Его кличкой, как было легко догадаться, стал слегка измененный вариант названия его, так сказать, биологического вида, хоть и известного одним только своим представителем. То ли он сел на жесткую диету, то ли за долгие годы жизни в теле кота кардинально изменил свои вкусовые предпочтения — в любом случае, бесследного исчезновения материи или энергии, будь это хоть чей-нибудь полосатый шарфик, в последнее время мы не замечали.

А Сай, временным похитителем которой стал бессовестный страж ее фамильного замка, сидела рядом со мной. Ровным счетом до того момента, пока по любезному и настойчивому приглашению не присоединилась к увлекательной игре братьев Кальвентов. Я не особо возмущался по этому поводу: был абсолютно уверен, что все равно или поздно ее отобью, да и к тому же рыжеволосое трио смотрелось на удивление гармонично и одним своим присутствием радовало глаз любого продвинутого ценителя прекрасного.

— А если честно, из чего ты приготовил пирог? — все-таки поинтересовался я, когда уже две трети упомянутой вкуснятины покоились в наших желудках.

— Я же сказал. Из морозных ягод, — как ни в чем не бывало, повторил наш общий друг, ехидно сверкая глазами.

— Нет, серьезно? Откуда ты их вообще взял? — поразился я. — Саааай?..

Ведьма невинно захлопала ресницами:

— Я всего лишь объяснила Крису, где именно в Древнем Мире они растут. И как их правильно собирать, не рискуя превратиться в ледышку. А перемещался туда по твоему следу он уже сам, вдохновленный своей гениальной идеей.

— А потом, к моему великому восторгу, оказалось, что их и вправду можно приготовить! Спасибо тебе, мелкая, — дружелюбно отвечивал Кристон, почему-то предпочитающий называть мою девушку именно так.

— Ради тебя, блондинище, — в тон отозвалась она.

— Вот заговорщики, — рассмеялся я. — Как вас обоих приревную, что делать будете?

— Ну, лично я поглажу тебя по голове и поцелую, — обнадежила меня Сай и, не медля, выполнила свою угрозу.

— Кхм, — через минуту нескромного прилюдного поцелуя раздался относительно деликатный кашель шефа, наконец соизволившего украсить наш дурдом своим присутствием. — Я, конечно, понимаю, что вы взрослые люди и все остальное, но я, боюсь, еще морально не готов видеть, как моя маленькая сестра целуется с моим же подчиненным.

Сайонарис вскочила с места и бросилась своему брату на шею.

— Не переживай. Еще успеешь привыкнуть, — весело пообещала она и чмокнула Рифарда в щеку.

Пару дней назад состоялось эпохальное знакомство найта Рифарда Хайта и лорда Оринделла Арвейма. Налюбовавшись на донельзя изумленные глаза второго, первый усмехнулся и воодушевленно заявил:

— А мы ведь с вами немножко похожи, правда ведь? Или мне одному так кажется? Бывают же любопытные совпадения! — «удивленно» покачал он головой и вдруг добавил — очевидно, чтобы добить своего столь странного собеседника окончательно. — Меня, кстати, зовут Рифард Хайт. А вас?

После указанной гениальной фразы слушать дальше я уже не смог по одной простой

причине: истеричный хохот накрыл меня с головой.

Вовремя появившийся в гостиной шеф помог нам прикончить остатки еще давно в шутку обещанного пирога, а я твердо решил, что пришла моя очередь тискать наше новое коллегиальное домашнее животное.

— Мурр, — полностью согласился объект моих любвеобильных недвусмысленный намерений и дружелюбно лизнул меня в щеку.

У всех нормальных людей питомцы как питомцы: кошки, собаки, хомячки, пушистые лисанхвосты, в конце концов, а у нас — одушевленный крохотный кусочек сверхмассивной черной дыры.

Все было настолько хорошо, что я этого, честно говоря, даже не осознавал. В Море, изнанкой которого оставалась нетронутая Предреальность, царствовала вернувшаяся в него магическая энергия, а колдуны, не заметно для себя самих, становились все сильнее, начиная свято верить в легенды некогда забытых времен — забытых по какой-то непонятной, глупой причине.

Нам был дан сложный выбор, и мы предпочли Неизвестность — далекую, опасную, будоражившую воображение, восхитительную, легкомысленную Неизвестность. Кто знает, что теперь нас ждет впереди?

Уж точно не я — и это, драконы раздерите, оказалось самым прекрасным чувством во всей Вселенной.

Но уже сейчас мы с уверенностью могли сказать одно.

Тени прошлого бесследно рассеивались в небытие.

Найт Амерон тщательно поразмыслил и пришел к весьма логичному выводу, что быстрое, еле заметное движение среди придорожных деревьев ему всего лишь привиделось. Потряс головой. Несколько раз медленно, глубоко вдохнул прохладный зимний воздух.

Сонливость начала постепенно отступать. Ох уж эти вынужденные ночные бдения. А что поделать? Служба заставляет.

Но все же молодой человек, только недавно закончивший стажировку и (ура!) окончательно принятый на работу, сначала немного испугался, потом устыдился собственных трусливых мыслей и, наконец, посмеялся над самим собой.

— В замке все спят, — сказал он вслух, только чтобы услышать хоть чей-нибудь голос. И добродушно усмехнулся. — Ну... наверное, кроме найта Альвера. Он-то всегда по ночам страдает какой-нибудь...

Раздался почти незаметный шорох. В темноте, среди листьев, мелькнули хорошо узнаваемые рыжие волосы.

— Спалилась, да? — совершенно спокойно, даже с ноткой плохо объяснимого веселья заметила леди Мелори.

— Миледи? — недоуменно спросил Амерон. — Что вы здесь делаете? Да еще и в такой час...

— Пожалуйста. Отойди, — с надеждой попросила младшая дочь лордов Арвеймов. — Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Магом Амерон был хоть и не очень умелым, но довольно сильным, поэтому он решительно не понимал, как леди Мелори, про способности которой, при всем уважении, было известно всем, могла причинить ему вред.

— Простите, миледи, но я должен проводить вас в замок, — сказал он то, что предписывалось не только должностными инструкциями, но и обыкновенными человеческими совестью и ответственностью.

— Извини. Другие планы, — неожиданно заявила девушка.

Как только юный маг уговорил себя переступить через собственную учтивость и увести леди домой против ее воли (ей же, в конце концов, будет лучше!), случилось кое-что непредвиденное. Какую-то долю секунды спустя он лежал на голой, холодной земле без сознания.

— Прости, — Сай положила руку ему на лоб. — И зачем тебе нужно было стоять именно на этой дороге?..

Старательный молодой охранник, и ведь очень приятный парень, очнется через полчаса без единой ссадины и не сможет вспомнить произошедшую с ним не самую приятную сцену.

И к лучшему. Не стоит ему знать, что именно он упустил дочь лордов и позволил ей сбежать. А другого выбора у него и не было.

Темная ведьма Сайонарис уходила, никому не сказав ни слова.

И дело было не в том, что она категорически не хотела возвращаться в Древний Мир. Это было и без того очевидно: никто в здравом уме не согласился бы променять долгожданную свободу на осточертевшую золотую клетку — по крайней мере, не она.

И даже не в том, что столь серьезные чувства и привязанности ее пугали. В это она боялась признаться и себе самой.

Просто интуицию могущественного мага нельзя игнорировать. А игнорировать интуицию Древнего Мага — самоубийственная глупость.

Что-то надвигается. И если она останется здесь, то принесет одни беды. Поэтому, именно поэтому она немедля должна оказаться в другом месте. Гостья из невообразимо далекого прошлого, наконец-то вернувшая все свои былые силы, чувствовала грядущее особенно сильно.

Быть может, в другом месте она не сделает этого.

«Прости меня, Альвер. Надеюсь, мы еще встретимся.»

Больше книг на сайте - Knigolub.net